

Кристи Голден

ВАМПИР ТУМАНОВ

2010

Кристи Голден. Вампир туманов. Рассказы и роман. Перевод с английского И.Емельяновой

Оглавление

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ. Рассказ	6
ТИХОЕ МЕСТО. Рассказ	30
КРОВАВЫЙ СПОРТ. Рассказ	44
ВАМПИР ТУМАНОВ. Роман	62
Пролог	63
Глава первая	66
Глава вторая	76
Глава третья	87
Глава четвертая	96
Глава пятая	105
Глава шестая	118
Глава седьмая	130
Глава восьмая	140
Глава девятая	151

Глава десятая	164
Глава одиннадцатая	176
Глава двенадцатая	188
Глава тринадцатая	198
Глава четырнадцатая	209
Глава пятнадцатая	218
Глава шестнадцатая	228
Глава семнадцатая	238
Глава восемнадцатая	252
Глава девятнадцатая	264
Глава двадцатая	273
Глава двадцать первая	282
Глава двадцать вторая	290
Глава двадцать третья	300
Глава двадцать четвертая	310
Глава двадцать пятая	319
Глава двадцать шестая	331
Глава двадцать седьмая	339
Глава двадцать восьмая	347
Эпилог	352

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Первый Лейтенант Ринн Ориандис верхом на своей белой лошади несла стражу у главных ворот Туманной Долины. Как обычно, этим вечером ворота были весело распахнуты. Каменную стену, окружавшую примерно двадцать зданий, при желании можно было бы разрушить, но сонная Туманная Долина вряд ли стоила таких усилий. Во всем городе была всего одна крупная улица.

Стояла середина марпенота. Ветер, развевавший индиговые волосы Ринн, был уже по-зимнему холоден. Ветер охлаждал щеки девушки-лунного эльфа, но ей было достаточно тепло в черном кожаном доспехе и плаще. А вот лошадь дрожала от холода. У Лунной Леди не было теплой одежды, а поскольку Ринн несла стражу у ворот, старая кобыла даже на скаку согреться не могла. Ринн виновато нашептывала утешающие бессмысленные звуки на ухо животному, которое было ей другом последние пятнадцать лет, потом погладила белую шею лошади. Лунная Леди тихонько заржала, обернувшись, чтобы посмотреть на всадницу. Ее глаза поблескивали в лунном свете, и Ринн казалось, что смотрят они с печальным юмором.

— Не смотри на меня так, — ответила эльфийка дразнящим голосом. — Мне здесь тоже не нравится.

Лунная Леди недоверчиво фыркнула. Ринн засмеялась, потом помрачнела, когда кобыла, утомленная даже этим небольшим усилием, опустила голову почти к самой земле. Почему лошади стареют так быстро — по сравнению с эльфами?

Уже несколько десятилетий Ринн была одной из почетных Наездников Туманной Долины. Эти опытные солдаты были крепко связаны со своими белыми лошадьми: каждый Наездник выращивал лошадь от жеребенка, и больше никому не позволялось ездить на ней, если только не было срочной необходимости. Когда животное становилось слишком старым для дальнейшей службы, оно получало от своего хозяина последний горько-сладкий дар. Завтра или на следующей неделе — в любом случае, слишком скоро для Ринн — настанет время оборвать жизнь кобылы, убить милосердно и избавить животное от страданий старости. А потом будет новый жеребенок, белый как молоко, и его надо будет учить, любить и в конце концов убить. Ринн, как Наездница, сменила уже немало лошадей. Но это не делало последний ритуал легче.

Внезапно Лунная Леди сильно вздрогнула и затанцевала на месте.

— Ну, девочка. Успокойся, — прошептала Ринн, ласково погладив кобылу. Лунная Леди все еще дрожала, и Ринн огляделась, чтобы выяснить, почему испугалось животное.

Она увидела знакомое лицо.

— Извини, Ринн, — прозвучал медово-сладкий мягкий голос. — Я не хотел пугать Лунную Леди.

— Не беспокойся, Джандер. Она стареет, и ее легко напугать. А у тебя здорово получается подкрадываться незаметно. — Последняя фраза была полна насмешливого обвинения, но Ринн произнесла ее с теплой улыбкой — она не могла сердиться на Джандера Солнечную Звезду.

Золотой эльф был высок для Народа, с бронзовой кожей и пшенично-золотыми волосами до плеч. На нем был плащ, небрежно застегнутый у горла. Плащ развевался на ледяном ветру и явно не грел в холодную ночь. Его лицо было белым овалом в лунном свете, но Ринн видела его нежную улыбку. Он, казалось, обрадовался встрече с нею более обычного.

— А я думал, ты непременно будешь сегодня на состязаниях бардов, — сказал Джандер.

Ринн пожалла плечами, скрипнув кожаными доспехами.

— Я тоже, — призналась она. — Но вот эта, — добавила она, похлопывая по плечу Лунную Леди, — пару дней назад споткнулась и не годится ни на что, кроме дежурства у ворот. Кроме того, последние пять лет в этот день ворота сторожил Капитан Теорн, чтобы я могла послушать музыку. Пора кому-нибудь его сменить.

Джандер огляделся, и его улыбка стала лукавой.

— О, да, — насмешливо согласился он, оглядывая мирные маленькие домики и фермы, окружавшие Туманную Долину. — В такой криминальной обстановке просто необходимо защищать невинных.

Но Ринн было не смешно.

— Обычно эта стража — просто ритуал, но в этом году...

Ее голос стал суровым, и она бессознательно выпрямилась в седле.

— Ты воин по профессии, Джандер, так что, я думаю, тебе можно рассказать. Сегодня днем мы нашли трупы — двое фермеров и их дитя, почти совсем младенец. С вырванными глотками.

В лунном свете нелегко было разглядеть выражение лица Джандера. Он быстро отвернулся.

— Зарезаны?

— Нет, скорее загрызены.

— Может быть, волк?

Ринн нахмурилась и резко сказала:

— Ты же эльф. Ты должен понимать такие вещи. Волки вообще-то робкие создания, они охотятся только для того, чтобы есть или защищать

своих детенышей. Они даже не нападают на скотину, если только зима не слишком тяжелая. А сейчас еще не зима, да и девочку эту убили не ради пропитания.

Джандер ласково положил ей руку на запястье.

— Должно быть, это было ужасно обнаружить. Извини.

Ринн медленно покачала головой.

— Мы здесь обычно имеем дело с пьяными скандалистами, заблудившимися детьми и потерявшимися овцами, а не с убийцами, Джандер. Я просто не привыкла к этому, вот и все.

Мгновение длилось неловкое молчание, потом Джандер откашлялся и сказал:

— Чтобы немного переменить тему: я рад, что наткнулся на тебя. Мы... Мы больше не увидимся. Я уйду из Туманной Долины.

Прекрасное лицо Ринн помрачнело.

— О, Джандер, почему? — Ее глаза вспыхнули внезапной надеждой. — Ты возвращаешься в Эвермит?

До того, как Ринн познакомилась с Джандером, она не раз слышала об Эвермите — земле чудесных лесов, королевстве волшебства, истинном, райском доме всех эльфов. Она находилась далеко на западе, на уединенном острове, на который пускали только тех, кто принадлежал к Народу. Злым темным эльфам — известным как дроу — и эльфам смешанной крови не позволялось ступить на эти благословенные берега. Когда Ринн узнала, что ее друг там родился, она начала относиться к нему слегка с благоговением. Джандер признался, что по некоторой причине не может вернуться на этот остров. Теперь она надеялась, что, какова бы ни была эта причина, ее больше нет.

Но, видимо, это было не так. Джандер печально покачал головой.

— Нет, не туда. Я хотел бы выпить с тобой на прощание, Первый Лейтенант Ринн Ориандис. Но придется удовольствоваться прощанием здесь. — Его рука крепко сжала ее запястье. — Благодарю тебя за дружбу. Я никогда тебя не забуду. Сладкой воды и легкого смеха.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и направился к гостинице «Черный Кабан». Его плащ бился на ветру. Ринн открыла было рот, чтобы окликнуть его, но передумала. Джандер явно был расстроен расставанием, а она не хотела еще расстраивать его, продлевая прощание. Ей самой было грустно услышать об его отъезде. Она будет скучать по золотому эльфу с его чудесными историями, нежным юмором и светлой улыбкой. Ринн вздохнула, поудобнее устроилась в седле и вернулась к дежурству.

Медленно тянулось время. Через ворота с приветствиями прошло немало жителей долины. Ринн останавливала тех, кого не узнавала, обыскивала их и вежливо отбирала все оружие. Никто не возражал: все знали, что, когда они будут уходить из городка, оружие им вернут.

Примерно через час после встречи с Джандером к Ринн подошел человек в черных кожаных доспехах. Лунная Леди опять вздрогнула, нервно переступая, и Ринн опять ласково успокоила кобылу.

— Ну, ну, девочка, — негромко сказала она, оборачиваясь к приближающемуся человеку.

— Лейтенант Ринн, я освобождаю вас от дежурства. С этого момента я приказываю вам развлекаться на состязании бардов.

Капитан Теорн уперся своими крупными руками в бедра и улыбнулся ей. Его зубы блеснули в неярком свете.

— Но, Теорн... почему? И где твоя лошадь?

Его улыбка исчезла.

— То ли хромота Лунной Леди заразна, то ли пора чинить мостовые. Снежная Королева растянула ногу.

Ринн открыла рот, чтобы высказать дальнейшие опасения, но Теорн ободряюще добавил:

— Утром с ней все будет в порядке. Я решил, что стражу у ворот я могу нести и пешком. А теперь иди в «Черный Кабан».

Изящные синие брови Ринн озадаченно нахмурились.

— Теорн, мы же обо всем договорились три дня назад.

— Ты хочешь сказать, что не хочешь идти?

— Конечно, хочу, но долг платежом красен, и...

— Это приказ, Лейтенант. — Громкий голос Теорна, обычно такой веселый, внезапно стал холодным.

Ринн взмахнула рукой в салюте.

— Да, Капитан, — ответила она таким же холодным тоном. Слова Теорна задели ее, но она послушалась. Ринн «Законопослушная» была очень послушным солдатом.

* * * * *

Джандер сидел у стойки бара, перед ним стояла нетронутая кружка с элем. Он вспомнил об ужасном открытии Ринн. Волки, предположил он. Эльф с отвращением фыркнул про себя. Ах, если бы он был таким же чистым и простым, как волк. Обернувшись к полной народу комнате, он печальными серебряными глазами оглядывал веселую сцену.

»Черный Кабан« был освещен достаточно неярко, чтобы там было уютно, но и достаточно ярко, чтобы там не было страшно. Дымные мас-

ляные лампы свисали с потолочных балок, а в большом камине весело пылал огонь. Перед камином была устроена сцена. Как раз в этот момент там выступал худенький лесной эльф. Стройные пальцы музыканта порхали, выстукивая маленькой деревянной ложечкой мелодию на металлических струнах цимбал.

С камина на музыканта смотрел черный кот. Его звали Индиго, потому что шерсть у него была иссиня-черной; он был талисманом таверны. Он, как всегда, сердито зашипел на Джандера, когда золотой эльф вошел; Джандер потянулся к его разуму и успокоил животное ментальным прикосновением.

Сияющие посетители, сидящие за десятью столами и за стойкой бара, внимательно слушали и щедро хлопали, когда бард закончил выступление и поклонился. Настало время перерыва, и лесной эльф с еще несколькими музыкантами воспользовались случаем, чтобы промочить глотки, пока состязание не возобновилось. Джандер продолжал оглядывать толпу.

Немногие из посетителей могли представлять угрозу. Была парочка возможных скандалистов, но из оружия у них были только кухонные ножи. В основном толпа состояла из местных фермеров и музыкантов. Джандер пригляделся к старику, сидящему справа от него за стойкой. Слишком хрупок, чтобы быть воином. Но этот старик держался со спокойной уверенностью. Возможно, он волшебник, решил эльф.

— Дядюшка Погг! — раздался пронзительный детский голос, и в гостиницу влетел мальчик. К нему повернулись несколько голов, и люди с любопытством посмотрели на мальчишку.

— Тревис! — воскликнул приземистый бармен, озадаченно нахмурившись. — Что, во имя... иди сюда, малыш!

Задыхаясь, взлохмаченный мальчик бросился к своему дяде.

— Дядя, мы нашли лошадь Наездника, и папа сказал, чтобы я бежал и сказал тебе. Он думает, что ее надо вернуть хозяину, и...

— Да, да. Утром. Разве твой отец забыл, что сегодня состязание?

Погг тяжело вздохнул и закатил глаза.

— Нет, Шома о таких вещах никогда не помнит.

— Но Наездник...

— Утром, Тревис. Сейчас уже стемнело, а я очень, очень занят.

Старик, сидевший рядом с Джандером, с любопытством наблюдал эту сцену. Теперь он вмешался.

— Твой дядя прав, Тревис. Посмотри-ка сюда.

Он взмахнул тонкими мягкими пальцами правой руки, и над головой

у мальчика появились три сияющих шара. Тревис вздохнул и нерешительно потянулся к шарам.

— Можешь их осторожно подбрасывать, и они будут парить, как снежинки, — сказал, улыбаясь, волшебник. Завороженный чудесными волшебными шарами, Тревис послушно отправился в свободный угол, подбрасывая шары.

— Ах, быть таким юным, так легко забывать о сложностях, — вздохнул Джандер. Волшебник повернулся к нему, и золотой эльф внимательно посмотрел в бледно-голубые глаза старика. — Как тебя зовут, добрый волшебник?

Старик мигнул, пытаясь отвести взгляд.

— Пакар, — произнес он наконец, поддавшись немому мысленному приказу эльфа.

Джандер беззвучно проверил силы старика. Весьма могущественный волшебник, заметил он, но не настолько силен, чтобы сопротивляться мне. Вслух эльф сказал:

— А я Джандер Солнечная Звезда. Если когда-нибудь мне понадобится твое искусство, ученый Пакар, я надеюсь, я смогу попросить тебя о помощи.

Пакар, зачарованный, смотрел эльфу в глаза.

— Конечно.

Золотой эльф улыбнулся.

— Алуиз, еще одну кружку для моего друга, — приказал он официантке, которая подошла к стойке — наполнить несколько кружек. Девушка не была красавицей, но у нее была округлая фигура и озорные, смеющиеся глаза. Курносый нос довершал впечатление. Она дружески подмигнула Джандеру, который положил на стойку деньги и опять обернулся к сцене.

На выступающего стоило обратить внимание. Его голос был приятным и чистым, а искусно сделанная арфа говорила, что это опытный менестрель. Джандер решил, что певец издалика. Ярко-желтая туника, сочетавшаяся с бледно-золотыми волосами, и розовый оттенок его штанов ясно говорили, что этот молодой человек не местный. В Туманной Долине одевались в более темные тона, особенно в это время года.

Джандер прищурился. У певца что-то висело на шее на кожаном шнурке. Подвеску прикрывала туника, но верхние пуговицы были растегнуты. Бард потянулся к низким струнам арфы и слегка наклонился вперед, и то, что висело на кожаном шнурке, выскользнуло наружу. Джандер видел эту вещь всего мгновение, пока она не исчезла в склад-

ках одежды певца, но этого было достаточно.

Деревянный диск, покрашенный в розовый цвет. Никакие узоры не исказили его простой красоты. Джандер хорошо знал, что это за символ. Это объясняло и одежду певца, желтый и розовый оттенки...

В сердце Джандера поднялась болезненная, ироническая радость. Этот бард был священником Латандера, Повелителя Зари, бога, которому некогда поклонялся Джандер. Ему отчаянно захотелось, чтобы молодой священник отправился этим вечером куда-нибудь в другое место. Его присутствие в гостинице определенно вызовет сложности.

— Наконец-то мне удалось незаметно подобраться к тебе, — прозвучал озорной голос Ринн. Джандер резко обернулся и увидел, что она садится на свободное место слева от него. Все еще в черных кожаных доспехах, с мечом, она странно выглядела в таверне. В ответ на очевидное изумление золотого эльфа она весело рассмеялась.

— Ринн! Что ты здесь делаешь? Ты же сегодня ворота охраняешь!

— Замечательный способ приветствовать друга, — ответила она, явно задетая. — Я думала, ты будешь...

— Тебе нельзя здесь оставаться.

Ринн сложила руки на груди.

— Будь я проклята, если буду выполнять приказы гражданских лиц! Это общественное место, и единственный, кто может выставить меня отсюда — это Погг. Кроме того, ты должен мне выпивку, помнишь?

— Вы хотите, чтобы он выполнил обещание, Лейтенант? — спросила Алуиз, всегда готовая подхватить подобный намек.

— Да, Алуиз, налей мне стакан вина, — решила Наездница, потом добавила: — Так хорошо посидеть со стаканчиком вина, правда ведь?

— О, да. А вы что будете пить, господин Джандер?

— Ничего, спасибо, — ответил золотой эльф. Алуиз кивнула и, вооруженная полными кружками, отправилась вручать их по назначению.

Ринн нахмурилась, и у Джандера екнуло сердце. Неужели она подзревает?

— Замечательно. Ты никогда не пил со мной, правда? Что-то происходит, — медленно сказала она, и ее индиговые глаза внимательно взгляделись в лицо Джандера. — Когда я на страже, тебе не хочется расставаться со мной, но, когда Теорн освобождает меня от службы, и я появляюсь здесь, ты не хочешь меня видеть. Что происходит, Джандер? Я не дура.

Ее необходимо было выставить из таверны, и как можно быстрее.

— Ринн, пожалуйста, поверь мне. Уходи отсюда немедленно.

— Один последний тост, и я уйду, — согласилась Ринн и лукаво улыбнулась. — Я его из тебя все-таки выбью.

— Извините, — негромко прозвучало у ее локтя. Ринн посмотрела вниз и увидела, что на нее смотрит Тревис. За его головой в воздухе парили сияющие шары.

— Мой дядя говорит, что Вы — Наездница.

Ринн кивнула.

— Мы нашли белую лошадь. Папа говорит, что это — лошадь Наездника. Может быть, вы сможете отвести ее к хозяину?

— Вы, должно быть, ошиблись, — ответила Ринн. — Все Наездники заметили бы, если бы одного из нас не хватало.

Мальчик выглядел обеспокоенным.

— Пожалуйста, мисс. Она чисто-белая, с черным кожаным седлом, и...

— Черное кожаное седло? Отведи меня к ней, — сказала Ринн, немедленно поднимаясь.

Когда она проходила мимо Джандера, золотой эльф шепнул ей на ухо:

— Пожалуйста, забирай мальчика и уходи!

Ринн обернулась, собираясь сердито ответить Джандеру, но Джандера уже не было. Совершенно разъяренная, она твердо взяла Тревиса за руку и принялась пробираться через толпу.

Она почти дошла до двери, когда дверь внезапно распахнулась. Индиго заорал, шерсть на нем встала дыбом, и кот нырнул в тень. Ринн инстинктивно оттолкнула Тревиса назад и потянулась к мечу. Тревису не нужно больше было приказывать — он, как зайчонок, бросился к стойке бара и дядюшке Поггу.

Чья-то рука сжала плечо Ринн холодным стальным пожатием.

— Веди себя тихо и молись, чтобы они тебя не заметили.

Ей не нужно было оглядываться на того, кто ее схватил, чтобы понять, что это Джандер. Он оттащил ее в темный угол зала.

Вошел молодой человек. Он был красив, с густыми медными волосами и высоким бледным лбом. Чувственные губы кривились в злобной усмешке. Покрой одежды на нем говорил о богатстве, хотя его рубашка и штаны видели лучшие дни и выглядели весьма старомодно.

За ним вошли две молодые женщины, блондинка и брюнетка, обе — люди. Они были так же красивы, как и он, и над ними, словно ядовитые духи, витала жестокость. Они вошли не так помпезно, как молодой человек, и целенаправленно направились к дальней стене комнаты. Не сводя глаз с притихшей, настороженной толпы, незнакомец сбросил плащ

и небрежно бросил его на один из деревянных колышков на вешалке. Плащ опустился на колышек, повис и несколько секунд раскачивался, как повешенный.

На элегантно льняной рубашке были пятна цвета ржавчины и несколько пятен, все еще алых от свежей крови. Наездница опять невольно потянулась к мечу, и золотой эльф опять не позволил ей это сделать, болезненно сдавив руку.

Раздались крики. Джандер услышал, как отлетают в стороны скамейки, и как с досадой кричат те, кто слишком поздно вспомнил, что вручил свое оружие Наездникам у входа в Туманную Долину. Эльф посмотрел на барда и волшебника.

Священник Латандера, на лице у которого смешались страх и решимость, опустил арфу и медленно поднимался на ноги. Пакар отбросил плащ и теперь собирался защищаться от одной из жестоко-прекрасных женщин.

Джандер прищурился и сосредоточился, чтобы послать магу мысленную команду. Если ему удастся захватить контроль над волшебником, не позволить ему атаковать, может быть, он сможет спасти ему жизнь. «Все в порядке, Пакар, — подумал Джандер, — сейчас тебе надо...»

Джандер отвлекся от мага, потому что Ринн попыталась вырваться из его объятий. Он отвлекся всего на секунду, но этого было достаточно. Не обратив внимания на несформулированный приказ золотого эльфа, Пакар вытянул руки вперед, соединив большие пальцы. Из кончиков пальцев вылетело пламя и обожгло нападавшую, наполнив гостиницу запахом горелой плоти. Светловолосая женщина взвыла от боли, но не замедлила шага. Нежные руки с нечеловечески острыми ногтями процарапали кровавые канавки на лице и горле Пакара. Волшебник закричал и упал на пол, повалив два стула.

Женщина закричала, и ее тело замерцало, стало почти прозрачным, а потом уплотнилось и стало подобием широкогрудого серого волка. Она прыгнула на все еще бьющееся тело мага и оборвала его крики своими острыми зубами. Под телом умирающего разлилась алая лужа, и волчица принялась жадно лакать, медленно размахивая хвостом.

Джандер уже совсем собрался обратить внимание темноволосой женщины на священника, когда заметил, что молодой бард опять занял свое место. Его правая рука осторожно прикоснулась к груди, чтобы удостовериться, что священный символ Латандера надежно спрятан. Трус, подумал было Джандер, но изменил свое мнение, увидев решимость в голубых глазах барда. Не трусость — мудрость. Священник выжидал,

дожидаясь более удачного момента.

Джандер позволил себе тонкую улыбку. Нельзя было ожидать меньшего от священника Латандера Повелителя Зари.

Пока одна из женщин справлялась с волшебником, ее подруга уже убила двух самых крупных мужчин в «Черном Кабане». Она принялась лизать кровь, бьющую из оторванной головы одного из них, и Джандер осознал, что в комнате воцарилась тишина. Шок и ужас моментально парализовали перепуганную толпу. Но это продолжалось недолго.

Один молодой человек впал в панику и бросился к двери. Юноша в запачканной кровью рубашке поймал его с неестественной легкостью и без труда разорвал молодому человеку горло. Тело со стуком упало на пол.

— О, ты ведь не хочешь еще уходить. — Пришелец улыбнулся. — Вечеринка только начинается.

В этот момент в дверях появился Теорн. Из толпы раздались крики облегчения, и Джандер почувствовал, что Ринн рванулась с внезапной надеждой. Золотой эльф быстро зажал ей рот рукой, чтобы не дать ей позвать своего союзника. Высокий капитан Наездников подошел к незнакомцу, который с интересом наблюдал за резней, и поклонился.

— Что дальше, мой господин Кассьяр?

— Ты чувствуешь их запах? — ответил молодой человек. Теорн сглотнул и нетерпеливо кивнул. — Сладкий, сладкий запах, — продолжал Кассьяр. Он вытянул руку и похлопал Теорна по заросшей бороде щеке — странно ласковым, но совершенно покровительственным жестом. — Улыбнись мне. Вот, хороший парень.

Губы капитана растянулись в жуткой ухмылке. Клыки Теорна удлинились почти втрое.

Раздались крики и плач отшатнувшейся толпы. Джандер почувствовал прилив жалости. Здесь собрались фермеры и музыканты, а не бродячие маги и воины-наемники. Он сам, Кассьяр, Эрит и Марис были здесь, как волки среди овец.

— Ты, должно быть, голоден, — продолжал Кассьяр. Теорн опять кивнул. — Хорошо, в качестве своего самого первого обеда среди нас можешь выбрать кого хочешь.

Тонкой бледной рукой он сделал широкий жест, и его карие глаза поблескивали жестоким смехом. Мертвый взгляд Теорна, горящий неестественным огнем, остановился на Ринн.

В небьющемся сердце Джандера поднялся страх.

— Нет, Кассьяр. Она моя.

Повелитель вампиров скорчил недовольную гримасу.

— Но Теорн хочет ее, а он мне очень помог.

— А я нет? Я с тобой уже больше ста лет. Я разведывал для тебя все города, находил наилучшее место и время для питания и заметал твои следы, когда резня заканчивалась. — Он секунду помолчал, не отпуская взгляда Кассьяра. — Я когда-нибудь раньше просил о конкретной жертве?

Кассьяр нахмурился еще больше.

— Нет, — признал он.

— Так отдай мне вот эту.

Прищурившись, Кассьяр спросил:

— А почему именно ее? И именно сейчас?

Надеясь, что это прозвучит убедительно, Джандер ответил:

— Потому что она из моего народа. Эльфийка. — Он потерся подбородком о ее темные волосы. Ринн сжалась, вампир отчетливо ощущал запах ее страха. — Я нахожу ее привлекательной.

Кассьяр секунду задумчиво смотрел на них, потом коротко кивнул.

— Очень хорошо. Наслаждайся ею. Да, кстати, — объявил Кассьяр, повысив голос, — я так понимаю, здесь происходит соревнование менеджеров. В любом случае, давайте продолжать вечеринку.

Но люди были слишком испуганы, чтобы послушаться. Люди, которые только что веселились, теперь глупо, молча смотрели, как кровь мертвецов впитывается в доски пола «Черного Кабана». Кассьяр, раздраженный, что его не слушаются, нахмурился и подал знак Теорну.

Наездник схватил за длинные волосы оказавшуюся рядом с ним несчастную женщину — одну из официанток Погга — и запрокинул ей голову. Джандер почувствовал, как Ринн рвется из его рук, но не выпустил ее. Теорн неловко вцепился зубами в обнаженную белую шею, его зубы рвали, а не прокусывали. Хлынула кровь, покрывшая его лицо и грудь и блузку умирающей женщины. Теорн жадно глотал, и Эрит, вампирка в человеческом облике, зааплодировала.

Джандер облизал сухие губы. Он чувствовал горячий запах, и этот запах пронизывал его насквозь, напоминая ему, что он уже очень долго не ел.

— Если только я очень скоро не услышу музыки, — предупредил Кассьяр, — здесь со всеми произойдет то же самое. — Он подошел к середине комнаты. Завсегдагаи отшатнулись, перепуганные, и освободили ему один из стульев. Кассьяр сел.

— Ты, — сказал Кассьяр девушке-полуэльфу, сжимавшей флейту, словно посох. — Я думаю, мне хотелось бы послушать тебя.

Дрожа, женщина поднялась и прошла к середине зала. Священник пропустил ее. Джандер открыл было рот, чтобы предупредить Кассьяра о профессии молодого человека, но что-то заставило его смолчать. У него в голове начала возникать мысль, такая смелая, что, если бы он еще дышал, у него перехватило бы дыхание.

Тонкие пальцы флейтистки отчаянно дрожали, а дыхание было слишком неровным, чтобы играть. Сладкие ноты флейты были слабыми, колеблющимися, и Джандер с печальной уверенностью понял, что сейчас произойдет.

Кассьяр нахмурился.

— Нет! Долой! Это совершенно никуда не годится!

Он вскочил и схватил несчастную женщину. Быстрым укусом он вскрыл ей запястье и принялся лизать брызнувшую кровь. Смеясь, он обернулся к Эрит и сказал своим алым ртом:

— Отличное красное вино, крепкое, но с нежным букетом!

Удовлетворенный своей выходкой, Кассьяр бросил женщину, не высасывая ее до конца. Всхлипывая и хватаясь за покалеченную руку, она отшатнулась прочь.

Ринн опять начала дергаться, но на этот раз по-другому. Джандер прошипел в ее заостренное ухо на эльфийском языке:

— Не падай в обморок. Он тебя заметит и заставит меня вырвать тебе горло. Я не хочу этого делать, но я должен его слушаться. Если ты успокоишься, я уберу руку. Можно тебе доверять?

Она кивнула, и Джандер, отчаянно надеясь, что она сдержит слово, убрал руку. Ринн судорожно вздохнула и вздрогнула, хватая воздух. Эльфу-вампиру хотелось обнять ее, успокоить, утешить, но он понимал, что сейчас она от него подобных жестов не хочет.

Отдышавшись, Ринн прошипела:

— Ты предал свой народ, Джандер, и я ненавижу тебя за это!

Несмотря ни на что, Джандер вздрогнул от этого оскорбления.

— Не больше, чем я сам себя ненавижу, — тихонько прошептал он в ответ, все еще на своем родном языке.

Она взглянула на него, и он увидел на ее нежном прекрасном лице полное смятение чувств. Теперь выступал священник. Его голос был на удивление тверд, а пальцы уверенно ласкали струны арфы, несмотря на то, что Смерть стояла в ярде от него, глядя прямо в лицо. Кассьяр был доволен и не пытался прервать песню.

— Этот бард — священник, — прошептал Джандер Ринн.

— Тогда почему он не...

— Он не дурак. Он выжидает.

— Ты убьешь его?

Джандер сердито посмотрел на нее.

— Я не то, чем ты меня считаешь, Ринн Законопослушная. Подожди, пока узнаешь все, а потом уж суди меня!

Он замолчал, осознав, что слегка повысил голос, а потом опять вернулся к тихому шепоту.

— Я не хотел, чтобы ты была здесь, но, возможно, это и к лучшему. У меня есть мысль, которая может спасти по крайней мере некоторых.

— Почему я должна тебе верить?

И действительно, почему? Он отпустил ее.

— Хватайся за оружие, если хочешь. Или поверь мне.

Он был почти уверен, что она вытащит меч. Одна рука потянулась за оружием, но в последний момент Ринн сжала пальцы в кулак. Потом, с отчетливо видимым усилием, она опустила руку. Джандер позволил себе еле заметно улыбнуться.

Бард допел свою песню, и Кассьяр заплодировал. В комнате стояла тишина. Он повернул голову и оглянулся на молчащую толпу. Беспощадные карие глаза оглядели сцену: Погга и Тревиса, прижавшихся друг к другу за стойкой бара; четыре трупа, расprostертых на полу; девушку-полуэльфа, сжимающую свою искалеченную руку и бледнеющую с каждой секундой; сытых, самодовольных вампиров; опрокинутые столы; мужчин и женщин с разинутыми ртами, в ужасе уставившихся на происходящее.

— Давайте, — сказал Кассьяр. — Разве он не великолепен? Разве вам не следует ему похлопать?

Вампир запрокинул голову и расхохотался, когда перепуганная толпа разразилась бешеными аплодисментами. Бард вежливо поклонился и вернулся на свое место.

Джандер наблюдал, зная, какова будет следующая фигура этого ужасного танца. Кассьяр поднялся и начал оглядывать толпу, пока не нашел женщину, которая показалась ему привлекательной. У Джандера екнуло сердце, когда он увидел, что это оказалась Алуиз.

— Ах, какая хорошенькая, — сказал Кассьяр. Он протянул к ней руку и заставил ее встать. — Мне нравятся твои глаза, — заявил он, направляясь к лестнице. Алуиз захныкала, потом вдруг закричала и рванулась из его рук. Повелитель вампиров остановился на лестнице, повернулся и посмотрел ей в глаза. Алуиз не смогла отвести взгляда. Ее рыдания стали тише, потом прекратились. Кассьяр огляделся и нашел взглядом

Теорна. Он указал на Наездника пальцем.

— Ты поел и некоторое время будешь сыт. Ты можешь постеречь дверь.

Он слегка поморщился, увидев запачканную кровью бороду Наездника.

— Неаккуратно ешь, да? Ничего, надень шлем, и никто не заметит. Ты из милиции. Запомни это, и ты сможешь отвести любое подозрение.

Он встретился взглядом с новым вампиром.

— Никто не входит. Никто не выходит.

— Никто не входит. Никто не выходит, — послушно повторил Теорн.

Кассьяр повернулся к Эрит и Марис.

— Присматривайте за Джандером, мои дорогие. Для нашего любимого спорта у него слишком мягкое сердце.

— Да, хозяин, — послушно сказала Эрит, слегка улыбаясь. Волчица Марис твякнула. Кассьяр снова начал подниматься по лестнице. Джандер смотрел, как он поднимается, и лицо его было искажено ненавистью.

Его мрачные мысли прервал голос Ринн.

— Вы отсюда так просто не уйдете. Если кто-нибудь из Наездников обнаружит, что у ворот никого нет...

— Теорн отправит их на какие-нибудь бестолковые поиски, — резко перебил Джандер. — Твои Наездники и не узнают, что ты была здесь, пока не наткнутся завтра на твое тело.

Она вздрогнула, услышав, как холоден его голос, но Джандер не смягчил слов. Она должна была увидеть настоящий ужас всего этого и встать на его сторону, если он хочет закончить то, что задумал.

— Он возьмет Алуиз — всеми возможными способами — а когда закончит, выбросит ее. Это не займет много времени. Потом он спустится вниз, и тогда всех здесь систематически убьют, а гостиницу подожгут. Мы побежим прочь, как проклятые богами ночные твари, каковыми мы, собственно говоря, и являемся, и будем дожидаться, пока прекратятся слухи. А потом мы отправимся в другой город, и там все повторится снова. И снова.

— Останови это.

— Только если ты сможешь мне.

— Извините, — послышался неуверенный голос. Джандер взглянул на говорившего и с изумлением обнаружил, что это молодой священник. А он смелее — или глупее — чем я думал, — заметил сам себе Джандер.

— Вы не позволите нам позаботиться о наших раненых? — спросил священник.

На лице Джандера отразилось сочувствие.

— Позаботьтесь о раненых, насколько можно, — сказал он, слегка повысив голос. Эрит услышала его и с рычанием подняла рубиновую губу.

— Кассьяр прав. Ты мягок, эльф, — прошипела она.

Джандер зарычал. Он посмотрел ей прямо в глаза, и она отступила на несколько шагов, оглядываясь на приятельницу в поисках поддержки. Марис пожала своими широкими волчьими плечами. Ее это не интересовало. Эрит нахмурилась, но спорить не стала. Она посмотрела на Джандера и ядовито бросила:

— Развлекайся. Делай свое жалкое добро, возись с этой скотиной. Скоро вернется Кассьяр, и не думай, что я ему не расскажу.

Джандер не обратил на нее внимания.

— И вымойте пол, — сказал он священнику. — Запах...

Он замолчал и отвернулся.

Ринн удивленно спросила:

— Разве вампирам не нравится запах крови?

— Боги, Наездница, да ты слепая, что ли? — вскричал он на эльфийском языке. — Я же не пробовал человеческой крови с тех самых пор, как мы встретились! Поголодай с месяц, а потом пусть кто-нибудь запрет тебя в булочной. Может быть, тогда ты хоть немного поймешь, на что это похоже! У меня почти неделю даже крысы во рту не было. — Гнев угас, и он грустно пошутил: — У Погга в трактире слишком чисто.

— Вы не питаетесь, — сказал священник на превосходном эльфийском языке. Ринн и Джандер уставились на него. Немногие люди в Туманной Долине говорили по-эльфийски. — Вы позволили нам позаботиться о раненых, и вас, похоже, даже огорчает то, что здесь происходит. Вы не такой, как остальные. Почему?

Джандер ответил с улыбкой, тоже по-эльфийски:

— Конечно, жрец Повелителя Зари знает мой язык. А теперь ты ответь мне, почему ты не напал на нас, священник?

Зеленые глаза молодого человека расширились. Наконец он сказал:

— Я не думал, что это так заметно. Меня зовут Фраджен. Я пробыл бардом дольше, чем священником, так что шансов у меня было немного. Я выжидал и наблюдал за вами. Скажите, что заставляет вас поступать не так, как ваши друзья?

— Меня зовут Джандер Солнечная Звезда из Эвермита. Я...

Его перебило резкое шипение.

— Не говори того, что я не могу понять, эльф, — приказала Эрит.

— Кассьяр управляет моими движениями, но не языком. Если я захочу, я буду разговаривать на своем родном языке. Если только ты не захочешь заставить меня прекратить.

Эрит знала, что этого лучше не делать, и успокоилась. Джандер опять обратился к Фраджену, его голос смягчился.

— Я поклонялся твоему богу, священник, и до тех пор, пока я помню красоту утренней зари, я не приму зло по доброй воле. Если вы с Ринн доверитесь мне, мы, возможно, сумеем сегодня спасти хотя бы некоторых.

Фраджен без колебаний кивнул. Ринн тоже. Джандер позволил себе расслабиться.

— Дайте мне подумать. Фраджен, будьте осторожны — хорошенько прячьте свой священный символ и не пользуйтесь магией. Мы ее чувствуем. И скажите Поггу, чтобы убрали кровь с пола. Мне уже тяжело сдерживаться.

Священник кивнул и направился к хозяину гостиницы. Джандер смотрел, как Погг принес ведро воды и три полотенца. Он и Тревис, ни слова ни говоря, начали вытирать пятна крови на дощатом полу, а Фраджен и Ринн занялись ранеными. Они призвали себе на помощь всех посетителей — помощники из них были не Бог вещь какие, но, по крайней мере, удалось занять перепуганных людей.

Джандер посмотрел на Марис и Эрит — он знал, что они не сводят с него глаз. Сначала они собирались следить за каждым движением золотого эльфа, но женщины были молоды и неопытны, так что он о них почти не задумывался. Джандер обернулся к Фраджену, и его глаза расширились от изумления, когда он увидел, чем занят молодой священник.

Фраджен опустился на колени рядом с Поггом и Тревисом, вроде бы чтобы помочь им мыть пол. Для постороннего наблюдателя все выглядело так, как если бы именно это он и делал, одной рукой держа деревянное ведро, а во второй руке зажал мокрую тряпку и водил ею по окровавленному полу. Но Джандер заметил, что глаза жреца Повелителя Зари полуприкрыты, а губы слегка шевелятся.

Он освящал воду.

Почему же я не чувствую магии? — подумал было Джандер, но тут до него дошло, что создание святой воды — в общем-то, не магия, а всего лишь святое благословение. Очень умно, Фраджен! — признал он про себя.

Потом эльф опять взглянул на Эрит и Марис. Эрит оглядывалась в поисках нового развлечения, а Марис, по-прежнему в волчьем облике, лежала, свернувшись, около мертвого волшебника, хотя ее глаза были

открыты и внимательно смотрели вокруг. Скоро эти двое заметят, чем занят священник. Джандер должен был отвлечь их.

Лучшей возможности быть не могло — у Джандера в союзниках были опытный солдат и священник, а все три присутствующих вампира были созданы недавно. Кассьяр опасен и смертоносен. Джандер понимал, что он для Кассьяра не угроза, во всяком случае, сейчас — голодный и ослабевший. Но другого выхода не было.

— Больше никого, — тихонько сказал он себе. — Никого. Алуиз будет последней.

Он подошел к вешалке и сорвал с нее плащи. Это движение привлекло внимание и вампиров, и смертных. Он почувствовал их взгляды, их напряжение, их недоумение — что собирается делать этот странный золотокожий вампир. Колышки для одежды были около девяти дюймов длиной — как раз достаточно для целей Джандера. Эльф мрачно выломал несколько колышков и оглянулся через плечо, наблюдая за вампирками.

Марис поднялась на все четыре лапы, и шерсть у нее на спине встала дыбом. Она начала негромко рычать. Эрит прищурилась.

— Берегись, эльф, — угрожающе начала она.

Джандер исподтишка взглянул на Фраджена. Священник слегка кивнул своей светловолосой головой. Эльф-вампир посмотрел на Ринн и увидел, что ее лицо застыло маской холодного понимания.

Одним быстрым движением Джандер швырнул два кола Ринн и Фраджену, а третий оставил себе. Эрит вскочила так же быстро, оторванная голова скатилась с ее колен и с глухим стуком упала на пол. Джандер больше не был хищником-собратом. Он переступил дозволенные границы, и теперь он стал дичью.

— Давай, Тревис! — крикнул Фраджен.

Мальчишка вскочил на ноги и вылил ведро грязной благословенной воды прямо в лицо Эрит. Священная жидкость подействовала на нечистую плоть вампирки, как кислота. Ее лицо растаяло и потекло, как свечной воск. Эрит издала отчетливый резкий вопль и схватилась за обезображенное, дымящееся лицо. Она упала на пол — уже не создание ужасающей красоты, а просто ужасная тварь.

С именем Латандера Фраджен бросился на Эрит. Он несколько раз ударил бьющуюся нечисть колом в грудь. Она хватала его и царапала, расцарапала ему щеку, но священник не отступал. Наконец он воткнул смертоносное деревянное оружие глубоко в сердце вампирки.

Марис тем временем в смертоносном молчании бросилась на Ринн. Даже Джандер не полностью осознавал, насколько быстро может дви-

гаться эта тварь, и, увидев ее атаку, понял, что не успеет добежать до Наездницы и прикрыть ее. В отчаянии он швырнул в Марис деревянный кинжал. Заостренный колышек вонзился в заднюю часть вампирки.

Марис выгнулась на середине прыжка, взыв от боли, и тяжело опустилась на Наездницу. Под весом волчицы Ринн упала. Горячее дыхание обожгло ее лицо, но, не успела Марис вцепиться эльфийской девушке в глотку, как рядом оказался Джандер. Он вцепился своими золотыми пальцами в покрытую густым мехом шею волчицы и запрокинул голову Марис назад. Ринн взмахнула заостренным колом и глубоко воткнула деревянное оружие в широкую грудь волчицы.

Гневный вой вампирки неожиданно превратился в придушенное хныканье. Из раны хлынула кровь. Ринн держала кол и всаживала его все глубже и глубже. Кровь Марис попала ей в глаз, но девушка только слегка скривилась от боли и сморгнула. Наконец Марис перестала биться и тяжело навалилась на стройную эльфийскую женщину.

Джандер оттащил труп в сторону.

— С тобой все в порядке? — спросил вампир.

Дрожа, Ринн кивнула и позволила Джандеру помочь ей подняться на ноги. К ним подошел Фраджен, покрытый кровью, тяжело дыша.

— Джандер, — выдохнул жрец Повелителя Зари, — Погг говорит, что есть выход наружу — через подвал. Можно, мы пойдем?

— Конечно. И поторопитесь. — Джандер посмотрел на потолок, в сторону комнаты, где развлекался Кассьяр. — С третьим я сам разберусь. Позаботьтесь о них. Пусть первым уйдет мальчик. Осторожнее, Фраджен.

Фраджен слегка улыбнулся.

— Да благословит тебя Латандер, Джандер Солнечная Звезда, — негромко сказал он и отправился помогать Поггу и маленькому Тревису справиться с люком в кухне.

— Мне тоже надо идти, — резко сказала Ринн. Теперь она с головы до ног была профессиональным солдатом, и лицо ее было сурово и непреклонно. — Я — Наездница, и я нужна жителям деревни.

Джандер улыбнулся, но в его серебряных глазах застыла печаль.

— Конечно, Ринн. Поторопись.

Она кивнула, глядя непроницаемыми голубыми глазами, и побежала к Фраджену.

Золотой эльф подошел к двери, наклонился, подобрал один из одежных колышков и быстрым движением распахнул дубовую дверь.

К нему сразу же обернулся Теорн с возмущением и яростью в голосе.

— Никто не входит...

— Никто не выходит, — мягко закончил Джандер, втыкая импровизированный кол через толстые кожаные доспехи. — Я не выхожу.

Теорн издал негромкий жалобный звук. Потом напряг грудь и ухитрился выкрикнуть одно-единственное имя.

— Кассьяр!

Его предсмертный крик слился с внезапно раздавшимся звоном, и Джандер понял, что кто-то звонит в сигнальный колокол Туманной Долины. Сейчас по тревоге поднимутся все остальные Наездники. Джандер понадеялся, что до их прихода у него хватит времени, чтобы закончить кровавое дело, намеченное им для себя. Тело Теорна со стуком упало, и эльф обернулся.

Джандер заметил движение у стойки бара. Он прыгнул туда, шипя и оскалив зубы.

— Это я, — прозвучал ободряющий голос Фраджена. Священник вылез из люка и закрыл его за собой. — Ринн занимается местными жителями. Я вернулся. Вам может понадобится помощь.

— Нет! — вскричал Джандер. — Вы не знаете, что он такое. Вы не знаете, что он...

— Что здесь, во имя Девяти Преисподних, такое творится? — раздался резкий нервный голос. Эльф и священник посмотрели вверх и увидели, что по лестнице спускается очень сердитый Кассьяр. Он был без жилета, и его расстегнутая рубашка развевалась на бегу. Его медные волосы были взъерошены. Кассьяр был больше похож на потревоженного повесу, чем на вампира — если бы не кровь на обнаженной груди.

— Кто меня звал? Джандер, что... Черное сердце Бэйна! Где все?

— Они ушли, Кассьяр, — сказал Джандер и вдруг расхохотался. — Ты больше никогда не будешь мучить их, да и кого бы то ни было. Ты умрешь сегодня, негодяй. А вот этим, — он поднял свои золотые ладони, — я тебя убью.

Кассьяр нахмурился.

— Джандер, прекрати. Ты неправильно поступил, отпустив их, и ты будешь нак... Что ты с ними сделал? — заорал он, увидев тела вампиров.

Джандер, по прежнему усмехаясь, продемонстрировал свои клыки. Через него текло дикое возбуждение, подогретое гневом и сводящим с ума голодом.

— Они упокоились с миром.

Разгневанный Кассьяр обернулся к эльфу-вампиру.

— На колени!

Этот ритуал они проводили очень часто. Каждый раз, когда Джандер пытался перечить Кассьяру, призвать его к милосердию или жалости, или просто возражал, повелитель вампиров приказывал золотому эльфу повиноваться. И Джандер, плача кровавыми слезами от бессилия, не мог не подчиниться. Он становился на колени и запрокидывал голову. И тогда Кассьяр пил его кровь, пил до тех пор, пока не считал, что его своенравный раб достаточно наказан. Для вампира оказаться пищей для другого было особенно болезненно, и Джандер несколько дней после этого бывал очень слаб.

Джандер вздрогнул, почувствовав волю Кассьяра, но остался твердо стоять на ногах. Оскалив зубы, он прорычал:

— Ты был испорченным высокомерным аристократишкой при жизни и остался испорченным высокомерным аристократишкой до сих пор. Больше я твоих приказов слушаться не буду.

Лицо Кассьяра вспыхнуло от ярости. Его изящные брови сошлись над жестокими, властными карими глазами.

— На колени!

Джандер не выдержал. Задыхаясь от боли, он упал на деревянный пол. Но он не терял надежды. Кассьяр был разгневан, а разгневанный, он терял осторожность.

— Я прощал тебя, потому что ты был новичком, — продолжал повелитель вампиров, подходя к коленопреклоненному Джандеру. — Но ты больше не новичок.

Против своей воли Джандер потянулся к одному из импровизированных кольев. Он сжал зубы, пытаясь сопротивляться ментальной команде, но его тонкие золотые пальцы сомкнулись на деревянной палке. Рука Джандера начала медленно двигаться к груди, острие деревянного кола было направлено ему в сердце.

— Своими руками ты убьешь себя, а не меня, — заметил Кассьяр.

— Нет! — раздался приглушенный вскрик. Фраджен поднял священный символ перед Кассьяром. — Во имя Латандера Повелителя...

Кассьяр был старым вампиром, слишком могущественным, чтобы испугаться отчаянной попытки молодого, неопытного священника. Он закатил глаза и пробормотал:

— Ах, будьте добры.

Он вытянул одну свою бледную руку и подтянул священника к себе. Одним взмахом второй руки он разорвал Фраджену горло.

Джандер закричал. Больше никогда не зазвучит прекрасный голос Фраджена. Священник встал на его сторону. Теперь он умер из-за этого

выбора. Перед глазами эльфа опять возникло лицо Ринн с выражением отвращения на нем — лицо той, кто некогда называла его своим другом — и изорванное тело маленькой девочки, которую убил Кассьяр на ферме за стенами города. Он вспомнил девичий смех Алуиз, захлебнувшийся теперь ее собственной кровью. Он видел испуганных, беспомощных жителей города и музыкантов. И это он обрек их, и еще десятки таких же, как они, помогая Кассьяру.

Когда внимание Кассьяра переключилось с золотого эльфа на Фраджена, его ментальная хватка немного ослабла. У Джандера была одна-две секунды для свободных действий, но он не потратил эти драгоценные мгновения на драку.

Вместо этого он позвал на помощь: он призвал Индиго. Черный кот вылетел из теней, сам — словно бесшумная тень, и со смертоносной целеустремленностью бросился к Кассьяру. Кот вцепился в карие глаза повелителя вампиров и принялся отчаянно царапаться.

Кассьяр заорал, из его поврежденных глаз брызнула кровь. Он отчаянно принялся сдирать с себя кота. Индиго продолжал царапаться, пока собственные ногти Кассьяра не пронзили ему бока. С последним отчаянным «Мяу!» кот вздрогнул и умер.

Ослепленный Кассьяр больше не мог видеть Джандера, и его власть над своим подчиненным внезапно ослабла. Джандер бросился на хозяйина. Два вампира врезались в стол, кубки полетели во все стороны. Несмотря на слепоту, Кассьяр быстро опомнился. Когда Джандер открыл рот и потянулся к глотке повелителя вампиров, Кассьяр навалился на него. Он перекатился и прижал худенького эльфа к земле.

Эльфу-вампиру удалось прикрыть горло рукой — и он вскрикнул, когда клыки Кассьяра глубоко вонзились в его плоть. Кассьяр сомкнул челюсти и прокусил Джандеру руку насквозь. Эльф уронил деревянный колышек.

— Ты, неблагодарный слизняк, — прорычал повелитель вампиров сквозь окровавленные зубы. — Один день отдыха — и я исцелюсь. Тогда я возьму другого эльфа — может быть, эту девчонку, которая тебе так нравится.

Не Ринн. Только не Ринн. Джандер не мог допустить, чтобы Кассьяр изуродовал еще одного из Народа. Вспышка гнева придала ему сил для еще одной, последней атаки, но Кассьяр оказался сильнее. Смеясь, повелитель вампиров раскрыл рот, и его клыки все приближались и приближались...

И вдруг Кассьяр, зарывав, дернулся и подскочил. Слепо хватаясь за

плечо, он обернулся. Джандер видел, что кто-то выпустил в повелителя вампиров стрелу, но не стал выяснять, кто это пришел ему на помощь. Вместо этого он схватил кол и всадил его Кассьяру в грудь.

Ненависть Джандера и его вампирская сила заставили деревянное оружие почти моментально исчезнуть в плоти повелителя вампиров. Из дыры хлынула кровь. Кассьяр последним усилием попытался расцарапать Джандеру лицо, а потом, недвижимый, повалился на эльфа. Джандер выбрался из-под Кассьяра и посмотрел, что это там за неожиданный союзник.

Он не удивился, увидев у двери красивую молодую женщину в кожаных доспехах. Ринн держала в руках лук, но смотрела не на эльфа, а на что-то позади него. Ее губы были поджаты с выражением отвращения. Эльф обернулся.

Тело Кассьяра начало разлагаться с удивительной быстротой. Два эльфа с изумлением и ужасом смотрели, как труп сгнил, потом высох, а потом даже кости рассыпались в мелкую пыль.

Джандер поднял взгляд на Ринн.

— Наездники?

— Снаружи. Поскольку Теорн мертв, капитан теперь я. — Она поколебалась, потом добавила: — Я приказала им ждать.

Джандер был озадачен, но выяснять подробности не стал. Он слабо указал на один из импровизированных колов. Он сделал пять колышков — пять колов для пяти вампиров.

— Закончи.

Не отводя глаз от его бледного лица, Ринн медленно покачала головой.

— Ты сегодня спас немало жизней. Ты заслужил еще один шанс.

Он хрипло рассмеялся.

— Шанс на что? Что мне осталось?

— Эвермит.

— Не смейся надо мной, Ринн, не надо.

— Я не смеюсь. Ты свободен от него, Джандер. Теперь ты можешь идти, куда хочешь, — сказала Ринн. Она присела рядом с ним и нерешительно погладила его по щеке. — Может быть, ты найдешь кого-нибудь, кто тебя вылечит.

Он улыбнулся — слабо и печально.

— Вылечит вампира?

— Ты же не пробовал, значит, не знаешь. В любом случае, ты не заслуживаешь подобной смерти.

Помолчав, она сказала:

— Ты голоден, так что вот это тебе пригодится.

Ринн поднялась, неуверенными шагами подошла к двери и вернулась с ведром, наполовину полным темной винно-красной жидкости.

Джандер покачал головой.

— Я не стану пить человеческую кровь.

— Это не человеческая. Это... — ее голос слегка дрогнул, — из моей кобылы.

Глаза у эльфа расширились. Теперь он заметил ее покрасневшие глаза и следы слез на щеках.

— Ты — Наездница, и ты...

— Когда лошадь стареет, Наездник должен ее убить. Для Лунной Леди время уже подходило. Еще день или два, и мне пришлось бы...

— Она посмотрела в серебряные глаза Джандера. — Возьми. Исцелись. Пройди через весь мир и вернись домой, в Эвермит. Долг платежом красен, Джандер. Ты спас мне жизнь. Позволь мне вернуть долг.

Она протянула ему ведро и слабо улыбнулась.

— На этот раз я ставлю выпивку.

Эльф-вампир заколебался. Только эльф может понять, какое же чудесное место Эвермит. Ринн сумела сквозь чудовище разглядеть в нем эльфа, убила свою любимую Лунную Леди, чтобы помочь ему вернуться к тому, чем он был когда-то. Неужели для такого, как он, еще есть шанс? Может быть, где-нибудь на свете действительно есть кто-то, кто умеет лечить вампиров?

Джандер медленно сел и неловко потянулся за валяющимся на полу кубком. Сильные руки Ринн поддержали его.

— Какой сейчас год? — спросил он вдруг. Ринн недоуменно нахмурилась. Он объяснил с улыбкой: — Понимаешь, я забыл. Я так давно...

— По летосчислению Долин сейчас восемьсот девяносто второй год, — ласково ответила Ринн.

— Восемьсот девяносто второй, — повторил Джандер. — Год моей свободы.

Он слегка кивнул.

— Последний тост.

Проклятый эльф зачерпнул кубком жидкости из ведра, отдал салют своему другу и поднес кубок к губам.

ТИХОЕ МЕСТО

Они были убийцами, ворами, насильниками; все — негодяи. За свои преступления каждый из них по меньшей мере трижды заслуживал смерти. Но они были еще и людьми, а поскольку существо, которое наблюдало, как они располагаются лагерем на поляне, человеком не было, оно и решило, что не вправе их судить.

Оно, то есть он, терпеливо ждал в тени, слушая их рассказы о жестоких злодеяниях. Если бы в его жилах текла теплая кровь, она замерзла бы от этих историй и от небрежных интонаций, с которыми их рассказывали. Наконец, оставив на страже только одного — и то довольно далеко от костра — они заснули.

Вампир подождал, пока его исключительный слух не уловил звук ровного дыхания; подождал, пока широкие груди не начали ритмично подниматься и опускаться. Потом он подобрался к ним — тише теней, в которых прятался.

При жизни он был золотым эльфом, уроженцем прекрасного волшебного королевства Эвермит. Звали его Джандер Солнечная Звезда, и, в отличие от большинства ставших нежитью, он помнил, что такое сострадание и милосердие. Он подошел, как и всегда, только чтобы поесть, чтобы утолить невыносимую жажду, терзавшую его холодную плоть. Он подошел не для того, чтобы убивать. Он никогда не убивал.

От запаха немых тел нос Джандера сморщился, но сквозь эту вонь пробивался сладкий запах горячей крови, струящейся по живой плоти. У Джандера начали расти клыки, рот его заболел. Он с отвращением относился к потребностям своего тела, к жажде крови, ненавидел свою способность чувствовать запах крови, но не мог сопротивляться этому адскому зову. По крайней мере, подумал он, я добрее к моим жертвам, чем эти люди — к своим.

Джандер наклонился над одним из них, осторожно повернул его мягким прикосновением холодных пальцев, опустил на колени и обнажил клыки. Легкий укус, и плоть шеи отдала свой сладкий сок голодному вампиру. У кожи этого человека был неприятный вкус пота, но сладкий вкус крови перебивал все неприятные ощущения. Еще несколько глотков, и все.

Он поднялся и тихонько подошел к следующему. Несколько глотков из каждого, и Джандер насытится, а его жертвы не получат ощутимого вреда. Бесшумно опустившись на колени, он опять повернул человеку голову так, чтобы легче было добраться до его шеи.

Но этот выпил меньше других, и почти неощутимое прикосновение эльфа-вампира разбудило его. Он закричал, и тишина исчезла.

Немедленно проснулись остальные — настороженные и опасные. Напуганный Джандер замешкался всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы разглядеть его золотистое под туникой тело, достаточно, чтобы увидеть его лицо. Он повернулся и бросился прочь, преследуемый бешеными воплями шестерых мародеров.

Ему придется насытиться где-нибудь еще. И эта мысль отнюдь не была ему приятна.

* * * * *

На третью ночь после этой неудачи Джандер смотрел на луну. Она была почти полная, ее мягкий свет ласкал деревья и серебрил траву. Джандер любил прекрасное, но великолепие луны не радовало его. Он знал, что все свое оставшееся неестественное существование будет смотреть только на луну, и никогда — на солнце; пить только кровь, и никогда — вино.

По щеке его скатилась алая кровавая слеза.

— Я этого не хотел, — негромко сказал он, хотя некому было услышать его — он стоял один на позолоченном лунной долине. — Разве нигде нет ни прощения, ни милосердия?

Ему ответили только тихие звуки летней ночи, но он не нашел в них утешения. Он хотел тишины. Он не хотел своих обостренных чувств — они только напоминали ему, что он такое.

Его рот заболел, он почувствовал запах крови. Заяц, олень — неважно. Все сгодится, чтобы утолить его отвратительную жажду. Он вытер золотистое, угловатое лицо, стирая метку боли, запятнавшую его щеку.

Он шел в облике эльфа. Не для Джандера Солнечной Звезды стремительность волка или летучей мыши, кроме как в случаях необходимости. Так легки были его шаги, что капли росы не падали с травинки под его ногами. Он был не особенно голоден, так что торопиться было не нужно. В густом лесу было немало пещер, в которых можно будет лечь спать, когда солнце поднимет свою прекрасную, смертоносную золотую голову.

А потом лес внезапно поредел. Неестественно острый слух вампира уловил шум бегущей воды. Кроме обычной угрозы, которую представляет для нежити текучая вода, Джандер не чувствовал никакой опасности. Завороженный смехом воды, который напомнил ему о счастливых временах, он осторожно вышел из зарослей.

Впереди был круг огромных древних дубов. Никаких признаков работы рук не было, и эльф предположил, что этот круг — творение природы. Такое бывало, хотя и редко. Его ноздрей достиг чистый запах воды. Эльф шагнул вперед, решив только постоять секунду у ручья, мирно журча-

щего в тишине, только недолго отдохнуть, прежде чем идти дальше. Но тут он услышал пение — и застыл.

Эльф? — подумал он с внезапной глубокой болью. Нет, этот голос был слаще, чище, чем даже голоса Прекрасного Народа. Нимфа или наяда? Эту мысль он тоже отверг, потому что такое существо почуяло бы его, так же, как он бы ее почуял. Она бы убежала, печально подумал он, — убежала от чудовищной, неестественной твари, которой он стал.

Сладкий женский голос по-прежнему звучал — чистый, словно это сама вода обрела голос. Красота песни, ласкавшая слух Джандера, манила его, словно цветок — пчелу. Он вошел в круг могучих дубов — и увидел ее.

В центре круга было маленькое озерцо, журчал родник, а в середине озера на валуне сидела женщина, прекрасная неопишимо. Это она пела, и, пока Джандер зачарованно смотрел на нее, она подняла голову, темную, как сами дубы, и посмотрела на него сияющим взглядом.

— Подойди, Джандер Солнечная Звезда, — пригласила она. — Священная роща знает о твоей муке и приветствует тебя. Вода ждет, чтобы очистить тебя и дать тебе новые силы.

Вампир нашел слова, хотя и не понял, как.

— Если эта роща приветствует такого, как я, Госпожа, значит, мир сошел с ума.

Она улыбнулась, и у него заболело сердце.

— Нет, вампир, просто слегка изменились правила, вот и все. Великое сердце иногда может одержать победу над великой болью.

Она поднялась, и он увидел, что она одета в развевающиеся зеленые одежды. Они были почти как листья, почти как вода...

— Подойди. Омойся и прими тишину Элдат.

Элдат, Тихая, Богиня Поющих Вод! У Джандера мысли перемешались в голове. Текучая вода, попав на его мертвую плоть, убьет его. Джандер это знал. Но какой же может быть более дивный способ наконец умереть, познать покой, чем омыться в озере Элдат! Конечно, единственное, зачем его могут пригласить войти в святое место — даровать ему смерть. Эту смерть стоило принять, и Джандер, подавив рыдание, бросился вперед. Подбежав к Тихой, он остановился.

— Это, — она обвела рукой вокруг, — дубовая роща, посвященная Сильваносу. Родник посвящен мне. У деревьев хороший слух и хорошая память. По всем Долинам они говорят о тебе добрые слова — о том, кто не приемлет своего проклятия, о том, кто помогает раненым, о том, кто не убивает. Сам лес привел тебя сюда.

Ее большие мягкие глаза стали грустными.

— Я не могу снять с тебя твое проклятье. Я не могу вернуть тебе солнце — это не в моей власти. Но в границах этой рощи я могу смягчить твою боль и печаль — заставить замолчать тот зов, что преследует тебя. Примешь ли ты мой дар?

Джандер почувствовал, что по щекам у него текут слезы. Он не попытался смахнуть предательские красные капли: она знала, кто — что — он такое. Знала и прощала.

— Да, Госпожа, с глубокой благодарностью.

— Сначала встань на колени и омой лицо, — сказала она. Он послушался. Вода была холодной и освежающей. Он плеснул немного на глаза и щеки, смывая кровь, но успокоиться и перестать плакать все никак не мог. Джандер вытер лицо — и устался, ошеломленный, на свою золотистую ладонь, блестящую одной водой.

— Они все еще солоны, но больше не от крови, — прошептала Элдат, внезапно оказавшаяся рядом с ним. — Войдешь ли ты в озеро?

Не осмеливаясь верить, он это сделал, не думая, что сделает вода с его башмаками, одеждой и инструментами. Когда текучая вода охватила его, Джандер думал, что вот-вот почувствует боль смерти. Но она не пришла. А пришло — мягкое и сладкое, как ласковый сон — чувство глубокого покоя. Мягкими пальцами Элдат, сияющая в лунном свете, потянулась и коснулась его ушей, носа, рта и плеч.

— Эти уши острые, но отныне они лишены слуха летучей мыши. Этот нос обладает отличным нюхом, но отныне он лишен чувствительности волка. Этот рот голоден, но отныне он не будет жаждать вкуса жизни. Эти плечи широки, но отныне они не будут двигаться с силой носферату.

Внезапно, неожиданно, она протянула вперед обе руки и толкнула его вниз. Вода сомкнулась над его пшенично-золотистой головой, радость сменилась страхом, и Джандер забился. Если он и сомневался раньше в ее божественности, то теперь перестал, ибо ее силе и воле сопротивляться ему было не под силу.

Так же неожиданно давление, удерживавшее его под водой, исчезло. Джандер рванулся на поверхность. Элдат исчезла, оставив Джандера лихорадочно вдыхать воздух. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это значит.

Ему нужен был воздух. Милостивые боги, впервые почти за сто лет ему был нужен воздух!

Задышавшись, он рассмеялся и бросился к берегу. Он выбрался из воды, мокрый, замерзший — замерзший! — и дрожащий. Джандер вспоминал

слова богини, кашляя, и смеялся. Отдышавшись, он глубоко втянул носом воздух. Он почувствовал сладкий запах ночного леса — и все. Никакого запаха оленя или белки; никакого запаха или звука живой крови, текущей по венам и артериям.

Он опять бросился в озеро, добрался до валуна, на котором сидела богиня, и обхватил его. Напрягшись, он попытался поднять валун. Раньше он поднимал вещи и потяжелее, но теперь его жуткая вампирская сила исчезла. Дрожая, он опять бросился в воду и медленно направился к берегу.

Она это сделала. Благословенная Элдат Тихая, с одобрения Сильваноса, Повелителя Дубов, забрала у него большинство из того, что означает быть вампиром. Джандер понимал, что никогда не сможет покинуть небольшой защитный круг, дарованный рощей. Но разве это тяжело — в обмен на то, что они дали ему!

Но ночь быстро подходила к концу, а Элдат предупреждала, что не может защитить его от палящих лучей солнца. Мокрый и дрожащий, эльф отправился осматривать рощу. Он нашел то, что ему было нужно — каменный завал над глубокой ямой в земле. Там он сможет надежно спрятаться от прекрасного, но смертоносного света.

Волшебная ночь становилась светлее, и бывший вампир отправился спать. Впервые за много десятилетий у него было легко на сердце.

* * * * *

Джандер проснулся в сумерках, предвкушая первую ночь без ужасной жажды. Он глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух, закрыв глаза и наслаждаясь свежестью.

— Добрый вечер тебе, друг!

Вздвогнув, Джандер резко обернулся.

— Кто меня зовет? — спросил он, насторожившись.

Но это был всего лишь молодой человек, одетый в мантию коричневых и зеленых тонов. Волосы у него были рыжие, как у Сьун Огненноволосой, а открытое, дружеское лицо усеивали веснушки.

Запаха его крови Джандер вообще не чувствовал.

— Брат Эндрис из Аббатства Дубовой Рощи. — Он указал на два деревянных ведра. — Я пришел набрать воды из родника. А кто ты, друг?

Внезапно страх сжал Джандеру сердце.

— Не прогоняйте меня, — взмолился он.

Брат Эндрис озадаченно посмотрел на Джандера.

— Зачем бы нам это делать?

Он шагнул вперед и начал набирать воду из родника.

— Я... Я... — Джандер подыскивал слова. — Брат Эндрис, вы верите в чудеса?

Эндрис недоверчиво посмотрел на него широко раскрытыми голубыми глазами.

— Какой же я был бы священник, если бы не верил в чудеса?

Джандер почувствовал внезапное смущение.

— Я не хотел оскорблять вас, — извинился он. — Но до прошлой ночи я явно перестал надеяться на чудо.

Джандер рассказал о встрече с Элдат, но умолчал о том, что он такое. Он сказал, что был «поглощен великим злом», что «должен оставаться в круге в качестве символа своего раскаяния». Он ожидал увидеть на лице Эндриса недоверие или даже гнев. Вместо этого брат внимательно слушал. Наконец он заговорил.

— О подобном порой слышали, — сказал он тихо. — Похоже, у Сильваноса и Элдат есть для тебя работа.

— Но... я не могу выйти из роши, — сказал Джандер. — Как же мне зарабатывать на жизнь?

— Если уж боги настолько взяли тебя под крыло, они выразят свои желания достаточно скоро. А пока, — и он улыбнулся, словно полурослик, — ты можешь помочь мне тащить воду.

Джандер рассмеялся и с радостью взялся за ведро. Он проводил Эндриса до круга дубов.

— Спасибо тебе еще раз, что позволил мне остаться здесь, — сказал он.

— Не за что, — весело ответил Эндрис. — Но хорошо увидеть лицо эльфа. Сейчас нас так редко навещают. Мне не терпится еще раз поговорить с тобой, Джандер Солнечная Звезда.

Джандер мысленно возблагодарил судьбу, что аббатство редко навещают. Без сомнения, его имя быстро разнеслось среди жителей Туманной Долины после того случая несколько месяцев назад... Нет. Это было частью прошлого. А это, подумал он, оглядывая мирную рошу — это будущее.

Когда Джандер повернулся, чтобы пойти обратно к роднику, он споткнулся. Он посмотрел вниз и увидел сброшенные рога оленя, промчавшегося через рошу, и несколько веток, упавших со старых деревьев.

И тогда он понял, что это значит.

— Я понимаю, — негромко сказал он тишине, наполнявшей священное место. Джандер благоговейно поднял рога и ветки, сел на валун рядом с

родником, вытащил нож и принялся за работу.

Перед рассветом, когда Эндрис опять пришел за водой, Джандер закончил третью статуэтку. Улыбаясь, он вручил ошеломленному молодому брату свои творения.

— Они... они изумительны, — тихонько сказал Эндрис, осматривая два резных деревянных подобия Элдат и сувенир из дубовых листьев и желудей, который Джандер сделал из рогов.

— Если ваш настоятель их благословит, вы сможете продавать их в качестве талисманов, — сказал Джандер. — Вы сможете поднять доходы аббатства.

Эндрис поднял на вампира сияющие глаза.

— Я же говорил тебе, что боги дадут тебе знать, что они от тебя хотят. Спасибо, Джандер. Отец Рэйлен будет очень благодарен. О, я чуть не забыл. У меня тоже кое-что есть для тебя.

Он притащил с собой большой мешок. Теперь он рылся в нем, что-то бормоча себе под нос.

— Ага, вот.

Из мешка появилась коричнево-зеленая мантия с простым веревочным поясом, фрукты и бутылка вина.

— К любому, кто, подобно тебе, одарен милостью богов, в аббатстве очень хорошо относятся, — улыбнулся он.

Джандер заговорил, с усилием выталкивая слова из горла.

— Спасибо... тебе, брат. Спасибо.

Этих слов было недостаточно, но больше ничего не было. Это было все, что мог выговорить удивленный эльф.

Последующие несколько недель все ночи были похожи друг на друга. Вечерами и под утро Джандер беседовал с Эндрисом, а все оставшееся время вырезал статуэтки. Большую часть своей жизни он провел в поисках приключений и сначала боялся, что тишина, покой и неспособность уйти из замкнутого круга станут для него нелегким бременем. Но это было не так. Он долго прожил, дыша, и почти сто лет существовал как нежить. А теперь он просто был, и этого было больше, чем достаточно. В течение долгих часов, пока Джандер в тишине занимался своими статуэтками, он прислушивался к окружающей тишине, думал о делах давно минувших, о людях, давно уже обратившихся в пыль. И радостно думал: «Мне не нужно пить кровь!» И эта мысль дарила ему чувство, которое можно было бы назвать странным изгнанием в рай.

Эндрис тоже помогал провести время. Он был веселым парнем, и, казалось, у него каждый день была наготове для друга новая шутка. От

него Джандер узнавал, что происходит день за днем в Аббатстве Дубовой Рощи, которое находилось на небольшом зеленом холме неподалеку. Джандер даже мог разглядеть его каменные стены, когда ветер раздвигал ветви. Но для вампира аббатство было не ближе, чем Эвермит — ибо он не мог ни на шаг приблизиться к нему.

Однажды в сумерках Джандеру пришлось ждать появления Эндриса дольше обычного. Но брат не пришел. Настала ночь, и Джандер начал беспокоиться.

И тогда он услышал звон колокола и увидел, что ночное небо освещено злым оранжевым светом.

Пожар!

Первым порывом Джандера было бежать на помощь. Он остановился уже у самого края рощи. Оставь он рощу, он никогда не сможет вернуться. Он заколебался, разрываясь между беспокойством о своем друге и своим благословенным покоем. Наконец, злой на себя, но другого выхода не видя, Джандер повернулся и направился обратно к роднику, грустно надеясь, что обойдутся и без его помощи.

Ночь пронзили крики. Джандер напрягся. Огонь, конечно, страшен, но уверенные в себе монахи не станут паниковать и кричать в ужасе — не так ли?

— Пожалуйста, Сильванос, защити преданных тебе, — прошептал он. Его золотистые руки сжимались и разжимались, выдавая битву, происходящую в его душе.

Внезапно среди криков ужаса и боли прозвучал злобный смех. Вампир подпрыгнул и бросился к границам священного места, словно пантера в клетке. Не в состоянии сдерживаться, он закричал:

— Эндрис? Кто-нибудь?

— Джандер!

Голос был слабым, но Джандер его узнал. Это был Эндрис, и через несколько секунд, показавшиеся взволнованному эльфу необыкновенно долгими, появился брат.

Его лицо было покрыто кровью, он неловко поддерживал свою левую руку. Джандер, который на своем веку повидал добрую сотню битв, сразу понял, что рука сломана.

Джандер сжался, думая, что понял, что хочет сказать Эндрис. Брат и не представлял себе — и представить не мог — истинную глубину зла, которое преследовало Джандера Солнечную Звезду. Он не мог знать, что, ступи Джандер на шаг из рощи, к нему вернется сводящая с ума жажда крови, что ему нужно будет охотиться и ранить; что он опять станет

нечистью. А Джандер знал, что Эндрис собирается просить о помощи. Что ему сказать? Что он может сказать?

Он мысленно приготовился выслушать мольбу, но слова Эндриса его потрясли — и тронули.

— Джандер, — выдохнул молодой монах, — спрячься! В аббатство пришли мародеры. Они притворились пилигримами, а как только оказались внутри... Если они тебя найдут, они тебя непременно убьют!

— Но, — сказал Джандер, — моя помощь...

— Ты — всего лишь одинокий безоружный эльф, — ответил Эндрис, вздрагивая от боли. — Ты не выступишь против шестерых таких, как они!

Джандер почувствовал жуткое, тошнотное ощущение в глубине живота.

— Шестерых? — повторил он. Нет, этого не может быть — в лесах множество разбойников...

Но у него больше не было времени на расспросы. От горящего аббатства несся смех и крики. Эндрис с ужасом посмотрел на четверых людей, возникших из тени, опять закричал «Прячься!» и, безоружный, бросился на врагов.

Возможно, это был самый смелый поступок, который Джандер видел за несколько столетий. С секунду он смотрел, онемев. Он узнал этих людей. Это была та самая шайка шестерых убийц, из которых он пытался пить кровь несколько недель назад. С ужасной дрожью он понял, что они последовали за ним. Сам того не зная, он, Джандер Солнечная Звезда, привел их сюда, к обители невинных священников, дал им возможность оквернить рощу, которая его приютила.

Они занимались избиением Эндриса. Они не пользовались оружием — они растягивали удовольствие, убивая Эндриса голыми руками и умелыми ударами. Эти люди, чьи лица горели у Джандера в мозгу, не увидели эльфа. Еще не увидели. Он мог поступить так, как хотел Эндрис — спрятаться под своим каменным завалом, переждать нападение, выбраться здоровым телом и душой и по-прежнему отдыхать от вампиризма.

Но это значило бы позволить Эндрису и всем остальным добрым людям, которые делали ему только добро, умереть бессмысленной, жестокой смертью.

Слезы обожгли глаза Джандера, и сердце его разбилось.

С криком, в котором смешались гнев и глубочайшая печаль, Джандер бросился на воров и убийц. Покинув защитный круг, тихое место, он ощутил, как на него вновь обрушилось всей своей тяжестью его про-

клятие. Жажда крови вернулась, более сильная, чем когда-либо. Он превратился в золотого волка. Тело наполнилось силой, а гнев познал удовлетворение, когда ближайший к нему человек увидел его, и его глаза в ужасе расширились.

Волчьи челюсти щелкнули, перекусывая глотку. Кровь потекла у Джандера по подбородку, и он чуть не забыл свою истинную цель в ошеломляющем желании лакать алую жидкость. Одной только силой воли он отвернулся от мертвого, нашел еще одну жертву и опять вцепился в человеческую глотку.

Теперь в ужасе кричали напавшие. Чтобы еще больше их испугать, Джандер позволил себе вновь принять эльфийский облик. Но ни один эльф, который дышит воздухом, не мог бы так выглядеть: золотистое лицо покрыто кровью, длинные клыки оскалены, серые глаза сверкают яростью.

Двое были мертвы. Оставшиеся двое бросились бежать, но Джандер легко догнал их. Одного он убил кинжалом, другому одним движением могучей руки с острыми ногтями оторвал голову.

Четверо были мертвы. Оставались двое, оскверняющие и разрушающие аббатство. Джандер рванулся туда. Вдруг до него донесся хриплый зов Эндриса.

— Джандер!

Гнев утих, сменившись страхом. Все, кто узнавал об его истинной природе, отталкивали его. А что делает Эндрис? Эльф-вампир медленно обернулся.

Эндриса сильно избили. Джандер вдруг испугался — а вдруг его вмешательство, его жертва, пришло слишком поздно? Но молодой человек с усилием приподнялся на здоровом локте, и окровавленная сломанная рука протянулась к вампиру. Джандер подошел к нему. Если Эндрис хочет плюнуть ему в лицо, он вправе это сделать.

Эндрис закашлялся, задыхаясь.

— Ты говорил... о зле... я не знал. Возвращайся, Джандер. Ты оставил... приют ради доброго дела... Возвращайся назад.

В сердце Джандера внезапно вспыхнула надежда. Может быть, Элдат и Сильванос действительно поймут, почему он отверг их величайший дар? Может быть, они дадут ему еще один шанс? Слова Эндриса придали ему решимости. Насколько мог, осторожно, Джандер подвел руки под тело друга.

— Тебе нужна помощь, — сказал он тихонько, когда Эндрис начал возражать. Молодой человек, хотя и сильный и мускулистый, показал-

ся вампиру почти невесомым. Быстро, стараясь идти как можно ровнее и ритмичнее, чтобы не причинить другу боли, Джандер побежал к аббатству. На первых же нескольких шагах Эндрис застонал и потерял сознание. Он еще дышал; он просто потерял сознание от боли. Джандер подумал, что это, возможно, к лучшему.

На полпути его встретила толпа разгневанных братьев с крепкими посохами. Один или двое из них были одеты в красивые, словно бы из дубовых листьев выкованные доспехи, традиционные для священников Сильваноса. Когда они увидели окровавленного эльфа и его драгоценную ношу, они сначала подумали, что он — еще один мародер. Один из них бросился на него, замахиваясь посохом.

— Нет, подождите! — раздался голос. Между братьями протолкался высокий худой человек с белыми волосами. Джандер догадался, что это настоятель Рэйлен. — Должно быть, это друг Эндриса, эльф, которому было дарован приют в роще.

— Да, отец, — сказал Джандер. Он вручил потерявшего сознание Эндриса ближайшим священникам, которые осторожно приняли его на руки. — Вам больше нечего бояться четверых из тех, кто напал на Дубовую Рощу. Но остались еще двое...

— С ними мы сами справились. Они арестваны и ждут нашего решения. — Рэйлен внимательно посмотрел на него. Даже в этом тусклом свете Джандер видел великолепно. Лицо этого человека было изборождено годами, но было очевидно, что его разум все еще так же крепок, как дубы, что растут в роще.

— Остальные четверо... твоих рук дело? — негромко спросил Рэйлен. Джандер кивнул.

— Я оставил рощу, чтобы спасти жизнь Эндриса и защитить ваше аббатство. Это был... долг. Я думаю, возможно, это я невольно привел к вам этих злых людей. Мне нужно было это искупить. Эндрис думает, что меня могут впустить обратно в рощу, потому что я покинул ее ради доброго дела.

Мудрые глаза Рэйлена осмотрели Джандера с головы до ног, не упустив ни крови, ни растрепанных волос. Благодарение богам — свет был слишком тускл, чтобы он мог разглядеть клыки Джандера. Когда он наконец встретил взгляд Джандера, его лицо было печально. Он медленно покачал головой. Сердце у Джандера упало.

— Но... Эндрис бы умер... как же мог я ему не помочь? — воскликнул Джандер.

— То, что ты решил поступить так, прежде всего объясняет мне, по-

чему Элдат дала тебе убежище в роще — у тебя доброе сердце, как бы ни были темны твои дела. Эндрис был неправ, давая тебе ложную надежду. Немногие получали и единственную возможность, подобную той, что была дарована тебе, друг мой. Никто не получает такого благословения дважды, какое бы доброе дело они ни сделали. Утешайся тем, что ты пожертвовал своим приютом не зря — Эндрис будет жить. И другие, которые могли бы умереть, если бы не ты. — Он поднял морщинистую руку, собираясь благословить Джандера.

Вампир быстро отшатнулся. Как только Рэйлен начнет говорить священные слова, немедленно обнаружится, что он — нежить. Ни слова ни говоря, он повернулся и побежал вниз по травянистому склону, обратно к роще. Приблизившись, он замедлил шаг, почувствовав, что в нем поднимается удушающий страх.

— Пожалуйста, — только и сказал он и шагнул вперед.

И вздрогнул от боли, перешагнув невидимый барьер, который немедленно ослабил его — неосязаемое, но очень реальное препятствие, которое не давало злым тварям войти в священное место. Он посмотрел туда, где всего несколько минут назад был его приют, дарованный богиней. Его серые глаза жадно оглядели валун, на котором он сидел, наполовину оконченную статуэтку, которая выпала из его рук и теперь тихо лежала на прохладной траве.

Джандер наполовину надеялся, что появится Элдат, и он сможет поговорить с ней и попросить о прощении. Но она не появилась, и, пока медленно текли секунды, в сердце его печаль медленно сменилась решимостью.

У него не было иного выхода. Он знал, что сидеть и смотреть, как убивают невинного друга, для него так же невозможно, как и самому стать священником. Если бы он так поступил, роща была бы запятнана его трусостью. Он возненавидел бы ее, как ненавидел самого себя; и однажды он непременно оставил бы это тихое место с куда большей горечью в сердце, чем теперь.

Джандер с усилием отвернулся и пошел прочь. Куда, он и сам не знал. Может быть, в Вотердип, куда направлялся с самого начала. Боги попытались предложить ему утешение, но судьба и то, что осталось светлого в самом Джандере, обрекли на поражение эту попытку обрести покой.

Он с усилием вдохнул воздух, и резкий запах дыма опять наполнил его ноздри; но пламя больше не плясало. Раненых вылечат, разрушенное восстановят. Жизнь в аббатстве пойдет, как прежде — и в этом будет,

пусть небольшая, но и его доля.

На сердце у него стало немного легче. Одиноким, без друзей и без надежды, эльф-вампир направился на восток, и, хотя по его следам шли тьма и смерть, на губах у него была улыбка.

Он правильно поступил. И в конце концов, когда все очки будут подсчитаны и все превратности судьбы отойдут в сторону, этот глубокий покой будет стоять всех тихих мест в мире.

КРОВАВЫЙ СПОРТ

— Как я понимаю, ты привыкла находиться по другую сторону этих железных прутьев, — сказала женщина, которую называли Акулой. Холодными черными глазами смотрела она через зарешеченное окно тюремной камеры в Туманной Долине. — Ведь ты была капитаном Наездников, да? Тебя называли Ринн «Законопослушной», верно? Ну да, это было до того, как ты предала тех людей, которых поклялась защищать.

Заключенная Ринн, лунный эльф с иссиня-черными волосами, не отвестила. Только стиснутые руки, тонкие руки в железных наручниках, выдавали ее напряжение.

Акула открыла дверь ключом, который дал ей новый капитан Наездников. Высокая, мускулистая, небрежно прислонилась она к холодной каменной стене камеры. Взгляд эльфийской женщины стал враждебнее, хотя она отчаянно дрожала. На загорелом лице Акулы появилась злобная улыбка. Ее функциональная мужская одежда — шерстяная туника, брюки и плащ — хорошо согревала ее даже в середине месяца Молота. На Ринн Ориандис была только поношенная туника, которую до нее носили десятки арестантов. Ее кожа, бледная, как у тех, за кем приглашали охотиться Акулу, была покрыта мурашками.

Акула опустила на колени, ее лицо оказалось в дюйме от лица Ринн.

— Все выплыло наружу, Ринн. Я хочу этого вампира.

— Меня не волнует, какую ложь тебе наговорили. Он заслуживал, чтобы его отпустили.

— Ах, вы, эльфы, защищаете друг друга, так? — Губы Акулы изогнулись в усмешке. — Я еще никогда не слышала об эльфе-вампире. Мне не терпится с ним повстречаться.

— Раса тут не при чем...

— Раса тут при всем! — оборвала ее Акула. — Во всяком случае, в том, что касается твоего поведения. Ты забыла только одно: это существо больше *не* эльф и потому не заслуживает твоего дурацкого покровительства. Он — вампир. Они — твари чистого зла. Они не знают расы, и единственное, чего они «заслуживают» — кол в сердце. Дай мне информацию, которую я хочу, или же я просто заберу ее у тебя.

Глаза Ринн остались твердыми.

— Пытай меня как хочешь. Я не сломаюсь.

— А я не была бы в этом так уверена. Меня называют Акулой, потому что я — охотница за хищниками. Я сражалась с двадцатью двумя вампирами и бесчисленным множеством людей, и я каждый раз убивала. — В ее словах прозвучала гордость. — А теперь — она быстрым движением

вцепилась Ринн в волосы — помоги мне, и ты сохранишь свой разум и, возможно, получишь свободу. Сражайся со мной — она сжала руку, и Ринн слегка охнула — и у тебя не будет ни того, ни другого.

Акула прочитала заклинание, пальцы с твердыми ногтями впились Ринн в голову. Ринн выгнулась от боли, зазвенели наручники, но сопротивляться она не могла. Акула вскрыла разум эльфийской женщины.

Чувства этой женщины были, очевидно, смущены волшебным очарованием вампира, потому что она видела в нем существо доброе и прекрасное, а вовсе не чудовище, которым он был на самом деле. Акуле уже случалось подобным образом читать разумы других, и всегда в памяти жертвы кровопийца оказывался просто святым. Акула сосредоточилась на внешности эльфа, его имени, его цели, а Ринн изо всех сил пыталась скрыть эту информацию. В ослабленном своем состоянии Ринн не смогла вынести ментальное вторжение. Рот ее открылся в беззвучном крике, и она потеряла сознание.

Ей повезло больше, чем она думает, подумала Акула; если бы она сопротивлялась и дальше, попытка защитить вампира уничтожила бы ее разум.

Торжествующая Акула отпустила Ринн. Следуя минутной прихоти, она швырнула на пол рядом с эльфийской женщиной ключи. Может быть, Ринн придет в себя и освободится раньше, чем ее тюремщики это поймут. Может быть, она сумеет бежать. Может быть, ее убьют. Это не имеет значения. Акула накинула на голову капюшон и исчезла благодаря волшебству, заключенному в плаще. Спокойно вышла она из маленькой тюрьмы и прошла мимо двух стражников. Ее лошадь ждала за тюрьмой, там, где стражники ее не видели. Акула бесшумно села на лошадь и направилась к единственным воротам Туманной Долины. Снег заглушил стук подков. Идиоты-стражники у ворот ничего не заметили.

В соответствии с тем, что удалось узнать у Ринн, чудовище хотело вернуться в Эвермит, на родину эльфов. Акула презрительно фыркнула. Этот кровосос что, действительно думал, что он сможет пересечь *воду*? Нет, ему придется остаться на Побережье Меча. Скорее всего, он в Уотердипе. Он уже опередил ее на три месяца. Чтобы догнать его, ей придется гнать изо всех сил.

Акула повернула лошадь на запад, в сторону города, известного как «Город роскоши», и яростно прищорила животное.

Охота началась.

* * * * *

Из «Головы Орка» неслась веселая песня. Акула, в женской одежде

выглядевшая обманчиво хрупкой, вошла в шумную таверну. Страхивая снег с плаща, она оглядела веселую, слегка пьяную толпу и спокойно прошла к столику в уголке. Кровососа здесь пока не было, но она наводила справки, и ее заверили, что сегодня вечером он непременно придет.

Как только Акула села за столик, хорошенькая молодая официантка поставила перед ней пенящуюся кружку эля. Девушка была невысокой, но с округлой фигуркой и чудесными золотыми волосами.

— За счет заведения, — объяснила официантка. — Шаллен Латкуль — девушка кивнула на необыкновенно красивого юношу, окруженного веселыми приятелями — женится завтра. Он угощает всех в память о своем потерянном холостячестве.

— Ну что ж, за Шаллена и его невесту. Он, похоже, популярный молодой человек, — заметила Акула, надеясь втянуть официантку в разговор. Возможно, этот Шаллен знаком с кровососом.

— О, да. Очень дружелюбный. И талантливый. Говорят, что он делает самые симпатичные безделушки по эту сторону от Эвермита.

— Но он ведь и сам симпатичная безделушка, правда? — пошутила Акула. Не успела девушка открыть рот, как распахнулась дверь, и глаза официантки вспыхнули радостью. Акула проследила за ее взглядом — и ее собственные глаза вспыхнули возбуждением.

Появился стройный эльф с большой корзиной в руках. Нажал на дверь, чтобы закрыть ее за собой. На нем поверх голубой туники был серый плащ, но волосы его были непокрыты — блестящие, присыпанные снегом пшенично-золотые волосы до плеч. Откиннутый капюшон плаща не скрывал красивые черты и бронзовую кожу. Его глаза оглядели таверну с тонким вниманием, которое Акула узнала. Серебряный взгляд на секунду задержался на ней — и оставил ее.

Вот он, ее эльфийский вампир.

Она внимательно смотрела, как он изящной походкой подошел к свободному месту около двери и поставил свою корзину. И тут его заметил Шаллен.

— Ах, вот и вы! — счастливо вскричал молодой человек, высвобождаясь из толпы менее внимательных собеседников. — Кирра приказала мне уговорить вас непременно прийти завтра на свадьбу.

— Боюсь, не смогу, — ответил эльф. Жители Туманной Долины не преувеличивали, когда описывали голос кровососа как нежный, подобный музыке. — Но вот это, возможно, сгладит горечь моего отказа.

Небольшим кинжалом он разрезал веревку на корзине и вытащил небольшую статую. Вырезанная из мягкой сосны, фигурка была не боль-

ше восьми дюймов высотой, но, как только эльф вытащил ее на свет, все глаза обернулись к нему и его работе.

На золотой его ладони стояла миниатюрная Ллийра, Наша Госпожа Радости. Она танцевала в откровенном веселье, ее длинные волосы развевались, сливаясь с кружащимся платьем. Одна рука была поднята и повернута ладонью вверх, а вторая обвивалась вокруг тела, следуя складкам одежды.

— Ее рука пуста, но вот здесь есть небольшая полость, — указал эльф. — Положи сюда какой-нибудь драгоценный камень, имеющий значение для вас с Киррой. Наша Госпожа Радости завтра будет присутствовать у вас на свадьбе вместо меня.

Голубые глаза Шаллена изумленно распахнулись, в них поблескивали слезы. Акула прищурилась. Как же легко было обмануть их всех — Ринн, Шаллена, и, возможно, эту маленькую официанточку, судя по тому, как рада была она приходу эльфа. Этот дар, как и вампир, который его сделал, был прекрасен, но, безусловно, очень опасен.

— Спасибо. Я... — У Шаллена перехватило горло, и он обернулся к стойке, смущенный своими чувствами.

— Слишком много выпил, — договорил за него приятель. Неловкое мгновение разрешилось смехом, и музыканты снова заиграли свою мелодию. Музыка была достаточно громкой, чтобы заглушить почти все разговоры в таверне, но Акула была готова подслушивать. Она опустила подбородок на ладонь, словно заслушавшись пения. При этом она поднесла к уху крохотный, великолепно выполненный рог — его легко было спрятать в ее черных пышных волосах. Она прошептала заклинание и отчетливо услышала голос официантки.

— Это, должно быть, заняло несколько месяцев! Что такого Шаллен сделал для вас, что вы дарите ему такую чудесную вещь?

Эльф оглянулся на ювелира.

— Он носит свою юность и счастье, словно красивое одеяние, не скрывает их и щедро делится со всеми. Это немало, Майя. А когда ты будешь выходить замуж, я подарю тебе и твоему мужу что-нибудь еще более красивое. Обещаю.

Майя ответила неуверенным смешком.

— Не знаю, будет ли у меня когда-нибудь муж.

Худенькими нервными руками девушка указала на свое тело, слишком зрелое для скромности, и на красивое лицо с выражением слишком жестким для невинности.

— Большинство мужчин предпочитают незанятую территорию, гос-

подин Джандер, а я больше похожа на их собственный задний двор.

Вампир накрыл рукой ее внезапно задрожавшие руки и ласково сказал:

— Ты уже говорила мне нечто подобное полгода назад, когда я нашел тебя в Городе Мертвых. Я тогда сказал тебе, что твое прошлое необязательно должно разрушать твое будущее. И я оказался прав — Курнин сразу же взял тебя на работу, верно?

На ее полных губах заиграла неуверенная улыбка.

— Да, — признала она. — Но, господин Джандер, никто из этих людей не знает, что я такое! — ее голос превратился в еле слышный шепот.

Дразнящее выражение лица эльфа сменилось суровым.

— Ты неправа, Майя. Они знают, что ты такое. Они не знают, чем ты была, а это больше не имеет никакого значения.

— Вы так думаете?

— Я знаю.

Как и Шаллен мгновение назад, Майя, казалось, вот-вот разрыдается. Она сморгнула слезы и позволила себе улыбнуться по-настоящему. Суровая маска исчезла, и на лице ее вспыхнула чистая, подлинная красота.

— Вы очаруете и птичек на ветках! — рассмеялась она, пытаясь разогнать мрачное настроение.

Как он, очевидно, очаровал тебя, подумала Акула с легким презрением. Очаровал, чтобы ты стала его следующим обедом.

Майя отправилась наполнять кружки празднующих, а эльф занялся своими делами. Он осторожно вытащил из корзины по меньшей мере дюжину небольших резных скульптур, перевернул корзину и расстелил на импровизированном столе свой плащ.

Сердце Акулы забилося сильнее в предвкушении. То, что она собиралась сделать, было рискованно, но это была часть смертоносной игры, которую она любила, игры, которая была ей необходима. Она встала и отправилась знакомиться со своей жертвой.

Вампир поднял голову, заметив, что на него упала тень. Акула заметила — словно бы ей нужны были дальнейшие доказательства — что неуспокоенный в мигающем свете светильников сам не отбрасывал тени.

— Ваша работа впечатляет. — Она спокойно встретила взгляд серых глаз вампира. Пока что ни один кровосос не сумел ее зачаровать, но ей нравилась флиртовать с возможной опасностью. К ее разочарованию, этот золотой вампир даже не попытался. Он просто продолжал расставлять фигурки на корзине.

— Благодарю вас.

— У вас свой магазинчик в Уотердипе?

— Я предпочитаю работать днем, а вечерами торговать в тавернах.

Еще бы, заметила про себя Акула. Она провела пальцем вдоль палу-бы крохотного, с невероятными подробностями сделанного эльфийского кораблика.

— Промочив глотки, люди охотнее расстаются со своими деньгами, как я понимаю?

Он вежливо улыбнулся.

— Возможно. Вам нравится эта фигурка?

— Да, но у меня сейчас с собой недостаточно денег, — ответила Акула, притворившись разочарованной. — Нельзя ли мне завтра прийти к вам домой и купить ее?

— Я предпочитаю одиночество, когда работаю, — ответил вампир чуть-чуть торопливо. — Я вернусь сюда завтра вечером. Мне оставить ее для вас?

— Завтра вечером я занята, но я пришлю за ней одну из моих служанок. Кого ей спрашивать?

— Джандер Солнечная Звезда, — ответил эльф. — А вы?

— Акеллина Казаар.¹ Спасибо, что согласились оставить для меня фигурку.

— Обычная деловая практика. Я не хотел бы потерять выгодную сделку, — ответил Джандер.

В этих серебряных глазах было странное выражение, и Акула почувствовала легкую тревогу. Она что-то сделала не так. Где-то она была неосторожна. Эта мысль была для нее как пощечина. Она улыбнулась, надеясь усыпить его подозрения, и почувствовала облегчение, когда он в ответ безыскусно, очевидно искренне улыбнулся — так же, как он на ее глазах улыбался другим, своим «друзьям». И все же, уходя, она чувствовала спиной его взгляд.

Выйдя из таверны, Акула перешла улицу и скользнула в аллею. Удостоверившись, что за ней не следят, она натянула на голову капюшон своего плаща. Сотканный и зачарованный ее собственными руками много лет назад, этот плащ не только делал ее невидимой, но и скрывал ауру, создаваемую теплом тела — нечто, что могут видеть вампиры. Ветер, усыпанный снегом, был силен, но она шла так, чтобы он дул прямо

---

¹Примечание переводчика. Героиню рассказа зовут Шакира; я назвала ее Акеллиной, чтобы сохранить созвучие имени и прозвища.

ей в лицо. Хотя теперь она была невидима и для людей, и для вампиров, она не хотела рисковать быть обнаруженной по запаху.

Ждать ей пришлось недолго. Скоро гостиница закрылась, и появился вампир. С ним была официантка Майя. Осторожно, бесшумно Акула направилась следом за ними. Она заметила, что Джандер нарочно оставляет следы в снегу, поддерживая иллюзию, что он всего лишь обыкновенный эльф. Слишком много кровососов, привыкших ходить, не оставляя следов, забывали об этой мелкой детали.

Майя и вампир тихонько беседовали, пока он провожал девушку до дома — до небольшой комнатки в двухэтажном здании над магазином портного. Акула ждала неизбежного. Глупая девчонка, загипнотизированная этим существом, непременно пригласит его зайти к ней. Ну конечно, он согласится, а там уж напьетесь досыта. Так происходило всегда, и Акула никогда не вмешивалась. Она усвоила после одного особенно неприятного случая в Сюзейле, что не слишком мудро беспокоить питающегося вампира.

Ее ожидания оправдались. Майя пригласила вампира войти — привычно, словно часто так делала. Кровосос вежливо согласился. Акула ждала с привычным терпением, не обращая внимания на холод. В конце концов вампир вышел, спустился по лестнице и пошел вдоль улицы — по-прежнему не забывая оставлять следы. Охотница отправилась следом, слегка озадаченная. Вместо того, чтобы принять облик летучей мыши или расплыться туманом, Джандер предпочел остаться в облике эльфа и просто пойти пешком. Но он казался напряженным и часто оглядывался через плечо.

Внезапно она поняла: он думает, что за ним кто-то следит. Откуда он знает?

Акула снова стала припоминать встречу в гостинице и наконец поняла, почему у кровососа возникли подозрения. Она не спросила о цене фигурки. Стыд и страх обрушились на нее, горячая кровь прилила к невидимому лицу. Идиотка! беззвучно закричал ее разум. Как она могла так глупо проколоться? Ее неосторожность могла бы стоить ей жизни — и все еще может. В этот момент Джандер остановился и мгновение смотрел прямо на нее. Сердце Акулы замерло... Но нет, он ее не увидел. Кровосос повернулся и отправился дальше.

Наконец он остановился у маленького каменного особнячка на окраине города. И только когда Джандер вытащил ключ и отпер дверь, Акула с некоторым удивлением поняла, что это и есть дом вампира. Деревянная притолока и дверь были крепкими и в хорошем состоянии. Под заколо-

ченными окнами стояли зимние скелеты розовых кустов, высаженные ровными рядами, тщательно подстриженные и укутанные. В последний раз встревоженно оглядев улицу, Джандер аккуратно стряхнул снег с ботинок и вошел внутрь.

Акула почувствовала вкус разочарования, словно пепел во рту. Какой интерес иметь дело с вампиром, который выращивает *розовые кусты*? Какой азарт в сражении против такого слабого врага? Она-то думала, что нечто столь экзотическое, как эльф-вампир, должно было потребовать весь ее опыт без остатка, весь ум и все способности! Она почти собралась прямо сейчас войти внутрь и разделаться с этим существом — у нее было ощущение, что у нее при этом даже испарины не появится — но недавняя неосторожность удержала ее от этого шага. Завтра она придет и убьет его. Конечно, это нетрудно, но все же необходимо разработать запасной план — просто на случай, если что-нибудь пойдет не так.

С последним разочарованно-презрительным взглядом на уютный особнячок, служивший домом вампиру, она отправилась обратно в центр города. Этой ночью ей предстояло сделать еще одно дело.

* * * * *

Защищенная ото всех взглядов своим волшебным плащом, Акула пришла к особняку вампира на следующий день. Дом вампира был частью небольшого ряда домов, в которых, похоже, никого в это время не было: свадьба Шаллена Латкуля на другом конце города действительно собрала кучу народу. Акула быстро и умело вскрыла замок и проскользнула внутрь. Закрыв за собой дверь, она постояла, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, и огляделась.

На этом, нижнем этаже двухэтажного здания, она не увидела ничего зловещего, кроме наглухо заколоченных ставен да тщательно законопаченных щелей. Там был большой верстак, на котором были аккуратно разложены инструменты для резки по дереву. На полках терпеливо стояли незаконченные деревянные скульптуры. Там, где не было полок, на стенах были красивые рисунки или гобелены. В одном углу хранились тщательно смазанные кольчуга, меч и щит. Без сомнения, реликвии тех времен, когда вампир был живым существом. Каменный пол был посыпан свежими опилками. Из-за занавеси у дальней стены доносился слабый писк. Акула осторожно подошла к занавеси и отодвинула ее.

В большой клетке по полу кружили десятки крыс. Несколько мгновений она внимательно смотрела на них, зная, что иногда вампиры контролируют таких простых животных, но крысы вели себя вполне обычно. Сморщив нос от запаха, она отпустила занавесь.

— Закуска, — негромко сказала она. Большинство вампиров держало у себя под рукой нечто подобное.

Она поискала в деревянном полу спрятанные люки, но не нашла. Озадаченная Акула нахмурилась и взглянула на лестницу, которая вела на второй этаж. Большинство неупокоенных предпочитали прохладные, темные логова, подземные, если возможно. Акула пожала плечами. Наверху, внизу — для нее значения не имело. Она бесшумно поднялась на несколько ступенек, осторожно подняла голову и чуть не вскрикнула от удивления.

У этого вампира не было гроба. И он не лежал вытянувшись, с аккуратно сложенными на груди руками. Он спал, распростершись на полу, руки и ноги его были согнуты под неестественными углами. Прекрасные черты, улыбавшиеся прошлой ночью в свете светильников, были искажены чем-то вроде страха. На мгновение Акула заколебалась. Она еще никогда не видела, чтобы кровосос спал в таком положении. Может быть, она ошиблась?

Нет, решила она в следующее мгновение. Она никогда еще не ошибалась в том, что касалось кровососов. Она бесшумно поднялась по лестнице и осторожно подошла к Джандеру. Грудь его не шевелилась. Он, безусловно, был мертв — но почему такое положение? Потом до нее дошло. Кровососы спят в той же позе, в какой умерли, а большинство из них было положено в гроб и похоронено. Джандер Солнечная Звезда, очевидно, встретил свою вампирскую судьбу менее спокойным образом и не удостоился положенного погребального ритуала.

Она наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть его, и капюшон упал ей на глаза. Она раздраженно сбросила капюшон на плечи, немедленно став видимой. Это не имело значения. Джандер, как и все кровососы, которых она убивала, был беззащитен, не только сражаться — двигаться-то не мог в дневное время. Он тоже умрет. Единственное, что ее сейчас занимало — как она его убьет. Ее сильные руки скользнули по широкому поясу, где она держала свои инструменты. Скорченное положение Джандера не давало ей возможности выстрелить наверняка из ее любимого оружия — маленького, специально сделанного арбалета, с которым можно было справиться одной рукой. Придется обойтись традиционными инструментами — колом и молотком.

Слегка повернув неупокоенное тело, она приставила конец заостренного кола к его груди. Она подняла молоток и произнесла слова, которые всегда произносила, прежде чем убить:

— Акула посылает тебя в Девять Преисподних.

Потом разочарованным тоном произнесла:

— Это было слишком легко.

Золотистая рука схватила ее за левое запястье. На нее взглянули серебряные глаза.

— Не так-то легко, — ответил вампир.

Акула оправилась от потрясения почти мгновенно. Быстрым движением запястья она высвободила из рукава маленький стеклянный шарик. Внутри аккуратно выдутого шарика плескалась жидкость — святая вода. Она швырнула шарик вампиру в лицо, но он был невероятно быстр. Отпустив ее руку, собственной рукой он моментально заслонил лицо. Стеклянный шарик разбился, но, вместо того, чтобы обжечь его глаза, осыщенная вода обожгла ему пальцы.

Пока чудовище не расплылось туманом и не сбежало, Акула отскочила, вытащила из мешка за спиной арбалет, прицелилась и выстрелила. Гладкая деревянная стрела глубоко вошла вампиру в грудь. Его тело немедленно начало усыхать; плоть ссохлась и из золотой стала темно-коричневой. Вздрагивая, он упал на колени на деревянный пол. Акула внимательно смотрела, наслаждаясь болью этого существа. Она не ожидала, что вампир сохранит столько от своей прежней расы, что сможет двигаться днем. Но она его достала, несмотря на...

Золотые руки сомкнулись на стреле, и Акула поняла, что, хотя деревянная стрела и ударила Джандера в грудь, а может быть, даже вонзилась в сердце, она не проткнула этот важнейший для вампира орган насквозь. Могучим рывком Джандер вырвал стрелу. Золотая окраска моментально вернулась к нему, и черты приняли свою обычную форму — но вот мягкости в его лице уже не было.

Акула рванулась к лестнице, Джандер в ярости бросился за ней. Она не смогла справиться с ним здесь, сейчас, и сосредоточилась на том, чтобы спасти собственную шкуру. За спиной она услышала жуткое рычание и поняла, что он принял облик волка. Она отпустила перила и скатилась по ступенькам на первый этаж, но острые зубы клацнули в нескольких дюймах от ее пальцев.

Она докатилась до пола, вскочила и побежала прочь от лестницы. Сунув левую руку в одну из сумочек на поясе, она достала липкую смесь экскрементов летучей мыши и серы.

— На двенадцать футов впереди, в трех футах от пола! — приказала она и указательным пальцем правой руки указала на дальнюю стену особняка.

На кончике пальца у нее появился маленький огненный шарик и по-

летел к дальней стене, по пути разрастаясь. Врезавшись в стену, он взорвался и поджег множество прекрасных работ Джандера. В особнячок ворвался солнечный свет, и Акула головой вперед прыгнула в пролом.

Несмотря на толстый слой снега, упала она тяжело, и удар выбил воздух у нее из легких. На одно дикое мгновение она подумала, а может, этот вампир, вдобавок к способности двигаться днем, еще и не боится солнечного света. Но Джандер не последовал за ней.

Акула перекатилась на спину, задыхаясь. Наконец она поднялась на ноги и посмотрела на дыру в стене. Его, конечно, не было видно; он прятался от обжигающего света. Она порадовалась, что прошлой ночью не пожалела времени, чтобы подготовить план как раз на такой случай.

— Вампир! — позвала она. Молчание. — Вампир! Я знаю, что ты меня слышишь!

— Я слышу тебя. — Тот же голос, что и прошлой ночью, мелодичный, но на этот раз в нем звучали боль и гнев. Это ей понравилось. Там, на втором этаже своего дома, он оказался для нее сюрпризом. Теперь у нее есть сюрприз для него.

— Майя у меня.

Молчание, потом:

— Ты лжешь.

— Я проследила за вами обоими от гостиницы прошлой ночью, потом вернулась назад и взяла ее.

Наградой ей было низкое рычание, и это ей понравилось еще больше.

— Не причиняй ей вреда... Пожалуйста. Она невиновна. Она обо мне ничего не знает. Это меня ты хочешь! — Акула услышала его шаги. — Я... Я выйду.

В ее голове прозвучала тревога:

— Нет! — закричала она с большим чувством, нежели хотела бы. На эту удочку она уже однажды попалась — позволила вампиру добровольно умереть на солнечном свету, а кровосос оказался к тому же еще и магом и наколдовал вокруг себя и вокруг нее шар темноты. Ее рука невольно метнулась к горлу, коснулась зажившего шрама. Ее покусали, но она победила — и получила урок, касающийся предательской природы вампиров.

Но если этот кровосос играет, то он великий актер. Акула слышала в его голосе подлинную боль.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Что такое Майя, что ты сдаешься ради нее?

Ей хотелось услышать его ответ, но она стояла наготове, ожидая

любой возможной атаки.

В доме прозвучал негромкий голос Джандера:

— Она красивая, а я ценю красоту.

Акула ухмыльнулась.

— Стало быть, прошлой ночью у нее в комнате ты просто восхищался ее красотой.

Пауза, потом:

— Она нетронута. Я хожу к ней каждую ночь. Я учу ее читать.

— Словом «нетронута» я вряд ли стала бы описывать грошовую шлюшку, а что до чтения...

— Что она делала, чтобы заработать себе на хлеб, меня не волнует. — В прекрасном голосе зазвенел гнев. — Я забочусь о том, чем она является сейчас и чем может стать. Она хочет учиться. А я хочу помочь ей.

— Ты хочешь помочь, а не убить, правда?

— Некогда некто дал мне возможность искупить свое прошлое. Как же могу я не сделать того же для Майи?

Акула не выдержала и расхохоталась. Неужели он думает, что она поверит такой дурацкой выдумке?

— Вы очень здорово сочиняете, Господин Эльф. Но меня вы не убедили. Если ты действительно хочешь обеспечить Майе приятное будущее — сделай это. Мои условия просты: твоя нежизнь за ее истинную жизнь. Приходи сегодня вечером на встречу со мной к памятнику в Городе Мертвых. Если ты не покажешься — что ж, эта шлюшка для меня ничего не значит.

Еще одна пауза.

— Большинство тех, кто охотится за *носферату* — святые люди, чистые душой и помыслами. Ты не такова, Акеллина Казаар. Если бы ты была такой, я радовался бы тому, что ты меня нашла, я знал бы, почему за мной охотятся. Ты задавала мне вопросы, теперь я спрошу у тебя: почему ты смогла так использовать ни в чем не повинную Майю? Почему ты хочешь убить меня, когда я никому в этом городе не сделал ничего плохого?

Акула была озадачена неожиданным вопросом. Еще никогда никто не задавал ей подобных вопросов. Она убивала, потому что умела это делать и только это и делала всю жизнь — сначала для самозащиты, потом за деньги в качестве наемной убийцы. Когда удовольствие от отнятия человеческой жизни поблекло, она занялась охотой на неуспокоенных. Кровососы были серьезными противниками, и все хотели, чтобы их уничтожали. Она больше не была воровкой Акеллиной, испуганной и

одинокой. И не была безымянным наемным убийцей, который всю жизнь проводит в тени. Она превратила себя в Акулу, которая всегда настигает свою жертву, чье владение тонким искусством убивать находило большой спрос и широко превозносилось. Но сейчас в ее словах прозвучало совсем другое. Она ядовито бросила:

— Потому что Капитан Ринн Ориандис хочет, чтобы тебя уничтожили, ты, богами проклятый кровопийца.

Тихий вскрик Джандера заставил почерневшее от ненависти сердце Акулы на мгновение замереть. Этот дурак мне верит! Ее лицо исказилось гримасой, которую она сочла улыбкой, и она ушла, оставив вампира одного — страдать до вечера.

* * * * *

Для места, посвященного смерти, Город Мертвых был очень популярен среди живых. Много поколений самых разных жителей Уотердипа обратилось в пыль бок о бок в простых могилах и великолепно отделанных мавзолеях: воины, морские капитаны, купцы, простолюдины. Их прижизненная борьба перестала что-либо значить, когда, объединенные своей смертностью, они уснули последним сном. Густая трава, тенистые деревья и прекрасные статуи придавали этому месту очарование покоя. Днем этот маленький «город» был тихой гаванью для посетителей. Ночь, однако, приводила на кладбище людей другого рода — тех, кто занимается делами, которые лучше делать в слабом свете луны и звезд, подальше от посторонних глаз.

Центром Города был гигантский монумент, возведенный всего несколько лет назад. Предназначенная для того, чтобы почтить основателей Уотердипа, статуя была великолепным произведением искусства. Монумент шестидесяти футов в высоту составляли десятки отдельных каменных скульптур, изображавших воинов в натуральную величину, сражающихся со всеми разновидностями противников-нелюдей. Широкий у основания, памятник с каждым уровнем становился все уже, и на самой вершине стоял одинокий герой. Замершие навеки в момент высочайшего деяния своей жизни, орки насаживали своих противников на копья, меченосцы убивали медвежуков, и все — и герои, и чудовища — умирали в драматических позах.

Здесь несколько месяцев назад вампир повстречал Майю, занимающую своей неаппетитной работой. Здесь он надеялся снова увидеть ее сегодня ночью.

Джандер пришел в облике эльфа, но следов не оставлял. Приблизившись к памятнику, он остановился. Огромную статую окружало бледно-

белое кольцо, и холодный ночной воздух был полон резким запахом чеснока. Послышалось приглушенное рыдание, и он посмотрел вверх. С нарочитой иронией Акула привязала официантку к каменному герою, стоявшему на горе из воинов с поднятыми в жесте триумфа руками. Девушка была надежно связана веревкой по рукам и ногам. Кусок ткани, засунутый ей в рот, заглушал слова, но не страх.

Джандер медленно прошел вдоль чесночного круга, пока не подошел к двухфутовому разрыву в непреодолимом для него барьере. Он колебался всего мгновение, прежде чем вступить в круг. Это, очевидно, была ловушка. Но какой у него был выбор?

У основания памятника Джандер вскрикнул и упал. Его нога попала в умно замаскированный острый капкан, сделанный из дерева, а не стали. Второй капкан сомкнулся у него на руке. Зубы капканов были облиты освященной водой. На ранах вампира зашипели пар и кровь, поблескивая черным в лунном свете.

Здоровой рукой Джандер расщепил дерево, вцепившееся в его ногу и запястье. Сразу же вскочив на ноги, он огляделся, явно ожидая следующей атаки. Ее не последовало.

Дальше к статуе он шел осторожнее, глядя на снег перед собой, а не на сам памятник. Там были еще несколько спрятанных капканов, ждавших его. Он их осторожно обошел.

— Я здесь, Майя, — позвал он. — Больше тебе ничего не грозит.

Прямо перед ним была каменная фигура женщины-воительницы с длинными волосами, заплетенными в косу. Он потянулся к ней, чтобы забраться на памятник и освободить Майю. Но статуя улыбнулась и ожила. Иллюзия рассеялась, и Акула вытащила маленький арбалет и выстрелила деревянной стрелой прямо Джандеру в грудь. Она была всего в двух ярдах от него.

Джандер от удара охнул, но стрела отскочила от его тела и упала на траву.

Акула вскрикнула. Вампир улыбнулся и постучал себя по груди золотым пальцем. Звякнуло; слишком поздно Акула вспомнила кольчугу, которую видела у Джандера в особнячке. Натянув на голову капюшон, она стала невидимой и отскочила. Рука вампира схватила ее за плащ, но она вырвала плащ и бросилась бежать.

Джандер немедленно последовал за ней.

Акуле понадобилась секунда, чтобы сообразить, что кровосос видит ее следы на снегу. Она немедленно подпрыгнула, схватилась за могучую руку каменного орка и взобралась на него. Она отодвинулась влево, осто-

рожно балансируя на каменном шлеме и плече, потом замерла, задержав дыхание.

Некоторое время золотой вампир стоял неподвижно, сам — словно статуя, оглядываясь вокруг, словно мог разглядеть Акулу сквозь скрывшее ее волшебство с помощью одной только силы воли. Его взгляд скользнул по ней и за нее. Потом Джандер повернулся и начал взбираться вверх.

Когда он был на полпути к вершине памятника, Акула как можно тише спустилась вниз. Она поправила капюшон плаща, чтобы он не соскользнул случайно. Она надеялась, что сможет завершить свою задачу раньше, чем вампир заметит выдающие ее следы.

Она торопливо подкралась к чесночному кругу и перекрыла разрыв оставшимися у нее клубнями. Теперь у него не будет выхода — он даже не сможет перелететь через кольцо. Она вернулась к статуе и последовала за вампиром наверх.

Его движения были быстрыми и уверенными, но не до неестественности. Джандер прилагал огромные усилия, чтобы не открыть Майе своей истинной природы. Пока что этот обман был Акуле на руку. Она быстро следовала за ним, легко поднимаясь по сражающимся воинам, словно по ветвям очень узловатого и ветвистого дерева.

Вот он достиг вершины. Наступила тишина, и Акула знала, что кровосос уставился на священные символы, которые она разместила у Майи по всему телу. Осторожно, бесшумно охотница продолжала лезть наверх, все время прислушиваясь.

— Латандер, защити меня! — послышался полный ужаса голос Майи, когда Джандер вытащил кляп у нее изо рта. — Не убивайте меня! Пожалуйста! Она — она сказала мне, что вы такое. Я сделаю все, что вы хотите, только, пожалуйста, не убивайте меня!

Ошарашенное молчание. Акула подтянулась на умирающем лучнике, со злобной радостью ожидая ответа кровососа.

— Нет, Майя, — прозвучал голос Джандера, полный древней усталости, — я тебя не убью. Я просто... вот, дай-ка я тебя развяжу.

Теперь Акула его видела. По-прежнему невидимая, она напряженно смотрела, как Джандер подошел ко все еще перепуганной девушке и принялся развязывать ее. Он успешно развязал ей руки и опустился на колени, чтобы добраться до узлов у нее на ногах. Из маленького розового медальона, спрятанного в юбках Майи, вырвалась яркая вспышка света. Заклинание Акулы сработало прекрасно.

Вампир взмахнул руками, закрывая глаза, пошатнулся и упал с мону-

мента. Акула поспешила вперед. Схватившись одной рукой за умирающего тролля, охотница наблюдала, как Джандер падает. Его тело замерцало, превращаясь в маленькую коричневую летучую мышь. Он полетел обратно к вершине монумента.

Акула услышала, как за спиной у нее всхлипывает Майя, развязывая узлы на ногах. Потом, хныча, официантка принялась слезать с памятника. Акула не обратила на нее внимания: Майя свое дело сделала.

Вместо этого охотница сосредоточилась на вампире. Осторожно наклонившись над поднятыми каменными мечами и копьями, торчавшими внизу, она прислонилась к статуе тролля и вытащила из кармана небольшой мешочек. Пшеничные зерна дождем осыпали летучую мышь. Это был любимый трюк Акулы, предназначенный для вампиров в облике летучей мыши. Пшеница должна была сбить грызуна с толку, заставить его дико заметаться. А это даст Акуле возможность подготовить другую, более смертоносную атаку.

Но Джандер не заметался. Маленькая летучая мышь на мгновение бешено завертелась, потом продолжала полет прямо в лицо Акуле. Никакой плащ невидимости не мог защитить ее от обостренных чувств вампира в облике летучей мыши. Вот он уже у самых ее глаз. Она видела, как открываются крохотные челюсти грызуна, усеянные острыми зубами.

Вздрогнув, Акула увернулась. Ее нога соскользнула с усыпанной снегом опоры, и она упала — а внизу были острые каменные копыя. Она не закричала, только охнула, когда смертельное падение внезапно прекратилось. Ее плащ зацепился за копые в руках одного из медвежуков. От внезапного рывка на горле у нее появился синяк, но она была жива.

Акула повисла, болтая руками и ногами, слегка раскачиваясь взад-вперед. Она призадумалась и выругала себя. На этот случай она не приготовила никаких заклинаний — ни парения, ни полета, ни превращения. Охая от напряжения, она потянулась вверх, пытаясь схватиться за каменное копые. Но дотянуться до него ей не удалось. Она потянулась направо, надеясь ухватить безобразное свиное рыло орка, убивающего несчастного каменного героя. Ее руки схватили только воздух.

Перепуганная больше, чем когда-либо за последние несколько десятилетий, Акула выгнула шею и посмотрела наверх.

Кровосос был эльфийским силуэтом на фоне звездного неба. Он наклонился и посмотрел на нее. Потом медленно двинулся вниз. Одна рука потянулась к ней.

Неосознанно плача, Акула увернулась. В плаще у нее появилась ды-

ра, и она упала вниз на четыре дюйма. По крайней мере, вампир был слишком высоко, чтобы достать ее — но, о боги, он может ползти...

— Дай мне руку.

Секунду она не могла понять, что он говорит, так неожиданны были его слова. Джандер вытянул руку еще немного.

— Дай мне руку. Я не могу до тебя дотянуться!

Плащ разорвался еще чуть-чуть. Акула посмотрела на нижний ярус сражающихся воинов и их острое каменное оружие. Падать на них ей было по меньшей мере двадцать футов.

— Я сейчас, Акеллина. Держись. — И действительно, золотой вампир пополз вниз, чтобы достать ее.

И вдруг она поняла, поняла с глубокой, внутренней уверенностью, что Джандер Солнечная Звезда не собирается ее убивать. Он собирается спасти ей жизнь, выручить ее. Она, Акула, женщина, которая всю жизнь совершенствовала искусство убивать, в конце концов потерпела неудачу. И, потерпев неудачу, она будет обязана жизнью тому самому существу, которое хотела уничтожить. Если его прощающие руки сомкнутся на ней, она больше никогда не сможет поднять оружие. Она больше не будет Акулой.

Ей даже думать не пришлось. Подняв руки, она схватилась за плащ.

— Акула посылает тебя в Девять Преисподних, — вслух сказала она, но на этот раз эти слова предназначались для ее собственных ушей.

Когда пальцы вампира коснулись ее, Акула улыбнулась, как тот хищник, которым она была, плюнула в его прекрасное, отчаянное лицо, и разорвала плащ до конца.

ВАМПИР ТУМАНОВ

Тот, кто улыбается смерти в лицо; тот, кто процветает среди болезней, что убивают других людей. О, если бы подобный явился от Бога, а не от дьявола, то был бы защитник добра, сильнее которого вряд ли кто мог бы быть в нашем мире.

— Брэм Стокер, «Дракула»

Пролог

Последние лучи заходящего солнца пробивались через витражные окна замковой часовни и отбрасывали тускнеющие отсветы на каменный пол. Кроме них, часовню освещало только пламя маленькой жаровни, пылавшее на алтаре. Превысший Жрец Баровии не прерывал работы, пока хоть что-то видели в полумраке его старые глаза. В конце концов, раздосадованный вынужденным перерывом, он отложил амулет и отправился зажигать свечи.

Теплое сияние свеч осветило алтарь, но большая часть часовни осталась в тени. На низком деревянном алтаре теперь не хранились священные талисманы и не проводились ритуалы — он превратился в рабочий стол, заваленный инструментами для тонкой работы по металлу: молоточками, щипчиками, кусками воска, была там и гладкая ювелирная наковаленка. Седой священник зажег последнюю свечу и поспешил вернуться к своему требовательному господину — амулету. В разуме священника неустанно билась жалобная мольба о завершении.

Превысший Жрец работал над амулетом уже много недель, работал с лихорадочной поспешностью, не позволявшей ему отдыхать, пока работа не закончена. И все же он не устал. Энергия, казалось, струилась по его венам, направляя неловкие, неумелые руки. Амулет сам себя создавал. Скрученные пальцы священника были лишь инструментом.

В глубине души Превысший Жрец чувствовал себя виноватым. Он пренебрегал обязанностями священника, утешителя напуганных людей. Атаки гоблинов становились все яростнее, все больше людей погибало, но Превысший Жрец передоверил все погребальные ритуалы своему помощнику. Голос амулета твердил, что ему поручено гораздо более важное задание. «Ты делаешь нечто большее, чем просто украшение, — говорил амулет. — Я стану оружием, подобного которому никогда не было в этом печальном мире.» Враг, против которого предназначался амулет, был ку-

да хуже гоблинов — враг, которому еще предстояло окупать Баровию тьмой.

Превысший Жрец замер и дрожащими от напряжения руками потер налитые кровью глаза, прежде чем вернуться к работе. Следуя указаниям, звучавшим у него в голове, он создал новый предмет, соединив два старых. Хрусталь был даром земли. Платина, из которой Превысший Жрец выковал оправу, была столь же древней, но руки жреца нанесли на металл руны любви, а не насилия. Священник придал оправе форму сияющего солнца, и когда он вставил в оправу ограненный хрусталь, амулет наполнился светом и красотой, словно маленькое солнце.

Старый священник бережно вывел последнюю руну. Сморгнув пот, заливавший его глаза, он осмотрел свою работу. Оставалось сделать только одно. Священник надел платиновый медальон на шею и спрятал в складках мантии от посторонних взглядов. Похлопал себя по карману, убедился, что записка, написанная несколько дней назад, еще там, и слегка улыбнулся. Его по-прежнему наполняла таинственная энергия, и он ушел от алтаря по длинным, освещенным факелами коридорам замка быстрым уверенным шагом молодого человека.

Один из замковых слуг услышал, как распахнулись двустворчатые двери часовни. Изо всех сил пытаясь угнаться за стариком, слуга спросил:

— Что теперь, Ваше Благословенство?

— Коня, — бросил Превысший Жрец, не оглядываясь на спросившего. Слуга опрометью бросился вперед — выполнять приказ. Перед тем, как отправиться на войну, хозяин замка велел своим слугам во всем слушаться Его Благословенство. Хоть и был слуга молод и быстроног, священнику пришлось несколько минут нервно ходить туда-обратно перед великолепными резными воротами замка, дожидаясь, пока помощник конюшего выведет ему коня. Превысший Жрец буквально взлетел в седло, резко натянул узду и помчался прочь, за пределы замковых стен. Он спешил к Кругу — завершить выполнение божественной воли.

Вдоль Старой Сваличской дороги, по которой галопом мчался священник, поднимался ночной туман. И конь, и всадник быстро покрылись брызгами дорожной грязи, но Превысший Жрец не обращал на это внимания. Он гнал коня все быстрее и быстрее, потому что амулет торопил его. В спешке священник свернул с дороги и помчался через Сваличский Лес. Он не знал пути напрямик, но амулет знал. Наконец, Первосвященник достиг своей цели — громадного круга камней на окраине поселка Баровия.

Он попытался одновременно спешиться, взять в руки амулет и подбежать к центру круга. Но сумел только запутаться в полах широкой мантии и тяжело упасть на землю. «Это старое тело совсем износилось,» — мрачно подумал священник, поднимаясь на ноги. Он шагнул к громадному плоскому камню, лежавшему в центре круга, опустил рядом с ним на землю и почтительно возложил амулет на камень.

«Последнее благословение, — подумал он, — и моя работа закончена...»

Молодой послушник нашел священника на этом самом месте на следующий день, незадолго до полудня. Лицо Превысшего Жреца в смерти стало мирным и удивительно гладким. На посеревших губах застыла слабая, но счастливая улыбка. В одной руке священник держал медальон в виде солнца, в другой — записку. Глаза молодого человека наполнились слезами, и ему пришлось несколько раз сморгнуть, прежде чем он сумел прочесть последние строки, написанные Превышим Жрецом.

«Это дар богов измученной земле. Применяйте его как должно и с почтением, но передавайте тайну только от священника к священнику. Ибо сойдет на землю род воронов, и это будет их священный символ. Его сила родственна силе солнца: свет и тепло. Он — последняя надежда отбросить Тьму, что падет на этот печальный край.»

Глава первая

На чернильных водах уотердипской гавани мирно покачивалась «Гордость Королевы» из Эвермита. Снасти раскачивались на ветру и громко хлопали по бортам катамарана — звуки далеко разносились в ночной тишине. На главной мачте развевался флаг с изображением герба Эвермита: золотое дерево на фоне темно-синего звездного неба. Ветер усиливался. В отдалении бакены вызванивали свои дружеские предостережения. В прохладном влажном воздухе висел густой запах рыбы и соленой воды.

Неподалеку, спрятавшись в аллее, на катамаран с тоской глядела одинокая фигурка. В свете Селюн кожа и волосы золотого эльфа казались жемчужно-белыми, а его поношенная синяя туника — такой же серой, как плащ и брюки. Поблекшая серебристая отделка туники все еще мерцала в молочном сиянии луны.

Джандер Солнечная Звезда был довольно высок для своей расы — целых пять футов девять дюймов роста. Его чистые, острые черты смягчила боль воспоминаний. Густые золотые волосы почти полностью скрывали изящные кончики заостренных ушей. Высокие, до середины бедра, сапоги из мягкой серой кожи бесшумно ступали по размокшим доскам пристани. На левом бедре висел кинжал в простых ножнах.

Серебряные глаза Джандера были полны грусти. Сколько же десятилетий прошло с тех пор, как он в последний раз видел корабль со своей родины? Славный Эвермит, страна красоты и гармонии. Он больше никогда не увидит ее. Тонкими длинными пальцами эльф вцепился в полы плаща и плотно запахнул в серую ткань, чтобы понадежнее укрыться от случайных глаз.

Смотреть на корабль больше не было сил. Эльф отвернулся и неслышно пошел прочь из гавани в сердце города, который люди называли Уотердипом. Этот город когда-то тоже был его домом, пока жажда странствий не позвала его навстречу року.

Теперь Джандер нечасто решался заходить в город. С точки зрения эльфа там стало слишком много народу. Он поселился в небольшой пещере за пределами города, где еще можно было найти деревья и тишину. Там Джандер предавался своей врожденной эльфийской любви к красоте и природе, ухаживая за небольшим садом ночных цветов. Но сегодня эльфа заставила пробраться в окрестности порта необходимость.

Он шел по булыжным мостовым бесшумно, в полной тишине, быстро и уверенно. Таверны, магазины и склады его не интересовали. Он направлялся в самое кошмарное место города — туда, где в грязи, боли и слезах доживали свои бессмысленные жизни самые несчастные души Торила. Эльф завернул за угол, его лицо заострилось от голода, серый плащ развевался за плечами.

В Уотердипе за деньги можно было вылечить почти все. Жрецы умели исцелять раны, а маги — призывать удачу. Но порою боги не слушали молитв, а заклинания срабатывали неправильно. Ужасно неправильно.

Когда-то несчастных сумасшедших, которых нельзя было вылечить магией, запирали в подвалах или выбрасывали на улицы. Некоторые недобрые люди даже устраивали «исчезновения» своих неудобных больных родственников. Но теперь, в цивилизованном 1072 году, для неизлечимых душевнобольных существовало специальное место.

Подходя к большому зданию из дерева и камня, Джандер вздрогнул. Какофония, не смолкавшая внутри, достигла его чувствительных ушей. «Сумасшедшие дома — места куда ужаснее замков с привидениями, — подумал он, — здесь действительно слышны вопли проклятых.» Он терпеть не мог это место и приходил сюда только раз в несколько лет, когда его великая жажда требовала чего-то большего, чем кровь животных. Приготовившись к тому, что ждало его внутри, Джандер подошел к дверям.

В сумасшедшем доме были две главных камеры, мужская и женская. В других, меньших камерах содержались буйные больные и те, чей пол был искажен до неузнаваемости. Джандер никогда не входил в эти отдельные камеры. Да, он был вампиром, но настолько отвратительного зрелища выдержать не мог.

Расплывшись туманом, он проскользнул через щели в деревянной двери женской камеры. Туман обрел цвета — синий, серебряный и золотой — и вот из бесформенной дымки возникло существо, которое можно было принять за ангела.

Камеру ярко освещали факелы, закрепленные достаточно высоко, чтобы заключенные не могли до них добраться. Это было необходимо: мно-

гие лунатички боялись темноты. На полу валялась солома и гнилые матрасы. В камере имелись ночные горшки, но мало кто из безумиц ими пользовался. Каждые несколько недель городские исполнительные лица выводили сумасшедших и промывали камеры большим количеством воды, но от этого грязи вряд ли становилось меньше.

С кошачьей грацией Джандер шел среди безумных женщин, вертя золотистой головой и внимательно осматривая помещение. Некоторые лунатички при его приближении бросались прочь и, хныча, забивались в углы. Другие не обращали на него внимания. Некоторые даже пытались ласкаться к нему — из их рук он осторожно высвобождался.

Прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как Джандер побывал тут в прошлый раз, и он не узнал никого из безумиц. Некоторые выглядели вполне нормально — старые женщины, чей разум со временем поблек и выцвел, словно узор на старой ткани. Было там несколько бесформенных чудовищ — жертвы неправильно сработавших заклинаний или, возможно, магических преступлений, в муках завывавшие по углам. Больше всего было смотреть на тех, кто выглядел почти нормально и с небольшой помощью мог бы жить на воле, но их родственники не пожелали им помогать.

Население Уотердипа росло, а с ним росло количество и разнообразие сумасшедших. Большинство безумиц в камере были людьми, хотя тут и там Джандер замечал приземистые фигуры гномов и полурослиц. Слава богам, эльфов здесь не было. В холодном сыром углу какая-то женщина методично раздирала обрубок руки пальцами другой руки, покрытыми чешуей. Ноги у нее тоже были в чешуе и заканчивались когтями, как у ящеролудей. Еще одна женщина лежала на пути вампира, закрыв голову руками. Когда Джандер переступил через нее, она пошевелилась. Вампир вздрогнул. У нее на лице не было ни носа, ни глаз — ничего, кроме краснотуберкулезного рта.

— Они идут, ты знаешь, да, — крикнул кто-то ему прямо в ухо. — Все эти глаза на стебельках, они кивают тебе, и рты, рты... — Бормотание безумицы стало совершенно невнятным, она засунула пальцы в рот. Джандер закрыл глаза. Он ненавидел это место. Сейчас он быстро поест и уйдет.

Такой способ насыщения практически не вредил заключенным. Джандер мог материализоваться в камере, выпить столько, чтобы хватило на достаточно долгое время, пока ему опять не потребуется человеческая кровь, и исчезнуть. Те, чью кровь он пил, наутро обычно даже не чувствовали слабости. А у ответственных лиц не было причин проверять

горла сумасшедших. И две маленьких незаметных отметины никто никогда не замечал.

У дальней стены камеры, в стороне от других, лежала, свернувшись клубком на грязной соломенной подстилке, еще одна женщина. На первый взгляд она ничем не отличалась от прочих лунатичек. Ее длинные темные волосы спутались, бледная кожа была покрыта грязью. Одетая она была в отвратительную бурую рубаху — обычное одеяние в этом аду. Грязная тряпка почти не защищала от холода, а от прикосновений безумных соседок и того меньше. Возможно, почувствовав, что на нее смотрят, женщина подняла голову.

Она была изумительно красива, и с губ Джандера сорвался тихий вскрик боли и восхищения. Ее волосы, грязные и спутанные, когда-то были чудесного рыже-каштанового цвета. В огромных глазах стояли слезы. Эльф увидел, как две слезинки выкатились из ее глаз и прочертили дорожки в грязи, покрывавшей бледные щеки. Губы — розовые лепестки на фарфорово-белом лице — слегка дрожали.

Вампир уже давно не видел такой красоты, и уж конечно, не думал, что увидит нечто подобное здесь. Завороженный, он подошел и опустился рядом с ней на колени. Она смотрела ему в лицо сияющими карими глазами.

— Приветствую тебя, — сказал он нежным музыкальным голосом. Девушка не ответила, только молча посмотрела на него, и слезы перестали течь у нее из глаз. — Меня зовут Джандер, — сказал он так же ласково. — А тебя? Откуда ты?

Губы девушки шевельнулись. Джандер напрягся, прислушиваясь, но она не произнесла ни звука. Разочарованный, он встал. Она все еще доверчиво смотрела на него. Боги, какая красивая... Кто же отправил ее в это ужасное место?

— Я был бы рад забрать тебя отсюда, — печально сказал Джандер, — но я не смогу смотреть за тобой днем.

Он отвернулся от девушки. Она всхлипнула и потянулась к эльфу, из ее глаз опять потекли слезы.

— Сер! — всхлипнула она, протягивая к нему руки. Джандер не знал, что и думать. Прошло целых пять столетий с тех пор, как что-то прекрасное желало к нему прикоснуться, и вот к нему тянется эта несчастная красавица. Эльф поколебался, потом сел рядом с ней и нерешительно обнял.

— Шшш, шшш, — утешал он ее, словно ребенка. Вампир держал девушку в объятиях, пока она не выплакалась и не уснула, потом опустил

ее обратно на подстилку, поднялся, стараясь не потревожить заснувшую девушку, и отправился утолять свой голод в другой угол камеры.

На сердце у него было легко, как давно уже не было в последние годы. Он нашел в этой адской дыре красивое существо, которое его не боялось. Девушка нуждалась в заботе. Он знал, что вернется к ней следующей ночью.

И он действительно вернулся, и принес с собой хорошую еду — мясо с костра путешественника, хлеб и фрукты с прилавка беспечного лавочника. Джандер обнаружил, что из вампиров получают отличные воры, хотя мало кому из них приходится заниматься воровством.

— И опять здравствуй, — приветствовал он темноволосую красавицу. Она взглянула на него, и ее губы сложились в осторожную мимолетную улыбку. У эльфа перевернулось сердце. Он от души улыбнулся в ответ, сел рядом с девушкой и протянул ей еду. Она озадаченно уставилась на подарок.

— Это еда, — объяснил Джандер. — Поешь. — Он изобразил, будто кладет хлеб к себе в рот. Девушка по-прежнему не понимала. Джандер бы съел немного, просто чтобы показать ей, но он не мог проглотить ничего, кроме крови.

Решение подсказало шарканье за спиной. Какая-то старуха уставилась на хлеб голодными глазами.

— Смотри, — сказал Джандер девушке, оторвал кусок хлеба и протянул старухе. Та схватила предложенную пищу и принялась жадно жевать. Темноволосая девушка улыбнулась и понятливо кивнула. Затем она решительно поднялась на ноги и принялась раздавать еду другим лунатикам, оглядываясь на эльфа со счастливой улыбкой.

Джандер невольно рассмеялся, хоть и был раздосадован: девушка была истощена и нуждалась в еде, ей не следовало раздавать другим то, что он принес для нее... Он вскочил. Прекрасная сумасшедшая спокойно и уверенно ходила среди сокамерниц, раздавая пищу с уверенной грациозностью. «Как будто ей уже приходилось заботиться о других,» — подумал Джандер. Он шагнул к ней, схватил за плечи и развернул лицом к себе.

— О милосердные боги, — прошептал он, — ты ведь не родилась такой, да?

Девушка спокойно улыбнулась и пошла дальше раздавать еду.

В душе потрясенного эльфа вспыхнула отчаянная надежда. Если эта девушка когда-то была здорова, то, может быть, ее можно вылечить? Может быть, он сумеет вернуть ее из-за грани безумия?

Он знал одно: надо попытаться.

До встречи со своим «цветком» Джандер просто существовал из ночи в ночь, питаясь кровью животных. Он ухаживал за своим ночным садом, наблюдая, как растут растения, и находил в этом утешение. С тех пор, как он стал вампиром, он был лишен всего того, что больше всего любил при жизни.

Но для этой таинственной молодой женщины из сумасшедшего дома то, что он — нежить, ничего не значило. Она, похоже, всегда радовалась ему, хоть и не говорила ничего, кроме непонятных обрывков слов. Через несколько недель Джандеру все-таки удалось убедить ее съесть то, что он для нее приносил, и она начала набирать вес.

Однажды ночью в конце лета они сидели вместе. Внезапно девушка напряглась, тревожно нахмурилась и вырвалась из его объятий.

— Что случилось? — спросил Джандер. Девушка как будто не услышала. Она резко вскочила на ноги, все еще вглядываясь во что-то невидимое. Джандер встревожился и слегка потянул ее за платье.

Девушка завизжала, в ответ раздался визг других лунатичек, все больше и больше, громче и громче. Она заломила руки, и каждый мускул ее худенького тела напрягся в явном ужасе. Безумная отчаянно огляделась вокруг, словно отыскивая путь к побегу. Потом она тихонько застонала, словно раненое животное, рванулась к стене и принялась царапать пальцами камни и отчаянно колотить кулаками по твердой поверхности.

— Нет! — крикнул Джандер, подбежал к ней и оттащил от стены. Его сильные золотистые руки сомкнулись у нее на запястьях. Девушка попыталась вырваться, жалобно воя, потом без сил упала ему на грудь. Стену запятнали кровавые отпечатки, по длинным пальцам эльфа потекла теплая влага. Девушка изранила себе все руки, ее ладони и предплечья были липкими от крови.

Джандер облизал губы, обуздывая вспыхнувший голод и не отводя взгляда от факельного отблеска на алой поверхности. Потом посмотрел девушке в глаза. То, что он там увидел, тронуло его.

Что-то блеснуло, как пламя свечи. Так недолго — он подумал было, что ему показалось — но нет. Вспышка разума, чистая и ясная, как солнце на воде, мелькнула и исчезла.

— Ох, моя маленькая, — горестно спросил Джандер, — что же с тобой случилось?

Так он впервые увидел один из ее необъяснимых припадков. Потом они повторились еще не раз. Эльф с болью смотрел, как ее обычное спокойствие сменяется неуправляемым буйством. Девушка могла быть

совершенно спокойной в течение многих дней, недель или даже месяцев. Потом ее внутреннее спокойствие неожиданно разлеталось вдребезги, и она опять царапала каменную стену, отчаянно пытаясь убежать от какого-то неизъяснимого ужаса, который существовал только в ее поврежденном рассудке.

Джандер делал все, что мог, чтобы не позволить ей вредить себе: хватал за руки, оттаскивал от стены, а иногда просто сжимал в объятиях так крепко, что она не могла двигаться. В конце концов девушка успокаивалась и снова становилась тем же спокойным цветком, каким была до припадка.

После одного такого приступа Джандер держал ее в объятиях. Он чувствовал, как расслабляется ее тело, и, довольный тем, что девушка больше не вырывается, позволил себе опустить голову на ее волосы. Она немного отстранилась, посмотрела на него, и ее губы беззвучно шевельнулись. Джандер прислушался. Девушка положила руку на сердце и произнесла странное сочетание звуков. Он покачал головой, не понимая. Опять бессмысленное бормотание, а потом она совершенно отчетливо сказала:

— Яна.

Джандер был потрясен.

— Тебя так зовут? Яна?

Она кивнула, внимательно глядя на него.

— А я Джандер, — сказал он и сам удивился, почувствовав, как ему хочется услышать свое имя из этих розовых уст. Но Яна опять погрузилась в себя, и ее чудесные глаза потускнели.

В ту ночь она больше ничего не произнесла. Но Джандер не огорчился. Впереди было еще много ночей, и он был уверен, что сумеет завоевать доверие Яны. Возможно, он сможет вернуть ей разум.

Зимой обитателям сумасшедшего дома приходилось нелегко. Джандер украл несколько одеял и кутал в них Яну. Он бы с удовольствием оставил ей эти теплые шерстяные покрывала, но стражники могли их заметить и что-нибудь заподозрить.

Следующую победу Джандер одержал только весной.

Он материализовался в камере вслед за наступлением ночи. Его сад стоял в полном цвету, и он собрал небольшой букет для Яны. Может быть, увидев цветы, она снова улыбнется своей чудесной улыбкой, которую ему удалось заметить раз или два.

Как только стройная фигурка Джандера вонзика из тумана, Яна сразу же его узнала, и радостная улыбка, с которой она казалась здо-

ровой, осветила ее лицо. Девушка потянулась к Джандеру, словно соскучившийся ребенок к любимому отцу, и он вручил ей свой душистый подарок.

— Это тебе, моя дорогая, — сказал он ласковым шелковым голосом.

Яна на мгновение зарылась лицом в цветы, потом подняла голову и с нежностью посмотрела на эльфа.

— Сер! — счастливо воскликнула она, швырнула цветы на пол и крепко обняла Джандера.

Эльф с радостью ответил на ее объятие. И вдруг, взволнованно прижимая девушку к себе, он осознал, что с ним происходит. До этого момента Яна казалась ему чем-то вроде раненого лесного животного, нуждающегося в ласке и заботе. Так он о ней и думал, и вдруг в один миг ему открылась правда собственных чувств. Хотел того Джандер или нет, но он отчаянно влюбился.

Словно почувствовав, что происходит с эльфом, Яна крепче прижала его к себе. Ее маленькая рука скользнула к его шее и принялась играть с мягкими золотыми волосами. Чувства, умершие вместе с его телом, внезапно вспыхнули заново. Страсть остро смешалась с жадной вампира; запах крови сводил с ума. Подчинившись нахлынувшему чувству, Джандер со стоном поцеловал Яну в шею; и тут же появились его клыки — быстро и целенаправленно. Он прокусил ей горло с глубокой нежностью; то было объятие влюбленного, а не хищника. И если Яна и застонала от мимолетной боли, вырваться она не пыталась.

* * * * *

Джандер собирался просочиться сквозь дверь, но услышал, что в камере разговаривают. Он прижался к двери серо-синей тенью и принялся внимательно слушать.

— Такая красивая, — сказал один голос, ласковый и теплый.

— Да, верно, — согласился второй. Джандер узнал голос одного из стражников. — Она такая уже лет сто. Мой дед тут работал, так вот, она с тех пор не изменилась.

— В самом деле? Ох, бедное дитя. Взгляните! Вроде бы она меня понимает!

— Да нет, она вас просто дурачит. Ничего она не понимает. Уже сотню лет.

— Да, вы уже говорили. — Теперь голос звучал гораздо холоднее. Джандер усмехнулся про себя. Любого защитника Яны он считал своим другом. Он немного передвинулся и прижался острым ухом к камню.

Слова стражника обеспокоили его. Значит, Яна провела здесь, взапер-

ти, сто лет, и за это время совсем не изменилась? Он мысленно посчитал годы. Вампир мало обращал внимание на время и теперь с удивлением понял, что навещает Яну уже больше десяти лет.

Добрый голос продолжал:

— Латандер — бог надежды, а надежда каждый день возрождается вместе с рассветом. Не забывайте этого, сын мой. Что послужило причиной страданий этой женщины?

— Мы думаем, господин, что это было заклятье. Нельзя не состариться за такой срок, если только тут не замешана магия.

Джандер напрягся, его руки невольно сжались в кулаки. Магия! Это многое объясняло. Он постарался подавить гнев, поднявшийся в его душе при упоминании тайных искусств.

Эльф-вампир ненавидел магию. Некогда она была частью его природы. Даже теперь у него оставалась малая толика эльфийской магии — взять хотя бы его умение выращивать цветы. Но в течение многих лет магия раз за разом подводила его в по-настоящему важных делах. Так что теперь Джандер не доверял магии даже в добрых руках, и услышав, что Яна, вероятно, оказалась жертвой какого-то злого заклинания, разозлился. Он заставил себя успокоиться и слушать дальше.

— Кто-нибудь пытался снять заклятье?

— Никто. У нее нет семьи, некому платить.

Джандер нервно прикусил нижнюю губу. Если жрец Латандера попытается освободить Яну от магии, которая столько лет удерживала ее в живых, он, вероятно, невольно убьет ее. Похоже, священник подумал о том же.

— Я бы попытался, но боюсь. Это может быть опасно.

Стражник резко, в нос рассмеялся:

— А что у нее сейчас за жизнь? Умереть ей было бы лучше.

Джандер прищурился от гнева.

— Вероятно, — прозвучал голос священника, теперь совершенно ледяной, — если бы вы лучше заботились о своих подопечных, это место не было бы такой клоакой. Я поговорю с вашим начальством.

Вампир услышал, как поворачивается ручка двери, и отступил в тень. Он смотрел, как жрец Латандера выходит из камеры, с облегчением вдыхая свежий воздух. Это был совсем еще молодой человек, лет тридцати пяти, не больше, со спокойной грацией движений и длинными каштановыми волосами. Его мантия была простого покроя, хоть и сшита из красивых золотистых и розовых тканей. По услышанному и увиденному Джандер остался о священнике высокого мнения. К тому же эльф

поклонялся Латандеру Повелителю Зари, златокожему богу рассвета и начала — по крайней мере, до тех пор, пока великая тьма не поглотила его, навсегда лишив возможности видеть рассвет.

Когда стражник снова вернулся на свой пост у входа в женскую камеру, Джандер превратился в туман и проскользнул внутрь. Он сразу же подбежал к Яне, обнял ее и крепко прижал к себе.

— Магия. Это все из-за магии. Ох, Яна.

Ошеломленный собственным сочувствием к ее несчастью, он взял ее лицо в ладони и крепко поцеловал — и с изумлением отшатнулся, прижав золотистые пальцы к прокушенной, саднящей губе.

Яна, у которой опять начался приступ, визжала и билась о стены. Как всегда, Джандер схватил ее и принялся успокаивать. Наконец припадок закончился, и девушка посмотрела на вампира взглядом, полным сожаления. Джандер нерешительно, но с облегчением обнял ее, осторожно восстанавливая ее доверие, которое он по незнанию чуть не уничтожил.

Он больше не пытался поцеловать Яну. Этот знак любви явно пробуждал что-то нехорошее в ее разрушенном разуме.

— Кто это с тобой сделал, любовь моя? — прошептал Джандер, ласково обнимая ее. Ответа он не ждал.

Она совершенно ясно произнесла:

— Баровия.

Больше она ничего не сказала.

Баровия. Вампир повторил это странно звучащее слово. Что это такое — чье-то имя, название места или слово на ее родном языке, обозначающее какое-то действие или мысль? Джандер понятия не имел. Он знал только то, что из-за чего-то или из-за кого-то, имеющего отношение к слову «Баровия», Яна потеряла рассудок.

И он выяснит, из-за кого.

Глава вторая

Дни и ночи в Уотердипе шли своим чередом. Прошел еще год, и еще, но для эльфа-нежити и заколдованной безумицы время не имело значения. Состояние Яны почти не улучшилось, но Джандер обладал терпением мертвеца и радовался каждой новой крохотной победе.

Прошло почти тридцать лет со дня их первой встречи. И вдруг в середине зимы время начало истекать.

Как только ночь окутала землю, Джандер возник в камере с едой и одеялами в руках. Яна лежала, свернувшись калачиком, в углу и при его появлении не пошевелилась.

— Яна?

Она по-прежнему неподвижно лежала на подстилке. Перепуганный Джандер бросился к ней и ласково погладил по волосам.

— Яна, дорогая моя, что случилось?

Он осторожно перевернул ее, и его сердце упало.

— О боги, — выдохнул он. Лицо Яны, всегда такое бледное от пребывания взаперти, пылало. Джандер встревоженно пощупал ее лоб — горячий и сухой. Она часто, прерывисто дышала, глаза неестественно блестели.

Внутренности Джандера сжала ледяная рука паники. Ему так давно не приходилось кого-нибудь лечить, что он почти забыл, как это делается. Жар. Как сбивают жар? Вампир задрожал. Он сердито приказал себе не паниковать, завернул любимую в одеяло и всю ночь продержал в объятиях. Девушка стонала и дрожала. Жар не прекратился.

Так он ухаживал за ней четыре ночи, поил ее и говорил с ней, пока его собственный рот не пересыхал. Она опять исхудала до предела, но температура не падала. Наконец Джандер решил.

Всей его любви не хватало, чтобы вылечить ее. Значит, нужно найти целителя. Уж конечно, здешнее начальство и не подумает лечить забо-

левшую сумасшедшую. Но Джандер, кажется, знал, кто может помочь.

Он быстро, не скрываясь, прошел по пустым улицам Уотердипа, пересек неприглядные припортовые кварталы и вошел в красивый богатый Замковый Квартал. Население города росло, и сам город заметно вырос с тех пор, как Джандер в последний раз был в этом районе. Новые здания сбили его с толку, но в конце концов он нашел то, что искал.

Шпили Утра все еще были красивы. Джандер помнил это здание совсем новым, и за прошедшие сто лет оно почти не изменилось. Стены были каменными, а деревянную дверь украшало резное изображение Латандера Повелителя Зари. Божество предстало в образе прекрасного молодого человека, одетого в развевающиеся одежды, за его спиной поднималось солнце. Джандер поколебался, потом решительно постучал.

Никто не ответил. Он опять нетерпеливо постучался в резную дверь. У него над головой кто-то открыл ставни и посмотрел вниз. Прозвучал голос, полный сонной усмешки:

— Не нужно ломать дверь, друг мой. Она открыта для всех, кто хочет войти. Заходите!

Джандер никак не мог войти в храм, даже если его приглашали.

— Я не могу, — крикнул Джандер. — Мне надо спешить. В сумасшедшем доме лихорадка. Вы придете?

Священник не колебался.

— Конечно. Дайте мне всего...

Джандер уже мчался обратно к сумасшедшему дому.

Священник пришел через полчаса и принес с собой разные травы и освященные амулеты. Джандер узнал в нем того молодого жреца, чей разговор со стражником он подслушал тридцать лет назад. Теперь священнику было за шестьдесят, но он по-прежнему был красив. Его поседевшие волосы остались такими же длинными и густыми, а лицо, покрытое морщинами, светилось сочувствием и добротой.

Джандер провел его в камеру.

— Вот тут, — сказал он жрецу в розовых одеждах. — В углу. У нее жар.

Седой священник опустился на колени рядом с девушкой и принялся ее осторожно осматривать. Морщины вокруг его карих глаз обозначились резче.

— Давно она в таком состоянии?

— Четыре дня.

— Почему меня не позвали раньше?

— Не знаю.

Священник сердито посмотрел на него.

— Вы — стражник, вы должны были...

— Нет, я не стражник, я просто... друг. Вы можете ей помочь?

Священник хотел еще что-то сказать, но взглянул на встревоженное лицо Джандера и передумал.

— Я попытаюсь, сын мой.

Часы ползли ужасающе медленно. Священник молился и пел гимны, поил лежавшую без сознания девушку отварами трав, омывал ей лицо святой водой — но ей не становилось лучше. В конце концов жрец, уставший и измученный, поднял голову и начал собирать свои вещи.

— Мне очень жаль. Теперь она в руках богов. Я сделал все, что мог. Джандер покачал головой.

— Нет. Вы же *священник*. Вы должны хоть что-нибудь суметь!

— Я не Повелитель Зари, — сказал жрец и печально улыбнулся. — А вот вы могли бы им быть. Каждый раз, когда я вижу рассветного эльфа, у меня перехватывает дыхание. Я думаю, возможно, ваш народ ближе к богам, чем мы, смертные, ведь вы так похожи на него.

— Мне это уже говорили, — огрызнулся Джандер, — но неужели вы думаете, что если бы я был богом, я позволил бы ей умереть?

Священник не обиделся, просто сочувственно взглянул на эльфа.

— Эту болезнь я исцелить не в силах. Я думаю, она может быть магической. Возможно, она как-то связана с тем, что эта девушка не стареет. Если я попытаюсь сделать что-то еще, я могу ее убить.

Джандер никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Он не сводил с Яны глаз, полных боли.

— Магия, — прошептал он. — Будь проклята вся магия.

— Иденте, сын мой, — мягко сказал священник, положив руку Джандеру на плечо и подталкивая его к двери. — Вы и сами, чего доброго, заболаете. Вы уже замерзли.

Золотой вампир стряхнул руку священника с плеча.

— Нет, — сказал он, — я останусь тут.

— Но...

Джандер в упор посмотрел на священника своими серебряными глазами.

— Ну что ж, возможно, вы правы, — смирился священник. — Я уверен, что ваша забота ей понадобится. — Он распахнул деревянную дверь.

— Господин...

Священник остановился на пороге.

— Да, сын мой?

— Благодарю вас.

Священник грустно улыбнулся.

— Я буду за нее молиться. И за вас, — добавил он и ушел.

Оставшись один среди сумасшедших, Джандер сел на пол рядом с женщиной, о которой заботился тридцать лет. Жар у Яны так и не прекратился, и даже придя в сознание, она его не узнавала. Джандер прижался щекой к ее волосам и сжал ее плечо могильно-холодной рукой.

Он принял смертоносное решение, не задумываясь. Ему больше ничего не оставалось. Яна умирала, но потерять ее было невыносимо.

— Яна, любовь моя, — мягко сказал Джандер, — если бы у нас была другая возможность остаться вместе...

Он ласково погладил ее по щеке — горячей, сухой и красной от пылающей крови, потом поцеловал эту щеку. Он не мог больше ждать. Холодные мертвые губы скользнули по подбородку к горлу и прижались к бьющейся артерии. Если бы Джандер думал, что кому-то из богов может быть до него дело, он молился бы за успех своей попытки. Во рту возникла знакомая сладостно-горькая боль — появились клыки, готовые пронзить мягкую белую кожу ради крови. Торопясь, пока мужество его не покинуло, Джандер глубоко впился в горло Яны — глубже, чем когда-либо раньше. Кожа мгновение сопротивлялась, потом поддалась, и из прокушенного сосуда хлынула горячая жидкость.

Яна вскрикнула от боли и попыталась вырваться. Но вампир обладал нечеловеческой силой, и освободиться девушке не удалось. Потихоньку она успокоилась, потом безвольно обмякла.

Джандер жадно пил, с наслаждением глотая теплую жидкость. Жизненная сила, содержащаяся в крови, наполнила его, обновляя силы и обостряя чувства. Он так давно не позволял себе подобного пиршества, что почти забыл, какой восторг, какое удовольствие дарует настоящее насыщение. Голова закружилась от наслаждения. Краем сознания Джандер заметил перемену во вкусе крови: из железистого он стал пепельным и пустым.

Джандер тут же перестал пить. Забывшись, он чуть не зашел слишком далеко, чуть не опустошил ее. Крепко держа одной рукой обвисшее тело девушки, он острым твердым ногтем разорвал собственное горло. Из раны потекла новая кровь — кровь Яны. Джандер поднял девушку, как куклу, и прижал лицом к своему горлу.

— Пей, любовь моя, — хрипло сказал он, — пей, и будь со мной едина!

Яна не двигалась. Перепугавшись, он прижал ее губы к ране.

— Яна, пей!

Девушка слабо попыталась оттолкнуть его, и он отчаянно взглянул ей в лицо.

Она спокойно и ясно улыбалась ему через кровавую маску. За мгновения до смерти к измученной девушке вернулась, словно благословение, какая-то частица разума. В этот миг Яна была в своем уме и сделала выбор: она отказалась от вечной нежизни, которую Джандер пытался ей навязать. Ее силы угасали, но она сумела поднять руку и коснуться его золотистого лица — довольная, даже счастливая своим решением.

— Сер, — прошептала она, и по ее пепельной щеке скатилась единственная слеза. Ее чудесные глаза закрылись навсегда, голова упала на его дрожащую руку.

— Яна? — Джандер, конечно, знал, что она мертва, но все равно повторил: — Яна? Яна?

Сознание вернулось к нему незадолго перед рассветом.

Он лежал с закрытыми глазами. Стояла тишина. Не было слышно ни стонов, ни всхлипов. Ни дыхания, ни шороха, вообще никаких звуков. Потом он почувствовал запах — горячий, медный, знакомый, как его собственное имя.

Он лежал на холодном каменном полу. Попытавшись подняться, он обнаружил, что находится в волчьем облике. Все еще не открывая глаз, Джандер облизал губы розовым языком, пробуя на вкус пахучую жидкость. Что же он наделал? Ему не хотелось это знать, но он понимал, что должен увидеть плоды своих деяний. Золотой волк медленно открыл серебряные глаза.

Он не оставил в живых никого из несчастных женщин. Словно сцена из какого-то мерзкого карнавала, предстало его взгляду зрелище резни. Вокруг — на подстилках, на полу — как игрушки, разбросанные капризным ребенком, валялись тела сумасшедших, и у всех были разорваны глотки, как будто выросли вторые рты. Там и тут валялись изуродованные трупы стражников, по глупости пытавшихся остановить резню. И вместо глухой серости камней вокруг повсюду было красное. Как будто тот же ребенок, что раскидал трупы, вылил на пол и на стены множество ведер красной краски.

Джандер тихонько застонал. Вампир даже не помнил, как убивал этих женщин. Раньше ему часто приходилось убивать, иногда ему это даже нравилось. Но он не знал, что способен на такую тотальную бойню. Несчастные, валявшиеся вокруг в жутких лужах крови, не были его врагами. Он даже не удовлетворил за их счет свой проклятый неестественный голод. Это была бессмысленная резня, и то, что еще оставалось

эльфийского в Джандере, что любило свет и красоту, пришло в ужас.

Полный кошмар содеянного осел на Джандера, как пыль на могильный камень. Убитые вампиром сами обречены превратиться в вампиров. Джандер не был уверен, что эти несчастные станут вампирами — он же их просто загрыз, а не выпил из них кровь, с мрачной усмешкой подумал он. И все же мысль о том, что по Побережью Мечей ночами будет бродить сотня сумасшедших вампиров, заставила бы похолодеть любое сердце.

Ужаснувшийся Джандер обернулся к Яне. Гладкое золотистое волчье тело расплылось туманом, и через несколько секунд он снова принял эльфийский облик. Эльф поднял худенькое тело мертвой девушки на руки и на несколько секунд крепко прижал к себе, потом нежно уложил на солому и стер, насколько удалось, кровь с ее лица.

Джандер попытался сделать Яну своей супругой, но она не стала пить его кровь. Теперь, когда через несколько ночей Яна поднимется как нежить, она станет всего лишь слабым, зависимым вампиром — его рабыней. И останется такой навсегда, на всю вечность, потому что вампиры-рабы не могут обрести свободу воли, пока существует их создатель.

— Ох, Яна, этого я для тебя не хотел, — горестно произнес Джандер. — Лучше смерть.

Эльф-вампир медленно, устало поднялся и принялся оглядывать мертвые тела, пока не нашел останки стражника. Обыскав окровавленный труп, он забрал ключи, отпер тяжелую деревянную дверь и направился ко входу во вторую главную камеру. Стоя перед дверью, Джандер на секунду задумался, а правильно ли он поступает, но приказал себе прекратить колебания. Он вставил в замок большой железный ключ, дважды повернул его и распахнул дверь. Большинство мужчин-сумасшедших не обратило на это внимания, но некоторые робко подобрались к двери и выглянули наружу. Эльф с криком вбежал в камеру, размахивая руками, и принялся выталкивать заключенных на свободу. Когда все безумцы выскочили на улицу, Джандер, глотая отвращение, открыл все отдельные маленькие камеры.

Теперь в здании оставались только мертвецы. Вампир вернулся в женскую камеру и в последний раз опустил на колени рядом с Яной. Он позволил себе один-единственный последний поцелуй — дар, который она так боялась разделить с ним при жизни. Затем Джандер снял со стены один из факелов и швырнул на солому, покрывавшую пол камеры. Она быстро занялась, и несколько минут эльф колебался.

Он влачил жалкое существование. Соблазнительно было бы окончить

его здесь, сгореть дотла вместе с Яной. За последние несколько столетий эта мысль не раз приходила к несчастному вампиру, но Джандер каждый раз отказывался от самоубийства. На свете существовали твари похуже вампиров, и если бы Джандер умер, он превратился бы в одно из таких созданий.

Дым загустел и почернел, и эльф поспешил наружу, на свежий, холодный ночной воздух. Он не хотел смотреть, как горит тело Яны, но другого способа даровать покой ее измученной душе не было.

Плотно завернувшись в плащ, Джандер молча шел на запад. Холода он не чувствовал. Кожа голодного вампира холодна, но самой нежити холодно не бывает. Идя по пустым улицам к городским окраинам, эльф услышал крики за спиной: кто-то проснулся, заметил пожар и поднял тревогу. Вампир понадеялся, что, прежде чем огонь потушат, тело Яны успеет сгореть полностью.

Город остался позади, и Джандера приняла лесная тишина. Покрывтая инеем трава не шуршала под подошвами его серых сапог. Листва с ветвей давно опала, и молчаливые гигантские деревья смотрели на эльфа сонно и равнодушно. Он прислонился спиной к одному из стволов и поднял лицо к небу. Полумесяц угасал в сиренево-розовом мерцании приближающегося утра. Но у эльфа оставалось еще не меньше получаса до того мига, когда придется искать укрытия в темной пещере.

Предрассветная красота показалась потрясенному вампиру скорее отталкивающей, чем ободряющей. Будучи нежитью, он не мог надеяться на избавление от одиночества. Даже Яна, и та отказалась от живой смерти, которую он ей предложил. Тридцать лет она была его единственной надеждой, единственным светом его существования. Теперь у него не было никого и ничего. Разве кто-нибудь посочувствует вампиру?

— Я не выбирал эту судьбу! — крикнул Джандер в пустоту. — Я ее не заслужил! Неужели я мало страдал? Неужели для таких, как я, на свете нет ни милосердия, ни сострадания?

Ночь молчала. Ответа не было. Джандер сжал кулаки.

— Яна! — завопил он, вдребезги разбив криком ночную тишину, и упал на колени. — Яна...

Он убил ту, кого любил больше всего на свете. И то, что он этого не хотел, значения не имело.

«Возможно, — прозвучал внутренний голос, — ты ее освободил.»

Вампир уцепился за эту надежду. Он заставил себя вспомнить ее сонное безумие, и его ненависть к самому себе и к своему неестественному бытию начала обретать иную цель. Пока Яна была жива, Джандер суще-

ствовал только ради нее. А теперь у него появилась новая цель — месть. Джандер уже уверился: Яна лишилась рассудка, потому что кто-то где-то когда-то сотворил с ней что-то ужасное.

И этот грех был куда страшнее, чем его собственный. Преисполнившись решимости, Джандер поднял руки к светящему небу.

— Слушайте меня, боги! Слушайте меня, силы боли и тьмы! Если существует некто, причинивший ей зло, то я найду его. И уничтожу. Покарайте меня, если хотите, ибо я запятнан ее кровью. *Но* не отказывайте мне в мести!

Ни за двести лет жизни, ни за пятьсот лет нежизни Джандер никогда не говорил с таким отчаянием. Ненависть отравила его слова, и добрая, чистая земля Торила дрогнула от извергнутой им горечи. Но иные силы, куда более зловещие и жестокие, чем боги Торила, пили отравленное проклятие Джандера, словно нектар.

В Уотердипе, как и в любом приморском городе, часто бывают туманы. Но о жутком тумане, который тем утром внезапно возник из ниоткуда, жители портового квартала много лет боялись говорить вслух. Он накатился с моря, словно корабль-призрак. Те, кого он застал на улицах, спешили укрыться в домах, а рыбаки жались друг к другу в своих лодках — такой жуткий, неестественный холод нес этот туман. Спящие хмурились во сне, потому что их легкие и радостные сновидения вдруг превратились в кошмары. Туман катился по улицам на запад, как будто точно знал, куда ему нужно. Он быстро исчез из гавани, оставив за собой рассвет. В полдень солнце сожгло последние следы тумана, а закат тем вечером был потрясающий.

Но Джандер не видел ни того заката в Ториле, ни последовавшей за ним ясной ночи. Странный туман окутал его и поглотил. Жаркие мысли о мести затуманили разум Джандера, но у него хватило соображения не забыть о том, что идет рассвет, и нужно поскорее возвращаться в свою пещеру.

Он принял облик летучей мыши и полетел в сырое подземное логово, которое называл домом. В тумане ничего не было видно, но летучие мыши ориентируются вслепую, испуская высокие звуки и воспринимая неслышное эхо от окружающих предметов. Джандер с изумлением обнаружил, что эхо его пронзительного визга к нему не возвращается. Вампир запретил себе думать о том, что в этом густом сером тумане он может заблудиться, и решительно полетел дальше на своих кожистых крыльях.

Наконец эхо вернулось. Джандер поспешил спуститься на землю и снова принял эльфийский облик. Туман рассеивался. Он исчез так же

быстро, как и появился, и Джандер не поверил своим глазам. Вокруг расстилался совершенно незнакомый ландшафт.

Прежде всего, Джандер спешил укрыться от рассвета — а судя по положению луны, еще не наступила полночь. И сама луна неправильная. Эльф нахмурился. Он помнил, что луна была в первой четверти, а теперь — полнолуние. И даже звезды незнакомые. За сотни лет лицемерия ночного неба Джандер выучил все созвездия Торила, но этих звезд он никогда не видел. Все было чуждым.

«Что происходит? — подумал Джандер. — Может, я слишком много времени провел в сумасшедшем доме и тоже сошел с ума?» Но как бы то ни было, все чувства вампира твердили, что он больше не в Уотердипе. А судя по незнакомым звездам — даже не в Ториле.

Он вздрогнул, хотя напоенный весенними ароматами воздух был теплым. *Магия.*

Луна время от времени выглядывала из-за облаков, и Джандер мог разглядеть окружающую местность. Вместо обледенелой травы он теперь стоял на дороге — торной, но малоезжей. Мощные яблони вдоль дороги, казалось, парили над эльфом. Деревья стояли в полном цвету. Временами дул легкий ветерок, и белоснежные лепестки осыпались Джандеру под ноги.

Дорога вела через небольшой горный хребет. Эльф поднялся на перевал и посмотрел вниз. На другой стороне хребта дорога круто спускалась в долину, а в долине уютно свернулось огромное кольцо густого, плотного тумана. С высоты перевала Джандер видел, что в кольце тумана находится поселок, а к северу от деревни, в горах среди скал, словно ястреб на насесте, возвышался громадный мрачный замок.

Воздух разорвал жалобный вой, к которому тотчас же присоединилась еще дюжина глоток, подвывая в свирепой гармонии. То была волчья стая, и она приближалась к Джандеру. Но его это не обеспокоило: он, конечно, не был оборотнем, но бег по холмам на четырех лапах, вслед за бьющим в ноздри горячим запахом добычи, был ему хорошо знаком. Эльф-вампир еще ни разу не встречал зверя, который не подчинился бы его приказу.

Завывания стали громче. Запрокинув голову, Джандер принялся к ветерку и уловил дикий мускусный запах. Вот стая выбежала на вершину небольшого холма, и Джандер увидел, как в ясных глазах зверей отражается лунный свет. Эти лохматые жители тенистой лесной чащи оказались гораздо крупнее обычных волков. Эльф поймал взгляд вожака стаи и уставился ему в глаза, и мгновение волк и вампир смотрели

друг на друга. Волк оглянулся на своих товарищей, потом опять перевел взгляд на Джандера и задумался, наклонив голову и подергивая ушами.

Эльф был слегка озадачен. Раньше все животные немедленно подчинялись его мысленным командам. Джандер прищурился и сосредоточился на приказе. «Уходите», — молча сказал он волкам. Эльф чувствовал их ум, силу воли и злобу, но они по-прежнему стояли на месте и не собирались подчиняться. «Уходите!»

Наконец вожак развернулся и побежал прочь, и мохнатые звери исчезли в ночи.

— Доброго вам пути, братья, — сказал Джандер, оставшись один.

Луна скрылась за облаком, и ночь сразу же переменялась — немного, но страшно. Белизна яблонь теперь казалась эльфу саваном, а укатанная грунтовая дорога извивалась, как змея. Как бы ни тосковал Джандер по солнцу, он был созданием тьмы и знал, что во тьме ему бояться нечего; и все же вдоль позвоночника словно ледяным пальцем провели.

Когда-то, когда в жилах эльфа еще бежала теплая кровь, он знал этот ужас перед темнотой. Но и тогда он боялся не самого покрова тьмы, а того, что скрывается под ним. А теперь Джандер сам был одним из этих таящихся во тьме кошмаров — и все же он испугался этой ночи в незнакомой земле. Даже земля под ногами казалась ему какой-то неправильной, испорченной. И волки — да, он назвал их «братьями», но только по привычке; на самом деле у них не было с ним ничего общего. Он знал, что если бы ему не хватило силы воли, чтобы заставить их уйти, они бы набросились на него и разорвали на куски, просто потому, что им это доставило бы удовольствие. В Фаеруне волки, за немногими исключениями, были обыкновенными животными, бегавшими под ночным небом в поисках пищи, и только. Но в этих огромных мохнатых зверях, грозно смотревших на него, жила неестественная злоба.

Джандер еще раз посмотрел на поселок, но и это его не ободрило. Дома в кольце неестественного тумана выглядели пленниками, а вид грозно нависавшего над ними замка казался предвестником беды.

Джандер вздохнул. Он не имел представления, где он и как он сюда попал. А узнать это можно было только в поселке или в замке. Эльф решил отправиться в поселок, потому что в замке он привлек бы слишком много внимания. И тут он вспомнил, что его одежда пропитана кровью его невинных жертв-сумасшедших. Нельзя же идти в поселок в окровавленной одежде!

Джандер опустил голову, чтобы посмотреть, сильно ли испачкана его одежда, и обнаружил еще один сюрприз этой удивительной ночи: на

одежде не было видно ни пятнышка! Какие бы силы ни перенесли его сюда, они позаботились, чтобы у него не было сложностей при разговоре с местными жителями.

Эльф мрачно улыбнулся. У него было странное ощущение, что за ним кто-то наблюдает. «Ну что ж, — подумал он, — кто бы за мной ни наблюдал, я дам ему понять, что меня не запугаешь.» Джандер откинул капюшон и встряхнул волосами. Он поклялся отомстить, и если ему суждено сделать это здесь, да будет так.

С нежностью вспоминая Яну, эльф уверенным шагом направился по круто спускавшейся дороге к поселку, окруженному туманом.

Глава третья

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем в доме настала тишина. Анастасия натянула вышитые покрывала до подбородка, притворяясь спящей, и попыталась заставить успокоиться свое колотящееся сердце.

Лунный свет пробрался через щели в ставнях в большую, хорошо обставленную комнату и положил свою молочно-белую ладонь на лицо младшей сестры Анастасии. Лукавое личико Людмилы расслабилось во сне, темные волосы разметались по белой подушке. Девочке было всего десять, и то, что она делила комнату со старшей сестрой, в последние несколько недель стало изрядно мешать семнадцатилетней Анастасии.

Анастасия пошевелилась — в полной тишине шуршание тонких тканей показалось ей оглушительно громким — и снова замерла. Когда наконец и в комнате родителей, и в нижних помещениях, где жили слуги, затихли все звуки, девушка выскользнула из кровати. Она была полностью одета, причем одежду выбрала самую простую: льняную блузку и юбку без вышивки. Анастасия взяла ленту, лежавшую на столе у кровати, убрала волосы в хвост и обулась.

Затем девушка принялась искать под матрасом припрятанную там веревку. На ладонях выступил пот. Внезапно Людмила застонала во сне. Анастасия замерла, но девочка не проснулась, и старшая сестра с облегчением закрыла глаза. Крепко привязав конец веревки к ножке кровати, девушка осторожно открыла окно и ставни и сбросила веревку вниз. Затем она вздохнула, произнесла быструю молитву, собрала все свое мужество и начала спускаться.

Анастасия надеялась, что Петя ее уже ждет, но увы, его стройная фигурка не возникла из темноты. Анастасия, ругаясь под нос, принялась расхаживать туда-обратно перед окном. Она была бледна от нервного напряжения: разгуливать по ночам рядом с домом было очень опасно. Ее отцу могло прийти в голову подышать свежим воздухом, и если он найдет

ее здесь, он ее живой на куски нарежет. Она так и видела его сейчас — лысая голова блестит от пота, тяжелые челюсти дрожат: «Не забывай, кто ты! Ты — дочь бургомистра, а не какая-нибудь проститутка!»

Нет, оставаться здесь означало играть с огнем, и Анастасия решила больше не ждать. Она бесшумно проскользнула по темным улицам, закутавшись в черный плащ, чтобы ее не узнал какой-нибудь случайный прохожий. Хотя это было маловероятно — в последнее время по ночам почти никто не выходил из дома. Дочь бургомистра торопилась выйти из поселка, зная, что в лунном свете ее легко заметить, но зато она хотя бы могла видеть, куда идти. Она сошла с дороги и пошла, спотыкаясь, по заросшей тропе к кругу камней на холме, где они с Петей уже встречались раньше.

Ночью все предметы выглядели больше, чем на самом деле. Каждое дерево казалось хмурым гигантом, каждый камень — бесформенной угрозой. Старики в поселке вспоминали времена, когда в Баровии ночью было почти так же безопасно, как в полдень. Почтенная Елена, например, часто говорила Анастасии, что «ночью самым опасным была куча дерьма, которую ты не заметишь в темноте».

Анастасия одобрительно ухмыльнулась, добравшись до каменного круга, и села на землю в тени одного из камней. Она вспомнила, как хмурилась мать от слов почтенной Елены, как приказывала Анастасии уйти, но ее так забавляли эти слова. Потом улыбка девушки поблекла. Те хорошие времена, о которых говорила Елена, закончились еще до рождения старухи. А теперь в ночи таились твари, о которых Анастасия даже думать не хотела. Порой находили тела, буквально разорванные на куски волчьими стаями. Кое-кто говорил о полностью обескровленных трупах. Люди даже бормотали плохое о графе Страде.

Граф Страд. Казалось, ветер шептал это имя, бросая его туда-сюда среди древесных крон, и трепещущие яблоневого лепестки осыпались на землю призрачным дождем. Анастасия вздрогнула, крепче завернулась в плащ и прижалась спиной к одному из громадных камней. Почувствовав его твердость, она слегка успокоилась. По слухам, когда-то это место считалось святым, но теперь это был просто каменный круг.

Анастасия попыталась думать о своем любовнике-цыгане. Их незаконный роман был опасным и захватывающим. Анастасию привлекла к юному дерзкому Пете аура тайны, окружавшая всех вистани. В темных глазах Пети плескалось волшебство, его прикосновения были умелыми и опытными, а в каждом шаге чувствовалась свобода, которую Анастасия, уставшая от своего отца и наполнявших поселок страхов, пила, словно

вино. Девушка подумала, что она, возможно, больше влюблена в цыганский образ жизни, чем в Петю.

Раздался волчий вой, вдребезги разбивший ее приятные мысли. Сердце отчаянно заколотилось. «Поторопись, Петя», — прошептала девушка.

Говорили, что волки — создания Страда. Анастасия видела повелителя Баровии только один раз, всего несколько ночей назад, и больше не хотела. Он посетил ежегодный праздник весны, который устраивал ее отец. Страд был высок и худ, с тщательно причесанными черными волосами и глубокими темными глазами, безукоризненно одетый в отлично сшитый черный костюм, оттененный несколькими красными деталями, словно каплями крови. Когда бургомистр представил ему свою старшую дочь, граф странно улыбнулся и бросил на Анастасию одобрителный взгляд, от которого ей стало не по себе. Когда он поцеловал ей руку, девушке пондобилась вся сила воли, чтобы не закричать: губы у Страда были ледяные.

Некоторые утверждали, что граф балуется магией. Другие говорили, что женщины, которые ему нравятся, часто исчезают.

В тишине раздался какой-то звук, и Анастасия тихонько ахнула. Запахнув плащ дрожащими руками, она плотно прижалась к камню.

Звук раздался опять — звук шагов, медленных и осторожных, которые направлялись прямо к ней. Вот тебе и защита каменного круга. Анастасия невольно вспомнила отцовские предупреждения об обескровленных трупах.

Чья-то рука зажала ей рот.

Сердце Анастасии подпрыгнуло от ужаса, и она забилась, пытаясь вырваться. Она пиналась и царапалась, страх добавлял ей сил. Внезапно луна вышла из-за облака, и девушка поняла, что это всего лишь Петя, улыбающийся даже шире, чем обычно. Его смуглое лицо казалось белым в лунном свете, выпившем цвет из его яркого, расшитого жилета и широких красных штанов.

— Ты... — всхлипнула Анастасия, задыхаясь, а Петя согнулся пополам от смеха. Девушка бросилась на него, заколотила кулачками по его худенькой груди, и они вместе упали на землю. Анастасия с пылавшим от смущения лицом продолжала бороться, но Петя своим весом прижал ее к земле.

Анастасия сердито смотрела на него, но ее гнев быстро угасал.

— Ты, чокнутый вистанский дьявол! — дразняще прошипела она. Петя насупил брови, изображая злодея из театра марионеток, склонился к девушке и поцеловал ее.

Отвечая на поцелуй, Анастасия краем сознания поняла, что ночь уже вовсе не такая холодная.

* * *

Через час Петя неохотно попрощался с Анастасией и смотрел, как она лезет по веревке к себе в спальню. Неуклюжая, словно перегруженная вьючная лошадь. Он вздохнул и покачал головой.

Нельзя было сказать, что он любил дочь бургомистра. Конечно, она ему нравилась, и он знал, что будет по ней скучать, когда табор уйдет из Баровии. Но Анастасия была настолько же чужой для цыган, насколько Петя был чужим для жителей поселка. Бургомистр и слышать не захочет о браке дочери с цыганом, а вистани с их клановым укладом никогда не позволят Пете привести *гаже* в табор.

Ну и ладно. Такова жизнь. Петя вдохнул ароматный воздух и стряхнул с себя меланхолию, как пес стряхивает воду. Сейчас весна, подумал он, и на девушках свет клином не сошелся. Сильный, несмотря на хрупкое сложение, Петя перебросил через плечо тяжелый дорожный мешок и уверенным шагом направился в «Волчье логово». В это время трактир должен быть полон посетителей, которые с удовольствием заплатят Пете за выступление.

«Волчье логово» и в лучшие времена было не слишком веселым местом. Живописная наружность трехэтажного здания, тщательно выбеленного и с украшенными цветочным орнаментом фасадами, всего лишь оттеняла мрачную обстановку внутри. Огонь, горевший в очаге, почти не освещал трактирный зал и еще меньше согревал. Поскольку мало кто осмеливался покинуть дом после заката, трактир приносил небольшую прибыль и казался печальным и полузаброшенным. Хозяин трактира — худой и долговязый, что отличало его от невысоких коренастых жителей поселка — был весьма нелюдимым типом, со знакомыми вел себя довольно вежливо, а на новоприбывших смотрел с подозрением. И все же он брал деньги от чужаков, если узнавал монету.

Будь у Пети побольше жизненного опыта, он бы почувствовал, что настроение в трактире слегка переменилось, когда он, насвистывая, вошел в зал. Будь он хотя бы на несколько лет старше своих семнадцати, он бы остался в трактире ненадолго и вернулся к своему народу, где ему ничего не грозило. Но Петя был молод и совершенно убежден, что он знает все.

Вистани в трактире смотрелся необычно — ярко одетый ясноглазый лис среди стаи мрачных черных псов. Он хлопнул по плечу одного из посетителей, поздоровался с другим и швырнул монету на стойку перед

мрачным трактирщиком.

— Хей, пинту твоего лучшего, отпраздновать приход весны!

Трактирщик молча поставил перед Петей кружку.

— За ваше здоровье, господа!

Раскрасневшийся от наслаждения, которое подарил ему прошедший час, Петя сделал большой глоток и посмотрел на дверь, где какой-то незнакомец, казалось, колебался, прежде чем войти.

— Входи, друг! — сказал Петя этому посетителю, желая в этот вечер, вечер побед, передать свое веселье и незнакомцу. — Никто не должен тосковать в одиночестве, когда есть хорошая выпивка!

— И верно, не должен, молодой господин, — ответил незнакомец, входя и садясь рядом с Петей.

В трактире немедленно настала тишина: все посетители изумленно уставились на золотоволосого чужака. Несколько человек сделали знак защиты от дурного глаза и поспешили уйти. Другие просто откровенно разглядывали чужака. А третьи смотрели на него с открытой враждебностью.

Джандер мысленно поморщился. Похоже, что потихоньку получить нужные сведения ему не удастся. Эльф не встречался с подобной неприязнью с тех пор, как покинул Долину Кинжалов. К счастью, веселый цыганенок, сидевший рядом с ним, этой неприязни не разделял.

— Вы, должно быть, издалека, — сказал Петя. — Можно, я поставлю вам кружку *туики*? Ее подают только в Баровии.

Баровия. Джандер с трудом скрыл восторг. Значит, он попал в то самое место, откуда явилась Яна.

— Нет, спасибо, — вежливо сказал он. — Я бы хотел узнать, нельзя ли снять комнату.

— Тогда ведите разговор со мной, а не с этим вистанийским щенком, — прорычал трактирщик, бросив злобный взгляд на Петю, который по-прежнему ничего не замечал. — Петя, или иди зарабатывай на выпивку, или убирайся в свой табор.

Петя наклонился и прошептал Джандеру на ухо:

— Если вы передумаете насчет выпивки, мое предложение остается в силе. Я знаю, что такое быть чужаком в этом поселке.

Насмешливо поклонившись трактирщику, Петя соскользнул с табуретки, отправился в угол, где он оставил свой мешок, и принялся в нем рыться. Через пару минут он с сияющей улыбкой поднялся, держа в своих смуглых руках множество разнообразных мячей, жезлов и факелов. Петя зажег свои факелы от тех, что освещали зал, и они ярко вспых-

нули, а затем принялся ловко жонглировать всем тем, что он держал в руках, время от времени весело ухая.

— У мальчика есть талант, — заметил эльф. — Меня зовут Джандер. Трактирщик сердито посмотрел на незнакомца.

— Извините. Сегодня вечером я вам предоставить комнату не смогу.

— Нет свободных комнат?

— О, у меня полно свободных комнат, но мы никогда не берем постояльцев после заката.

Джандер удивленно поднял бровь:

— В этой гостинице не принимают путешественников, готовых платить? — поджал он губы в сердитой усмешке.

— Приходите завтра утром, тогда поговорим. Мы не берем постояльцев после заката, — повторил трактирщик.

Джандер посмотрел на трактирщика. Под грубой речью и враждебным поведением этого человека скрывался страх, вампир чувствовал его железистый запах. Значит, первое впечатление Джандера об этой земле было правильным. Этот маленький поселок живет в постоянном ужасе. Эльф отошел в темный угол зала, спрятал сияющие золотые волосы под капюшоном и принялся прислушиваться к тихим разговорам, которые вели посетители трактира. Вокруг снова и снова звучало: «Дьявол... Не выходите из дома... Страд». Это имя часто повторяли разные люди, и каждый раз, слыша его, Джандер чувствовал все тот же запах страха. Он сосредоточился на том, что говорили за ближайшим столом.

Довольно молодой человек с густой черной бородой отпил эля. Его спутник, седоволосый, с двухдневной щетиной на лице, сидел, уставившись на свою нетронутую кружку.

— Мне не следовало уезжать, — негромко сказал пожилой человек полным боли голосом.

Чернобородый положил ладонь на его руку.

— Если в доме лихорадка, лучше поберечься, — мягко сказал он. — Ты же знаешь это не хуже меня, папа. Нечего и говорить, как она заразна.

Пожилой кивнул, но по-прежнему смотрел перед собой отчаянным взглядом.

— Она была так молода, так красива, — с болью прошептал он, и его грустные карие глаза заблестели от слез. — Моя маленькая Оля, мое бедное дитя.

На лице сына Джандер видел боль и сочувствие, а также гнев, показавшийся Джандеру странным и неуместным.

— А ему кто-нибудь уже сказал?

Осиротевший отец вытер глаза своими короткими пальцами.

— Нет. Никто не осмеливается пойти в замок с такой вестью.

— Бьюсь об заклад, он скоро узнает. У графа есть способы узнавать то, что ему нужно знать.

Выражение лица отца резко изменилось — вместо боли оно теперь было полно ненависти.

— Я рад, что она умерла, — бросил он. — Я рад, что она умерла, и он не может взять ее и наложить на нее свои холодные руки...

— Папа! — прошипел юноша, пытаясь заставить отца замолчать. Старик разразился хриплыми рыданиями, и два человека, сидевших за соседним столом, встали и помогли сыну увести расстроенного отца из трактира. Остальные посетители молчали.

Джандер заметил, что цыганенок Петя больше не жонглирует. Все его легкомыслие исчезло, и он смотрел вокруг цепким внимательным взглядом. А мальчишка-то вовсе не такой клоун, каким притворяется, подумал Джандер. Наблюдая за уходящими отцом и сыном, Петя сделал несколько шагов к дверям, и вампир заметил, как один из посетителей — усатый человек с маленькими свинячьими глазками и жестким ртом — встал, прошел мимо вистани и подбросил маленький кошелек ему в мешок, затем заказал себе еще эля и вернулся с кружкой на свое место.

Джандер хотел было поднять шум, но передумал. Пусть лучше пока на него не обращают внимания, пусть сначала разгорится скандал. Люди, помогавшие увести плачущего старика, вернулись на свои места, и снова зазвучали тихие разговоры.

Петя снова зажег факелы и начал жонглировать, но тут раздался вопль «Вор!» С невероятным проворством несколько человек схватили ошеломленного юношу, заломили ему руки за спину и несколько раз ударили в живот. Петины пылающие факелы разлетелись в разные стороны, и посетители поспешили их загасить, пока не начался пожар.

Распахнулась дверь, и в трактир ворвался крупный, мясистый человек с плоскими скулами и густыми висячими усами. Он был богато одет и имел вид человека, привыкшего к повиновению.

— Бургомистр Картов! — воскликнул грязный человек. — Этот вистани попался на краже кошелька у Андрея!

Андрей — человек со свинными глазками и жестким ртом — горячо закивал. Картов злобно посмотрел на юношу. Петя явно был в ужасе, но он сжал челюсти и посмотрел бургомистру прямо в глаза.

— Этот человек лжет, — холодно сказал он, и в его голосе не прозвучало

чало ни одной нотки страха, заполнившего ноздри Джандера. — Я просто выступал, зарабатывал. Меня обвинили без вины. И вообще, если бы я украл его кошелек, — усмехнулся Петя, — он бы этого не заметил.

Картов резко опустил руку. От удара голова Пети дернулась в сторону, изо рта у него пошла кровь.

Резкий крик пронзил воздух, в трактир вбежала девушка и кинулась на бургомистра.

— Папа, не надо! Перестань! — Джандер заметил, что на лице девушки тоже видны следы ударов, но это не вызвало у него никаких эмоций. Отец не обратил на дочь внимания, только равнодушно стяхнул ее с себя, изливая весь свой бурлящий гнев на вистани.

— Если вы причините мне зло, вы оскорбите мой народ, — негромко предупредил Петя. И он, похоже, не блефовал: Джандер заметил, что некоторым присутствующим стало не по себе. Должно быть, с вистанийской ненавистью не шутят.

Но Картов был явно вне себя.

— *Нас* оскорбляют, когда грабят честных людей! — прорычал он в ответ.

— Повесить негодяя! — раздался голос из толпы. Джандер не мог разглядеть, кто заорал первым, но остальные тут же подхватили вопль.

Картов наклонился к Пете. Только цыган и вампир услышали, что прошипел разгневанный отец:

— Когда мы возьмемся за тебя, ты пожелаешь оказаться в Замке Равенлофт. Я знаю, что ты сделал с моей дочерью!

Смуглая кожа Пети побелела.

Ага, подумал Джандер, внезапно поняв, в чем дело.

— Папа, нет! — закричала девушка. — Он не виноват!

Картов бросил на нее яростный взгляд.

— Тебе мало? — прорычал он. Джандер смотрел на бургомистра с отвращением. Он презирал людей, которые добиваются своего угрозами и побоями, а этим поселком явно правил образцовый экземпляр подобного рода. Возможно, подумал эльф, этот взбешенный человек и есть тот таинственный «он», которого боялся осиротевший отец.

— С тобой, Анастасия, я разберусь потом, — продолжал Картов. — А сейчас ты будешь смотреть, как твой любовник умрет.

Анастасия зарыдала.

— Нет! Петя!

Один из людей, которые пришли с Картовым, крепко схватил девушку за плечи.

Джандер невольно восхищался выдержкой юноши.

— Картов из Баровии, — начал цыган певучим голосом. — Ты пожалеешь о делах этой ночи. Борис Федорович Картов, я тебя прокли... — Кто-то сунул грязную тряпку ему в рот, оборвав проклятие на полуслове. И хотя Петя не смог договорить до конца, кое-кто из посетителей сел на место, отказавшись участвовать в расправе. Но остальные были рады возможности выместить на юноше свой постоянный страх.

Они заломили Пете руки за спину и крепко связали их его собственным ярким шарфом. Усмехаясь и осыпая юношу проклятиями, они потащили его к дверям. Петя споткнулся на пороге, не удержался на ногах и крепко ударился о камни мостовой. Из толпы раздался злобный смех. Картов схватил Петю за шелковистые черные волосы и рывком поставил на ноги. Цыган вздрогнул от боли.

Из открытой двери трактира на площадь выплеснулась полоска желтого света. Окна во всех окрестных домах осветились. Из приоткрытых ставен с осторожным любопытством выглядывали люди.

Разгоряченная толпа вылетела в ночь, наполовину толкая, наполовину таща беспомощного вистани. Его повели к виселице на другой стороне площади. Лакей со свинячьими глазками поспешил вперед, приготовил петлю и, злобно усмехаясь, дожидался толпы, тащившей жертву. Петю затолкали на помост. Он еще вырывался, когда человек со свинячьими глазками накинуд петлю ему на шею.

Никто не заметил, как эльф-чужак выбрался из толкотни и бесшумно, как тень, исчез в ночи. Но вой приближающейся волчьей стаи услышали все.

Глава четвертая

Песня волков парила над ними, словно музыка охотничьих рожков. Злобно-веселый, пронзительный, холодящий кровь звук разорвал ночь. Никогда еще волки не заходили в центр поселка. Впрочем, в Баровии предпочитали не задумываться над тем, что бывает, а что нет.

Жажда крови сменилась страхом, и толпа рассеялась. Люди разбежались перед наступающими зверями, визжа от страха и спеша спрятаться в своих домах. Но и там не было спасения от воя.

Почувствовав, что держащий ее человек ослабил хватку, Анастасия вырвалась и взбежала на помост. Забыв о собственном ужасе, она дрожащими пальцами развязала Петю. Связали его хорошо: шарф глубоко врезался в кожу, и Анастасии пришлось с ним повозиться. Она уже почти справилась с узлом, когда ей на плечо опустилась отцовская рука.

— Анастасия, идем! Скорее!

В этот момент из теней возникла огромная лохматая тень. Волк прыгнул на деревянный помост, нацелившись на Картова. Зверь не раскрыл пасть, но от удара бургомистр кувырком скатился с платформы и растянулся на твердом камне, придавленный тяжестью волка. Моментажно вскочив на лапы, зверь принялся толкать Картова к Бургомистерскому Проспекту, где находился его особняк. Дальнейшие уговоры бургомистру не понадобились. Может, он и любил свою дочь, но себя он любил больше.

По площади носились восемь волков, и звериный вой смешивался с визгом перепуганных людей. Волки гнались за убегающими людьми, зловеще бросались на закрытые двери, со звериным равнодушием бились в закрытые ставни. Один из них вцепился зубами в деревянный подоконник. Доска с громким треском расщепилась, и волк удивленно захныкал от боли.

Но ни на Петю, ни на Анастасию не напал ни один из огромных

зверей.

Анастасия закончила развязывать шарф и освободила Петю. Он схватил ее за руку, и они сбежали с помоста. Огромная серая волчица заметила движение и с рычанием обернулась к ним. Петя схватил узловатую палку, брошенную кем-то из посетителей таверны, и закрыл Анастасию собой.

Сжав зубы, Петя поднял палку. Лохматая волчица медленно приближалась на напряженных лапах, глядя на юношу горящими янтарными глазами.

— Не надо, Петя! — раздался ободряющий голос. Петя ахнул. Из темноты вышел Джандер, слегка улыбаясь. — Эта стая подчиняется мне. — Он обернулся к зверю. «Успокойся, сестра, успокойся...» Видимо, недовольная, что ей не дали добраться до жертв, серая самка остановилась и села, прижав уши к голове и рыча.

Джандер огляделся и посмотрел в глаза всем волкам, отдавая беззвучные приказы, которые волки выполнили, хотя и неохотно. «Спасибо вам, братья. Теперь вы можете идти.» Волки, как один, вскочили на ноги и бросились в темноту, тряся головами, чтобы поскорее избавиться от человеческой вони. Через несколько секунд их и след простыл.

Петя и Анастасия с раскрытыми ртами уставились на Джандера. Потом Анастасия тихонько заплакала — ужас наконец настиг ее. Цыганский юноша обнял ее жестом защиты, не сводя с Джандера своих черных глаз.

— Что ты *такое*? — спросил он голосом, в котором не звучало ни крупинцы страха, который чувствовал Джандер.

Эльф поднял брови, притворяясь обиженным.

— Я — всего лишь путешественник из другой страны. Я спас тебе жизнь, Петя. Что еще может сделать чужак, чтобы заслужить твое доверие? Ты ведь сказал мне, что знаешь, каково тут приходится чужакам. Или ты уже забыл?

Петя покраснел.

— Я никогда не видел никого похожего на вас. Простите меня за недоверие. Но, — признал он, — мы у вас в долгу. Как мы можем вас отблагодарить?

— Выбравшись отсюда, пока местные жители что-нибудь не заподозрили. Анастасия, — мягко сказал вампир, — лучше попрощайся с Петей. Он больше не сможет приходить в поселок, учитывая, какой прием ждет его здесь.

Анастасия справилась со своими слезами и грустно посмотрела на

своего любовника.

— Наш спаситель, — сказал Петя, по-прежнему недоверчиво глядя на Джандера, — совершенно прав. Нам надо попроситься. Я думаю, мое племя уедет отсюда даже раньше, чем мы думали. — Он печально усмехнулся. — Я уверен, что мой отец этой же ночью выпорот меня за те деньги, которые мы из-за этого потеряем.

Петя обнял девушку с искренней нежностью. Она прижалась к нему и расплакалась, а он ласково поцеловал ее волосы. Наконец Анастасия оторвалась от него, провела рукой по своему мокрому лицу и глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки.

— Добрый господин, я не знаю вашего имени, чтобы должным образом поблагодарить вас, — сказала она слегка дрожащим голосом.

Джандер оглядел площадь, опасаясь, что жители поселка начнут выползать из своих нор. Но, похоже, его маленький трюк сработал отлично. Все окна и двери были крепко закрыты.

— Меня зовут Джандер Солнечная Звезда.

— Тогда, Джандер Солнечная Звезда, я предлагаю вам свою дружбу. Я никогда не забуду, что вы сделали для нас сегодня. — Она почувствовала, что опять вот-вот расплачется, и закусила губу. Не желая больше показывать своих слез, девушка побежала к отцовскому дому. Петя смотрел ей вслед необычно серьезным взглядом.

— Твоя настоящая любовь? — в вопросе Джандера невольно прозвучал сарказм.

Но Петя не заметил никакой иронии и просто покачал темноволосой головой.

— Нет. Но она мне нравится, и я не хочу, чтобы ей причинили зло. У этой девушки есть характер, что не часто встречается в этом поселке. — Упершись руками в бока, Петя обернулся к Джандеру. Хрупкий и невысокий, он держался очень уверенно. Все лицо у него было в крови и синяках, но он не обращал внимания на боль.

— Я обязан тебе жизнью. Мы, вистани, относимся к таким долгам серьезно. Джандер Солнечная Звезда, кто бы ты ни был, здесь и сейчас ты повел себя как мой друг. Я предлагаю то же самое. — Петя замолчал и облизал губы, потом продолжил: — Я приглашаю тебя пойти со мной в табор, где тебе окажут почести, которых ты заслуживаешь. — Он глубоко поклонился.

Джандер мысленно улыбнулся. Его план войти в доверие к цыгану сработал.

— Петя из народа вистани, я сочту за честь посетить ваш табор.

Петя был доволен почтительным ответом.

— Тогда идем, — улыбнулся он. — Вот сюда, — он направился по дороге на запад. Джандер последовал за ним.

Ночь сомкнулась вокруг цыгана и вампира, быстро поглотив огни поселка. За пределами поселка домов почти не было, Джандер заметил по дороге только несколько одиноких жилищ. На фоне темно-зеленой травы небольшое стадо овец казалось призрачным.

— Расскажи мне о себе, Джандер Солнечная Звезда. Я думаю, что ты родом не из этих мест.

Джандер взглянул на своего спутника сверху вниз.

— Почему ты так думаешь?

— Все, кто родился здесь, похожи на жителей поселка.

— Но твой народ живет здесь, а ты совсем не похож на баровийцев, — заметил Джандер.

— Мы путешественники.

— Ну, тогда и я тоже.

Петя улыбнулся, блеснув белыми зубами в ночи.

— Возможно, и так. А к какому народу ты принадлежишь?

— Я эльф, — ответил Джандер. Этот термин принес неожиданно восторженный ответ от цыгана.

— Я *счастлив* с тобой познакомиться! Я еще никогда не видел эльфов. Хотя, — добавил он с ноткой важности в голосе, — я слышал рассказы о вас. — Джандер невольно улыбнулся сам себе. Он бы многое отдал, чтобы узнать, какие именно сказки слушал Петя. — Значит, тебя принесли туманы.

Джандер удивился. Он, конечно, помнил окутавший его густой туман, но ему и в голову не приходило, что это и есть причина его появления в Баровии.

— Такое часто случается?

— Нет, но бывает. Мы сами путешествуем через туманы. Наше племя недавно пришло сюда, — он остановился и указал на таинственный туман, смутно видневшийся впереди, через который Джандер уже прошел раньше, на пути к поселку. Густая серая преграда зловеще клубилась и пульсировала, словно живая. Когда Джандер несколько часов назад шел через нее, она показалась ему неприятной, но никакого вреда не принесла.

Петя сунул смуглую руку в карман своих красных штанов и вытащил оттуда два маленьких пузырька с пурпурной жидкостью.

— Правда, хорошо, что я положил их сюда, а не в мешок, а? — он

кинул Джандеру один из пузырьков, второй с негромким хлопком открыл и выпил содержимое. Джандер осмотрел свой пузырек, думая, что же делать. Выпить его он уж точно не мог.

— Давай, давай! — поторопил Петя. — Это зелье, которое позволит тебе без вреда пройти через туман.

— А что, он опасен?

Петя вытаращил глаза, потом пожал плечами.

— Тебя же принесли туманы, так что ты не знаешь. Это туман-убийца. Он ядовитый. А это, — он показал на свой пустой пузырек, — противоядие.

Джандер поколебался, потом притворился, что пьет жидкость, но, войдя в туман и скрывшись от глаз Пети, сплюнул. Туман не принес ему вреда, потому что он не дышал. Яд не может повредить мертвецу. Туман принял их, обнял влажными руками, гладил своими щупальцами их лица и спины. Джандер потерял бы Петю за несколько минут, если бы не инфразвение, которое позволяло ему и в тумане видеть цыгана как красное пятно. Через несколько минут туман рассеялся и исчез.

— Это... жутко, — сказал вампир.

— В Баровии много чего жуткого есть, — мрачно ответил цыган.

— Да, расскажи мне про Баровию. Я... — Джандер не договорил. Ядовитый туман полностью скрывал то, что было за ним, даже заглушал звуки, приходившие с противоположной стороны. А теперь эльф услышал неподалеку журчание воды неподалеку и обнаружил, что дорога ведет прямо к неширокому деревянному мосту, изгибавшемуся над быстрой темной рекой шириной футов в пятьдесят. На другом берегу реки извилистая дорога уходила в лес. Джандер неуверенно остановился и судорожно задумался. Будучи вампиром, он не мог пересечь текущую воду. А ведь Петя все еще считал его живым существом — эльфом, то есть чужаком — но живым. Музыка текущей воды смеялась над ним.

— Что-то не так?

Они подошли к реке.

— Я... должен признаться. В детстве я чуть не утонул в реке, и с тех пор я их смертельно боюсь. Нет ли другого пути в твой табор?

Петя скептически посмотрел на Джандера.

— Мост прочный, честное слово. Вот смотри.

Юноша пропрыгал по мосту до середины и обратно, словно кролик.

— Я тебя переведу через мост, можешь не беспокоиться. — Хитрая улыбка коснулась его губ. — Ты просил меня тебе довериться, и я шел через баровийскую ночь с незнакомцем! Теперь твоя очередь довериться

мне.

Эльф взглянул вниз на бурлящую воду, но так, чтобы Петя не заметил, что у него нет отражения. Река пенилась под мостом, и ей было наплевать на вампира и его проблемы. Даже в волчьем облике он не сможет ее перепрыгнуть — слишком широка. Нет, перейти через реку он не может. Однажды он уже пробовал, несколько сотен лет назад, и согнулся пополам от боли. Придется повторить попытку, пусть даже только для того, чтобы убедить Петю, что он действительно боится воды.

Эльф медленно взял протянутую руку Пети в свою и тотчас почувствовал, как второй рукой Петя обнял его за плечи — для поддержки. Цыган и вампир нерешительно шагнули на мост. Джандер тут же застонал от боли и быстро шагнул обратно на землю. Нет, он не может перейти реку. Но не успел он понять, что происходит, как Петя взвалил его себе на спину.

— Петя...

— Долг есть долг, *гаже!* — Худенький юноша был удивительно силен. Быстрым, уверенным шагом он пересек мост, легко неся Джандера. На середине реки Джандер посмотрел вниз и увидел серебристый блеск лунного света, отраженного водой.

Когда они оказались на берегу, Джандер соскользнул на землю.

— Ты добр, — сказал он юноше. Петя только плечами пожал.

— Хорошо, что ты со мной встретился, — сказал вистани, когда они пошли дальше. Деревья обступили их, и Джандер заметил, что Петя движется почти так же неслышно, как он сам. — Горожан ты бы сразу же перепугал. Я так понимаю, что ты волшебник?

Джандер мысленно поморщился, но магией действительно можно было объяснить свою власть над волками.

— Можно сказать и так.

— Я-то такие вещи понимаю. А жители поселка, они слишком боятся. Такой магией обычно пользуются *акара*.

Джандер не узнал слово и вопросительно поднял бровь.

— *Акара?* — повторил он.

— Носферату, — объяснил Петя, — вампиры. Нежить, которая питается кровью живых. — Он быстро сделал знак защиты над сердцем — такой же незнакомый Джандеру, как и слово, употребленное Петей, но вампир невольно отшатнулся. К счастью, Петя этого не заметил.

— А, я понимаю, — ответил Джандер. — Ты прав. И верно, мне повезло, что мы встретились. Расскажи мне еще об этом мире. Баровия — это название поселка?

— Да, и название этой земли тоже. — Они шли мимо нескольких кривых яблонь. Сочетание прекрасных цветов и уродливых стволов смотрелось странно. Петя остановился, подпрыгнул и ухватил одну ветку, усыпанную цветами. Раздался резкий треск, и Петю осыпал дождь лепестков. Он потянул, и ветка оказалась у него в руке. Улыбаясь, юноша глубоко вдохнул запах.

— Для моей сестры, — объяснил он. — Цветы приводят их хорошее расположение духа, верно? — Его улыбка превратилась в усмешку, и он лукаво подмигнул эльфу. — У тебя есть дама, Джандер? Они могут составить отличную компанию, но иногда слишком много говорят.

Терпение Джандера подходило к концу. Да, мальчишка был забавен, а Джандеру очень давно не приходилось развлекаться. Но он освободил Петину шею от петли не ради развлечения, а ради сведений.

— Я слышал в гостинице имя Страд и упоминание места под названием Замок Равенлофт.

Подвижное лицо Пети стало по-настоящему серьезным, и Джандер почувствовал страх.

— Давай не будем говорить об этих вещах ночью, — быстро сказал он. — Лучше завтра.

— Сейчас, — настаивал Джандер.

Что-то в голосе эльфа заставило Петю внимательно посмотреть на него.

— Ну ладно, — медленно сказал юноша, — хотя на такие мрачные темы лучше вообще не говорить. Граф Страд фон Зарович — повелитель этой земли. Его дом — Замок Равенлофт. Некогда он был могучим воином, а теперь, говорят, занимается магией.

Магия. Неужели она вечно будет преследовать его? Джандер подавил желание презрительно сплюнуть. Да, действительно, ему сильно не повезло, если здешний правитель — маг.

— А как ты думаешь, это правда? Насчет магии?

— Должно быть. Он правит здесь гораздо дольше, чем любой смертный.

— И сколько же лет он уже правит?

Петя пожал плечами.

— Не знаю. Мы не баровийцы. Мы не слишком хорошо знаем историю Баровии.

Джандер огляделся вокруг, осматривая странный ландшафт.

— Туман подчиняется ему, верно?

— Тот туман, который вокруг поселка — да, под его властью. Но туманы, которые принесли тебя сюда, не подчиняются никому.

— А кто такая Оля?

Петя опять посмотрел на него, и в его глазах блеснуло подозрение.

— Девушка, которая умерла, как ты, должно быть, слышал. Это не твое дело.

Над ухом у Джандера раздалось резкое щебетание.

Они разбудили разговором маленькую серо-белую птичку, она посмотрела на Джандера ясным глазом и снова заснула.

— Хорошенько запомни эту птицу, Джандер. Это *виста чири*. Если увидишь такую, знай, что вистани неподалеку. Это наши маленькие друзья, они повсюду следуют за нами. Говорят, что они — на самом деле души наших предков, которые за нами приглядывают. А вот тут мы сойдем с дороги. Я знаю короткий путь. Иди за мной.

Петя свернул в лес, Джандер пошел следом. Здесь было совсем темно, лунный свет почти не просачивался сквозь густые древесные кроны. Гигантские корни расчертили тенистую лесную почву. Но Петя шел по коварной земле уверенно и бесстрашно.

— Горожане, похоже, боятся ночи, — решил спросить Джандер, — а ты ходишь по лесу как герой, Петя. А ведь здесь водятся волки. Ты не боишься?

— Ты умеешь разговаривать с волками, Джандер, и ни один уважающий себя бандит не нападет на вистани. — Он улыбнулся через плечо. — У всех вистани дурной глаз, хей? Что же до прочих опасностей, то силы этого места на меня не действуют. Потому что Страд... — он замолчал и тихонько выругался. — Ты развязал мне язык, эльф, а это не всегда хорошо. Я уже сказал достаточно — возможно, слишком много. Давай, расскажи мне о своей земле.

— Я родился в стране под названием Эвермет, где живут только эльфы. Ты и представить не можешь, как она прекрасна. Я играл на флейте и пел, а летом в рощах мои сородичи устраивали танцы. С тех пор я больше ничего подобного не видел. — Голос Джандера стал жестким. — А поверь мне, Петя, я многое повидал.

Петя испытующе посмотрел на него.

— Я верю тебе, эльф, — сказал он мягко и искренне. — Возможно, этой ночью ты найдешь бальзам для своей души.

Джандер рассказывал об Эвермите, пока он и его упрямый союзник пробирались через темный баровийский лес. Петя с уважением слушал, вероятно, тронутый глубоким оттенком грусти в музыкальном голосе эль-

фа. Справа от них звенела река, время от времени отдаваясь. Наконец шум воды сменили другие звуки — ржание лошадей, лай собак и человеческие разговоры.

Джандер и Петя вышли из тени сгорбившихся деревьев, и эльф-вампиры увидели вдали отсвет костра. Его острое зрение позволило ему разглядеть несколько дюжин фургонов. По краю табора толпилось множество лошадей, коз и кур — цыганский скот, а около костра двигались темные фигуры.

Но внимание эльфа привлек вовсе не этот располагающий вид. К северу от лагеря поднимался огромный пик. На фоне черного, усеянного крохотными холодными светлыми точками неба вырисовывался еще более черный силуэт. Грозный замок венчал утес. Джандер узнал в замке то самое строение, которое он видел с дороги, когда только появился в Баровии. Тогда он не знал, что это за замок. Теперь знал.

Петя проследил за его взглядом.

— Да, — тихо сказал он, — это Замок Равенлофт. Там живет граф Страд.

Глава пятая

Марушка не любила детей.

Ей не удалось вежливо отказать Ларе, которая попросила последить за ее младенцем, пока она танцует. И теперь молодая женщина-вистани сидела на грубо сколоченной деревянной табуретке, хмурая, словно буря, держа несчастного ребенка на руках, а Лара грациозно танцевала со своим мужем. В мерцающем свете костра Марушка разглядела, что младенец выплюнул свекольный суп, который она впихнула ему в рот. Когда капризный малыш попытался засунуть конец толстой черной Марушкиной косы в свой розовый ротик, девушка решила, что дружба зашла слишком далеко.

Сверкая глазами, она прошла среди танцующих к Ларе и сунула ей младенца.

— Забери его, — резко сказала она на вистанийском языке. — Он меня всю заплевал.

Лара и ее муж рассмеялись и забрали ребенка. Марушка пошла прочь.

— Ах, боги сделают ошибку, если пошлют ей ребенка, — усмехнулась Лара, с ласковой жалостью глядя подруге вслед.

— Верно, — согласился ее муж, взял на руки своего ребенка и поцеловал его в мягкую щечку. — Будет лучше, если она пойдет путем своей бабки. — Ребенок загулил и быстро заснул в любящих объятиях отца.

Марушка злилась недолго, только до тех пор, пока не вышла из круга света, который отбрасывал костер. Она отбросила за спину толстую, блестящую черную косу и посмотрела на дорогу, потом на звезды. Прошло четыре часа с тех пор, как ее младший брат Петя куда-то ушел, как всегда важничая и хвастаясь. За четыре часа он мог успеть попасть в массу переделок.

У Марушки было чувство, что что-то пошло не так. Она всегда при-

слушивалась к своим ощущениям, потому что они обычно говорили правду. У многих в таборе было частичное Зрение. Например, Лара могла предсказывать судьбу по картам, а Кева иногда слышала голоса, которые точно предсказывали будущее. Но Марушка обладала полным Зрением, и в ее поколении больше никто не был так благословлен — или проклят.

Она могла гадать по любой поверхности, будь то чашка с водой, хрустальный шар или зеркало. Карты всегда открывали ей судьбу клиента, чайные листья тоже. Марушка умела читать по ладоням и по лицам, и время от времени у нее случались ослепительные вспышки ясновидения. За подобное могущество ее уважали в племени, но иногда эта высокая и стройная двадцатилетняя вистани хотела вдруг оказаться обычной девушкой. А сейчас ее Зрение ясно говорило ей, что Петя попал в беду.

— Он скоро вернется, дитя. Не беспокойся, — прозвучал рядом сухой голос. Марушка подпрыгнула от неожиданности, потом улыбнулась и кивнула Мадам Еве. Старухина привычка подбираться незамеченной приводила Марушку в замешательство. О ней предпочитали не говорить за глаза. Некоторые утверждали, что о ней даже лучше не *думать* за глаза. И Марушка думала, что они правы.

Никто не знал точно, сколько лет Мадам Еве, а она никогда не говорила. Она все еще держалась прямо, хотя ее тело иссохло, а лицо сморщилось, как баровийские сливы, слишком долго пролежавшие на солнце. Она никогда не заплетала свои седые волосы, и они развевались у нее за спиной, словно лунный свет. Взгляд быстрых глаз Евы был по-прежнему ясным, и Зрение ей по-прежнему не отказывало.

Хотя Ева уже потеряла почти все зубы и жила на каше, она была самым могущественным человеком в племени, и никто не осмеливался переходить ей дорогу. Под строгим руководством Евы Марушка оттачивала свои способности ясновидца и знала, что ей предстоит стать Провидицей племени, когда Зрение оставит старую цыганку.

Марушкина тревога немного улеглась. Девушка знала: если Ева говорит, что Петя благополучно вернется домой, значит, с мальчиком действительно не случилось ничего плохого.

— Да, верно, боги посылают Пете удачу. В доброй половине городов, в которых мы побывали, ему бы отрубили голову и насадили на кол, если бы дотянулись, — сказала Марушка. Старуха скрипуче рассмеялась.

— Но я не могу не волноваться, — добавила девушка. — Он флиртует с несчастьями, как со своими девушками. Он так глупо рискует.

— Некоторые сказали бы то же самое обо мне, дитя мое, — напомнила ей Ева. — Кажется, я помню некую девушку, убежденную, что я никогда

не выйду из Замка Равенлофт живой.

Теперь настала очередь Марушки рассмеяться.

— Ну, Страд настоящий дьявол, бабуля.

— Как бы то ни было, он добр к нашему народу. Не забывай об этом, дитя мое, если тебе придется делать выбор между верностью ему или кому-либо другому. Тем, что мы в этой земле спокойно спим по ночам, мы обязаны великодушию Страда.

Внезапно Марушка окатила волна любви к гордой старухе, и она обняла свою бабушку.

— А также уму моей бабули!

Ева беззубо улыбнулась.

— И этому тоже, — сказала старуха и неожиданно нахмурилась. — Петя идет, — сказала она, — и с ним еще кто-то.

— Притащил с собой очередную подружку — фыркнула Марушка и поглядела на дорогу. Действительно, к табору шли двое, но спутник Пети отнюдь не был хорошенькой девушкой. Молодая цыганка никогда не видела никого, подобного этому незнакомцу.

Марушка услышала, как Ева изумленно вдохнула воздух.

— Один из Народа, — тихо сказала она. Марушка не поняла, что Ева имеет в виду, но переспросить бабушку не успела, потому что Петя со всех ног побежал к ней, и Марушка ахнула, увидев, что его лицо покрыто синяками. Узнав Еву, юноша остановился.

— Приветствую тебя, бабушка, — вежливо сказал он, низко кланяясь. Ева даже не взглянула на него — она внимательно смотрела на стройного незнакомца, который молча стоял неподалеку.

— Почему эльф не подошел к нам? — спросила она.

— Петя, что с тобой случилось? — воскликнула Марушка.

Юноша не ответил на оба вопроса.

— Сначала, бабушка, помнишь, ты велела мне приглядывать за Олей Ивановой? Она сегодня вечером умерла от лихорадки.

Теперь Ева, посмотрела на внука, прищурившись.

— Ты уверен?

— Ее отец и брат сидели в трактире. Старый Иван чуть с ума не сошел от горя. — Внезапно Ева устало сгорбилась, морщины вокруг глаз углубились. Петя заметил эту перемену и встревоженно спросил: — Может, мне не надо было тебе это говорить?

Ева покачала головой.

— Надо, дитя мое. Хоть эту новость и не назовешь хорошей, ее следует знать. А теперь, — она снова выпрямилась, взгляд обрел прежнюю

пронзительность, — объясни мне поведение этого *гаже*.

— Он говорит, что в его народе считается невежливым приближаться к незнакомцам без приглашения.

— Я никогда не слышала о таком обычае Тел'Квессир, — парировала Ева. — В любом случае, он *гаже*, и здесь ему не место.

— Но, бабушка, он же сегодня вечером спас мне жизнь! — умоляюще воскликнул юноша

— Петя, что ты наделал? — тонкие черные брови Марушки сошлись на переносице.

Быстро и несколько смущенно Петя рассказал им о событиях этого вечера. Когда он описывал могущество Джандера, Ева приподняла бровь, и в уголках ее губ появилась еле заметная насмешливая улыбка.

— Очень хорошо, — сказала она неожиданно. — Пусть подойдет.

Петя усмехнулся опухшими губами и направился к своему товарищу.

— Ты, похоже, знаешь, из какого народа этот *гаже*, — сказала Марушка Еве.

— Он — золотой эльф, их также называют рассветными эльфами, родом из мира, который называется Торил. Эльфийский народ следует уважать и почитать. Но интересно, какими судьбами подобное существо попало сюда. Тем не менее, Петя прав. Эльф спас жизнь одному из наших детей, и за это мы его примем — только на эту ночь. — Она потеплее закуталась в свою яркую шаль. — Доброй ночи, дитя мое.

— Бабуля, но разве ты не будешь приветствовать чужака?

Ева покачала седой головой.

— Нет. Мои старые кости требуют отдыха. Скажи ему о пещере у водопада, — добавила она.

Марушка озадаченно кивнула и обернулась к необыкновенному другу Пети, который шел к ней по-кошачьи грациозно и бесшумно.

Он был среднего роста и очень стройного сложения. Черты лица были острыми и в то же время изящными, необыкновенные серебряные глаза притягивали взгляд. От золотого цвета его волос и кожи Марушка пришла в восхищение и вдруг поняла, что глядит на незнакомца во все глаза. От него просто невозможно было отвести взгляд. Марушка никогда не видела более красивого существа, чем этот *гаже*.

— Джандер Солнечная Звезда, это моя сестра Марушка, — сказал Петя. Джандер вежливо поклонился.

— Госпожа, вы оказываете мне честь.

Марушка покраснела, что с ней бывало не часто. Это чуждое существо внимательно смотрело на нее, не отводя глаз, как будто она была

центром вселенной. Она редко имела дело с *гаже*, а у вистани в обращении тонкое почтение смешивалось с грубоватыми выражениями привязанности. Элегантная вежливость эльфа была непривычной, и Марушке она понравилась.

Ее раздумья были грубо прерваны резкими криками, и не успела она опомниться, как у нее за спиной собралась целая толпа.

— Кто этот *гаже*? — спросил ее отец на вистанийском языке.

— Эльф, папа. Он спас Петю от виселицы сегодня вечером. Бабушка сказала, что мы должны принять его. — Послышался недовольный шепот, но Еве всегда подчинялись, и толпа, неохотно расступившись, пропустила Джандера.

Идя сюда, вампир гадал, как его встретят. Теперь он обнаружил, что смуглые цыгане смотрят на него сдержанно, но без откровенной враждебности, в отличие от баровийцев. Петя быстро говорил им что-то на цыганском языке, и Джандер увидел, как на лицах окруживших его людей сдержанность сменяется удивлением, а затем удовольствием. Ему протянули руки, и настороженные взгляды сменились приветственными улыбками. Джандер нерешительно улыбнулся в ответ. Его взяли под руки и провели на почетное место у огня, а вокруг звенел смех и звучали веселые голоса.

Неожиданно Джандер обнаружил, что оказался в центре внимания целой толпы детей. Они собрались у его ног и, совершенно не смущаясь, тянулись к его серому плащу, маленькими липкими ручками хватали за волосы, тянули за острые уши. От неожиданности Джандер невольно отшатнулся, отталкивая мальчиков и девочек.

Марушка прикрикнула на детей, и они разбежались. Несколько наиболее нахальных убежать не стали, подобрались обратно и уселись недалеко от золотоволосого *гаже*.

— Я не хотел их испугать, — извинился Джандер. — В последние несколько лет мне нечасто приходилось бывать среди людей, и тем более среди детей.

Марушка села рядом с ним на деревянную скамью и пожала плечами. Блузка соскользнула со смуглого плеча.

— Меня они тоже раздражают, — призналась она со смешком, — звери лучше. По крайней мере, их можно дрессировать.

Рядом кто-то негромко покашлял. Джандер поднял глаза и встретился взглядом с пожилым человеком, которому было явно не по себе.

— Господин, я благодарю вас за спасение моего сына, — смущенно сказал человек, — хотя видят боги, иногда мне самому хочется его

убить. — Он поклонился и поспешил вернуться к Пете, который рассказывал всем желающим о подробностях своего побега.

К огорчению Джандера, отец Пети одной рукой схватил юношу за ухо, а другой расстегнул свой широкий кожаный ремень. Петя вскрикнул, вырвался и побежал к лесу, но отец скоро нагнал его, и они горячо заспорили друг с другом по-цыгански. Похоже, Петя был прав насчет предстоявшего ему наказания.

— Твой отец его действительно избьет?

Марушка загадочно усмехнулась.

— Смотри.

Отец и сын продолжали спорить, оживленно размахивая руками. Вдруг пожилой мужчина схватил юношу за плечи и крепко обнял, а Петя ответил на отцовское объятие. Потом отец Пети выпустил сына и принялся осматривать его синяки и царапины, и Джандер увидел, что и у отца, и у сына глаза блестят от слез.

— Бить наших детей? — улыбнулась Марушка. — Джандер, для нас, вистани, дети — самое драгоценное на свете. Ну, не для меня, вообще-то, — добавила она со смехом. — Понимаешь, нас очень мало. Но когда-нибудь Петя повзрослеет, — вздохнула Марушка.

— Не стоит желать, чтобы это произошло слишком быстро, — мягко сказал Джандер. За свои семь столетий он видел очень много расцветающих и увядающих цветов, и мысль о том, что лукавый Петя повзрослеет и постареет, его огорчила.

Марушка заметила, что настроение у эльфа изменилось, и мгновение внимательно смотрела на него. Потом серьезно сказала:

— Хочешь, я предскажу тебе судьбу?

Джандер еще больше помрачнел.

— Я и сам могу ее предсказать, — резко ответил он. — Для меня на свете не бывает неожиданностей, и лживые пророчества мне не нравятся.

Не будь Джандер так явно расстроен, Марушка бы очень сильно обиделась на него за неверие в ее способности.

— Я истинная Провидица, — гордо заявила она, — и возможно, я могу дать тебе ответы, которые ты ищешь. — Он обернулся и вопросительно посмотрел на нее. — Может быть, я смогу тебе сказать, почему ты оказался здесь, рассветный эльф с Торила.

Серебряные глаза прищурились по-кошачьи.

— Откуда ты знаешь?

— Бабушка знает. Мадам Ева — Провидица и предводительница нашего народа, и она бывала в твоей земле. Благодаря ей нас тут прини-

мают. Она также поручила мне сказать тебе, что недалеко отсюда есть пещера, хотя я и не понимаю, зачем тебе это знать.

Джандер был озадачен. Может ли эта Мадам Ева знать, что он вампир? Зачем бы еще ему пещера? Возможно, просто в качестве крыши над головой, как любому смертному. Но все же то, что Ева знала о Ториле, его заинтересовало.

— А можно мне познакомиться с твоей бабушкой, Марушка? Если она бывала в моей стране, мне было бы интересно с ней поговорить.

— Бабушка ушла спать. Она уже очень старая и легко устает. — Девушка насмешливо надула алые губки. — Почему ты желаешь беседы со старой дамой, когда у тебя есть мое общество? Пойдем, Джандер Солнечная Звезда. Позволь мне предсказать твое будущее. Обычно я дорого беру за гаданье, но за жизнь моего брата я тебе его подарю. Ты ведь не оскорбишь меня отказом? — Она смотрела на него сквозь черные ресницы и говорила жеманным и дразнящим тоном. Джандер вспомнил тонкое искусство флирта и почувствовал тоску. Этого безвредного кокетства, этого приятного поединка полов он тоже был лишен уже многие столетия. Оно ушло вместе с его прошлым...

— Очень хорошо. Я согласен.

— Пойдем ко мне в фургон. Мои карты там.

Джандер невольно улыбнулся.

— Ты не боишься оказаться у себя дома наедине с незнакомцем?

Девушка усмехнулась, откинув назад длинную черную косу и показывая белые ровные зубы. — Хей, *гаже*, мы, вистани, умеем позаботиться о себе! — Она хлопала себя по боку, и Джандер увидел, что за широкий черный пояс у нее заткнут маленький отточенный кинжал. Все еще улыбаясь, Марушка поманила эльфа туда, где стояли фургоны ее семьи.

Вардо мадам Евы и ее родственников были ярко раскрашены, как и полагается вещам, принадлежащим семье предводительницы табора. Марушкин фургон был небольшим, но красивым. В неярком свете костра трудно было различать цвета, но Джандер разглядел, что на стенке фургона вырезана лесная сцена с оленями и зайцами. Пегий пони, привязанный к запяткам фургона, спокойно дремал.

Когда Джандер с Марушкой подошли поближе, животное внезапно проснулось, насторожив уши. Уловив запах нежити, исходящий от Джандера, животное отчаянно заржало, натянув привязь, поднявшись на дыбы и раздувая розовые ноздри. Марушка подошла и попыталась успокоить животное, но впавший в панику пони ничего не слышал.

Джандер сосредоточился и отправил перепуганному животному мыс-

ленный приказ успокоиться. *Тише... успокойся, маленький друг...* Пегий пони встал на четыре ноги и перестал рваться и ржать, но все еще дрожал, закатив широко распахнутые карие глаза. Марушка нахмурилась, похлопывая пони по шее, и оглянулась на Джандера. Вампир улыбнулся, как он надеялся, ободряюще.

— Петя говорил тебе о волках. Конечно, на мне остался их запах, и твой пони его учуял.

— Да, должно быть, так, — медленно согласилась Марушка.

Они поднялись по деревянным ступенькам к дверям *вардо*. Марушка распахнула дверь, вошла и принялась зажигать лампы. Джандер остановился: он не мог войти в фургон, пока хозяйка его не пригласит. Через несколько секунд цыганская Провидица выглянула из дверей:

— Чего ты ждешь? Заходи!

Джандер так и сделал, пригнувшись под низкой притолокой. *Вардо* и так-то не был особенно просторным, а из-за кучи вещей, которые туда натащила Марушка, казался еще теснее. Пять ярких вышитых подушек лежали на полу вокруг большого хрустального шара, установленного на изящной кованой подставке. На деревянных полках хранились разнообразные камни, бусины, кости и другие инструменты цыганских гадалок. Постель Марушки в дальнем конце *вардо* представляла собой маленький твердый соломенный тюфяк, покрытый волчьими шкурами и тканым шерстяным одеялом. К изогнутым потолочным балкам на крючках были подвешены три лампы, отлично освещавшие фургон изнутри.

— Садись, а я попробую найти свои карты, — предложила Марушка. Только Джандер устроился на удивительно удобных подушках, как раздался резкий каркающий звук, заставивший его вздрогнуть и поднять глаза. В углу в большой клетке сидела огромная черная птица и внимательно смотрела на эльфа глазами-бусинками. Прежде чем она снова каркнула, Джандер отправил ей один из своих мысленных приказов, и птица уснула.

— Это Пика. Его имя значит «озорник». Я его время от времени выпускаю на свободу, и иногда он приносит домой самые неожиданные предметы. Ага, вот они. — Марушка выбралась из-под тюфяка с колодой огромных карт. Джандер снова посмотрел на нее. — Это Петя их сделал и подарил мне на день рождения несколько месяцев назад, — сказала девушка. — Правда, красивые? — Она передала колоду Джандеру. — Перетасуй их.

— Сколько раз?

Марушка пожала плечами.

— Пока не почувствуешь, что пора прекратить.

Джандер мысленно закатил глаза и длинными золотыми пальцами принялся тасовать карты. Конечно, это напрасная трата времени, но, возможно, ему удастся завести с девушкой разговор о Страде. Он догадывался, что Марушка гораздо больше знает об этой земле и ее повелителе, чем удачливый Петя. Он также подозревал, что уговорить ее отвечать на вопросы будет труднее.

Марушка села на подушку напротив вампира и осторожно отодвинула хрустальный шар в сторону. Ее черные глаза не отрывались от его лица.

Внезапно Джандер понял, что она имела в виду. Он «почувствовал», что карты легли в правильном порядке. Они как будто мысленно сказали ему *достаточно, теперь положи нас*. Это его удивило. Он всегда считал, что цыгане — лицедеи и шарлатаны, не обладающие никакими познаниями в магии. Но к вистани это явно не относилось.

Джандер положил карты на стол.

— Разверни их веером, — сказала Марушка. Теперь ее голос стал другим — более глубоким, более зрелым — и ее лицо тоже казалось старше. Джандер послушался. — Теперь выбери шесть карт.

Цыганка взяла карты, которые он ей передал, и осторожно отложила остальные в сторону. Затем она перевернула первую карту. На ней была изображена красивая звезда и такая же красивая женщина с радужным букетом цветов в руках. Джандер изумился, увидев, что, казалось бы, легкомысленный Петя обладает таким тонким художественным вкусом. — Эта карта — твое далекое прошлое, — улыбнулась девушка. — Это самая лучшая карта в колоде, полная нежности, надежд и возможностей. Какая у тебя тогда была прекрасная душа, Джандер Солнечная Звезда.

Эльф не мог взглянуть ей в глаза. Марушка перевернула вторую карту, и на ее лице возникло выражение печали. Джандер удивился. Карта казалась хорошей. Двое влюбленных шли через зеленый лес, держась за руки, причем юноша был подозрительно похож на Петю.

— Эта карта не так уж плохо выглядит, — заметил он.

Марушка покачала головой.

— Обычно да. Это карта Влюбленных. Но ты видишь, она перевернутая. Это означает разлуку. Это твое недавнее прошлое — ты любил, и ты потерял ее.

Джандер серьезно призадумался, а не может ли эта женщина действительно предсказать его будущее.

Марушка перевернула третью карту. На ней была изображена слепая

женщина с весами.

— Ты ищешь Справедливости, — она нахмурилась, слегка прикоснулась к карте, и ее глаза, казалось, посмотрели куда-то вдаль.

— Ты ищешь мести, — мягко поправилась она.

Перевернув следующую карту, Марушка слегка вздрогнула. Ей ухмылялся скелет с косой. Она взглянула на Джандера и, к своему изумлению, заметила, что у эльфа на губах играет легкая саркастическая улыбка.

— Это ты, — выпалила она. — Я хочу сказать, это твое настоящее. На самом деле эта карта означает перемены, а не смерть.

Джандер по-прежнему улыбался.

— Дорогая моя, я думаю, в данном случае эта карта означает именно то, что на ней изображено.

Что-то не так с Джандером, подумала Марушка.

— Значит, ты воин?

— Да, был. Когда-то. Много лет назад. В каком-то смысле я им и остался. Пожалуйста, продолжай. Теперь мне стало интересно.

Марушке очень не понравилась улыбка на лице эльфа — горькая, и все же опасная, насмешка над самим собой. Ей больше нравился Джандер, окутанный печалью, с глубокой тоской в странных серебряных глазах. Марушка поняла, что этот прекрасный *гаже* действительно опасен. Но он был такой худенький, что она не сомневалась, что справится с ним в драке. И тем не менее ее правая рука медленно двинулась к ножу на поясе.левой рукой Марушка перевернула следующую карту левой рукой и, увидев, что это такое, закрыла глаза.

Большинство клиентов пугала карта Смерти, но все гадалки знают, что на самом деле бояться надо, если в гадании выпадет совсем другая карта — и вот она выпала. То была Башня. Пете пришлось в голову нарисовать ее похожей на Замок Равенлофт. На картинке он рушился, и люди падали с нее навстречу своей смерти.

— Это плохая карта, — прошептала Марушка. — Очень плохая...

Ее рука сомкнулась на рукояти кинжала.

— Тем больший мне резон поверить в истинность твоих предсказаний, — мягко ответил Джандер. — И, Марушка, — добавил он таким же мягким голосом, — не хватайся за кинжал. Я не собираюсь причинить тебе зло.

Вздрогнув, девушка подняла глаза и встретилась взглядом с серебряными глазами, снова полными ласковой печали. Вистанийской Провидице стало стыдно за себя. Она открыла было рот, чтобы извиниться, но Джандер махнул изящной рукой.

— О чем же мне говорит эта грозная Башня?

— Башня означает хаос, разрушение. Это то, что ожидает тебя в будущем.

— Прелестно.

Марушка поскорее вернулась к гаданию. Перевернув последнюю карту, она облегченно вздохнула. Это оказалось Солнце, ее самая любимая карта. Маленький ребенок, лет трех, тянулся пухлыми ручками к сияющему диску, парившему почти над самими его пальчиками. — Солнце означает успех и победу. Кроме того, оно связано с детьми. Если тебе суждено добиться справедливости, то помогут тебе солнце и дети.

Она подняла голову и посмотрела на Джандера, уверенная, что последняя карта должна его немного обрадовать. Но вместо этого его лицо стало печальнее, чем раньше, замкнутым и усталым.

— Солнце — очень хорошая карта, — повторила Марушка.

— Для большинства, возможно. Но не для меня. Спасибо, что ты провела со мной время, Марушка. Это меня... просветило. А теперь я должен идти. — Он изящно поднялся. — Ты упоминала о пещере?

Марушка не могла отпустить его вот так, в печали и без надежды. В конце концов, это она настояла на гадании, а не он, и в результате из-за того, что она наговорила, Джандер расстроился.

— Побудь с нами еще немного, взгляни на наши танцы. Мы очень редко позволяем *гаже* смотреть на них, и хотя ты прожил долгую жизнь, возможно, ты больше никогда их не увидишь.

Услышав ее слова, Джандер невольно рассмеялся. «Жизнь», надо же. И все же невежливым быть не следовало. Такой свободой, какой пользовались эти люди, похуже, обладал мало кто в Баровии. И кто знает, когда ему снова понадобятся их знания и умения.

— Как пожелаешь, госпожа моя. Я давно не видел ничего столь изящного, как танцы.

Он последовал за ней наружу, мимо все еще перепуганного пегого пони, обратно к кольцу света и к пылающему огню. Воздух наполняли резкие звуки скрипок, слышался веселый звон тамбуринов и глухой, ритмичный, как сердцебиение, стук бубна. На фоне костра двигались гибкие фигуры. Вместе Смех, хлопанье в ладоши и чистое, приятное пение на чужом языке вместе с дымом поднимались к чернильно-черному куполу небес.

Джандер смотрел на эту сцену с завистью и тоской. Эльфу очень хотелось стать тут своим. Ему нравился Петя, нравилась его пустая болтовня вперемешку с острой пронизательностью, сбрызнутая бесстыдны-

ми, похотливыми, *живыми* комментариями о женщинах, добром вине и скитальческом образе жизни его народа. Вампиру нравилась красавица-Провидица, нравилась жалобная, но все равно веселая музыка, ласкавшие его слух.

Джандер с грустью понял, что он пьет живую, одухотворенную природу этого народа, словно кровь. Почувствовав легкую, как перышко, ладонь Марушки у себя на руке, он вздрогнул и попытался улыбнуться. Она смотрела на него темными манящими глазами, и он понял, что она распустила косу, и волосы падают ей на плечи черной волной. С лукавой улыбкой девушка направилась к костру, танцующие расступились, пропуская ее, и она тоже начала танцевать.

Резкая боль охватила Джандера, когда он разглядел дикость и красоту цыганского танца. Молодые женщины были одеты просто — в легкие хлопковые блузы белого или кремового цвета и широкие яркие юбки, которые взлетали в танце, обнажая длинные стройные ноги. Волны длинных темных волос падали на спины. На губах звенел смех, естественный и непринужденный, как звук бурлящего течения.

Серебряные глаза Джандера закрылись от боли и радости. Он не видел ничего подобного почти семьсот лет, с тех пор, как смотрел на танцующих в родных рощах Эвермита, полных волшебства. Невольно Джандер обратился к воспоминаниям о тех временах, когда он был чист и невинен, когда ни в одной частичке его маленькой милой вселенной не было ничего отвратительного, когда вампиризм был всего лишь полузабытой сказкой, которой дразнят детей.

Марушка шагнула к нему, взяла его золотистую руку в свою и мягко потянула его к костру. На мгновение Джандер заколебался, но оранжевое пламя как будто притягивало его к себе, и он присоединился к танцующим.

Уже пятьсот лет как мертвое, его тело еще помнило, как двигаться под музыку. Вампир и цыганская Провидица закружились в танце, черные глаза смотрели в серебряные, золотистая кожа прижималась к смуглой. Джандер покорился мгновению, и вдруг ему показалось, что он танцует не с Марушкой, а с Яной, *Яной*, здоровой, разумной, с улыбкой на лице и с любовью в глазах...

Джандер не мог больше выдержать. Красота музыки, опьянение танцем и воспоминание об умершей девушке, которую он любил, ошеломили вампира. Он с ужасом почувствовал, что его глаза щиплет от слез. Пробормотав извинение, Джандер отошел от костра и скрылся в тени ближайшего *вардо*. Марушка последовала за ним.

— Джандер, что случилось?

— Ничего, просто... просто оставь меня на минутку, пожалуйста. Со мной все будет в порядке. — Он отвернулся от Марушки, и она неохотно вернулась к костру. Снова оставшись один, Джандер поскорее вытер кровавые слезы. Одна слеза все-таки успела выкатиться из глаза, оставив красную дорожку на щеке. Он надеялся, что в неверном свете костра этого никто не заметил.

К его ногам упала мокрая тряпка.

— Вытри лицо, вампир, — произнес резкий голос.

Глава шестая

Джандер быстро обернулся. Танец не прервался. Похоже, его слез не заметил никто, кроме этой старухи. Не сводя с нее глаз, он вытер лицо, как она велела.

— Вы меня раскусили, госпожа моя. Что вы собираетесь делать?

Старая женщина слабо пожала плечами, но Джандер почувствовал, что ее воля крепче закаленной стали.

— Сейчас — ничего. Ты наш гость, и мы не оскорбим традиций наших предков. Кроме того, тебя выдали твои слезы. В этой земле такое бывает редко, а с нежитью и того реже. Ради того, кем ты был когда-то, Джандер Солнечная Звезда, ты можешь спокойно уйти отсюда. Неподалеку, около Церского Пруда, есть пещера, там ты можешь спрятаться от солнца и спать. Мы тебя не побеспокоим. Но, — добавила она звучным глубоким голосом, — с этой минуты ты наш враг. Тебе нет места среди живых. Уходи немедленно.

Джандер вежливо поклонился.

— Я попрошу вас о любезности, мадам Ева, ибо я предполагаю, что это вы. Не говорите Пете и Марушке, что я такое.

Ева нахмурилась, и вампир увидел в глазах старой женщины отблеск огня, пылавшего в глазах Марушки.

— Я должна их предупредить. Они мои внуки.

Джандер оглянулся на танцующих. Марушка снова весело кружилась среди них, возбужденная музыкой. Петя стоял, окруженный девушками, и с усмешкой на лице что-то рассказывал, размахивая руками.

— Если бы я хотел причинить им зло, я уже тысячу раз мог бы это сделать. Им нечего меня бояться.

Ева внимательно посмотрела в серебряные глаза Джандера. Ее морщинистое лицо слегка смягчилось, и она негромко сказала:

— Я скажу им, только если сочту нужным. Но уходи сейчас же. —

Она секунду помолчала и добавила: — Сладкой воды и легкого смеха.

Это было традиционное эльфийское прощание, и Джандер низко поклонился. Затем он быстро исчез в ночи. Ева посмотрела ему вслед и обернулась к внукам. Марушка остановилась, чтобы отдышаться, и с явным разочарованием смотрела вампиру вслед. Петя подлетел к бабушке.

— Бабушка! Ты ведь не прогнала его? — спросил он с обидой в голосе, с упреком глядя на нее. Ева вздохнула.

— Иди приведи свою сестру, — сказала она. Петя заколебался, посмотрел вслед Джандеру и пошел за Марушкой. Ева присела на ближайшую скамейку. Ты слишком стара, Ева, подумала она с печальной усмешкой. Ты становишься слишком стара для подобного.

— Ты хотела нас видеть, бабуля? — Ева посмотрела на своих внуков. Два молодых красивых создания делали честь и племени, и ей. Она поступала правильно. Ева похлопала по скамейке, и внуки послушно сели по обеим сторонам от нее.

Мгновение она молчала.

— Это несчастливая земля, — начала старуха. — Мы можем находиться здесь, потому что я заключила с повелителем Баровии договор, полезный для нашего народа. — Она снова помолчала, ища правильные слова. Петя ерзал в нетерпении, желая поскорее вернуться к своим поклонницам, а Марушка просто терпеливо ждала. — Это не значит, что нам здесь ничего не грозит, — продолжала Ева. — Иногда опасность нелегко распознать. Иногда она предстает в прекрасном облиции.

Марушка поняла первой, хоть и неохотно.

— Джандер опасен?

Ева положила сморщенную ладонь на руку внучки.

— Да, моя дорогая. Очень.

Марушка нахмурилась.

— Нет, — отрезала она, — я не могу этому поверить. Я ему гадала. Он не злой.

— Я не говорю, что он хочет быть опасным. Иногда между злом и добром просто не оказывается выбора.

— Бабушка, он спас мне *жизнь*! — Теперь и Петя рассердился на нее. Ева с удовольствием ничего бы им не сказала, но Петя восхищался эльфом, а Марушка была им очарована.

— Да, верно, но ты никогда, никогда больше не увидишь его. И ты, — добавила она внучке, сердито смотревшей на нее, и развернула влажный носовой платок. — Этим он вытер лицо.

Петя взял тряпку и обвиняюще уставился на Еву.

— Ты позволила ему уйти раненому?

— Нет, внучек, — мягко сказала Ева. — Это слезы, выкатившиеся из его глаз.

Марушка ахнула, широко раскрыв глаза.

— Нет, — выдохнула она, — он не... он не может быть...

— *Акара*, — закончил Петя и резко поднялся. — Извини меня, бабушка, но я должен вернуться в деревню.

Ева нахмурилась.

— И слышать не хочу о таких глупостях после того, что там сегодня с тобой сделали.

На лице Пети отразилось смятение.

— Но, бабушка...

— Нет, и это мое последнее слово. — Ева с отвращением поднялась. Как бы ни любила она Петю и Марушку, но к детям она относилась так же, как и Марушка, и в спорах с ними ее терпение быстро истощалось. — Я сказала вам то, что было нужно, а теперь делайте, как вам сказано. — Она направилась к своему *вардо*.

— Марушка, мне нужна твоя помощь, — сказал Петя, когда Ева отошла достаточно далеко.

— О, нет. Я не собираюсь вмешиваться в...

— Моя... подруга в деревне. Она тоже доверяет Джандеру. Мы оба обещали ему дружбу. Она должна знать, что он такое! — Петя взволнованно смотрел на сестру. Марушка удивилась: она еще никогда не видела его таким серьезным.

— Ох, хорошо, но если тебя поймают, я буду все отрицать, — предупредила она.

Ее брат просиял.

— Тогда можно мне взять твою лошадь?

* * * * *

Анастасия лежала на животе, не обращая внимания на слезы, стекавшие на подушку. Исполосованную спину ужасно жгло. Правая рука затекла, но девушка не решалась пошевелиться — боялась, что от этого боль в спине еще усилится.

Людмила все проспала, и Анастасия ей завидовала. Ах, боги, плакала она, если бы только папа позволил маме нанести немного целительной мази.

Раздался стук — кто-то бросил горсть камешков в стекло. Анастасия вскочила, и ее лицо скривилось от боли. Девушка сжала зубы и все-таки хитрилась медленно подняться с постели и подойти к окну. Протянув

руку к закрытым ставням, Анастасия чуть не упала в обморок, но сильно сморгнула и пришла в себя. Резко вдохнув, она медленно открыла ставни.

Перед окном стоял взволнованный Петя — тень в лунном свете. Он ничего не сказал, но жестами позвал ее выйти к нему. Анастасия хотела спуститься, но не была уверена, что ей это удастся.

И тут ночную тишину расколол гневный вопль. Анастасия с ужасом смотрела, как из дома выскакивает целая толпа отцовских слуг. Двое схватили Петю за руки, остальные выхватили мечи.

— Анастасия, что... — прозвучал за спиной сонный голос Людмилы, но у Анастасии не было времени на объяснения. Она поспешила вниз — так быстро, насколько могла, прошла через главный вестибюль и открыла тяжелую входную дверь, задыхаясь от изнеможения. Поднялся ветер, и стало прохладно. Холодный, влажный воздух ударил по ее телу.

Петя уже не стоял на ногах. Он бы без сил упал навзничь на камни мостовой, но двое слуг Картова крепко держали его за руки. Сам бургомистр избивал его тем же кнутом, которым выпорол свою дочь. При каждом ударе он кряхтел и, несмотря на ночной холод, исходил потом. Он уже несколько раз успел ударить беспомощного вистани, и спина Пети превращалась в красную кровавую массу. Ритмичным ударам кнута по плоти аккомпанировало низкое бормотание приближающейся грозы.

У Анастасии пересохло горло, голова закружилась. Она собрала все свои силы и крикнула:

— Нет! — Удивительно как ей хватило сил так громко закричать.

Картов остановился и бросил на нее злобный взгляд, но Анастасия отказалась поддаваться страху. Медленно закипающий гнев наполнил ее грудь. Боль снова вернулась.

— Я сказала нет, — повторила она голосом, мягким и грозным, как рычание волка. — Иван, — приказала она отцовскому лакею, — отпусти его.

Иван заколебался, переводя взгляд с отца на дочь. Еще не было случая, чтобы седой дворецкий ослушался своего хозяина, но что-то в Анастасии встревожило его. Девушка стояла совершенно прямо, ее темные волосы развевались вокруг бледного лица.

— Господин? — спросил Иван. Бургомистр на него даже не взглянул.

Анастасия медленно и уверенно подошла к отцу. Картов поднял кнут, собираясь ударить ее по лицу, и без того покрытому синяками.

— Уууууууу, — насмешливо провила Анастасия.

Лицо Картова побелело.

Раздался удар грома — гроза приближалась. Анастасия продолжала:

— Почему бы тебе не рассказать Ивану, как ты сегодня вечером уди- рал от волков? — С абсолютной уверенностью и холодной ненавистью она протянула руку и спокойно вынула окровавленный кнут из отцовской ру- ки. Картов даже не пошевелился. — А я не убежала, — спокойно сказала девушка и обернулась к цыганенку. — И он тоже. Иван, — повторила она, холодно глядя на дворецкого, — теперь ты можешь его отпустить.

Ошарашенный и смущенный, Иван послушался. Второй слуга тоже отпустил юношу, и они поспешили убраться, остальные слуги последо- вали за ними. Петя без сознания упал на камни мостовой, но Анастасия не бросилась к нему. Она не сводила ледяного взгляда с отца, и Картов не мог смотреть в ее обвиняющие глаза. Его дочь никогда не позволит ему забыть, как он нынче вечером праздновал труса. С утробным ру- гательством бургомистр поспешил обратно в дом и захлопнул за собой дверь.

Анастасия, не думая про боль в спине, повернулась к раненому лю- бовнику, опустилась рядом с ним на камни, положила его голову к себе на колени и ласково погладила его шелковистые волосы, пропитанные потом. Петя приоткрыл глаза.

— Анастасия, — выдохнул он, — Джандер...

— Тише, тише, не надо говорить. Я отведу тебя в дом, там мы как следует обработаем тебе спину. Как ты думаешь, ты сможешь идти?

— Слушай меня! — отчаянно зашептал Петя. — Эльф... Сегодня ве- чером... мы обещали ему дружбу. Помнишь? — Озадаченная Анастасия кивнула. — Он вампир... мы не можем... — Он без сил рухнул ей на руки, опять потеряв сознание.

Анастасия почувствовала, как по ее телу побежали мурашки, и от- нудь не от предгрозового холода. Золотистое создание, которое их спас- ло — питающийся кровью мертвец? Невероятно. Но раз Петя вернулся в поселок, значит, он считает это крайне важным. Анастасия еще раз по- смотрела на его спину, и ее сердце заполнила ненависть к отцу. Может, конечно, Джандер Солнечная Звезда и вампир. Но, глядя на дело рук своего отца, дочь бургомистра решила, что скорее вверит свою судьбу золотоволосой нежити, чем собственной кровной родне.

Ослепительная молния осветила двор. Она сверкнула так ярко, что Анастасия моргнула. Загремел оглушительный гром, и Анастасия почув- ствовала, как задрожала земля у нее под ногами. С пасмурного неба обрушился ливень и принялся хлестать ее по спине мириадами твердых маленьких капель. От дождя Петя пришел в себя, закашлялся и засто- нал от боли. Анастасия обернулась к дому, увидела в дверях стройный

силуэт своей матери и улыбнулась сама себе.

Еще одна вспышка молнии, еще один резкий, глубокий раскат грома. Говорили, что погодой с помощью магии управляет Страд. «Это он окружил поселок кольцом тумана, — говорила давным-давно Анастасии старая почтенная Елена, — чтобы мы все были немного слепы. Ветер и дождь — его гнев, а молния — его карающий меч.»

Анастасия почти ничего не видела через холодные, тяжелые струи дождя. Отчаянно дрожа от холода, девушка потащилась к дому. Если буря — гнев Страда, подумала она с мрачной усмешкой, то он, должно быть, получил очень плохие вести.

* * * * *

Эта земля позволила Джандеру видеть сны.

Он спал не так, как люди; эльфы нуждаются в отдыхе куда реже и могут управлять глубиной погружения в сон. Но в тот день в Баровии, ожидая наступления ночи, Джандер видел сны.

Он легко нашел пещеру, о которой говорила Ева — глубокую и темную, как раз то, что нужно для отдыха существу, для которого солнечный свет смертелен. Эльф верил слову Мадам Евы, но все же не собирался спать. Так, слегка отдохнуть. Если вистани все-таки подстроили ему ловушку, думал Джандер, они сами в нее угодят: вампир в полном сознании легко справится с ними.

Он устроился в глубине пещеры, как можно дальше от входа. Усевшись на землю, он подтянул колени к груди и сложил руки на коленях. Прислонившись спиной к жесткому камню и запрокинув голову, Джандер закрыл серебряные глаза.

Он играл в свою любимую игру: вспоминал солнечный свет. Он представил себе, как золотое сияние освещает вход в пещеру и проникает глубже, лужицами собирается в выемках и течет по камням. Сердце болезненно сжалось. В эту игру он играл уже многие тысячи дней. Он мечтал о солнечном свете и каждый раз думал, что, может быть, сегодня ему наконец хватит смелости выйти на солнце. Но боялся он не смерти, а того, что с ним сделает солнечный свет.

В Ториле встречалось существо, известное как «Алая Смерть». Легенды утверждали, что этот отвратительный газообразный монстр, питающийся кровью, имеет отношение к вампирам. Некоторые утверждали, что Алая Смерть — это души убитых вампиров, обреченные на вечное неупокоение. Вот Джандер и прятался в темноте от любимого солнца, потому что боялся превратиться в подобное существо.

Его родовое имя несло в себе названия светил. Джандер не знал

ничего прекраснее этого золотого сияния, окрашивающего все, к чему оно прикасается, в яркие цвета. При жизни эльф наслаждался солнечным светом, любил теплую ласку солнца и его ослепительное сияние.

В юности, в Эвермите, Джандер приветствовал рассвет игрой на флейте. Его друзья порой его за это поддразнивали. «Ты думаешь, Джандер, что рассвет не наступит, если ты ему не сыграешь?» — шутили они. А теперь он был обречен целую вечность только думать о солнечном свете и вспоминать его прикосновение.

Во сне вампир посмотрел на вход в пещеру и увидел, как чья-то тень преградила путь солнечным лучам. Джандер вскочил, готовый к бою. Тот, кто стоял у входа в пещеру, вышел на свет, чтобы Джандер мог увидеть, кто это.

Это была Яна.

Вместо отвратительных бурых лохмотьев она была одета в изящный корсаж и юбку, которые ей очень шли и подчеркивали ее девическую, но зрелую фигуру. Она казалось совершенно, абсолютно реальной, но Джандер сразу понял, что она существует только у него в разуме. Яна заглянула в пещеру, всмотрелась в темноту и улыбнулась ему.

— Почему бы тебе не выйти ко мне?

Поскольку это был сон, и поскольку больше всего на свете эльфу хотелось быть с Яной, Джандер-во-сне поднялся на ноги и вышел в ясное барвийское утро.

— Так лучше, не правда ли?

Маленькие мягкие пальчики Яны сплелись с его длинными пальцами, и она ему улыбнулась. О милосердные боги, как она была прекрасна. На ее оживленном, зацелованном солнцем лице сияли ясные карие глаза, улыбка играла на алых губах. Пока Яна была жива, Джандер никогда не видел ее такой. Та безумная девушка с бледной кожей и застывшими чертами, которую он помнил, была лишь тенью этого прекрасного создания.

Ее красота так заворожила Джандера, что прошло несколько минут, прежде чем он осознал, что произошло чудо. Он больше не чувствовал запаха ее крови. В своем лихорадочном сне Джандер каким-то образом перестал быть вампиром и снова стал просто Джандером Солнечной Звездой, золотым эльфом. Он чувствовал, как солнце припекает ему макушку. Когда он обернулся к Яне, она прищурилась, заморгала и отвела взгляд.

— Твои волосы слишком ярко блестят на солнце! — рассмеялась она. Он тоже рассмеялся — такой беззаботный и звенящий смех может про-

звучать только из груди живого существа. Джандер поцеловал Яну в алые губы, желая только их сладости, до глубины души счастливые от того, что больше не жаждет ее крови. А она ответила на поцелуй так, как ему мечталось — с радостью, которой он не ожидал.

— Яна, — прошептал Джандер, запутавшись пальцами в ее густых волосах. — Я никогда не хотел причинить тебе зло, любимая, мне так жаль...

Она покачала головой, весело улыбаясь и тепло глядя на Джандера совершенно живыми глазами.

— Не надо, Джандер Солнечная Звезда. Неужели ты думаешь, что я этого не знаю? Твой свет достигал меня даже сквозь охватившее меня безумие.

— Яна, — он крепко сжал ее руки, — скажи мне, кто сделал это с тобой.

Ее улыбка стала шире.

— Ты должен узнать, кто уничтожил мой разум. Это твое испытание.

— Испытание? Я не понимаю...

Внезапно она исчезла, и Джандер снова остался один. Резкое ржание у входа в пещеру вырвало его из сна. В пещере было совершенно темно, а вход выглядел как чуть более светлый овал. Джандер обнаружил, что дрожит. Бывали у него и приятные сны, и кошмары, но чтобы и то и другое одновременно — в первый раз. Ему было больно снова видеть Яну, даже в собственном своевольном воображении. И все же он надеялся, что они снова увидятся.

Лошадь у входа снова заржала и ударила копытом по земле. Потом негромко заржала еще одна. Джандер почувствовал теплый конский запах, смешанный с ароматами промасленной кожи, металла и свежего сена. Тоска уступила место любопытству. Почему здесь лошади?

Лучше быть наготове, подумал Джандер, еще раз принохиваясь. Запаха людей поблизости не чувствовалось. Вампир осторожно вышел из пещеры.

Две лошади были совершенно обыкновенными, если не считать их абсолютной черноты. На чернильных шкурах не было ни одного пятнышка, только ноздри блеснули розовым, когда лошади уловили запах Джандера. Очевидно, они были крепко заколдованы, потому что даже не испугались, когда вампир подошел к ним и положил свои изящные руки на их гладкие черные шеи. Когда-то он любил лошадей, а они его. Он очень скучал по животным.

С неохотой Джандер перестал гладить лошадей и обернулся к карете,

в которую они были запряжены. Это оказался большой, просторный экипаж, хорошо сделанный и элегантно оформленный. Внутри экипаж был отделан тонко выделанной красной кожей, а в окнах — настоящее стекло. Только кто-то очень богатый может позволить себе такую роскошную карету, подумал Джандер, медленно подходя к экипажу. Он оценил отличного качества дерево и симметрию колес.

Впереди было место, где обычно сидел кучер. Только кучера не было. Поводья, аккуратно связанные вместе, лежали на сиденье. На фоне роскошного черно-красного экипажа выделялся чисто-белый конверт. Взяв его в руки, Джандер увидел, что бумага высокого качества. На красном воске, которым был запечатан конверт, виднелось оттиснутое изображение птицы, слишком маленькое, чтобы можно было определить, какая именно это птица. Джандер сломал печать и начал читать.

Посетителю моих земель, Джандеру Солнечной Звезде, Граф Страд фон Зарович, повелитель Баровии, шлет привет.

Добрый господин, я надеюсь, что вы примете мое скромное Гостеприимство и отобедаете со мной сегодня вечером в Замке Равенлофт. У меня к вам много Вопросов, как, я уверен, и у вас ко мне. Я постараюсь удовлетворить ваше естественное Любопытство, касающееся этой Земли, насколько могу.

Экипаж доставит вас в Замок в безопасности. Я очень прошу вас принять мое приглашение, и в приятном предвкушении ожидаю вашего прибытия.

Граф Страд фон Зарович

Джандер осторожно сложил записку и задумался. Мог бы и раньше сообразить, что вистани неприменно передадут здешнему правителю любопытную новость про угодившего в Баровию эльфа. Обижаться на них совершенно не за что. Что озадачило Джандера, так это его собственное нежелание принять приглашение. Разве он не этого хотел? Кто лучше ответит на его вопросы, как не повелитель этой жалкой земли?

Джандер развернул записку и еще раз перечитал ее, пытаясь найти какой-то скрытый смысл. Возможно, ему предстоит войти в волчье логово с открытым горлом, но волку не так-то просто будет с ним справиться. В любом случае, у него не было другого выхода. В конце концов Страд его непременно найдет.

— Ну что ж, — сказал Джандер лошадям, насторожившим уши при звуке его голоса, — давайте вернем вас в стойла, а меня доставим к вашему господину.

Когда он подошел к двери экипажа, она сама распахнулась перед

ним. Джандер поколебался, потом поднялся по ступенькам и забрался внутрь. Как только он закрыл за собой дверь, лошади сдвинулись с места ровной рысью. Джандер откинулся на великолепные подушки и решил, что следует получить удовольствие от поездки, что бы ни ждало его в конце пути.

Лошади прошли рысью по тропе, вышли на дорогу и помчались быстрее. Дорога опять пересекла реку, на этот раз предоставив Джандеру потрясающий вид на водопад. Экипаж проехал так близко от водопада, что окна забрызгали мелкие капли воды.

Вот их охватило уже знакомое кольцо ядовитого тумана, и Джандер невольно вспомнил тот туман, который перенес его из Уотердипа в Баровию. Эльф обнаружил, что прижимается лицом к стеклу, надеясь вопреки надежде, что странный туман вот-вот рассеется и вернет его домой. Туман продолжался примерно триста футов, затем исчез так же внезапно, как появился. Джандер посмотрел через маленькое окошко в задней стенке экипажа на бурлящую серую массу и покачал головой.

Быстрым, удобным и ровным аллюром лошади двигались на север. Дорога вела в горы, и лошади замедлили шаг, но продолжали бежать так же ровно. Дорога повернула на восток и через некоторое время развилась.

Джандер посмотрел на дорогу, уходящую налево. Вдали виднелись огромные ворота. С обеих сторон от массивных железных створок стояли громадные каменные статуи без голов. На мгновение створки ворот открылись, но тотчас закрылись, надежно перекрывая единственную дорогу из поселка на запад.

Лошадиные подковы продолжали равномерно стучать по дороге, и скоро Джандер увидел впереди грозный Замок Равенлофт. Страх провел холодным пальцем по его спине. Странное ощущение для вампира, которому уже несколько столетий было нечего бояться — ни живого, ни мертвого.

Но здесь мог найтись ключ к прошлому Яны. Яны, прекрасной и беззащитной, доведенной до безумия чьей-то жестокостью... *чьей-то, кто был родом из этого мира.* Джандер сжал кулаки. Может быть, хозяин Замка Равенлофт знает ответ.

Лошади подвезли его к воротам и остановились. Джандер вышел из экипажа. Взглянув на замок, он сразу понял, почему лошади не пошли дальше: между двумя разрушенными сторожевыми башенками находился вход в замок — шаткий деревянный мост, висевший на старых проржавевших цепях над тысячефутовой пропастью, в которой клубился туман.

Со своего вечного насеста на каменных стенах на Джандера смотрели две гаргульи. Усмешки на мордах каменных чудовищ делали их еще безобразнее.

Эльф в последний раз похлопал лошадей по холке — ради собственного удовольствия, испуганным животным это вряд ли было приятно — и они галопом поскакали прочь, таща за собой подпрыгивающий на камнях экипаж.

Джандер осмотрел подъемный мост, решил, что переходить по нему определенно опасно, и превратился в летучую мышь. Иногда быть вампиром очень удобно, подумал он, спокойно перелетая через расселину. Оказавшись на другой стороне пропасти, Джандер опять принял эльфийский облик и пошел дальше.

Он прошел через крытую входную галерею, постоянно ожидая нападения. В галерее было влажно, стены заплесневели, пахло разложением, но ничего не произошло. Решетка в конце галереи была поднята и выглядела так, как будто ее уже давно не опускали. Деревянные балки начали гнить. Из галереи Джандер вышел в большой темный двор, и перед ним предстал Замок Равенлофт.

Замок и правда впечатлял. Огромные створки главных дверей украшали резные батальные сцены, настолько реалистично выполненные, что казалось, будто фигуры на них движутся. Чудесная резьба, изящная и в то же время дерзкая, казалась неуместной в темной, заброшенной крепости. По обеим сторонам дверей на ветру мерцали два больших факела. Латунные дверные молотки, сделанные в форме вороньих голов с глазами из мерцающих драгоценных камней, с годами приобрели тусклый золотисто-коричневый цвет. Несомненно, если бы их отполировали, они бы ярко блестели. Джандер поколебался, потом взял молоток и трижды ударил в дверь.

Звук раскатился с низким эхом и повис в воздухе. Несколько напряженных минут не было слышно ничего, кроме воя ветра за спиной. Джандер пытался остаться спокойным, но с каждой секундой все больше и больше нервничал.

Затем массивные двери с низким глубоким стоном отворились. Они двигались медленно, как будто с неохотой отдавали каждый дюйм. Теплый свет пролился во двор.

Джандер стоял у дверей, лунный свет серебрил его золотые волосы.

— Граф? — позвал он. Его голос прозвучал тонко и робко, и Джандер мысленно выругал себя. — Ваше Превосходительство, это Джандер Солнечная Звезда, — позвал он опять, заставляя себя говорить уверенно

и решительно — Я прибыл в замок по вашему приглашению, но не могу войти без позволения.

Когда его голос замолк, опять настала тишина, но Джандер каким-то образом понял, что его услышали. Затем из глубины освещенного факелами вестибюля зазвучал голос — самый прекрасный и самый пугающий голос, какой Джандер когда-либо слышал, благозвучный и в то же время грозный.

— Входи, Джандер Солнечная Звезда. Я Граф Страд фон Зарович, и я приветствую тебя.

Глава седьмая

На мгновение голос Страда заставил Джандера замереть. Но эльф сердито стряхнул с себя оцепенение, мысленно глубоко вздохнул, собрал все свое мужество и перешел порог Замка Равенлофт.

Гладкий серый каменный пол вестибюля, стертый в центре ногами ушедших поколений, казался вырезанным прямо из скалы. Вестибюль был длиной около двадцати футов, и в противоположной стене виднелись еще одни двустворчатые двери. Факелы, освещавшие массивные стены, оплывали во влажном воздухе и отбрасывали неровный свет на заржавевшие доспехи, стоявшие вдоль стен, словно часовые. Джандер поискал глазами хозяина, но его не было видно.

— Граф фон Зарович? — позвал эльф.

— Входите, друг мой, — ответил ему прекрасный смертоносный голос.

Джандер прошел через вестибюль, и двери в дальней стене распахнулись перед ним. Он задержался на мгновение, потом пошел дальше. Краем глаза он заметил движение, вздрогнул и зашипел, обнажив клыки, но тот час же со смущением понял, что это лишь обман зрения. На него смотрели четыре статуи драконов с глазами, сделанными из драгоценных камней, как и на дверных молотках. В этих камнях просто отражался свет факелов.

Идя дальше, Джандер немного расслабился. Он подошел к еще одним дверям, которые открылись при его прикосновении, и вошел в большой зал. Слева наверх в темноту уходила широкая лестница. По нижнему краю потолочного купола сидели гаргульи, такие же, как те, что он видел над входом в замок. Джандер поднял голову и посмотрел на потолок, который охраняли гаргульи, и на мгновение все сомнения поблекли перед открывшейся ему красотой.

Купол был покрыт великолепными фресками. Джандер переводил взгляд от одной сцены к другой: охота, битвы, турниры, рыцарские по-

священия. Увы, фрески были запущены и разрушались. Видимо, хозяин Замка Равенлофт мало заботился о своем замке и не стремился сохранить его красоту. Эльф снова отправился на поиски хозяина.

Прямо перед ним были закрытые бронзовые двери. Джандер шагнул к ним, и шелковый голос сказал:

— Я рад, что ты пришел. Добро пожаловать в мой дом.

Джандер обернулся и увидел хозяина, который спускался по покрытой коврами лестнице, держа в руке зажженную свечу.

Граф Страд фон Зарович был высок, больше шести футов роста, гибок и явно силен. Он было одет в официальный костюм — черный плащ, черные брюки, белый жилет и белая рубашка. На черно-белом фоне резко выделялся алый, как кровь, галстук, застегнутый булавкой с большим драгоценным камнем, таким же алым. С очень бледного, до костистой белизны, лица смотрели черные пронизательные глаза. Граф оглядел Джандера цепким взглядом с намеком на любопытство и спокойно посмотрел в серебряные глаза эльфа. Из густых, тщательно причесанных волос графа выглядывали слегка заостренные кончики ушей. Выражение лица графа было приятным, но в приветливой улыбке крылась угроза, как обоюдоострое лезвие кроется в ножнах.

Когда Страд спустился, Джандер поклонился ему.

— Благодарю вас за приглашение, Граф. Вы оказываете мне честь своим приемом.

Улыбка Страда стала шире, и в ней проступила явная злоба.

— Я рад, что ты так на это смотришь, Джандер Солнечная Звезда. Другим посетителям мой замок обычно не кажется приятным местом.

— Но, возможно, они не получали такого любезного приглашения.

Это было дерзкое замечание, и в глубине черных глаз графа блеснула алая искра. Но он улыбнулся и кивнул в ответ:

— Это действительно так. Я вижу, ты не привык прятаться за показной вежливостью. Это хорошо. Я действительно пригласил тебя сюда, потому что у меня есть на это свои причины — и я уверен, что у тебя есть причины сюда прийти. И тем не менее я заверяю тебя в искренности моего приветствия.

Они стояли и смотрели друг на друга, как смотрят, кружа по поляне, два волка из разных стай. Ни один не собирался отступить и признавать поражение.

— Ты можешь называть меня Страдом, — сказал наконец граф. — Я не знаю, дворянин ты или нет, но в любом случае ты намного выше этих постылых крестьян и моих безмозглых слуг. Пожалуйста, следуй

за мной. Здесь не слишком удобно беседовать, и кроме того, — Страд холодно улыбнулся, — у меня так мало посетителей, которым мне хотелось бы показать свой великолепный замок. — Он развернулся и начал подниматься по лестнице. — Ты, должно быть, недоумеваешь, откуда я узнал, где тебя найти.

— Вовсе нет. Очевидно, что ты в союзе с вистани.

— Да, мои маленькие цыганские соотечественники. Эти люди намного лучше жителей поселка. — Они дошли до лестничной площадки. Джандер увидел, что стены здесь расписаны такими же великолепными фресками, как и потолок в зале; эти фрески изображали оборону замка. Но и они были в печальном состоянии. Джандер присмотрелся к остаткам надписи и разобрал: «К...ль г.бл.... ..жит п.ре. ил.й с...щ...о.. с.м.о.. .ор.н.в. од. .» Страд начал спускаться по другой лестнице, и Джандер последовал за ним.

— Ты видел туман, когда ехал сюда? — спросил граф.

— Да, кольцо тумана вокруг деревни весьма любопытно.

— Хорошо, что тебе больше не нужно дышать, друг мой. Этим туманом управляю я. Он ядовит. Цыгане за свои услуги получили рецепт некоего зелья, которое дает им возможность проезжать через туман без вреда для себя. Они зарабатывают на нем неплохие деньги, а мои кладовые всегда полны. Хорошая сделка, верно?

Они вошли в огромный зал. Из окна справа на каменный пол лился лунный свет. Зал был совершенно пуст и от этого казался еще больше. Только в дальнем конце зала виднелся огромный трон.

— В другие времена это был зал для приемов. Сейчас, как видишь, тут редко кто-нибудь бывает.

Через покрытые тонкой резьбой двери Страд с Джандером прошли в маленький коридор. В почти незаметных альковах стояли, словно одинокие стражи, два полных доспеха. Страд подошел к одному из альковок, сделал особый жест, который Джандер не успел разглядеть, и на стене проступили очертания двери. Страд легко толкнул дверь, и она распахнулась.

Джандер напрягся. Слухи о Страде оказались верны. Повелитель этой страны действительно был магом.

Эльф проглотил свое отвращение и послушно последовал за Страдом наверх по еще одной лестнице. К этому времени Джандер уже слегка запутался в коридорах, залах и проходах. Замок был настоящим лабиринтом.

— Ты живешь здесь один, Страд?

— О, нет. У меня есть слуги, в некотором роде, а жители поселка снабжают меня всем, что мне нужно или что я пожелаю. Они вполне послушны, и, как я уже упоминал, у меня соглашение с цыганами. Хорошо, что ты не причинил им вреда. Я должен похвалить тебя за сдержанность.

— Зачем бы мне причинять им вред?

Страд внезапно остановился и развернулся лицом к Джандеру, загадочно улыбаясь. Алые губы приподнялись, обнажая белые зубы. На глазах удивленного Джандера клыки Страда выросли и заострились.

— Когда жажда зовет, устоять нелегко, не так ли, Джандер Солнечная Звезда?

Эльф изумленно уставился на графа. Неудивительно, что Страд захотел его увидеть! Неудивительно, что люди в этом осажденном поселке так напуганы. Страд мгновение смотрел на Джандера, довольный тем, что ему удалось ошеломить гостя. Должно быть, удовлетворенный тем, что проучил нахального эльфа, граф развернулся, взмахнув плащом, и пошел дальше по лестнице.

Лестница привела их в еще один большой зал. Через огромный проем в потолке бледная луна освещала длинный ряд статуй.

— Мои благородные предки, — сухо сказал Страд, — которых я всех до одного ухитрился чем-то прогневать, обидеть или помешать. Некоторые из них не совсем... ушли, как видишь. — Джандер действительно увидел, что у некоторых скульптур на лицах отражалось страдание. Остальные, конечно, были просто камнем. Одна из статуй была обезглавлена, и Джандер, заинтересовавшись, попытался разобрать имя на постаменте.

— Джандер! — властно позвал Страд, и эльф поспешил догнать хозяина. Они прошли через еще один короткий коридор, а затем граф открыл дверь в уютную комнату, в которой не было заметно и следа разрушения, охватившего Замок Равенлофт.

— Мой кабинет, — сказал Страд, и в его голосе прозвучало гораздо больше теплоты, чем раньше. Огонь, ярко пылавший в камине, наполнял комнату теплом и светом. Стены были увешаны полками, на которых стояли сотни книг, и Джандер почувствовал запах хорошо промасленной кожи: Страд, очевидно, ценил свою библиотеку. Джандер вошел в кабинет вслед за хозяином. Здесь не было голого камня; на полу лежал красивый ковер. Граф сел в большое кресло с красными бархатными подушками и знаком велел Джандеру занять второе кресло.

— Пожалуйста, садись. Это моя любимая комната. У меня много времени для раздумий и размышлений. — Джандер послушно сел, и

несколько секунд они со Страдом молча наслаждались теплом и уютом.

— Как я понимаю, — сказал наконец Страд, — вчера вечером ты спас одного вистани. — Джандер кивнул. — Тебе нравится творить добрые дела, да? — в глубоком бархатном голосе Страда звучало презрение.

Джандер ошетинился.

— Среди твоих предков есть эльфы, Страд? — резко спросил он. — У тебя заостренные кончики ушей.

Страд невольно потянулся к уху, затем демонстративно сложил руки.

— На самом деле нет, — признал он, — хотя я иногда распространяю этот слух. — Страд прищурился и заговорил с небрежной, но явной нарочитостью. — Никто, кроме моих рабов и очень немногих вистани, не знает, что я вампир. Я бы хотел, чтобы так продолжалось и дальше, и был бы очень недоволен, если бы узнал, что кто-то выдал мою тайну. Я решил довериться тебе, потому что что чувствую, что мы можем многому друг у друга научиться.

Ага, вот мы и дошли до истинной цели приглашения, подумал Джандер. Весь этот учтивый разговор и проход по лабиринту были всего лишь слегка замаскированным пробным испытанием, а теперь, похоже, испытания начинаются всерьез. Джандер устроился поудобнее в кресле, положив ногу на ногу, и в упор посмотрел Страду в глаза.

— Тайны — опасная вещь, — сказал он. — Если они оказываются не в тех руках, они могут стать предметом выгодных сделок.

— Я надеюсь, — медленно сказал Страд, и на этот раз в его голосе явно прозвучала угроза, — что твои руки «те».

Джандер позволил себе улыбнуться.

— Предположим, что не те. Предположим, я тебя выдам. Мы, «акара», не слишком дружелюбные создания. Что ты сделаешь со мной?

Страд окончательно отбросил вежливое притворство, и глубоко в его глазах вспыхнули красные огни.

— Я тебя уничтожу.

— И как ты это сделаешь? Превратишь меня в своего раба? — Джандер сел прямо и оперся локтями о колени. — Я здесь не для того, чтобы с тобой воевать. Наоборот, я согласен, что мы можем поделиться друг с другом множеством полезных знаний, и надеюсь, что мы станем союзниками. Я не какой-нибудь крестьянский дурачок и не один из твоих послушных слуг. Может, ты и властелин этой земли...

— Я и есть эта земля!

Глубокий голос прогремел, как гром, а в глазах Страда яростно запылало алое пламя. Джандер подумал, не слишком ли далеко он зашел —

возможно, Страд и правда обладает какой-то таинственной силой, способной его уничтожить.

— Я и Баровия — одно и то же! — неистовствовал Страд. — Она дала мне силу, а я даю ей то, что она хочет. — Его губы изогнулись в усмешке. — Я — Первый Вампир. В отличие от тебя и от любой другой нежити, я могу без приглашения войти в любой дом. Здесь все дома — мои, и все живые существа — тоже мои, и я могу делать с ними все, что хочу.

Он откинулся в кресле и прищурился. Джандер услышал стук когтей по каменному полу. В кабинет вбежали три крупных волка и, очень довольные, улеглись у ног Страда, тяжело дыша.

— Это, — гордо сказал граф, — мои дети. Они исполняют все мои прихоти.

Один из волков с встревоженным видом поднялся на лапы, напрягся, медленно подошел к камину и лег, с хныканьем обнажив горло. Джандер почувствовал запах страха. Второй волк так же напряженно встал, подошел к лежащему товарищу и вцепился зубами в его шейную вену. Брызнувшая кровь окрасила алым шкуры зверей и серые камни камина. Жертва отчаянно отбивалась, но убийца только крепче сжимал челюсти. Жертва вздрогнула и умерла. Убийца разжал зубы и облизал пасть. Низко опустив голову, животное подползло на брюхе к ногам хозяина, и Страд небрежно погладил его по голове. Третий волк, точнее волчица, плотно свернулась в клубок и дрожала.

Джандер возмущенно привстал, но что-то во взгляде Страда его оставило. Самозванный «Первый Вампир» провоцировал его показать слабость — возразить против ненужного убийства зверя. Джандер медленно сел обратно, не отрывая взгляда от глаз Страда. Эльфа, любившего животных, действительно разозлила бесцельная жестокость, продемонстрированная Страдом. Но у Джандера был и другой способ это показать.

Он посмотрел на двух оставшихся волков и ласково коснулся разума волка-убийцы. *Отдохни*. Серый зверь закрыл глаза, послушно свернулся в клубок и быстро уснул. Джандер обратился к волчице со спокойными, ободряющими мыслями.

Иди сюда, подруга. Иди ко мне. Волчица тихонько запыхтела и насторожила уши. С полу-рычанием, полу-хныканьем она прыгнула к Джандеру и смешно попыталась забраться к нему на колени, и он слегка улыбнулся, мягко сталкивая ее на пол. Волчица легла у его ног, с обожанием глядя на него и каждым мускулом выражая готовность удовлетворить любую прихоть своего нового господина. Эльф похлопал ее

по голове, поднял глаза на графа и позволил себе слегка улыбнуться.

Джандер видел по лицу Страда, что тот взбешен — и восхищен.

— Впечатляюще, — раскатисто мурлыкнул граф — Действительно, весьма впечатляюще. Волки никогда не слушались никого, кроме меня. Да, властелину этой земли действительно есть чему поучиться у своего гостя. — Он слегка кивнул.

Что-то изменилось. Джандер понял, что Страд только что изменил свое мнение о нем — и надеялся, что к лучшему.

— Для этого я и пригласил тебя сюда сегодня вечером, — продолжал граф.

— Я так и понял, — заметил Джандер на пробу. Страд слегка нахмурился, ноздри его орлиного носа раздулись, но он не поддался на подначку.

— Ева мне сказала, что твой мир называется Торил, — продолжал Страд. — Мне очень интересно все, что касается других миров, и я бы с удовольствием послушал твои рассказы.

Сиюминутный кризис миновал. Джандер позволил себе слегка расслабиться.

— Прежде чем отвечать на твои вопросы, я задам несколько своих. — Страд махнул рукой, давая знак Джандеру продолжать. — Жила ли когда-нибудь в этой стране женщина по имени Яна?

Страд слегка улыбнулся.

— Это распространенное имя. Тебе придется указать конкретные приметы.

И тут Джандер понял, что не хочет продолжать. Почему-то ему казалось не тактичным по отношению к Яне рассказывать Страду о ее состоянии. Но он заставил себя отбросить это чувство.

— Она была безумна, — тихо сказал эльф. — Высокая, смуглая, с длинными рыжевато-каштановыми волосами. Очень красивая. Я думал, что она — жертва заклинания. Видишь ли, я знал ее много лет, и она не старела.

Страд покачал головой.

— К сожалению, я не помню никого, кто подходил бы под твоё описание. Я не хочу сказать, что ни в поселке, ни в Валлаки — это рыбацкая деревушка неподалеку — никогда не было такой женщины. В этой стране безумие не редкость. Ну, а что до магии, то никто в Баровии не владеет тайным искусством, кроме меня. И, Джандер, друг мой, даю тебе слово, что я никогда не накладывал заклинаний на женщину по имени Яна. — Граф говорил абсолютно искренне, и Джандер с удивлением понял, что

верит ему. — Я знаю, что такое потерять любовь — мне много раз приходилось пить из этой горькой чаши. — На лицо Страда неожиданно опустилась усталость.

Надежда Джандера угасла. Почему-то он предполагал, что Страд знает про Яну и может сказать ему, кто сломал жизнь этой красивой молодой женщины. Видимо, он поспешил с выводами.

— У тебя еще есть вопросы? — судя по тону, Страд был уверен, что Джандер ответит «нет», но эльф спросил:

— Где я могу поискать какие-нибудь сведения о ней?

— Все книги в моей библиотеке к твоим услугам, — ответил Страд, широким жестом указывая на увешанные книжными полками стены. — Больше в Баровии нигде нет ни книг, ни записей, кроме старой церкви в поселке, но я сомневаюсь, что ты туда пойдешь, — лукаво улыбнулся Страд. К нему вернулся его уверенный, властный вид.

Джандер невольно улыбнулся и сам, но улыбка вышла грустной.

— Ты прав. Ты упоминал о месте под названием Валлаки. Где это? Что там за люди живут? И какие у них записи...

Страд нетерпеливо махнул рукой, его иссиня-черные брови сошлись на переносице.

— Я, конечно, могу тебе все это рассказать, но неужели тебе так надо именно сегодня отгадать свою загадку?

Страд был прав, и Джандер видел, что граф быстро теряет интерес к разговору.

— Верно. Мне интересно узнать побольше об этой земле, но тебе, должно быть, не менее интересно узнать обо мне. Сам не знаю, как я оказался в Баровии. Один из вистани сказал, что меня принесли туманы.

— Ах, туманы, туманы, — задумчиво сказа Страд, глядя в огонь. — Похоже, они за многими приходят. Они пришли и за мной, и за всей моей землей несколько десятилетий назад. Тогда я и стал таким, как сейчас. — Он улыбнулся, и не думая скрывать длинные белые клыки. — Силы этого места даровали мне вечную жизнь.

Эльф подумал, что Страд по-своему прав. Джандер никогда не мечтал о «вечной жизни», как о ней мечтают люди. Эльфы и так живут несколько столетий. Наверно, поэтому он и не слышал раньше об эльфах-нежити. Эльфийская природа не подходит для подобного существования; они не знают этого отчаянного, властного желания обладать тем, что не дано им судьбой. Сам Джандер, став вампиром, предпочел бы покончить с собой, но легенда об Алой Смерти не позволила ему так легко избавиться от навязанного ему проклятия.

Эти мрачные мысли были Джандеру неприятны, и он решил сменить тему.

— Ты говоришь о Баровии так, будто это живое существо. Вистани тоже говорят о силах этой земли. Что же такое Баровия? И почему она затаскивает к себе людей через туманы?

Страд не ответил. Он поднялся и подошел к огню, положив ладонь на резную каминную крышку.

— Я отвечу на твои вопросы позже. В конце концов, — мрачно улыбнулся он, — разве нам не принадлежит все время мира? — Помолчав, он добавил: — Я голоден. Разделишь мою трапезу? В Баровии по ночам все труднее становится найти людей, бродящих под открытым небом. Так что я все время держу под рукой некоторый запас.

Джандер представил себе подземелье, в котором содержатся, точно скот, еле живые существа, и этот элегантный господин употребляет в пищу их кровь. Он невольно вздрогнул. Но ему ли осуждать Страда за подобное — ему, который много лет пил кровь у сумасшедших?

— Спасибо, нет. Пока я не слишком хорошо знаком со здешними территориями, я предпочитаю пить кровь животных.

Страд в ответ на это откровенно и холодно рассмеялся. Джандер молча ждал.

— Ах, Джандер, если ты позволишь мне тебя так называть, здесь ты не сможешь жить на крови животных.

— Возможно, вы не можете, Ваше Превосходительство, но я буду. Простите, если вас это обижает.

— Нет, нет, меня это только развлекает. Лес к твоим услугам, но я не думаю, что ты сможешь насытиться кровью зверей из Сваличских Лесов. Почему-то мне не верится, что ты сочтешь их... подходящими. Возможно, мы увидимся, когда ты вернешься. Джандер, я здесь хозяин, — прямо сказал Страд. — Ты можешь гостить у меня, сколько захочешь.

— А если бы я сказал тебе «Спасибо, Ваше Превосходительство, но я хочу уйти сейчас?»

— Тогда я сказал бы «Пожалуйста, уходи. Но твои вопросы останутся без ответов.»

На это Джандер рассмеялся вслух, и даже в улыбке Страда появился какой-то намек на тепло.

— Мое любопытство, граф — самые крепкие цепи на свете. Спасибо. Я согласен остаться у тебя.

— Что тебе нужно для отдыха? В подземельях есть склепы, и ты можешь...

— Спасибо, нет. Я сплю мало, и гроб мне не нужен. С твоего позволения, я бы хотел днем ходить по всему замку. Это мне не повредит, если я не попаду под солнечный свет.

С легким самодовольством Джандер заметил, что Страд ошеломлен. В глубоких черных глазах графа промелькнуло потрясенное выражение. Страд быстро опомнился, но Джандер знал, что ему удалось отыграть у любезного хозяина Замка Равенлофт еще одно очко.

— Мой дом к твоим услугам, за одним исключением. Вон в ту комнату, — граф указал длинным тонким пальцем на деревянную дверь в противоположной стене, — входить нельзя. Что у меня там — это только мое дело. На случай, если ты все же попытаешься меня послушаться — дверь заперта заклинанием. Прошу тебя уважать мои желания.

В Джандере проснулось любопытство, но он не считал себя вправе лезть не в свое дело. Граф имеет полное право на личную жизнь, и если он хочет, чтобы у него была тайная комната — так тому и быть.

— Конечно.

— Тогда желаю тебе доброй ночи — и доброй охоты.

Глава восьмая

Джандер медленно и бесшумно, как волк, шел через лес по оленьей тропе. Инфразрение и сочащийся сквозь листву лунный свет превратили лес в движущийся гобелен из теней и клочьев тумана. Вокруг Джандера все было полно мягких звуков, живых движений и легкого запаха теплой крови. Вот белка скользнула по ветке у него над головой и с дерзким изяществом перепрыгнула на соседнее дерево. Вот серая лисица замерла в лужице лунного света в ярде от него. На ее шкуре переливались тени, а расширенные глаза не отрывались от неожиданно возникшей, пугающей фигуры эльфа-вампира. Мгновение двое хищников смотрели друг на друга, потом лиса исчезла в лесу, уступив Джандеру свою добычу.

Ну вот, подумал Джандер, с помощью инфразрения обнаружив у земли большой, излучающий тепло шар — это спрятался среди корней и низко свисающих ветвей огромного тиса крупный заяц. Тем же напряжением воли, которое заставляло волков подчиняться ему, эльф мягко успокоил животное. *Лиса ушла, опасности нет.*

В лесу стояла тишина. Только ветерок носился над землей, шевеля сухие бурые листья и шелестя опавшими сосновыми иголками. Заяц почти не вздрогнул, когда сильные руки схватили его за уши и задние лапы. А потом ему в горло впились клыки острее лисьих.

Джандер жадно глотал, из-за голода почти не замечая странного вкуса крови. Он швырнул обескровленное тело туда, где исчезла лисица, и нахмурился, вытирая рот. В заячьей крови чувствовался какой-то странный привкус, одновременно сладковатый и дымный.

Внезапно в животе у Джандера начались спазмы, голова закружилась, колени подломились, и он упал на четвереньки, изрыгая только что выпитую кровь до тех пор, пока в желудке не осталось ни капли. Дрожа, он сел. Этот заяц просто оказался больным, вот и все, и нужно только еще раз поесть.

Теперь он подозвал олениху, здоровую олениху, жалобно смотревшую на него карими глазами, пока он пил ее кровь. Вкус снова оказался неприятным, и его желудок снова отторг выпитую кровь. Джандер не мог этого понять. Да, время от времени он нуждался в человеческой крови, но в Уотердипе он много лет питался кровью животных. Но как только он оказался здесь, он сразу почувствовал, что в этих местах что-то не так. Может быть, туманы как-то изменили его, и теперь он больше не может пить кровь животных. Это предположение казалось нелогичным, но ничего другого Джандер придумать не мог.

А Страд это знал и равнодушно предупредил Джандера. Должно быть, хозяин Равенлофта, признав победу эльфа в истории с волками, с удовольствием представлял себе, как Джандер будет беспомощно изрыгать бесполезную кровь. Страд сравнивал счет.

Как ни отвратительна была Джандеру эта мысль, в Баровии ему придется питаться человеческой кровью. Следующие четыре часа золотоволосый вампир провел в бесполезных поисках неосторожных людей. Он обернулся волком и долго бежал, вынюхивая дичь. Несколько раз ему встретились рабыни Страда — бледные вампирки с острыми чертами, хмурившиеся и шипевшие на него, превращаясь в летучих мышей. Джандер подумал было, не напасть ли на цыганский табор, но сразу же отбросил эту мысль. Вистани куда умнее жителей поселка, и как ни осторожно Джандер прокусывает плоть, остроглазые цыгане заметят крохотные дырочки. Кроме того, Джандер вроде как в «гостях» у Страда, и нарушение договора, несомненно, прогневает графа. В лесу никого найти не удалось, а быстрый обыск поселка только доказал, что баровийцы накрепко запираются на ночь у себя дома. Изголодавшийся, усталый и раздосадованный, Джандер из волка превратился в летучую мышь и полетел к замку.

Все-таки ему придется принять приглашение Страда к обеду.

Он опустил на галерею, опоясывавшую почти весь замок. Летучая мышь расплылась туманом, из которого возник эльф и прошел в кабинет Страда. Джандер чувствовал, что ему нравится это место, хоть он и предпочитал четырем стенам открытые лесные пространства. Но в кабинете он чувствовал себя не так одиноко, как в заброшенных коридорах замка, а сейчас одиночество особенно давило на него. Входя в комнату, Джандер почувствовал сладкое, дразнящее благоухание.

Человеческая кровь.

Запах доносился из-за двустворчатых дверей в боковой стене. Голod обострился до предела. Распахнув двери, вампир обнаружил там

настоящую спальню, большую и роскошную. Тяжелые портьеры красного бархата были распахнуты, и лунный свет лился в комнату через единственное окно. Он посеребрил стены, тускло мерцая на красивых, но потускневших канделябрах. Столы и другая мебель были отменной работы, а кровать, несомненно, когда-то являла собой предел роскоши. Но теперь богатые простыни сгнили, а балдахин проела моль.

Джандер не обращал внимание на обстановку. Он печально смотрел на фигурку, которую лунный свет превратил в стройное юное привидение.

Она стояла у окна, с тоской глядя на ночной пейзаж. По ее щеке текла слеза, мерцавшая в лунном свете, словно жемчуг или алебастр. Она казалась испуганной, но покорной. Джандер вошел бесшумно, и молодая женщина не сразу почувствовала его присутствие. Он смотрел, как она отвернулась от окна и села на кровать — соблазнительное сочетание девочки и женщины. Пышная грудь и бедра говорили о физической зрелости, но бледное круглое личико было совсем детским, с большими, полными ужаса глазами, окаймленными длинными черными ресницами. Ее румяные щеки и вишневый ротик заставили Джандера вздрогнуть от жажды.

— Госпожа, — начал он.

Девушка ахнула и отшатнулась, невольно пытаясь прикрыться, затем заставила себя опустить одеяло. На ней не было ничего, кроме полупрозрачной сорочки. Глубоко вздохнув, она призвала все свое мужество.

— Его Светлость Граф Страд фон Зарович прислал меня ради вашего удовольствия, — сказала она приятным юным голосом. — Я должна сказать вам, что нетронута здесь, — она показала пальцем на горло, — и здесь, — она прикрыла руками холмик между ногами и, покраснев, опустила голову. Длинные черные волосы скрыли ее лицо. — Таков дар моего господина его новому другу. — Нежный голос задрожал.

От этих слов у Джандера даже ослабла жажда. Он знал, что многие вампиры пользовались своими беспомощными жертвами для насыщения самых разнообразных appetitов. Должно быть, Страду нравилось играть с добычей, но Джандер этого терпеть не мог. Разве пить кровь невинных людей — само по себе не достаточное зло, чтобы еще и насиловать их тела и души? Джандеру отчаянно хотелось отправить эту молодую женщину домой, к ее семье, но сладкий запах крови уже вызвал в верхней челюсти знакомую пульсирующую боль, и вампир чувствовал, как растут клыки. Ненасытная жажда выкручивала его, и совесть, как всегда, отступила перед ней.

Джандер присел на кровать и похлопал по одеялу рядом с собой.

— Как тебя зовут, маленькая? — мягко спросил он.

— Наташа, — ответила она, все еще отводя глаза.

— Иди сюда, Наташа, — ласково велел он. Она нерешительно подошла, и сквозь аромат крови Джандер почувствовал металлический запах ее страха. С ласковой грустью он отвел темные пряди с ее лица. Она отчаянно дрожала, закрыв глаза. — Как Страд велел тебе прийти сюда?

Наташа облизала губы.

— Он послал экипаж в поселок, — сказала она. — Он меня знал и попросил моего отца отправить меня в замок. Мы должны во всем слушаться нашего господина.

— Ты знаешь, зачем он велел тебе приехать?

Она покачала головой.

— Нет, — прошептала она. Но тут ее внезапно оставило мужество, и она разрыдалась. — *Да!* О, боги, пожалуйста, пожалуйста, не причиняйте мне боли! Отпустите меня домой! Я сделаю все, что вы хотите, только не делайте меня такой, как вы, пожалуйста, пожалуйста...

— Бедное дитя, — прошептал Джандер. — Посмотри на меня, Наташа. — Сквозь рыдания она услышала его спокойный приказ и посмотрела в завораживающие серебряные глаза. — Ты ведь больше не боишься меня, верно?

— Н-нет, — сказала она, теряя волю перед его взглядом.

— Хорошо. Ты мне веришь, Наташа? Ты веришь, что я не причиню тебе больше вреда, чем мне нужно?

Неотрывно глядя ему в глаза, Наташа медленно кивнула. Джандер мягко положил свои золотые ладони ей на виски, запрокинул ей голову и немного наклонил вбок. Яремная вена ритмично пульсировала в серебряном свете, заливавшем комнату. Джандер быстро обнажил клыки и вонзил их в соблазнительную плоть.

Почувствовав вкус крови, он сразу же потерял контроль над собой и принялся пить большими глотками. Он забыл, как невинна эта молодая женщина, и помнил только о крови, которая согревала его и придавала сил. Джандеру понадобилось огромное усилие воли, чтобы не высосать девушку насухо, но он это сделал. Слизнув липкую жидкость с губ, вампир опустил Наташу на подушки. Ужасно бледная, она еле дышала, но жизнь не оставила ее.

Джандер встал и подошел к окну. На фоне белесого диска почти полной Луны внезапно пронеслась стая летучих мышей. Эльф посмотрел на окрашенные в темно-зеленый и пурпурный цвета окрестности замка, потом закрыл ставни и убедился, что они надежно запираются.

Он сел на кровать и задумался. В Уотердипе ему одного зайца хватало на целые сутки, а тут он чуть не высосал насухо взрослую девушку. В течение нескольких столетий Джандеру удавалось держаться в стороне от самой сути своего проклятия — необходимости охотиться на людей и питаться их кровью. Таким образом он отворачивался от своей вампирской природы, считая, что питаться кровью животных и брать у людей не больше того, что ему необходимо означает не так глубоко погрязнуть в зле, как остальные вампиры. Но теперь Джандер понял, что больше ему не удастся убежать от самого себя, и его захлестнуло отвращение к себе. Но даже это ужасное чувство не могло смягчить его жажду.

Такие раздумья тяжким грузом легли ему на сердце, и он спрятал лицо в ладони, тяжело вздыхая — совсем как вздыхают смертные.

— Яна, — негромко простонал он, — Яна, как же мне тебя не хватает.
— Правда?

Солнце царило в небе, а Джандер распростерся навзничь на кровати. Он открыл глаза, пытаясь увидеть того, кто это сказал, и обнаружил, что рядом с кроватью стоит, упершись загорелыми руками в бока, Яна и ласково смотрит на него. Ее рыжевато-каштановые волосы, распущенные по плечам и спине, на солнце горели огнем, а смеющийся взгляд был полон теплоты.

— Ты действительно скучаешь по мне? — опять спросила она.

Джандер, осознавая, что это сон или что-то подобное, все же не мог не ответить:

— Больше жизни, моя любимая.

Яна села на кровать и обняла Джандера. Ее руки были такими теплыми, а кожа пахла мылом и солнцем — и больше ничем. Она подошла к окну и широким жестом открыла ставни, и чудесный солнечный свет пролился в комнату, омывая Джандера, словно река света.

Так реально, подумал Джандер, так сладостно реально.

Грустные запущенные помещения замка каким-то образом превратились в ухоженные и веселые, мебель была отполирована, пыль вытерта, занавеси обновлены. Держась за руки, двое влюбленных спустились по лестнице, по пути заглядывая в комнаты, обстановка которых говорила о хозяйской заботе и внимании.

У дверей замка их ждали две молочно-белых лошади. Джандер подошел к одной из них, и она ласково ткнулась в него мордой. Он обнаружил, что держит в руке яблоко, и скормил его животному, с удовольствием сжевавшему подарок. Джандер с Яной вскочили в седла и помчались через чудесный день поздней весны. Оглянувшись через плечо, Джандер

увидел Замок Равенлофт — прекрасный дом великого благородного рода.

Прошло несколько благословенных часов. Они спешили у Церского пруда и отпустили усталых лошадей напиться. Пока животные пили, Джандер и Яна лежали, обнявшись, под большим деревом, дыша запахом свежей земли, наслаждаясь солнцем, светившим сквозь листву, и слушая музыку воды и певчих птиц. Игривый ветерок шевелил листья. Джандер спросил:

— Почему ты приходишь ко мне вот так?

Яна лежала, положив голову ему на грудь. Она запрокинула голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и задумчиво посмотрела ему в глаза.

— Ты больше не хочешь, чтобы я приходила?

— Хочу! Только это не по-настоящему.

— Кто может сказать, что настоящее, а что иллюзия? Мы вместе. Разве этого не достаточно? Кроме того, — добавила она лукаво, — я не хочу, чтобы ты забыл обо мне.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал кончики всех ее пальчиков.

— Никогда.

— Но ты забыл. Ты знаешь, где начать поиски, но ты этого не делаешь. Джандер, любовь моя, отомсти за меня. — Она изменилась; ее чудесные глаза наполнились слезами. — Во имя всего, что мы потеряли из-за моего безумия... *Отомсти за меня!*

Джандер очнулся, совершенно растерянный. Его охватил неприятный жар, к горлу подступила легкая тошнота. Он уснул в спальне, напившись из Наташи. Крепко закрытые ставни надежно защищали его от смертоносного солнца, но в щели просачивалось достаточно света, чтобы доставить ему неприятные ощущения. Чувства Джандера снова обострились, и возвращение в мрачную реальность причинило ему такую боль, что он невольно закрыл глаза.

Убедившись, что Наташа мирно спит, эльф вернулся в кабинет, чтобы ознакомиться с немаленькой библиотекой Страда. Количество имевшихся там книг слегка ошеломило его. Много лет Джандер провел в одиночестве в пещере, не видя людей, кроме сумасшедших, из которых пил кровь. И теперь ему было не по себе среди такого количества трудов по истории и литературе. Эти тома были прекрасны. Джандер залюбовался тиснением на кожаных корешках. На некоторых был вытиснен большой черный ворон — видимо, герб графа. Другие книги украшали другие символы, среди которых часто встречалось удивительно красивое изображение лунного солнца.

«Ну что ж, начнем,» — пробормотал Джандер себе под нос, выбрал

одну из полок и принялся просматривать названия книг. *Гербы рода фон Зарович. Кожа и сталь: история Ба'ал Верзи. Легенды Круга. Сказки Ночи. Искусство Калимара Кандру. Баровия: пятнадцать лет назад.*

Такое разнообразие тем привело Джандера в восторг. Он снял с полки несколько книг, сгрузил их в кучу рядом с креслами и, не глядя, вытащил одну. *Кожа и сталь: история Ба'ал Верзи.* На обложке был изображен окровавленный череп. Эльф нахмурился. Вряд ли он найдет в этой книге ключ к судьбе Яны. А может, и найдет. Он открыл книгу, вдыхая затхлый запах старого тома, и начал читать.

В наши цивилизованные времена, — писал давно умерший автор во введении, — трудно представить общество, в котором наемные убийцы жили открыто и процветали. В беспокойном восьмом столетии в нашей стране быть ассасином, или Ба'ал Верзи, означало почти то же самое, что быть политиком или популярным художником. Можно было назвать цену — и ее называли, часто получая огромные суммы денег от людей за защиту.

Ба'ал Верзи носили яркую цветную одежду, на которой был ясно виден их символ — окровавленный череп. Их оружием был клинок невероятной красоты и пугающего значения. Рукоятку делал сам ассасин из кожи своей первой жертвы. Этой жертвой должен был стать кто-то, кого Ба'ал Верзи знал. Так велела традиция, дабы отворотить всех, кроме самых твердых, от познания тайн Ба'ал Верзи и обретения их защиты...

Джандер вздрогнул и чуть не швырнул книгу на ковер. Он поднял с полу другую книгу, *Слова мудрости*, и с жадностью принялся читать, чтобы вытрясти из разума образ кинжала Ба'ал Верзи. Это помогло, потому что книга содержала собрание священной поэзии — гимнов какому-то давно забытому богу.

Ибо солнце мое, и луна,
И живущие в светлой любви,
Жар полудня и звездная ночь,
Каждый день, каждый час, каждый миг.

Так услышьте же, дети мои,
Смех звенящий текучей волны.
Так услышьте же мудрость реки:
И покой там, и радость — вечны.

В простых стихотворных строках эльф не нашел ключа к судьбе своей любимой. Но зато он успокоился и вспомнил, что в этой мрачной земле,

в которую его принес коварный туман, еще осталась красота.

В кабинете не было окон, так что Джандер не знал, сколько прошло времени. Он вернулся в спальню, чтобы проверить, как себя чувствует девушка, и очень удивился, обнаружив, что солнце уже давно зашло. Наташа спала, словно неживая. Когда Джандер наклонился над ней, она застонала и повернулась, не просыпаясь. На горле у нее виднелись синяки, но щеки уже чуть-чуть порозовели.

— Они так соблазнительно выглядят во сне, — раздался вкрадчивый голос у него над ухом. — Я надеюсь, она удовлетворяет твоим запросам?

— Немного слишком молода для меня, но, впрочем, мне в мои семьсот с лишним лет нелегко найти существо подходящего возраста, — усмехнулся Джандер, твердо решивший скрыть от графа свое ошеломление. Он так давно был один, что забыл, как бесшумно ходят вампиры.

Страд слегка нахмурился.

— Семьсот лет? — он явно думал, что Джандер шутит. — А, я понимаю. Ты учишься и время своей жизни.

— Ну, да, — признал Джандер, — но это всего двести лет. Я уже пятьсот лет как вампир.

Страд потерял дар речи.

— Я такого даже представить не могу, — сказал он наконец. — Мне как вампиру чуть больше ста. Ты опять заставил меня почувствовать себя ребенком. Как же многому я могу у тебя научиться!

Увидев жажду знаний в глазах Страда, Джандер подумал, что вряд ли быть старым и мудрым в этой стране так уж хорошо. К счастью, Страд сменил тему.

— Ты голоден, друг мой?

Джандер почувствовал кровавую жажду.

— Да, — ответил он.

Той ночью они охотились вместе, и это была первая из бесчисленных подобных ночей. Кто-то из цыган заметил нескольких отважных — или глупых — путешественников, которые явились в Баровию слишком поздно, чтобы получить место в гостинице. Джандер вспомнил мрачного хозяина гостиницы и его отказ принимать постояльцев после заката. Конечно, трусливые и недоверчивые жители поселка тоже отказали незнакомцам в ночлеге. Так что трое мужчин и две женщины с ребенком встали лагерем у моста через Ивлис.

Для удобства и быстроты Джандер и Страд приняли волчий облик. Пока они мчались через Сваличский лес, не думая ни о чем, кроме своей жажды, к ним присоединились трое настоящих волков и двое рабынь в

волчьем облике. Стояла ясная и прохладная погода, как раз настолько влажная, чтобы запахи ясно чувствовались в воздухе. Вампиры почуяли лагерь за несколько ярдов. Страд принял человеческий облик, Джандер вслед за ним — эльфийский. Бесшумно, словно сама ночь, они начали подбираться к ничего не подозревающей добыче. Волки и рабыни Страда окружили полянку, чтобы никто не смог убежать.

Джандер и Страд напали не сразу. Они терпеливо ждали, пока сова дважды ухнула и луна переместилась на несколько градусов. Только тогда, во влажной, холодной тишине, они бросились на своих жертв.

Чужаки оказались легкой добычей, легче, чем ожидали двое вампиров. Один из мужчин, крупный и волосатый — видимо, оставленный сторожить — храпел под деревом, выронив обнаженный меч. Он и стал первой жертвой. Страд материализовался перед ним, схватил его за тунику и быстро вонзил клыки ему в глотку. Человек широко распахнул глаза и раскрыл рот в беззвучном крике, но Страд быстро выпил из него всю кровь, и скоро его глаза закрылись.

Пока Страд пил, Джандер бросился на второго мужчину. Тот ничего не мог услышать — Страд и Джандер двигались тише самой тишины — но, возможно, он что-то почувствовал, вскочил и выкрикнул предупреждение. Джандер послал неслышный приказ одному из волков, охранявших поляну. Зверь прыгнул на мужчину и легко придавил его к земле своим весом. Джандер быстро подошел и вонзил клыки в горло жертвы. Черноволосая рабыня топталась рядом и шипела, дожидаясь возможности подобрать то, что оставит эльф.

Вампир вцепился не в яремную вену, а в сонную артерию. Не было времени наслаждаться трапезой — неестественная жажда Джандера требовала насыщения. Его клыки вонзились в обнаженную шею, из отверстий брызнула алая кровь, которую толкало сердце. Вампир исступленно глотал теплую соленую жидкость, лившуюся ему в глотку. С оттенком мрачного юмора он подумал, может ли вампир захлебнуться кровью своей жертвы.

Третий мужчина завизжал. Худой, высокий и бледный от страха, он потянулся за своим оружием, но Страд схватил его за руку и легко сломал запястье. Пока двое волков догоняли убегающих женщин, Страд опять наслаждался свежей кровью. Затем он отбросил в сторону потерявшего сознание человека, словно игрушку, и обернулся к рабыням, схватившим женщин. Очень голодные, но послушные рабыни держали женщин наготове для своего повелителя.

Одетым в мужскую одежду женщинам было по тридцать с лишним.

Одна из них, с длинными огненно-рыжими волосами, извивалась в руках вампирки и дерзко смотрела на Страда. Вторую, коротко подстриженную блондинку, крепко удерживала вторая вампирка, но ее маленький сын, вцепившийся в пояс матери, визжал от ужаса. Детский визг болезненно резал чувствительные уши вампиров. Страд грозно шагнул к мальчику.

— Во имя Торма Верного, он всего лишь младенец...

Джандер уже напился и вытирал рот обратной стороной ладони. Услышав мольбу, он вздрогнул и уставился на светловолосую женщину. Торм Верный — или Глупый, или Смелый — это же один из богов его родного мира. Одежда и руки Джандера были в крови, так что, пытаясь вытереться, он только еще больше размазал кровь по лицу. Джандер поднялся на ноги — жуткая ало-золотистая фигура, герой волшебной сказки, внезапно, необъяснимо оказавшийся в роли злодея.

Маленький мальчик не умолкал. Черные брови Страда сошлись на переносице. Рыча, он обнажил клыки и протянул длинную руку к мальчику.

— Беги, Мартин! — крикнула женщина. Страх за сына придал ей сил, она вырвалась из вампирьей хватки и бросилась на Страда.

Но не успела она пройти и двух шагов, как один из волков взвился с земли и вырвал ей горло. Кровь залила тунику. Тело светловолосой женщины упало у ног ее сына.

— Нет! — завопила рыжая, полными ужаса и ненависти глазами глядя на Страда. Он спокойно встретил ее взгляд и овладел ее волей.

— Она это заслужила, не так ли?

Рыжая моргнула.

— Нет, она всего лишь...

— Нет, — продолжал Страд мягким спокойным голосом, — она попыталась перечить мне. А это серьезная ошибка. Ты не согласна?

Рыжая облизала губы.

— Это серьезная ошибка, — механически повторила она, замороженная вампиром.

— Так-то лучше. — Страд снова обратил внимание на мальчика. Ребенок от ужаса впал в шок и только дрожал, сжавшись над телом матери. — Он слишком мал, чтобы пойти с нами. Кроме того, я сыт. Хочешь его, Джандер? — спросил граф, указывая на ребенка.

Джандер тоже насытился. Эльф посмотрел на мальчика, и его неожиданно ошеломила боль. Он не хотел мальчика. Он хотел уйти отсюда. Он хотел домой. Он хотел к Яне.

— Нет, — тихо сказал Джандер. — И не отдавай его им, — добавил

он, глядя на разъяренных голодных вампирок. — Бородатый мужчина у дерева еще жив. Пусть они допьют его кровь.

— Как хочешь, — сказал граф, и вампирки поспешили присосаться к лежавшему без сознания человеку. Страд обратился к рыжеволосой женщине, все еще неотрывно глядевшей на мертвую подругу, и протянул руку. — Пойдем, моя дорогая, — сказал он самым любезным тоном. — Ты можешь пойти со мной в Замок Равенлофт.

— А мальчик? — напомнил Джандер.

Страд скользнул по мальчику небрежным взглядом.

— Делай что хочешь. Я не голоден.

Страд с женщиной отправились в долгий путь обратно в Замок Равенлофт. Джандер посмотрел на троих мужчин. Все они были живы, хоть и еле-еле. Эльф не убил свою жертву, потому что не хотел убивать, а Страд — потому что предпочитал опустошать вены женщин, окружая себя рабынями-вампирами.

Мальчик, моргая, растерянно огляделся вокруг и встретился взглядом с Джандером. Не в состоянии вынести взгляд невинного существа, эльф развернулся и пошел прочь, не тронув горло мальчика.

Через несколько мгновений мальчик заговорил.

— Повелитель Зари? — прошептал он.

Глава девятая

На следующий день, проведя несколько часов в тревожном сне, Джандер решил лучше познакомиться с Замок Равенлофт. Он помнил, что вообще-то ему лучше вернуться в кабинет и продолжить изучать библиотеку Страда, но любопытство оказалось сильнее. В свое время он оставил свою прекрасную и безопасную родину именно из-за своего любопытства. А Замок Равенлофт обладал неповторимой архитектурой и был выстроен с удивительным мастерством, в нем жила история и таилась разрушенная от времени красота. Джандеру не терпелось как следует осмотреть его.

Войдя в зал приемов, Джандер в первый раз встретился с одним из «слуг» Страда. Джандер нерешительно уселся на изысканный трон. Со смесью одобрения и отвращения он отметил и качество резьбы по дереву, и то, что с ней сделали десятилетия небрежения. Внезапно он напрягся. Позади раздался слабый стук.

Джандер соскочил с трона, готовый сражаться. На него пустыми глазницами уставились пять скелетов. С высохших костей еще свисали остатки мускулов и гнилые обрывки ткани, в которых угадывалась военная форма. У всех пятерых имелись мечи. Джандер понял, что когда-то это была замковая стража. Не обращая на него внимания, скелеты прошлепали по залу, вышли в соседнюю комнату, где когда-то располагался пост охраны, и заняли места часовых.

Джандер печально смотрел им вслед. Ему всегда было жаль скелеты. Сами по себе они не были злыми существами, и то, что в нем оставалось эльфийского, испытывало отчаянную жалость к неупокоенным душам. Джандер подозревал, что когда он только прибыл в Замок Равенлофт, Страд приказал этим и остальным «стражам» не приближаться к нему, а потом — не причинять вреда единственному добровольному гостю Равенлофта. Сколько же еще существ обитает в темном холодном замке, с

тревогой подумал эльф.

Он решил это выяснить.

Джандер поднялся с трона, пошел в дальний конец зала, выходящий на длинный балкон, и увидел спинки еще двух тронов, прекраснее предыдущего. Джандер подумал, а вдруг на одном из этих тронов сидит скелет или еще что-нибудь похуже и дожидается его.

Рассердившись на себя за свои страхи, он отбросил эту мысль, подошел к тронам, медленно провел дрожащей рукой по спинке трона и со смущенным облегчением закрыл глаза. В роскошном кресле никто не сидел. Судя по тому, какой слой пыли покрывал трон, им не пользовались уже много лет. Смешно было даже беспокоиться. Что может с ним сделать любое из созданий Страда?

Положив руки на спинки тронов, эльф шагнул вперед и посмотрел с балкона вниз. То, что он увидел, повергло его, любившего красоту, в полнейшее уныние.

Комната внизу находилась в печальном состоянии. Когда-то это была замковая часовня. Должно быть, как и все остальные помещения замка, некогда она была красивой и богато обставленной. А теперь витражные окна были заколочены, хотя там и тут в щели пробирались разноцветные лучи. Перевернутые скамейки валялись на полу, и, похоже, борозды в полированном дереве провели длинные острые когти. Некоторые скамьи были разломаны. Повсюду толстым покрывалом лежала пыль, а алтарь был обезображен.

Даже с балкона Джандер понял, что в этом месте не осталось ничего святого. Конечно, чего же еще ожидать в замке, где правит вампир. Горестно покачав головой, Джандер пошел дальше.

Он вернулся на первый этаж, спустился по широкой лестнице и вошел в огромный вестибюль. У подножия лестницы он повернул налево и свернул в длинный запыленный коридор. Вдоль стен стояли статуи, и Джандер, идя мимо, читал надписи на пьедесталах. Он узнал некоторые имена из *Легенд Круга*. В отличие от статуй на верхнем этаже, эти скульптуры, похоже, изображали не реальных людей, а персонажей литературы или мифов. Джандеру не понравилось, что глаза статуй, казалось, смотрят ему вслед.

Он шел в часовню. При жизни ему нравилось посещать храмы, в которых честные священники служили добрым и справедливым богам. Он считал, что подобные места почти так же близки к небесам, как луга и леса. Почти, но все-таки не совсем. А став нежитью, он, конечно, ни разу не был в освященном помещении и надеялся, что сможет войти хотя

бы в оскверненную часовню.

Он протянул руку к двустворчатым дверям и снова услышал мягкий стук за спиной. Обернувшись, Джандер увидел еще один скелет.

С его костей свисали не доспехи и не рваная форма, а изорванные остатки дорогой одежды и украшения. Видимо, это был страж часовни, и Джандер подумал, что это, наверно, останки древнего священника, некогда отправлявшего здесь службы. Вампир замер, но скелет не предпринимал никаких попыток помешать ему войти.

Еще с балкона Джандер увидел, как запущена часовня. Теперь, войдя в оскверненное святилище, он сам оказался среди этого запустения. Горюя о погибшей красоте, он прошел по грязному полу, провел руками по вековой пыли, покрывавшей скамьи, и остановился у алтаря. Какие-то святотатственные руки вывели в толстом слое пыли мерзкие изображения и руны ненависти. Джандер почувствовал внезапный гнев и смахнул пыль с алтаря, уничтожив оскорбительные рисунки.

Да, он вампир. В действительно святые места он войти не может. Джандер уже давно это знал. Все то, что он любил, отвергло его — природа, солнечный свет, священные храмы. Он сумел это принять, он даже сумел принять зло как часть своего мира. Но он так и не научился за все пятьсот лет равнодушно смотреть на разрушение прекрасного. И Джандер призадумался, а нельзя ли попытаться восстановить былую красоту замка.

Он присел на одну из неповрежденных скамей и так глубоко задумался, что не заметил, как стемнело.

— Погружен в молитвы, возможно? — прозвучал холодный голос графа.

Джандер поднял глаза.

— Возможно. Как ты чувствуешь себя нынче вечером?

— Неплохо, спасибо. Однако я голоден. Хочешь попробовать мое вчерашнее приобретение?

Джандер подавил внутреннюю дрожь. Приобретение. Вот и все, что та женщина значит для Страда. Не человек...

— Нет, думаю, я воздержусь. Я бы хотел сегодня ночью побегать по лесу в одиночку, если ты не возражаешь.

— Вовсе нет. Между прочим, в главном зале есть еда для твоей малышки. Мне каждые несколько дней доставляют свежие продукты. Это предотвращает сплетни и дает жителям поселка возможность заняться еще чем-то, кроме пьянства. Кроме того, нам ведь следует поддерживать силы наших подопечных, если мы хотим, чтобы от них был какой-то

толк, верно?

Граф развернулся, взмахнув плащом, и бесшумно вышел. Джандер быстро последовал за ним, чтобы принести Наташе хорошей еды. Его немного утешало то, что он заботится не только о себе.

Джандер приготовил тарелку мяса с кровью, овощи и фрукты. Войдя в спальню, он увидел, что щеки Наташи немного порозовели. Она устало смотрела, как он режет мясо.

— Добрый вечер, Наташа. — Она не ответила. — Я принес тебе поешь. Ты, должно быть, голодна.

— Нет, — тихо сказала она. Он отложил нож и посмотрел ей в глаза.

— Я думаю, ты сейчас почувствуешь сильный голод и захочешь все это съесть. — Джандер не хотел заставлять девушку есть, но она нуждалась в пище. Нет, Джандер, мрачно подумал он, это *ты* нуждаешься в пище.

Не обращая внимания на внутренний голос, Джандер закончил накрывать на стол. Его «внушение» сработало: Наташа, одобрительно пригнувшись, попыталась приподняться. Джандер помог ей сесть, подложив подушку под спину. Наташа была еще слишком слаба, чтобы справиться с ножом и вилкой, так что эльф покормил ее сам. Внезапно он с болью вспомнил о Яне. *Отомсти за меня*. Завтра он вернется в кабинет.

Доев, Наташа с любопытством посмотрела на него.

— Как вас зовут?

— Джандер, — ответил он, довольный ее вопросом.

— Вы не похожи на графа.

Джандер слегка улыбнулся, собирая грязную посуду.

— Думаю, что не похож.

— Вы не собираетесь превратить меня... — ее голос испуганно затих.

— В вампира? Нет. Но разрешить тебе уйти отсюда я тоже не могу. Ты слишком много знаешь обо мне и можешь причинить мне вред. Понимаешь?

Молодая женщина кивнула, но ее лицо помрачнело. Она потянулась к крохотным отверстиям на горле и снова быстро взглянула на эльфа. Джандер тоже помрачнел.

— Мне нужно есть, как и тебе, — мягко сказал он, указывая на остатки Наташиного ужина. — Ты это тоже понимаешь? — Она медленно кивнула.

Ненавидя себя больше, чем когда-либо, он отложил тарелки, обнял девушку и принялся пить ее кровь, удовлетворившись только необходимым. Затем он снова уложил ее в постель и укрыл одеялом. Когда

Наташа закрыла глаза, он позволил себе погладить ее по волосам.

Джандер открыл ставни и почувствовал, как прохладный ночной воздух касается его лица. Ему нужно было выбраться из замка, прочь, в лес, подальше от Наташи. Вампир быстро расплылся серым туманом, из тумана возникла летучая мышь и вылетела в окно.

Джандер летел много миль, разглядывая окрестные земли. Каждый облик даровал ему свои удовольствия. Хотя он и предпочитал находиться в облике эльфа, но свобода золотого волка, бесшумно и свирепо мчащегося через зеленый лес, и воздушное изящество маленькой бурой летучей мыши тоже многого стоили. Внизу, поблескивая, вилась среди лесов и полей река Ивлис. Джандер ясно видел кольцо тумана вокруг поселка, клубящееся и пульсирующее. Крохотная оранжевая искра отмечала табор Вистани. Джандер знал, что на западе находится крохотная рыбацкая деревенька Валлаки. Скоро ему надо будет отправиться туда. Может быть, жители Валлаки не так боятся чужаков.

Летучая мышь спустилась на небольшой холм между лесом и рекой. Приняв эльфийский облик, Джандер растянулся на земле среди мягкой зеленой травы. Роса его не беспокоила, а ощущение твердой земли утешало и ободряло, хоть это и была чужая баровийская земля. Джандер нахмурился. Вот что еще нужно учесть: он попал сюда без единой горсти родной земли, но не испытывал никаких болезненных эффектов. Похоже, горько усмехнулся он, Баровия стала его домом.

Он закрыл глаза, и его иступленные мысли понеслись в окружающую тишину. Золотистая рука коснулась влажной травы и нежно, почтительно погладила травинки. Ветер пел в деревьях, и Джандер слышал, как мириады существ поют ночи свои серенады. Они творили чудесную музыку. Когда-то Джандер тоже творил музыку, играя на флейте с радостью и с печалью, со смехом и с любовью, и его сердце парило в звуках флейты. Как бы он хотел снова излить свою печаль в этих нежных звуках!

А почему бы и нет? Джандер взглянул на ближайшее дерево. Оно покачивалось и скрипело на ветру, его цветы уже почти осыпались. Яблоня — отличный материал. Эльф поколебался, вытащил кинжал и срезал ветку. А потом он всю ночь просидел на берегу реки, обрабатывая ветку ножом, как делал когда-то сотни раз. С тех пор, как он в последний раз вырезал флейту, в буквальном смысле прошли века, но его руки еще помнили, как это делается. Он уже почти закончил, когда обнаружил, что приближается рассвет. Джандер нахмурился. Когда он превращался в летучую мышь или волка, его одежда превращалась вместе с ним. Что

будет с флейтой, если засунуть ее за пояс?

Он быстро сосредоточился и принял облик летучей мыши. Флейта не составила проблемы. На кожистых крыльях он помчался обратно к замку.

В часовне, надежно спрятавшись от солнечных лучей, Джандер почти весь день провел за вырезанием флейты. Ближе к полудню его веки отяжелели, и он прилег на одну из скамеек. Я только подремлю, сказал он себе, опуская голову на руку и прижимая к груди почти законченную флейту. Всего несколько мгновений, чтобы дать отдохнуть глазам...

— Почему ты никогда не играл для меня в сумасшедшем доме? — прозвучал голос, милый, как солнечный свет. Джандер тут же открыл глаза. Рядом с ним на полированной деревянной скамье сидела Яна и с интересом рассматривала изящно вырезанную флейту.

Солнечный свет, лившийся через витражи, окрасил часовню в такую радугу цветов, что она казалась палитрой художника. Джандер невольно моргнул. На алтаре все было готово для службы, священные символы полированного серебра мерцали в фиолетово-голубом свете. Часовня была полна покоя и тихой сдержанной радости. Джандеру вспомнилась строка из одного гимна: *Твоя любовь не одного лишь цвета, но всех цветов радуги; ибо нет конца радостям для верующих в тебя.*

— Какая красивая флейта, Джандер, — сказала Яна с восхищенной улыбкой и протянула ему инструмент. — Ты не сыграешь мне что-нибудь?

Джандер не играл уже несколько столетий и страшно боялся попробовать. Но здесь, в прекрасной освященной часовне, под взглядом Яны, он нашел мужество поднести флейту к губам. Джандер вдохнул воздух, сложил губы и дунул.

Раздался жуткий визг, какофония ужасной, сокрушающей боли. Флейта в онемевших руках Джандера внезапно превратилась омерзительного черного червя, изогнулась и зашипела. Ужаснувшись, он выронил мерзкую тварь, и она уползла прочь. Часовню наполнила зловещая темнота — гораздо страшнее обычной ночи. В тенях скрывались чудовища, но Джандер даже инфразрением не мог разглядеть ничего, кроме красного блеска глаз. Эльф потянулся к Яне и почувствовал под рукой грубую кожу. Уродливое чудовище в одежде Яны смеялось над ним, окатывая его такой вонью из распахнутого, истекающего слюной рта, что Джандера затошнило.

- *Теперь ты видишь мир таким, каким я видела его больше ста лет! Как тебе нравится быть сумасшедшим, Джандер Солнечная Звезда?*

Вампир с криком вскочил на ноги. Он снова был один в разрушенной часовне. День шел к закату. Ничего не изменилось. Дрожа, Джандер посмотрел на флейту и решил, что все равно закончит ее, несмотря на кошмарное видение. «Яна, — прошептал он, — я не знал, как страшно ты мучилась... прости меня.»

Через час флейта была готова. Она совершенно не походила на роскошный инструмент из кошмара, чем Джандер был вполне доволен. Он все еще боялся поднести ее к губам. Рассердившись на себя за трусость, Джандер засунул инструмент за пояс и ушел из часовни вниз по лестнице, вернулся в вестибюль и спустился в помещение, бывшее когда-то главным дворцовым пиршественным залом. Посередине зала стоял огромный, покрытый пылью стол и несколько десятков стульев, у стен — два буфета с изящной резьбой. Джандера заинтересовал какой-то большой предмет в дальнем конце зала, укрытый тканью.

Эльф никогда не видел ничего подобного. Подойдя к загадочному предмету, он осторожно снял ткань. Предмет оказался состоящим из сотен мелких деталей. Наверху виднелся набор разнообразных труб, а внизу рядами, словно зубы, располагались клавиши, выложенные слоновой костью. Перед предметом стояла скамья, а под ней — еще один ряд клавишей.

— Я вижу, ты нашел мою игрушку, — раздался голос Страда.

— Что это? — спросил замороженный Джандер.

— Музыкальный инструмент, — сказал Страд. Джандер почувствовал, что его собеседник колеблется, и с любопытством поднял бровь. — Он называется орган. На нем можно играть очень красивую, очень сильную и... мощную музыку. Когда-то я был виртуозным органистом. Но это было давно. — Он хотел было снова укрыть инструмент тканью, но Джандер остановил его руку.

— Может быть, сыграешь что-нибудь для меня? — спросил он. — Когда-то я тоже любил музыку. В твоём замке так тихо. Я бы хотел послушать, как ты играешь.

Похоже, Страд не знал, что ответить. Джандер видел, что графу действительно очень хочется снова подарить инструменту свою ласку и услышать его голос. Но, должно быть, это было больно. Страд так долго молчал, что Джандер уже уверился в его отказе. К его удивлению, вампир сказал:

— Ну что ж. Прости меня, если я возьму несколько фальшивых нот. Я очень давно не играл.

Похоже, Страд, как и Джандер, действительно не играл уже несколь-

ко веков. Он сел на скамью перед органом, отбросив назад полы черного фрака, и опустил руки на клавиши. Его длинные пальцы подергивались, словно паучьи лапы. Джандер почувствовал, что Страд предельно напряжен, и невольно напрягся в ответ.

Раздался музыкальный взрыв — словно сами боги затрубили в рога — и орган пробудился. Музыка покатила по залу роскошными волнами, и Джандер пришел в глубокий восторг. Музыка, возникавшая под руками Страда, была незабываема, требовательна, прекрасна — и более того. От ее великолепия у Джандера заболело сердце.

Произведение, которое играл Страд, полное печали и величия, своей мощью вызывало благоговение. Джандер слушал, закрыв глаза, чтобы ничто не отвлекало его от музыки. Страд доиграл до конца, но ему явно хотелось продолжать, и его пальцы беззвучно бегали по клавишам из слоновой кости.

Джандер потянулся к своей скромной флейте. Воспоминание о кошмаре не оставляло его и побуждало играть. С благоговением он поднес флейту к губам.

Он не нуждался в дыхании. Только для разговора нужно было специально вдыхать воздух. Джандер вдохнул так, как не вдыхал уже много десятилетий, и начал играть.

Зазвучали сладкие, чистые звуки — словно птица запела. Граф поднял глаза с удивлением и восторгом и снова ударил по клавишам органа, пробуждая музыкальный водопад. Два вампира принялись импровизировать вместе. Чистые тона флейты танцевали и парили, словно свет, над глубокими аккордами органа. Иногда музыка звучала ласково, мирно, словно покачиваясь. А потом она вздувалась и ярилась, словно река в половодье — музыка вампиров, в которой звучала вечная мука ее создателей, воплощение гармонии проклятых.

Но вот орган замолчал, и в тот же миг Джандер опустил свою флейту. Настала тишина. Вампиры переглянулись, и Джандер увидел в темных глазах Страда ту же боль, что наполняла и его сердце.

Да, они могли создавать музыку. Но ни один смертный никогда не сыграл бы ничего подобного. Никогда не смогут живые существа наполнить свои невинные инструменты такой адской болью и таким жестоким торжеством, какие звучали в дуэте Джандера и Страда. Наполнив музыку болью, на миг они от нее избавились. Музыка помогла им отвлечься от собственной чудовищности, взамен подарив ликование.

В напряженной тишине Страд поднял руки с клавиатуры, аккуратно сложил на коленях и с небрежным вниманием осмотрел свои длинные

пальцы с острыми ногтями, пытаюсь скрыть от Джандера охватившие его чувства, но ему это не удалось. Страд был взволнован — и не убийствами, властью, гневом или печалью. Его взволновала красота, и в этот миг Страд и Джандер были родственными душами.

Граф поднял голову, посмотрел Джандеру в глаза, и эльф снова увидел хорошо знакомый холодный расчетливый взгляд. Миг красоты ушел — но не забылся. Должно быть, Страд понял, что не сумел скрыть от Джандера свои подлинные чувства, и намеренно переменял тему.

— Довольно этого, — резко сказал он, накрывая инструмент с преувеличенной энергичностью. — Мы с тобой уже давно хотели побеседовать. Пойдем в кабинет, где, я вижу, ты проводишь большую часть времени, и ты мне расскажешь, как тебе нравится мой дом.

— Я не успел прочитать еще множество книг, Ваша Светлость, но те, что я прочел, оказались... интересными. Я заметил, что некоторые из них написаны какой-то странной тайнописью, — заметил Джандер, когда они поднимались по лестнице.

— А, да. Это мои личные записи. Я сам изобрел этот шифр.

— Его очень трудно расшифровать. Ты можешь научить меня его читать?

Страд взглянул на эльфа.

— Зачем? — резко и холодно спросил он.

— Я по-прежнему ищу записи, касающиеся моей госпожи, — ответил Джандер. — Я надеялся, что найду что-то полезное, но пока мне ничего такого не попало.

— А, мне правда очень жаль. Конечно, я тебя научу, — пообещал Страд. — Если... — он на мгновение замолчал, потом заговорил резче, — ты начнешь учить *меня*. Я многое узнал о вампиризме сам, без всяких учителей. Но ты знаешь больше меня.

Они пришли в кабинет, и Страд опустился в одно из кресел, жестом предложив Джандеру занять второе.

— Теперь, — приказал граф, — позови волков.

Джандеру не понравился приказной тон Страда, но он заставил себя сдержаться, закрыл глаза и принялся мысленно искать волков. Обнаружив волчий разум в главном вестибюле, Джандер мягко коснулся его. *Приходи навестить меня, друг*, сказал он волку. Потом эльф обнаружил еще одного волка, сторожившего комнату Наташи, и тоже попросил его прийти.

Через несколько мгновений два волка, серый и черный, вбежали в кабинет и опустились у ног эльфа. Тонкие губы Страда изогнулись в

улыбке.

— А теперь я их позову, — сказал граф. Он сложил вместе кончики пальцев и прищурил глаза. Волки повернулись к нему, серый захныкал. Звери встали и подошли к графу. Черный тронул лапой его кресло.

Джандер опять сосредоточился. На этот раз добраться до волчьих разумов оказалось гораздо труднее — там присутствовал Страд. Джандер закрыл глаза и направил на волков всю свою волю. Звери заволновались и прижали уши, глядя то на Страда, то на Джандера. В конце концов, оторопевшие и явно страдавшие от боли, они, дрожа, подползли к ногам Джандера.

Страд открыл глаза и посмотрел на Джандера. В глубине его глаз мерцал гнев.

— Как ты это делаешь? — спросил он.

Джандер не испугался.

— Контроль над животными и людьми основан на воле вампира, — спокойно сказал он. — Все, что я сделал, это...

— Ты хочешь сказать, что я слабовольный?

— Нет, граф, — ответил Джандер, слегка растерявшись. — Ты моложе меня, и у тебя мало практики. Дело в том, что я много лет был рабом. И научился я тому, что умею, потому что по-другому я бы никак не смог избавиться от хозяина. Желание выжить и освободиться — отличный стимул для учебы, куда лучше, чем желание продемонстрировать салонные таланты на волках.

Страд мгновение смотрел Джандеру в глаза, потом медленно кивнул.

— Согласен. — Он откинулся в кресле и поставил ноги на маленькую низкую скамеечку. Джандер сделал то же самое. В очаге пылал огонь, в его тепле дремали два довольных волка. Джандер невольно удивился тому, насколько уютно в кабинете и насколько нормальной выглядит эта сцена отдыха. Вот только двое «собутыльников» вместо кларета пили кровь.

Наконец Джандер заговорил.

— Почему я больше не могу питаться кровью животных? Я спокойно пил ее пятьсот лет. А здесь мне от нее плохо.

Страд ответил не сразу.

— В Баровии все не так, как в других местах.

— Ну, это довольно очевидно, но почему? Ты утверждаешь, что ты «и есть эта земля», Страд. Что же происходит здесь, в этой земле?

Челюсть Страда напряглась. Джандер коснулся больного места. Он был к этому готов — все равно ему не от кого было получить ответы на

свои вопросы, кроме графа.

— Баровия — сама себе мир, — медленно ответил граф. — Но на самом деле Баровия не является целым миром. Наверно, мы находимся внутри какого-то изолированного пласта реальности. Не думаю, что ты сможешь найти Баровию на какой-нибудь карте. По крайней мере, больше не сможешь. — Он открыл глаза и горько посмотрел на собеседника. — Джандер, ты поверишь, что когда-то я был благородным и справедливым воином?

Такого поворота Джандер не ожидал. Должно быть, Страд заметил растерянность эльфа. Он тонко улыбнулся.

— Я вижу, тебе трудно это представить. Не бойся оскорбить меня, мне и самому трудно поверить в собственное прошлое. Все меняется, не так ли?

Попробуй на время забыть о сомнениях и представить меня в качестве воина, сражающегося против зла. Я объединил множество стран и защищал множество народов. Я доблестно сражался, и моя армия была непобедима. Я вырос с мечом в руке и столько раз бывал близок к смерти, что даже не могу их все упомянуть.

Потом настал мир, и внезапно оказалось, что мне в нем нет места. Я устарел. Я привык вести воинов в бой, а не править мирным населением, и хотя я происходил из древнего правящего рода, у меня не было никакого желания управлять страной. Но выбора у меня не было. Мои родители умерли, я был старшим сыном. Так я оказался правителем Баровии.

Страд встал и начал ходить туда-обратно. Его лицо было непроницаемо.

— В то время Баровия была частью... — он замолчал, в глазах мелькнула растерянность. Граф тихонько засмеялся. — Ты знаешь, что я не могу вспомнить название своей собственной родины? — Он снова замолчал, вспоминая. Потом пожал плечами. — Неважно. Не имеет значения. Без сомнения, эта земля хочет, чтобы я его забыл.

Джандер похолодел внутри, хоть в кабинете и было тепло. *Эта земля* хочет, чтобы Страд забыл свою родину? О милые боги, неужели это место действительно живое? Мысль о том, что он может забыть Уотердип и Эвермит, сильно напугала Джандера. Пусть эти воспоминания и были болезненны, они ему помогали. Следующая мысль вонзилась в него, словно кинжал. А что, если земля хочет, чтобы он забыл Яну? Он молча поклялся сделать все, чтобы не забыть ее — и не забыть за нее отомстить.

— Достаточно сказать, что я устанавливал законы, и законы эти были суровы. — Шелковисто-жидкий голос Страда вырвал Джандера из

раздумий, и эльф снова принялся внимательно слушать.

— Однажды утром я проснулся и обнаружил, что моя молодость ушла, — продолжал Страд. — Исчезла, и мне не осталось ничего.

— Но ведь, — заметил Джандер, — ты мог утешаться своими победами.

Страд презрительно приподнял верхнюю губу.

— Утешаться своими победами? Народ ненавидел меня за них, а мне они были совершенно безразличны. Утешения не было. Ничего не было впереди, кроме Смерти. И вот тогда... мне представился шанс вернуть юность.

Произошло нечто странное. Голос Страда стал мягким и ласковым, в нем неожиданно зазвучала нежность. И взгляд Страда из холодно-расчетливого стал почти человеческим. Его угловатое, скуластое лицо смягчилось от воспоминаний.

— Я встретил *ее*. Ее звали Татьяна, и она была родом из того поселка. Но явился некто, разлучивший нас и навечно лишивший нас возможности быть вместе.

Я пришел в отчаяние. Как я мог сражаться против этого юноши, прекрасного молодого воина, укравшего у меня единственное существо, которое я когда-либо любил? — маска слетела со Страда, и Джандер понял, что видит смертного человека, жившего много лет назад.

— Я молился о наставлении, о мести. И мои молитвы не остались без ответа. Сама Смерть явилась мне, и я заключил с Нею договор — договор, скрепленный кровью моего соперника, которого я убил в день его свадьбы с Татьяной.

Он так очаровал Татьяну, что она решила умереть вслед за ним. Охрана пыталась убить меня, но их стрелы отскакивали от меня, не причиняя мне вреда. Смерть меня не забрала, но жизнь меня оставила.

Так был скреплен мой договор со Смертью, и так я обрел свою награду. Каким-то образом эта страна перестала быть просто Баровией и стала такой вот странной, ни на что не похожей землей, где ты имел несчастье оказаться. Так что видишь, Джандер Солнечная Звезда, друг мой, я понимаю твою потерю. Я тоже заперт здесь. Я не могу пересечь туманных границ; куда бы я ни пошел, я всегда возвращался сюда, к моему замку и моим воспоминаниям.

Джандер чувствовал, что Страд что-то недорассказал. Где-то в его рассказе таилась ложь. Рассказ был страшным, но стоявшая за ним правда была куда страшнее.

Когда-то, еще при жизни, Джандер нашел тело давно умершего че-

ловека. Кожа казалась упругой и прочной, но, когда эльф осторожно коснулся ее мечом, она разорвалась и начала кишеть червями. Этот случай вспомнился ему, когда Страд закончил свой рассказ. Как и то тело, рассказанная Страдом история казалась неприятной, но цельной и на вид вполне человеческой. Но Джандер знал: копни он поглубже, и мрачная правда вырвется наружу, как черви из тела.

Глава десятая

— Прости меня, Яна, но я так и не смог ничего найти.

Во сне Джандер стоял, опираясь на резную каминную полку в кабинете, сложив руки на груди и опустив взгляд. Эльф не хотел смотреть на Яну. Почему-то у него было ощущение, что он перед ней виноват, хотя он в последние две недели каждый день сидел в кабинете от полудня до заката, изучая собранные там книги.

— Ничего, любимый. — Но в ее голосе была печаль. Обернувшись к ней, Джандер обнаружил, что она спокойно сидит в одном из красных бархатных кресел. — Это не твоя вина. — Яна посмотрела ему в глаза и ласково улыбнулась, но ее глаза блестели от невыплаканных слез.

С щемящим сердцем он подошел к ней и положил голову ей на колени. Она провела пальцами по его золотым волосам.

— Я прочитал тут все, что мог. Страд даже научил меня читать свою тайнопись. Нет ни записей, ни документов — ничего, что касалось бы тебя.

— Но ты изучаешь историю моей земли.

Джандер поморщился и прижался лицом к прохладным складкам ее синей юбки. Он действительно изучал историю Баровии, хотя прошлое у нее было малоприятное.

— Возможно, ответы можно найти здесь, в замке, — продолжал ласковый голос. — Возможно, совсем близко.

Джандер поднял голову и посмотрел Яне в лицо.

— Ты жила здесь, в Замке Равенлофт? — Она таинственно улыбнулась ему и ничего не сказала. — Яна, *ты здесь жила?*

Джандер проснулся. Его тело затекло от сна в кресле, и он потянулся, морщась и вздрагивая. Вспомнив свой сон, эльф закрыл лицо руками. Все его усилия по-прежнему были безрезультатны, а тревожный сон почти не принес отдыха. Он встал, чувствуя себя совершенно измученным.

Уголкем глаза Джандер заметил дверь в тайную комнату Страда и подумал, что же так ревниво прячет граф за этой запертой и магически запечатанной дверью. К сожалению, Джандер обещал хозяину Равенлофта, что не будет пытаться туда попасть. Он потер глаза, поставил на полку книгу, которую читал перед сном, и ушел. Раз Яна хочет, чтобы он продолжал изучать замок, он так и сделает.

После заката эльф отправился в комнату со статуями. Луны не было, и в бледном свете звезд, проникавшем через ряды высоких стрельчатых окон, почти ничего не было видно. Джандер поднял принесенный с собой факел, отвел его в сторону так, чтобы свет не слепил глаза, и медленно пошел от одной неподвижной фигуры к другой.

Фон Заровичи были необыкновенно красивым родом, даже если учесть обычную лесть художников. Страд предупредил Джандера, что не все его предки обрели покой, и когда эльфу казалось, что его шаги и взгляд тревожат запертую в камне душу, ему становилось не по себе. Он чувствовал эхо злости, досады, ярости, безумия — должно быть, пленные духи по-прежнему переживали те чувства, которые испытывали при жизни.

Ошеломляющая печаль, предательство, душевная боль. Вот еще один дух, которому не удалось упокоиться в каком-нибудь прекрасном мире. Это была та самая обезглавленная статуя, которая привлекла внимание Джандера еще тогда, когда он только что пришел в Замок Равенлофт. Джандер опустился на колени в пыль, осторожно поднял с пола каменную голову и вгляделся в ее лицо.

Почему эту статую изуродовали? Остальные фигуры стояли в пыли, окутанные серой паутиной, но целые, и только эта была намеренно повреждена. Что за ярость обрушилась на каменное горло? — подумал Джандер. — За что голову этой статуи бросили к ее ногам, лишив лица и образа? Джандер смахнул с каменной головы пыль и паутину, желая получше рассмотреть ее. И что-то милое почудилось ему в чертах красивого мужского лица, что-то похожее на выражение, которое касалось лица Яны в немногие краткие мгновения прояснений.

— Каким же заклятьем ты связан? — спросил Джандер у каменной головы, поднимаясь на ноги, и попытался поставить голову на обломок шеи, на которой все еще висел каменный амулет. Голова зашаталась у него в руках. Разрушенный временем каменный обломок больше не мог служить подставкой.

— Я освободил бы тебя, если бы мог, — тихо сказал Джандер, опускаясь на одно колено и осторожно возвращая голову на место, — а Страд пусть отправляется в Девять Преисподних.

Эльф поднес факел поближе к ногам статуи и вгляделся в надпись на постаменте. Но разобрать полустертые буквы ему не удалось, как и в первую ночь, когда Страд помешал ему завершить осмотр статуи. Джандер выпрямился, слегка дрожа, и отряхнул брюки. Пожалуй, этой ночью ему следует навестить подземелья Замка Равенлофт.

Открыв тяжелую дубовую дверь, окованную широкими полосами потускневшей латуни, Джандер оказался на лестничной площадке. Лестниц в Замке Равенлофт было множество, но эта оказалась настолько изношенной, что даже ловкий эльф слегка скользил по углублениям в сером камне.

Лестница тонула во мраке, и Джандер был рад, что взял с собой факел. Свободной рукой он придерживался за влажную стену под рядом пустых факельных держателей. Спуск казался очень долгим, но в конце концов Джандер оказался в чем-то вроде маленького зала или очень большой лестничной площадки. Здесь, среди молчаливых грозных дверей, с жутким темным лестничным пролетом за спиной, кто угодно почувствовал бы себя в ловушке.

Джандер приподнял факел и в мерцающем свете разглядел злобные морды гаргулий, ухмылявшихся со стен. Джандер рассердился на собственный испуг, оскалился и зарычал на каменных чудовищ.

Открыв дверь перед собой, он вошел в короткий коридор. За алой бархатной занавесью, закрывавшей конец коридора, оказался балкон, такой же элегантный, как и все балконы в замке. У балконной ограды стояли два трона. Что, во имя богов, там может быть за зрелище для королевских особ? Джандер подошел ближе.

Перед ним был зал, похожий на небольшой амфитеатр. В тусклом свете существа, которые когда-то были людьми, двигались в бесшумном *danse macabre* среди пыточных инструментов, оборвавших их жизнь. Свет факела придавал красный оттенок молочно-белым костям скелета, снова и снова пропускавшего сквозь пальцы хвосты девятихвостой плетки, словно наслаждаясь музыкой кожи и металла, стучащего по обнаженным костям. Поблизости в пародии на смертные муки извивался зомби, гниющая плоть кусками свисала с железных наручников, приковывавших его к стене. По всему залу мертвецы разыгрывали драму Страдова юмора, насмехаясь над собственной смертью и бездумно прислуживая устройствам собственных мучений и гибели.

Проглотив отвращение, Джандер спрыгнул с края балкона. Грაციозная золотистая фигурка легко приземлилась среди изуродованных мертвецов. Невольно Джандер сморщил нос от вони. С запахом пришел и

звук — слабые стоны и приглушенный визг, похожие на кошмарные вопли поработанных душ или на крики сумасшедших, наполнявшие те ночи, которые он проводил с Яной.

С искаженным лицом Джандер обернулся на звуки и увидел слева от себя дверной проем — темный прямоугольник в стене. Он пошел к источнику звуков, и по мере того, как он приближался, они становились все громче.

Когда Джандер открыл дверь и вошел в тесный коридор, на него обрушился памятный шум сумасшедшего дома. Из ряда решетчатых камер неслись стоны, рыдания, жалобные молитвы. При его внезапном появлении узники замечались — некоторые бросились прятаться в тени, другие, наоборот, бросались вперед и протягивали руки и ноги сквозь решетки, умоляя о помощи, милосердии или забвении. То была кладовая Страда. Джандер несколько секунд постоял, с болью слушая жалобные вопли. Он не имел права освободить этих людей. В Замке Равенлофт он был всего лишь гостем Страда.

Джандер был очень рад, что Наташу поручили его заботам, каковы бы они ни были, все равно это лучше, чем оказаться запертой в этом темном кошмарном месте. Спеша уйти прочь от мольб и от криков, он быстро прошел через коридор, глядя прямо вперед, чтобы ему не приходилось смотреть в лица несчастных, и оказался на элегантно изогнутой лестнице, освещенной факелами, установленными через каждые несколько футов.

Поднявшись по этой лестнице, Джандер оказался перед очередной дверью и открыл ее, но за ней была такая темнота, что даже глаза Джандера ничего не могли там разглядеть. Он снял со стены один из факелов и снова заглянул за дверь. Оказалось, что, пройдя через помещение умирающих, он оказался в зале мертвых. Перед ним возникли катакомбы рода фон Зарович.

Эльф осторожно шагнул вперед. Здесь спали последним сном несколько дюжин предков Страда. Джандер надеялся, что по крайней мере большинство из них обратилось в прах. Он подозревал, что сон некоторых обитателей этих приземистых склепов отнюдь не спокоен.

Зал оказался полон звуков, слишком высоких для человеческого уха — в нем находились тысячи летучих мышей. Мыши покрывали потолок и стены, медленно ползали, пряча слабые глаза от непривычно яркого факельного света. Несколько особенно встревоженных мышей сорвались с места и с бешеным визгом описали несколько кругов вокруг Джандера, затем устроились на противоположной стене среди своих сородичей.

Весь пол и поверхности склепов были покрыты слоями мышинных экскрементов.

Смертные здесь пришли бы в ужас, подумал Джандер. Сам он чувствовал только печаль. С удушающим отчаянием в горле эльф пошел обратно тем же путем, которым пришел.

* * * * *

Эвермит! Эвермит! Край волшебных долин,
Где счастливый Народ бестревожно живет.
Долго жил я вдали от чудесных лесов,
Среди длинных теней, среди ночи и тьмы.

Эвермит! Эвермит! С золотых берегов
Ароматы родные доносят ветра.
И Забудутся все Королевства, когда
Блудный сын твой, устав, возвратится домой.

Конечно, Наташа пела не так сладко, как та эльфийка, от которой Джандер впервые услышал эту песню, но вампиру было все равно. Он наслаждался, слушая, как в этой мрачной земле звучат песни его родины. Сначала он сыграл Наташе мелодию на флейте. Она попросила у него текст, и он с удовольствием научил ее петь несколько эльфийских песен. С тех пор Джандер часами аккомпанировал милому, печальному, усталому голоску Наташи.

Хоть Наташа и была пленницей серых стен Равенлофта, с ней очень хорошо обращались. Джандер заботился о ее здоровье, как мог. Когда у нее хватало сил, она следовала за ним по замку — тихий маленький призрак с напряженным бледным лицом, на котором все же иногда появлялась улыбка.

Наташа допела песню и устала на свои руки. Эльф заметил, как на строчке «блудный сын твой, устав, возвратится домой» ее голос упал. Встревоженный Джандер сел рядом с ней на кровать и ласково накрыл ладонью ее белые ладошки.

— Ты больна, маленькая? — ласково спросил он. — Я слишком много выпил из тебя?

Она покачала головой. За последние два месяца она стала доверять ему, и ему даже казалось, что он ей симпатичен.

— Нет, Джандер, просто... — девушка покусала нижнюю губу. — Джандер, ты не можешь отпустить меня домой? Пожалуйста?

Джандер уже открыл рот для ответа, но тут из двери прозвучал холодный голос:

— Ты — наша гостья, гостья Замка Равенлофт. Отправить тебя домой означало бы отказать тебе в гостеприимстве, а это крайне невежливо, — низко и грозно промурлыкал Страд. — Джандер, разве ты не согласен со мной?

В груди эльфа моментально вспыхнул гнев, но Страд был рядом, и Джандер сохранил спокойно-безразличное выражение.

Быстрый гнев вспыхнул в эльфе, но, как и всегда, когда он был в компании Страда, он отказался поддаваться эмоции.

— В этом замке хозяин — не я, а вы, Ваша Светлость. И только вы можете решать, кто достоин вашего гостеприимства.

— Хм, совершенно верно. Джандер, пойдем ко мне в кабинет. Мы с тобой уже давно не беседовали. — Граф развернулся со взмахом плаща и вышел, уверенный, что Джандер последует за ним. Эльф улыбнулся Наташе — ободряюще, как он надеялся — и поспешил за графом.

Когда Джандер вошел в кабинет, четыре волка, отдыхавших у огня, напряженно поднялись, медленно прижимая уши и оскаливая острые желтые зубы. Немного удивившись, Джандер послал им мысленную команду. *Это всего лишь я, друзья мои. Успокойтесь!*

К его изумлению, ни один из волков не отступил. Джандер еще раз попытался мысленно дотянуться до зверей, но ему мешал какой-то блок. Джандер оглянулся на Страда. Граф сидел в кресле со скрещенными ногами, сведя вместе кончики пальцев, и на его лице играла исключительно самодовольная хищная улыбка. Можно было бы подумать, что Страд злорадствует, если бы это чувство не было слишком грубым для столь элегантного вампира.

— Очень хорошо, Страд, — сказал Джандер, слегка встревоженный. — Они полностью в твоей власти. А теперь, не отзовешь ли ты их, чтобы я мог войти?

Несколько секунд ни Страд, ни волки не двигались. Затем четверо огромных зверей одновременно вернулись к огню. Джандер подошел к креслу и сел, и волки не обратили на него внимания.

— Я тренировал волю, — сухо сказал Страд.

— Ты отличный ученик.

— Нет, это ты отличный учитель. И все же, — легкое сожаление тронуло голос Страда, — позволь мне дать тебе совет. — Он поднял густые брови, ожидая позволения Джандера продолжать. Эльфийский вампир кивнул. — Что ты возишься со своей маленькой подружкой? Высоси ее досуха. Тогда вместо пациентки, за которой тебе приходится ухаживать, у тебя будет рабыня, готовая тебе служить.

Серебряные глаза Джандера сузились.

— Я хотел поговорить с тобой об этом, Страд. Ты создаешь слишком много рабов.

К удивлению эльфа, граф только рассмеялся.

— А разве рабов бывает слишком много?

— Безусловно. Становясь старше, мы, вампиры, становимся сильнее. Мы больше узнаем. И если ты думаешь, что на свете существует хоть один раб, вампир или нет, которые не мечтают освободиться, ты серьезно ошибаешься. Больше того, ты в опасности.

— Спасибо за заботу, друг мой. Уверю тебя, мои рабыни не представляют для меня никакой опасности. Ты недооцениваешь мою способность, скажем так, хранить мир. — Он улыбнулся, как кошки улыбаются мышам.

Джандер пожал плечами, отказываясь играть в игру, которую пытался навязать ему Страд.

— Как хочешь. Я всего лишь делюсь с тобой собственным опытом, а ты можешь делать с ним что хочешь. Но у меня есть к тебе вопрос. Ты содержишь эту комнату в очень хорошем состоянии. Почему же ты позволил всему остальному замку впасть в запустение?

— Я храню то, что ценю, — просто ответил граф. — Я ценю мои книги. Остальное для меня не так уж много значит. При жизни, Джандер, я был воином и считал, что самое ценное для меня — это хорошее оружие, но со временем я понял, что на самом деле нет ничего ценнее книг, особенно магических. И вообще, к чему мне роскошный дом?

— Красота ценна сама по себе, — ответил Джандер. Страд презрительно скривил губу, но промолчал. — Если ты мне позволишь, — осторожно продолжал эльф, — я хотел бы восстановить часть Замка Равенлофт.

— Ты никого сюда не приведешь, — отрезал Страд. Его шелковый голос стал ледяным. В глубинах глаз замерцал красный свет. Волки у огня заметили перемены в воздухе и вопросительно подняли голову.

— Конечно, нет, — резко ответил Джандер, раздраженный подобной идеей Страда. — Я сам мог бы кое-что здесь сделать. Мне бы этого очень хотелось.

— Я не могу понять, зачем.

Джандер потер рукой подбородок, подбирая слова.

— Я рожден не во тьме. Красота, музыка, природа — в этих понятиях я нахожу великое утешение. Они помогают мне забыть — насколько я *могу* забыть — что я такое. После смерти любовь к красоте не пропадает,

Страд. — Он посмотрел графу прямо в глаз. — Я слышал, как ты играешь на органе. Музыка тебя взволновала. Мы вампиры. Наше существование не... не *правильно*. Это не значит, что красота не может даровать нам мгновенного забвения.

Ценить что-то только потому, что оно красиво, правильно, естественно и в гармонии с миром — этот дар смерть не отнимает. — Голос эльфа стал жестким. — И я не намерен отказываться от подобных маленьких радостей. Я и так влачу достаточно мрачное и одинокое существование.

Страд долго и внимательно смотрел на него. Джандер выдержал его взгляд, не дрогнув. Наконец Страд расхохотался.

— Ну и загадочное же ты существо, Джандер Солнечная Звезда! Ты питаешься кровью и оплакиваешь жизнь, которую забираешь. Ты принадлежишь тьме, но стремишься к красоте. Ты мертв, но не выносишь разложения. Что же ты такое? Ты совершенно не похож на вампира!

— Но как бы то ни было, — сказал Джандер с печалью, но безо всякой жалости к себе, — я ни что иное, как вампир.

Страд снова помолчал.

— Очень хорошо. Возись с замком, сколько хочешь, — сказал он, резко поднимаясь. — Мне надо идти. Если позволишь, я тебя оставляю.

Джандер просидел в кабинете еще несколько часов, дочитав до конца историю древней баровийской армии. Да, хвастовство Страда насчет того, что некогда он был могучим воином, основывалось на фактах. Действительно, благодаря отлично обученной армии, умелому тактическому маневрированию и истовым молитвам местного священника, он около ста лет назад снискал себе славу героя.

В девятую ночь битвы с Балинокских гор явился и бросился в бой наш спаситель. Его звали Страд фон Зарович, и его армия насчитывала тысячи храбрецов. Всю ту длинную ночь сражалась армия фон Заровича. Говорят, что граф был на поле боя повсюду, и что сам он в первый час убил несколько сотен.

Превысший Жрец Баровии, молодой человек по имени Кир, направлял людей в молитвах. Ровно в полночь он ушел в замковую часовню, дабы медитировать и молиться о наставлении. Ему была дарована сила обратить таинственный Священный Символ Воронова Рода против короля гоблинов. Пока граф сражался и вел своих людей к победе, была тайно призвана сила Священного Символа. После этого Превысший Жрец Кир тщательно прятал Священный Символ в тайном месте.

Никто не знает, как выглядит Священный Символ, или где он

спрятан. До этого дня ни один священник не мог ни найти его, ни призвать его силу. Но бесспорно, что его могучая магия помогла нашему благородному Графу Страду достичь заслуженной победы.

Джандер скептически поднял бровь. Все это было похоже на пропаганду. Люди в поселке определенно не считали Страда своим благородным сеньором и спасителем. Вампир осторожно поставил книгу на полку и вернулся к себе в комнату.

То, что он там увидел, ошеломило его.

Наташа лежала навзничь на постели. На белом, как бумага, лице застыло выражение ужаса. Она была мертва.

— Похорони ее сегодня ночью, — прозвучал холодный, ровный голос, — и всего через несколько дней она поднимется. Не правда ли, из нее получится очаровательная маленькая вампирка?

Джандер со злостью обернулся к графу.

— Будь ты проклят за это!

Густые брови Страда поднялись почти к самым волосам.

— Я дал тебе девчонку. Она становилась старше, начинала отцветать. А теперь она останется такой, как сейчас, столько, сколько ты пожелаешь. Ты ведь этого хотел?

Джандер понял, что происходит. Страд бросил ему вызов, провел черту и провоцировал его ее переступить. В голове эльфа снова прозвучал вопрос Страда, полный презрительного сарказма — *Что же ты такое? Ты совершенно не похож на вампира!* По-своему Страд был прав. Джандер взглянул на Наташу, вспомнил ее милый голос, ее мольбы «пожалуйста, не делайте меня таким, как вы». А ведь именно так поступают вампиры — питаются за счет живых существ и создают таких же, как они сами. Джандера окатила волна отвращения к себе.

Он обернулся к Страду с легкой улыбкой, которая, как он знал, выводила графа из себя.

— Конечно, Страд, — любезно сказал он. — Теперь, когда ты сделал ее вампиром, она твоя рабыня, а не моя. Ты ее у меня отобрал. Разве я не вправе сердиться на тебя за это?

Страд нахмурился. Логичным словам Джандера он возразить не мог.

— Ты прав. Извини. — Он встал, не скрывая клыков. — Я найду тебе другую и этим исправлю свою ошибку.

Он поклонился и вышел. Джандер опустился на кровать. Ему было нехорошо. Еще оставалось достаточно времени, чтобы успеть так изуродовать тело Наташи, чтобы она не поднялась как нежить, а затем похоронить ее. Будь проклят Страд, подумал эльф, за ним всегда остается

последнее слово.

За часовой был садик, неухоженный и заросший. Несколько маленьких грустных цветков мужественно сражались с удушающими корнями сорняков. Джандер там и тут узнал разросшиеся розовые кусты. Узкая мощеная дорожка вела через сад к обрыву, с которого открывался захватывающий дух вид на каменистое ущелье в тысячу футов глубиной.

Там, в умирающем саду, Джандер и вырыл с помощью сломанных досок могилу для Наташи. Похоронив ее, он сел у свежей могилы и заметил у левой ноги прелестный крохотный цветок, пурпурно-желтый, не больше ногтя большого пальца. Конечно, сорняк, но красивый. Эльф потянулся к цветку, сорвал его и вдохнул сладкий легкий запах.

И вдруг он улыбнулся. Вот здесь, в саду, он и начнет возвращать в этот мир утерянную красоту. Всего-то и нужно немного заботы и усилий. Держа цветок в руке, Джандер поднялся и критически оглядел растения. Розовые кусты разрослись и запущены, но, похоже, все живы. И надо совсем немного работы, чтобы вернуть сад к жизни. Может быть, всего одна-две ночи.

Джандер подошел к низкой каменной стене, которая окружала дворик и обрывалась вниз. В нескольких сотнях футов внизу клубился густой туман, скрывая от эльфа дно ущелья. Но окруженный туманом поселок к юго-востоку от замка Джандер мог разглядеть.

Завтра он пойдет в поселок. Вдруг ему удастся выудить какие-нибудь сведения у тамошних молчаливых жителей? Или в Валлаки, немного подальше. В конце концов, может, Яна и не в поселке родилась.

Небо на востоке светлело, чернота становилась темно-серой. Меланхолия тяжело опустилась на Джандера, и короткая радость, которую подарил ему сад, ускользнула. Настало время прятаться от возлюбленного солнца.

В нескольких милях от замка дочь бургомистра тоже смотрела на рассветное небо. Опираясь на подоконник, она взглянула на угрожающую тень Замка Равенлофт, потом вздохнула и перевела взгляд на мощный дворик перед окном. Прошло три месяца с тех пор, как Петя рисковал жизнью, чтобы предупредить ее о вампире; три месяца с тех пор, как Анастасия восстала против своего отца и устыдила его же страхом. С той ночи для всех женщин в семье Картовых жизнь стала намного легче.

И все же, мрачно подумала Анастасия, невидяще уставившись на бледный баровийский рассвет, вряд ли кто-нибудь в доме благосклонно примет сообщение о том, что она беременна от цыгана.

* * * * *

Попытки Джандера войти в доверие к баровийцам кончились ничем. Несколько месяцев он по три-четыре раза в неделю появлялся в «Волчьем логове» с полным золотого кошельком, но на него упорно смотрели с подозрением. Джандер забивался в темный угол и молча сидел там, слушая разговоры посетителей. Он надеялся, что таким образом ему удастся хоть что-то узнать.

Вампир действительно услышал многое, но не то, что хотел услышать. Дочь Влада Такого-то таинственно исчезла. Михаил Такой-то услышал волчий вой, проснулся и обнаружил у своих дверей труп получеловека-полуживотного. Ирина на другой стороне поселка родила *нечто*, никто не был уверен, что это; когда крохотное тельце сжигали, оно превратилось в вонючую жижу и испустило ужасную вонь. Говорили, что Ирина сошла с ума, и поднимали бокалы за ее бедного мужа Игоря...

Джандер слушал, и от подобных разговоров его начинало тошнить. Неудивительно, что ему никто не доверяет. Он оставил горсть монет на столе и поднялся. В трактире сразу же настала тишина, и все обернулись к нему. Эльф плотнее закутался в свой серый плащ и поторопился к выходу.

— Мне сказали, что вы время от времени приходите сюда, — прозвучал женский голос. — Я не знала, смогу ли вас застать.

Джандер обернулся и поднял золотистую бровь. У дверей стояла молодая женщина. Черный плащ не скрывал ее округлившегося живота, а на поднятое лицо падал свет из дверей трактира. Опавшие листья кружились у ее ног и уносились прочь с сухим, скрипящим шелестом. На почтительном расстоянии терпеливо ждали двое слуг — мужчина и женщина. Джандер быстро закрыл дверь, чтобы посетители трактира не стали свидетелями их встречи.

— Анастасия, не так ли?

— Да, это я. — Она заметила, что он смотрит на ее слуг. — Не обращайтесь на них внимания. Это всего лишь моя служанка и лакей моего отца. Я хотела рассказать вам о... ну... — Дочь бургомистра посмотрела на свой выступающий живот и смущенно улыбнулась. — Это ребенок Пети. Я его сохранила. Я не... Он не знает.

Джандер молчал.

— Папа теперь уже не такой кошмар, как раньше. Ваши волки об этом позаботились. — Она засмеялась, и эльф тоже улыбнулся. — Я подумывала отдать младенца цыганам, но я знаю, что они его не возьмут. Кроме того, это для меня будет память о Пете. Вы понимаете? Я несу

ерунду, я знаю, но... — она замолчала и посмотрела на эльфа очень серьезными глазами, обведенными темными кругами. — Вы очень много сделали для меня и для Пети, больше, чем вы думаете. Этот малыш... — она нежно погладила свой живот — для меня нечто вроде символа вашей доброты. Я ему все расскажу о вас, и мое дитя всегда будет вашим другом, так же как и мы с Петей. — Она посмотрела ему в глаза, ища ответа.

Джандер был тронут.

— Дорогая моя, — сказал он ласковым голосом, в котором звучало восхищенное удивление, — вы оказываете мне честь своими словами. И я действительно надеюсь, что у вас и вашего ребенка все будет хорошо.

Анастасия облегченно улыбнулась ему.

— Вот, — сказала она вдруг, — он пинается, как сумасшедший. Хотите потрогать?

Вампир хотел было поблагодарить и уйти, но понял, что отказаться от прикосновения к такой крохотной новой жизни превыше его сил. Он осторожно протянул руку к животу девушки. Она взяла его руку в свою и провела ею по своему животу.

— Вот! — торжествующе воскликнула она, глядя на эльфа. Джандер почувствовал, как под его рукой двигается крохотное существо, и его глаза расширились. Он быстро отдернул руку, сжал ее в кулак и прижал к сердцу.

— Мне пора идти, — торопливо сказал он, не глядя Анастасии в глаза. — Прошу извинить меня. — Запахнувшись в плащ, он быстро пересек площадь и ушел по дороге, ведущей к Замку Равенлофт.

Анастасия смотрела ему вслед. Луна вышла из-за облака, заливая площадь своим молочным светом. Девушка тихонько ахнула, потом покачала головой, удивленная собственной безрассудной смелостью. Петя был прав насчет эльфа — Джандер не отбрасывал тени. Она инстинктивно сложила руки над своим нерожденным ребенком.

— Малыш, — тихо сказала она, — ты, должно быть, будешь единственным ребенком в Баровии, чья дружба была обещана вампиру.

Отойдя подальше от поселка, Джандер обернулся мерцающим туманом, из которого возник волк с золотистой шкурой и серебряными глазами. Он помчался через прохладный Сваличский лес, сосредоточившись на том, как отталкиваются от земли лапы, и как играют под лохматой шкурой тугие мускулы. Джандер надеялся, что утомление от бега позволит ему забыть, как сильно он хочет вернуться к жизни.

Глава одиннадцатая

После тревожной встречи с Анастасией сад стал для Джандера утешением. Однажды ночью, почти десять лет спустя после разговора с беременной женщиной, он делал осеннюю обрезку розовых кустов. Сад уже уснул зимним сном, но Джандер чувствовал, что растения живы. Придет весна, и сад снова будет полон душистых цветов. Джандер выпрямился, смахнул грязь с ладоней и посмотрел на небо. Уже почти рассвело.

Накануне Джандер читал книгу по реставрации мебели и оставил ее в кабинете. Придя за ней, он чуть не столкнулся со Страдом, вышедшим из тайной комнаты.

— Джандер! Ты вроде бы сегодня вечером собирался пойти в поселок, — сказал Страд, сразу же опомнившись. В левой руке у него была большая книга, в правой — факел. Он быстро засунул книгу под мышку и освободившейся рукой захлопнул за собой дверь, не давая Джандеру заглянуть в комнату.

— Я там был. Уже почти рассвело. Ты потерял счет времени.

— Похоже, что да. Ну что ж, мне надо успеть вернуться в гроб, прежде чем встанет солнце. — Он развернулся, вставил факел в держатель и начал шептать заклинание, магически запирающее дверь.

— Там есть книги? — спросил Джандер. — Я бы хотел посмотреть, нет ли в них записей, которые могли бы...

Страд напрягся и медленно обернулся.

— Ты *никогда*, — ровно сказал он, — *никогда* не должен больше просить меня об этом. Понимаешь? Это мой замок, и если я считаю нужным что-то прятать от чужих глаз, это мое дело. У меня есть на это причины, и ты *никогда* не должен о них спрашивать! — Он прижал книгу к груди. — Оставь меня!

В первый раз на Джандера обрушился пылающий гнев графа, и эльф должным образом устыдился. Он вежливо кивнул и ушел к себе в ком-

наты. Страд произнес резкое, гортанное слово, и дверь кабинета захлопнулась за эльфом.

Джандер вернулся в комнату, в которой умерла Наташа. С тех пор он заколотил окно и замазал щели смолой, чтобы ему было там удобно спать днем. Джандер устал и хотел прилечь на новый матрас, который по его просьбе Страд приказал доставить из поселка. Но голод был сильнее усталости. Эльф неохотно вышел из уютной комнаты и направился в застенок, который служил Страду кладовой.

* * * * *

— Ты уже узнал, кто я, Джандер Солнечная звезда? — прозвучал лукавый голос Яны. Джандер-во-сне сделал вид, что спит, Яна наклонилась над ним, а он схватил ее и повалил на кровать рядом с собой. Рассмеявшись, она сначала сделала вид, что пытается оттолкнуть Джандера, потом крепко обняла его. Эльф покрыл поцелуями ее милое лицо.

— Ах ты, лисичка. Нет, *не узнал*, — ответил он. — Такое впечатление, что тебя тут никогда не было. Здесь нет сумасшедших домов, ни в поселке, ни в Валлаки. Баровийцы держат сумасшедших дома взаперти или отпускают бродить на воле. Или они умирают, — добавил он, грустно глядя на нее, — и в Баровии для них это наилучший выход.

— Возможно, — сказала Яна, маленькой рукой глядя Джандера по груди, — я жила не в сумасшедшем доме.

Он изумленно уставился на нее, чувствуя себя идиотом. Ну конечно.

— Ты жила в поселке? Ты была замужем? Яна, кто твои родные? Что...

— Джандер, друг мой, ты мучаешь себя! — раздался холодный мягкий голос, определенно не принадлежавший Яне. Джандер открыл глаза и обнаружил, что прижимает к груди подушку. — Может быть, тебе стоит поменять комнату, если тут тебе снятся такие кошмары? — добавил Страд, глядя на эльфа.

Джандер молча сел и потер глаза тыльной стороной ладони.

— Добрый вечер, Страд, — прошептал он.

Граф подтянул к себе стул и со взмахом плаща уселся.

— У меня есть подарок для моего друга.

Вошла угрюмая рабыня с ящичком красного дерева в руках, размером фут на полтора и примерно четырех дюймов в глубину. Страд взял ящичек и открыл его. Джандер вытаращил глаза.

Внутри на бархатной обивке лежали инструменты мастерового. Маленькие бутылочки с сухими красками, удобные для смешивания; резцы трех размеров, все с посеребренными остриями, для резьбы или гравировки; набор молоточков и стамесок.

— Это только чтобы у тебя аппетит разгорелся. Пожалуйста, говори мне, что еще тебе может понадобиться для работы, и я все для тебя раздобуду.

— Это инструменты мастера, Страд, — искренне сказал Джандер. — Спасибо. Я сегодня же начну с ними работать.

— Я бы хотел... кое-куда пригласить тебя этим вечером. Если, конечно, ты согласишься пойти со мной.

* * * * *

— Узрите восшествие Повелителя Зари!

Мартин Пелкар, в последние десять лет более известный нетерпеливым баровийцам как Безумный Брат Мартин, стоял на деревянном помосте, им же и сколоченном, и обращался ко всем, кто его слышал. Высокий, тощий, со светлыми кудрявыми волосами и светло-голубыми, довольно сумасшедшими глазами, самозванный жрец божества, которое он называл Латандером Повелителем Зари, протянул руки к небу. Он смотрел на восток, где солнце медленно поднималось над горизонтом.

— И так каждое утро, — пробормотал пекарь Влад Растольников, занятый замесом последней утренней партии хлебов. Грузный мужчина принялся колотить скалкой по тесту, срывая раздражение. — Чего бы проще заткнуться, а? Так нет, бродит повсюду и мешает добрым людям. — Остальное бормотание исчезло в его кустистой черной бороде.

Почти всю маленькую пекарню занимала большая печь. Горело несколько свечей — света от печного пламени для работы не хватало. В пекарне стоял длинный стол, на котором Растольников месил тесто, и глубокий шкаф для тазов и кастрюль. Когда хлебы испекутся, Коля, ученик Растольникова, понесет их продавать на рыночную площадь.

Коля, толстый мальчик, слишком любивший плоды трудов своего хозяина, появился за плечом Растольникова.

— Их уже можно ставить в печь, господин? — спросил он.

Растольников замер. Белая мука покрывала его руки до локтей. Густые черные брови сошлись над такими же черными глазами.

— Как ты думаешь, что я сейчас делаю? — Испуганный Коля отскочил назад. — А, пойди погуляй, Коля, проветришь немного. А то тебе жар мозги затуманил.

— Спасибо, хозяин, — ответил Коля и помчался на площадь. Утренняя прохлада пробрала его до дрожи, и он досадовал, что не взял с собой плащ. В пекарне-то было жарко, а на улице — холодно и влажно.

— Не забудь вернуться, когда эти хлебы испекутся! — проревел хозяин ему вслед. Коля мчался по Рыночной Улице к старой церкви. У него

за спиной Мартин в золотисто-розовых одеждах на фоне серого неба все твердил свои утренние молитвы:

— Благодарим тебя, Повелитель Зари, за этот чудесный рассвет и за великолепие твоего нового дня...

— Давно пора.

Коля вздрогнул, но, узнав Сашу Петровича, внука бургомистра, с облегчением закрыл глаза. Саша стоял, прислонившись к стене заброшенного дома, и лукаво ухмылялся. Он был одет в простую хлопковую рубашку и коричневые штаны, на плечи накинул плащ. У ног мальчика лежал большой пустой мешок.

— Я уж думал, ты никогда не вырвешься от старого Крысюка.

— Саша, ты же знаешь, мне не нравится, когда ты так называешь моего учителя, — вяло возразил Коля. — Вот, — он протянул приятелю половину свежеевыпеченной буханки.

Мальчик охотно взял предложенный хлеб смуглой рукой и с удовольствием вдохнул приятный дрожжевой запах, затем откусил. — У Крысюка и правда отличный хлеб, — признал он с полным ртом.

— Нам надо спешить, — поторопил его Коля. — Мартин уже на площади.

— Я знаю, но он такой же болтун, как мой дедуля. Особенно когда нет дождя. У нас полно времени. — Они дошли до конца Рыночной Улицы и остановились перед церковью.

Это была старая бревенчатая постройка. Она уже разваливалась, когда Мартин забрал ее для своего бога, Латандера. Молодой священник потихоньку восстанавливал здание: укрепил дверной косяк, очистил окна от паутины и вставил в них новые стекла, вымел коридоры и починил черепичную кровлю на островерхой крыше, так что новые яркие плитки на фоне потускневших старых напоминали красные шляпки грибов, усеявшие коричневую лесную землю. Все эти перемены немного напугали даже маленького дерзкого Сашу. Старая церковь снова была освящена.

— Я не могу *поверить*, что позволил тебе уговорить меня обокрасть церковь, — протонал Коля.

— Мы не крадем, мы просто... заимствуем. — Саша, отбросив недолгие колебания, потянул на себя створки входных дверей, и они медленно, со скрипом отворились. Мальчики заморгали, привыкая к полумраку. В церкви имелся маленький центральный неф, с обеих сторон обрамленный рядами скамей. В воздухе плавала пыль, но алтарь в дальнем конце помещения содержался в безупречном порядке. Саша и Коля увидели на алтаре небольшую горку розовых деревянных кружков и несколько

простых, но отполированных подсвечников с полусгоревшими восковыми свечами. Рядом с алтарем на каменной подставке стоял большой таз. Вода мерцала в лучах солнца, пробравшихся через какую-то щель.

— Ну, вот мы и здесь, — торжествующе усмехнулся Саша и подбежал к алтарю, причем двигался он удивительно бесшумно для поселкового жителя, к тому же обутого в ботинки. — Ну, давай же, Коля! — Вторым мальчик нерешительно последовал за приятелем, и Саша вручил ему несколько маленьких бутылочек. — Наполни их святой водой, а я возьму кружки.

— Саша, я знаю, у нас точно из-за этого будут проблемы, — пробормотал Коля, опуская бутылочку в таз. На мерцающей поверхности воды появились пузыри.

— Коля, это ты боишься темноты.

— Я не боюсь!

— Боишься. Это ты говорил, «Ах, Саша, я *боюсь* идти туда безо всякой защиты!» И вот мы добываем тебе кое-какую защиту от ночных существ. Так что заткнись, ладно? Ой-ей, какой трус! Трусливый Коля, вот как я буду тебя теперь называть. — С отвращением на физиономии Саша сгреб все розовые кружки к себе в мешок, а для ровного счета прихватил и подсвечники. — Я могу раздобыть несколько фонарей и одеяла. А ты принеси зеркала и чеснок, хорошо? — Коля не ответил. — *Хорошо?*

Коля не слушал. Он с ужасом смотрел в одно из отверстий в витражном окне.

— Саша, он идет!

Темноволосый мальчик схватил одной рукой свой мешок, а второй — воротник приятеля, и кроликом метнулся к выходу. Коля споткнулся, но удержался на ногах, и двое воришек бросились бежать по нефу. Не останавливаясь, Саша с разбегу врезался в тяжелые деревянные двери, и они распахнулись, ударив Брата Мартина прямо в грудь и опрокинув его на землю. Коля и Саша тоже упали, но тут же вскочили на ноги и помчались прочь со всей скоростью, на какую только были способны.

Молодой священник, задышавшись, навзничь лежал на ступеньках. Отдышавшись, он с гримасой боли поднялся на ноги, открыл двери и увидел, что на алтаре ничего нет. Сначала Мартин пришел в ужас, но потом у него на губах появилась улыбка.

Немного чокнутому священнику не всегда были ясны поступки его бога. Но Мартин знал точно: если мальчишкам так понадобились священные предметы, что они решились обокрасть церковь, значит, этим

детям действительно нужна защита его бога — так пусть они ее получат. Мартин на собственном опыте знал, с чем можно встретиться в баровийской ночи.

Отбежав на безопасное расстояние, Саша и Коля свалились на землю у большого дуба. Саша истерически расхохотался, и от его веселых криков даже перепуганный Коля в конце концов развеселился.

— Ну и отличие, — сказал, отсмеявшись, Саша. Одной рукой он еще держался за живот, а второй вытирал слезы с лица. — Тебе пора возвращаться к Крысюку. Встретимся около дома портнихи на закате. Будет ужасно весело! — Коля совсем не был уверен, что будет весело, но все-таки кивнул.

День прошел как обычно. Коля все-таки опоздал в пекарню и получил короткую мучнистую взбучку от своего учителя. Саша Петрович прогулял уроки и вечером попытался тайком пробраться домой, но оказалось, что на лестничной площадке сидит мать и ждет его. Она устало и печально посмотрела на сына и спросила:

— Почему ты прогуливаешь занятия, Алексей Петрович?

Саша пожал плечами.

— Не знаю.

— Тебе не нравится учиться? Ты не хочешь стать умнее?

— Только не летом. — Он посмотрел на нее снизу вверх угольно-черными глазами. Анастасия невольно рассмеялась.

— Иди, посиди со мной, — позвала она. Саша послушно поднялся по лестнице и прижался к матери. Она обняла его.

— Саша, я рассказывала тебе о твоём отце и о том, почему мне так важно, чтобы ты вел себя как следует. Для нас неважно, что ты наполовину цыган, но в поселке есть ограниченные люди, для которых это имеет значение. Тебе нужно получить образование, чтобы тебя приняли в поселке, когда меня не станет.

Саша заерзал. Он терпеть не мог, когда у матери было мрачное настроение, а когда она говорила, что когда-нибудь ее не станет, у Саши каждый раз комок подкатывал к горлу.

— Ты меня отпустишь вечером к Коле?

Анастасия погладила его по шелковистым волосам и выглянула в окно.

— Не знаю. Уже темнеет. Иди собирайся, а там посмотрим.

Сашина мать и не думала, что ее сын умеет так быстро двигаться. Саша пулей взлетел по лестнице и собрал все необходимое для «ночного путешествия». У него уже была своя комната — пусть совсем маленькая,

но отдельная. Там у окошка стояла небольшая кровать, а рядом — сундук для одежды и игрушек. Десятилетний мальчик принялся рыться в нем, отыскивая свой мешок. Его тетя Людмила — стройная юная красавица, которой только что исполнилось двадцать, заглянула в комнату и чуть не застучала племянника с горстью розовых деревянных кружков.

— Лучше поспеши, крольчонок, — с усмешкой поддразнила она его.

— Не называй меня так!

— Уже поздно, крольчонок, — продолжала Людмила, не обращая на него внимания. — Ночью на охоту выходят волки. Рррр! — Саша показал ей язык, она рассмеялась и ушла в комнату, которую делила с Анастасией.

Слетев вниз, Саша обнаружил, что мать стоит у открытой двери и тревожно вглядывается в небо.

Стояли великолепные летние сумерки. В безоблачном небе сражались за владычество оранжевый и пурпурный, над горизонтом уже виднелся призрачный диск луны. Птицы пели друг другу песни, готовясь ко сну.

В любом другом месте на поросших травой холмах сидели бы влюбленные пары и с восторгом любовались бы этим зрелищем. Но измученным жителям Баровии было не до закатной красоты. Для них она означала всего лишь несколько последних безопасных минут перед наступлением чудовищной ночи.

— Может быть, тебе не стоит сегодня ходить к Коле? — прошептала Анастасия.

— Мама, ты обещала!

— Я знаю, но Калиновы живут на той стороне поселка, а сейчас уже почти стемнело.

— Я быстро! — заверил Саша мать. — Если я выйду сейчас, я еще десять раз успею дойти туда до темноты!

Анастасия неуверенно помолчала, помня, что истекают последние минуты перед темнотой.

— Ну хорошо. Возьми вот это. — Она сняла с шеи подвеску и надела на Сашу. Мальчик досадливо закатил глаза — он считал, что мать его уж слишком оберегает, и это его раздражало.

Саша никогда в жизни не видел ни оборотня, ни вампира — даже того, который спас его родителей. Может быть, сегодня ночью им с Колей встретится этот таинственный золотоволосый эльф-вампира? Мальчик даже не взглянул на подвеску. Он и так знал, как она выглядит — простой серебряный диск с выгравированными знаками защиты.

— Теперь поторопись, — велела ему Анастасия, целуя его в лоб и под-

талкивая мягким толчком пониже спины. Саша побежал прочь, радуясь свободе.

Анастасия печально и тревожно смотрела ему вслед.

— Ох, Петя, он так похож на тебя, — беззвучно прошептала дочь бургомистра, прочла быструю молитву за своего упрямого сына, закрыла тяжелую деревянную дверь и заперла ее на засов.

Коля, как и обещал, поджидал приятеля у дома портнихи. На его круглой физиономии царило выражение уныния.

— Я боялся, что ты не придешь, — приветствовал его Саша. Коля только мрачно посмотрел на внука бургомистра и последовал за ним по заросшей тропе, которая вела через лес к каменному кругу на холме. По дороге Коля несколько раз споткнулся об корни. Когда совсем стемнело, Саша остановился и зажег фонарь.

В этом самом каменном круге когда-то провели часок наедине родители Саши, так что он много значил для мальчика. Кроме того, ходили слухи, что когда-то, сотни лет назад, здесь творилась мощная добрая магия.

Саша положил по розовому деревянному кружку на каждый камень, а оставшиеся кружки сложил на большой плоский камень в середине. Коля зажег фонари и свечи, и мальчики закутались в принесенные с собой одеяла.

Натягивая одеяло до самого носа, Коля посмотрел на грозные тени, таившиеся совсем рядом, там, где кончалось мерцание дымных масляных фонарей. Плетенка чеснока, надетая на шею, пахла так, что его начало тошнить.

— Я хочу домой, Саша, — простонал Коля.

Саша бросил на него испепеляющий взгляд.

— Слушай, мы в полной безопасности. Это место зачаровано, и у нас с собой все, что нужно для защиты.

Внезапно раздался резкий звук. Коля завизжал, метнулся к кучке освященных амулетов и выставил зеркало навстречу звуку.

— Идиот, — с отвращением сказал Саша, — ты только что отразил атаку призрачного кролика. Поздравляю.

И действительно, Коля увидел, как в темноте исчезает белый кроличий хвост. От стыда кровь бросилась ему в лицо.

Саша не обращал внимания на Колины страдания. Он открыл принесенную с собой книгу и принялся ее просматривать.

— Ага, вот, — торжествующе сказал Саша, лег на правый бок, положив раскрытую книгу рядом с собой, и тщательно установил лампу.

Грозно ухнула сова. Саша усмехнулся и принялся читать самым глубоким и грозным голосом, каким только может говорить десятилетний ребенок.

«Давным-давно, много лун назад, в деревне Валлаки, жил мальчик по имени Павел Иванович. Он был не простым мальчиком. Он был наследником Солнца, и его предназначением было изгнать Тьму. Его отец дал ему кусочек солнца, но его украли из колыбели Павла. Тьма спрятала его далеко, очень далеко, но когда Павел вырос и стал мужчиной, он понял, что ему нужно вернуть себе кусочек солнца. Чтобы это сделать, он вошел в земли Тьмы.

Так он шел, один, по черному пастбищу, где паслись кошмары и текла река Забвения, и встретил первого Стража Тьмы. То был высокий, бледный человек с острыми зубами и когтями. «Стой! — сказал Носферату, ибо Павел знал, что это был он. — Стой, чтобы я мог выпить твою кровь и жить за счет твоей смерти.» Но Павел сказал Носферату: «Ты не можешь остановить меня, ибо я — наследник Солнца, и я покажу тебе твое зло.» Павел поднял зеркало. Когда Носферату увидел, как зол он на самом деле, он взревел от боли и растаял, как туманы под лучами утреннего солнца...»

Коля обнял руками колени и попытался не слушать страшную сказку. Он был уверен, что этой ночью он не сомкнет глаз. Коля не мог избавиться от мысли, что за ними кто-то наблюдает, хотя, возможно, ему это только казалось.

За кругом камней Граф Страд фон Зарович засмеялся и скрылся в тени.

— Может быть, стоило бы напасть на них только ради того, чтобы увидеть их лица, — сказал он Джандеру. — Но они такие маленькие, что только разожгут наш аппетит.

Джандер подумал, что в этом утверждении содержится изрядная доля бравады. Страд не мог не чувствовать, какая мощная магия сосредоточена здесь. Огромные серые камни защищали двух глупых мальчишек не хуже крепкой стены. И тем не менее эта земля принадлежала графу. Эльф встревоженно оглянулся на рабынь. Они молча стояли за спиной своего хозяина — три вампирки, при жизни — красавицы, а теперь — послушные безвольные кровопийцы.

Страду нравился определенный тип женской внешности, и эти трое служили его типичными примерами: выше среднего роста, с рыжеватокаштановыми волосами и темными глазами, стройные, в отличие от большинства баровийских женщин, плотных и коренастых. Они настолько были похожи на Яну, что каждый раз, видя рабынь Страда, Джандер

вспоминал о своей любимой. Это было мучительно.

Страд оглянулся на Джандера.

— Ты доволен?

Джандер пожал плечами.

— Как ты и сказал, их крови нам всем не хватит. И, — добавил он, — ты наверняка чувствуешь, как хорошо они защищены. Я не думаю, что эти щенки стоят наших усилий.

Страд посмотрел Джандеру в глаза и кивнул.

— Идемте, — сказал повелитель Баровии, — я знаю, где нас ждет пир. — Он небрежно погладил по щеке ближайшую рабыню. — Ты голодна, любовь моя?

Рабыня оскалилась и кивнула, ее глаза вспыхнули. Джандер тоже был очень голоден. Проклятая жажда жгла его изнутри, словно лихорадка, и требовала утоления. Одного запаха этих детей хватало, чтобы заставить его истекать слюной. Интересно, подумал он, куда нас ведет Страд. Поблизости оказалась компания авантюристов или какая-то армия?

— Тогда давайте поедим. В волчий облик, мои красавицы, и пойдете в деревню.

Вампирки послушно обернулись гладкими бурыми волчицами. Их хозяин, как всегда колоритный, тоже превратился в волка — чудовищную черную тварь. Джандер в волчьем облике опустил на четвереньки. С поднятыми хвостами и прижатыми ушами стая помчалась по тропе вслед за Страдом и направилась в ничего не подозревающий поселок Баровия.

Они тихонько проскользнули мимо «Волчьего Логова», и Джандер заметил, что над дверью теперь висит плетенка чеснока. Ему еще ни разу не удавалось раздобыть жертву в поселке, но он не терял надежды и считал гостиницу наиболее подходящим местом. Джандер мысленно выругался. Надо будет почаще навещаться в Валлаки; тамошние жители менее осторожны, чем баровийцы.

Страд и волчицы бесшумно, как тени, пересекли площадь. Эльф последовал за ними. Они свернули на Бургомистерский Проспект, где жили самые богатые жители поселка. Предчувствие кольнуло Джандера. Что-то было не так. Движения Страда были полны сдержанного энтузиазма, который эльфу почему-то очень не понравился.

Джандер с изумлением увидел, что они остановились у дома бургомистра. Эльф встревожился: ведь он когда-то обещал Анастасии, что никогда не причинит ей вреда. Черный волк остановился, выгнув спину и вернулся в человеческий облик. Страд жестом велел остальным сделать то же самое. Как только Джандер обрел речь, он шепотом спросил у

Страда:

— Что за игру ты ведешь?

Намеренно не обращая внимания на неуважительный тон Джандера, Страд спокойно ответил:

— Картов меня обманывал. Он собирал огромные налоги с крестьян, прикрываясь моим именем, а я не получил и медной монетки.

От холода в голосе Страда сердце Джандера упало.

— Что вам деньги, Ваша Светлость? — спросил он, пытаясь предотвратить беду.

— Дело не в деньгах, а в том, что этот наглый смертный пытался меня обмануть. — В давящей темноте, окружившей Джандера, отчетливо был виден алый огонь в глазах Страда. — Я намерен его проучить. — Граф шагнул к двери и обернулся. — Я думал, — по-дружески сказал он, — что ты голоден.

Разум Джандера метался в поисках выхода.

— Тебя не впустят посреди ночи.

Страд улыбнулся.

— Мне не нужно их разрешение. Разве ты не помнишь?

Да, Джандер помнил. Когда он в первый раз заглянул в глубину Страдова гнева, граф крикнул: *Я и есть эта земля!.. Каждый дом — мой дом.*

Ну не убьет же Страд семью бургомистра в их же собственном доме, с отчаянием подумал эльф. Нельзя же просто опустошать поселок ради потехи. Само существование Страда и его слуг требовало сохранения тайны. Граф это понимает. Должен понимать, сказал себе Джандер.

Страд тихонько запел. Джандер вздрогнул — даже жажда крови не притушила его отвращения к магии. Дверь неярко засветилась.

— Она защищена, — сказал Джандер. Страд бросил на него взгляд, полный откровенного презрения.

— Что такое простенькое заклинание для повелителя этой земли? — ответил он, и в его глубоком голосе звучала усмешка. Страд опять запел, и голубое сияние исчезло. Тело графа расплылось прозрачным туманом, просочившимся под дверь. Эльф услышал, как отодвигается засов, затем дверь распахнулась.

— Входите, — велел Страд, иронически улыбаясь. Трое рабынь бросились в дом. Джандер нерешительно последовал за ними.

— А теперь, — сказал Страд вампиркам, — вы помните, что я вам говорил? — Вампирки кивнули. У них на лицах не было никакого выражения, только голод в пустых глазах. — Отлично. Можете высосать

любого, кто вам понравится.

Они похожи на собак, берущих след, подумал Джандер, глядя, как красивая нежить нюхает воздух. Но и он был возбужден запахом множества людей. Две вампирки помчались в комнаты слуг на первом этаже. Третья беззвучно побежала вверх по широкой лестнице, Джандер и Страд последовали за ней. Наверху эльф метнулся в первую попавшуюся спальню, а Страд пронесся по коридору дальше. В комнате стояла маленькая кровать и еще кое-какая мебель, но никого не было.

Следующая спальня оказалась большой и хорошо обставленной, с двумя кроватями и красивым резным столом посередине. В одной из кроватей спокойно спала девушка лет двадцати.

На мгновение Джандеру показалось, что это Анастасия. Он подошел поближе и посмотрел ей в лицо. Девушка ровно дышала во сне, длинные черные ресницы лежали на разрумившихся во сне щеках. Нет, она не была Анастасией, но очень походила на нее. Должно быть, подумал Джандер, это ее сестра. Он сел рядом с девушкой на кровать. Ласково, как любовник, он положил золотистую руку на ее темные волосы и легким укусом, нежным, как поцелуй, надрезал ей горло. Выступила капля крови, и Джандер с наслаждением слизнул ее. Он прижал губы к ране, взял девушку на руки и начал пить. Несмотря на голод, Джандер не торопился; она не проснется, спешить некуда. Несколько долгих минут спустя, насытившись, он уложил девушку обратно на постель.

Только выйдя в коридор и тихонько прикрыв за собой дверь, Джандер почувствовал жаркий запах пролитой крови.

Глава двенадцатая

Крик боли и страха разорвал воздух. Быстрее мысли Джандер помчался на запах и распахнул дверь в главную спальню в дальнем конце коридора.

— Страд!

Одна из вампирок склонилась над распростертым на полу пожилым человеком. Джандер узнал бургомистра Картова. У него на шее алела широкая рана, как будто вампирка полоснула его кинжалом. Кровь, не попавшая в желудок красивой хищницы, забрызгала ее лицо и медленно впитывалась в богатый синий с золотом ковер. На кровати навзничь лежала жена бургомистра, тоже мертвая, с неестественно вывернутыми руками и ногами.

Страд держал в железных объятиях молодую женщину. Он пил не спеша — должно быть, уже успел утолить первую жажду. Его жертва, призрачно-бледная и обессиленная, была еще жива. Услышав, что кто-то распахнул дверь, она запрокинула голову и увидела Джандера. Эльф ее узнал.

— Анастасия! — крикнул Джандер.

— Ты обещал, — прошептала она дрожащим голосом.

Джандер прыгнул к Страду с бешенством, ошеломившим графа. Несмотря на то, что Страд был крепче и сильнее Джандера, эльф сбил его с ног и вырвал у него из рук умирающую Анастасию. Почувствовав внезапную вспышку хозяйского изумления и гнева, три рабыни немедленно набросились на Джандера. Но эльф был очень старым вампиром, сила его воли не уступала Страдовой, опыта у него было куда больше, и сам он тоже был охвачен ужасом и гневом. Он отшвырнул рабынь, как волк отшвыривает нападающих лисиц, и, с ненавистью глядя на Страда, поднял Анастасию на руки.

Граф медленно, с достоинством поднялся и пригладил растрепавшиеся волосы. В его глазах пылало алое пламя.

— Как ты смеешь вставать между мной и моей добычей?

— Где ты видишь добычу? Это резня!

— Подумаешь, люди. Какое мне до них дело? Ты мягкосердечен, Джандер, и это приведет тебя к гибели! — Гнев обернулся зловещей усмешкой. — Разве что, конечно, ты ее сам хотел. — Он улыбнулся окровавленными губами, не скрывая длинных и острых клыков.

Джандер не сводил глаз со Страда. Анастасия вздрогнула в последний раз и обвисла у него на руках. Заставив себя скрыть горе и ужас, эльф посмотрел на Страда так же холодно и высокомерно, как граф смотрел на него.

— Нет, Страд, это ты флиртуешь со смертью, — сказал он. — Тебе нравится держать этих людей в страхе, но тебе ох как не по нраву придется их гнев. Мы уязвимы — и ты куда больше, чем я. Я могу управлять своим сном, а ты — нет. — Эльф злобно, чудовищно рассмеялся и положил бледное тело Анастасии к ногам Страда.

— Тебе, Страд, хватит одного крестьянина с колом — и все. Ты будешь таким же трупом, как этот — нет, хуже, ты ведь даже рабом не поднимешься! Не забудь об этом утром, когда будешь ложиться в свой гроб.

Страд гневно прищурился, но язык придержал. Джандер видел, что граф его внимательно слушает.

— Ты когда-нибудь видел разъяренную толпу? — горько продолжал эльф. — А я видел, причем и с той, и с другой стороны. Это страшно. Можно сколько угодно терроризировать людей по отдельности, но если ты зайдешь слишком далеко, они придут вместе и уничтожат тебя, и ты ничего не сможешь с ними сделать.

Вампирка, стоявшая рядом со Страдом, с рычанием замахнулась на Джандера когтистой рукой. Граф остановил ее одним движением пальца.

— Оставь его в покое.

Джандер смотрел на Страда в упор.

— Я видел, как это бывает. У меня на родине однажды целый город оказался под властью вампиров. Они возгордились и решили устроить в городе массовую резню — для развлечения и устрашения, как и ты. Так вот, жители города объединились и уничтожили их, и с тех пор ни один вампир не может войти в тот город. Жители того города категорически не принимают чужаков — совсем как в Баровии. Ради своей собственной шеи, граф, постарайся быть хоть немного осторожнее. Далеко не все в этой заброшенной адовой дыре идиоты.

К изумлению Джандера, красный свет в глазах Страда поблек, и на

его покрасневшем лице появилось задумчивое выражение.

— Джандер Солнечная Звезда, — медленно сказал он, — ты прав... в какой-то мере. Это моя земля. Здесь я делаю, что пожелаю, и сегодня ночью я пожелал, чтобы черный зверь ужаса и паники посмотрел в глаза Картовым. — Он улыбнулся ледяной улыбкой. — Я это сделал. И теперь я готов тебя выслушать. Как, по твоему, нам следует, скажем так, «замести следы»?

Эльф не знал, что сказать. Страд мастерски насадил его аргументы на острие. Граф послушался Джандера, ни от чего не отступившись. Страд улыбнулся, словно прочитал мысли эльфа.

— Ну, в первую очередь нужно уничтожить тела. — Джандер взглянул на ближайшую вампирку. — У тебя и так уже слишком много рабов. — Наверно, подумал он, граф начнет возражать, но Страд задумчиво кивнул.

— Отнесите их всех вниз, — велел он вампиркам. Каждая из них молча подняла по телу и понесла по коридору к лестнице. — А что нам нужно сделать потом?

— Сжечь дом. Пусть думают, что это был несчастный случай. Если мы уничтожим все улики, никто ничего не заподозрит. — Джандер собирался остаться в доме до последнего и вынести из пожара молодую женщину, из которой он пил кровь.

Могучие вампирки легко разломали мебель в главном зале, сложили обломки в середине и свалили на них в кучу все тела. Джандер не мог смотреть на это зрелище: оно вызывало у него воспоминания многовековой давности. Страд осторожно зажег факел от огня, еще горевшего в камине, и положил его на погребальный костер. Сначала факел только мрачно дымил, затем дерево занялось и вспыхнуло. К потолку поднялся черный маслянистый дым. Джандер незаметно подобрался к лестнице.

Вдруг с улицы раздался громкий вопль, немедленно подхваченный другими.

— Пожар! Пожар в доме бургомистра!

Страд выругался, расплылся туманом и просочился наружу через одно из открытых окон.

Джандер задержался было, бросив встревоженный взгляд на лестницу, и с отвращением заметил, что наступил в лужу крови и оставляет на ступеньках алые отпечатки. Стук в дверь заставил его передумать. Спасатели-пожарные найдут девушку наверху. К сожалению, они также найдут и тела.

В дверь заколотили еще громче. Дверь затрещала. В последней по-

пытке замести следы Джандер схватил пылающий кусок дерева и поджег занавеси. Ткань немедленно охватил огонь. Джандер швырнул пылающую деревяшку обратно на гору трупов, превратился в летучую мышь и, уворачиваясь от пылающих занавесок, вылетел наружу в тот самый момент, когда дверь треснула и распахнулась.

Он летел в ласковой влажной ночи, горько обдумывая происшедшее. Страд ненавидел то, что считал слабостью. Джандер знал, что этот жуткий спектакль был устроен для него.

Он почувствовал, что из глаз вот-вот потекут кровавые слезы, и попытался не вспоминать о том кошмаре, который произошел в Долине Радости много веков назад. Конечно, память вернулась.

* * *

Компания героев, называвшая себя Серебряной Шестеркой, успешно справилась с красным драконом Долин. Город Долина Радости достойно отблагодарил освободителей — в гостинице «Лебединая Песня» с них ничего не брали за постой. Джандер и его друзья — Гидеон из Уотердипа, Трампер Подхолмник, Лирия Прекрасная, Келлиан Серое Облако и Алинора Малина — были в восторге от оказанного им приема. Когда Джандер предложил воспользоваться случаем и отдохнуть в гостеприимной долине, прежде чем отправиться навстречу новым приключениям, никто не возражал.

Прошло три дня. За это время воришка-полурослик Трампер успел попасться на горячем, но сумел отболтаться. Золотоволосая Лирия получила два предложения руки и сердца, а более легкомысленные предложения сыпались на нее в таких количествах, что в конце концов она всерьез рассердилась и пригрозила превратить последнего ухажера в леукротту.² «Изо рта у вас уже и так воняет,» — заявила она оскорбленному молодому человеку. Застенчивая темноволосая Алинора и еще более замкнутый охотник Келлиан постепенно сближались, а Джандер и священник Гидеон просто бродили по городу вместе.

Тем вечером Серебряная Шестерка собралась в «Лебединой песне» на веселый ужин. У камина, в котором весело трещал огонь, играли трое музыкантов. Горожане, наконец-то свободно вздохнувшие после гибели дракона, весело болтали. Официантка была хорошенькой, вежливой и проворной. Словом, для того, чтобы приятно провести вечер с друзьями, обстановка была просто идеальной.

Трампер набивал живот за двоих, остальные тоже наслаждались отличной едой — все, кроме Келлиана. Вокруг его голубых глаз проступили

---

²Примечание переводчика. Фантастическое чудовище с мерзким запахом изо рта.

пурпурные круги, а смуглое лицо выглядело странно бледным.

— У тебя все еще болит горло? — спросила Алинора с тревогой в карих глазах и смущенно положила свою загрубевшую от меча руку на его ладонь. Келлиан вяло кивнул, мешая ложкой бульон, заказанный для него Джандером. Рейнджер уже несколько дней жаловался на боли в горле и с каждым днем слабел.

— Вероятно, подхватил что-то от этих мух, — сказал Трампер с набитым ртом, махнув куриной ногой на две крошечных отметки на шее Келлиана.

— Извини, Джандер, я не могу это есть, — глухо сказал охотник, отталкивая тарелку. Лирия нахмурилась и прищурила изумрудные глаза, но промолчала.

— Постарайся, — настаивал Джандер. — Если ты не будешь есть, как же твой организм справится с инфекцией?

Келлиан измученными глазами посмотрел на эльфа.

— Я просто не голоден, вот и все, — прошептал он. — Я пойду в постель. К утру со мной все будет в порядке. Все, что мне нужно — это как следует выспаться. — Джандер попытался подтолкнуть тарелку обратно к Келлиану, случайно коснулся запястья друга и чуть не вскрикнул. Несмотря на то, что их столик стоял у самого очага, в котором ярко пылал огонь, кожа у Келлиана была ледяной.

Утром охотник не проснулся, и Джандеру пришлось сообщить друзьям о его смерти. Алинора рыдала навзрыд, Лирия тоже обливалась слезами, и даже полурослик Трампер Подхолмник был подавлен. Похоронили его в тот же день после обеда. Джандер сыграл на флейте, провожая друга в последний путь, и добрые жители Мерридейла, сочувствуя горю пришельцев, не взяли ни монетки за помощь в похоронах несчастного Келлиана.

На следующее утро с больным горлом проснулась Алинора. Она тоже выглядела бледной, и у нее были такие же странные следы от укусов на горле, как и у Келлиана. Встревоженный Джандер опросил горожан и выяснил, что с этой таинственной болезнью слегла уже добрая четверть населения города.

— Мне это не нравится, — сказал Гидеон, когда они зашли в «Лебединую песню» пообедать. — Это не обычная болезнь.

Джандер отпил глоток вина. Народу в таверне было немного — слишком многие горожане остались в постели из-за буйствовавшей в городе эпидемии. Гидеон, человек со сложением и силой медведя, до своего призвания бывший воином, устался на янтарный эль в своем бокале.

— Я пытался исцелить Алинору, но толку не было, — тихо сказал священник, поднимая печальные карие глаза.

Джандер попытался скрыть удивление. Несмотря на грубую внешность, Гидеон был священником великих умений и великой доброты. Джандер не помнил случая, чтобы кто-нибудь не выздоровел после Гидеоновых молитв.

— Может быть, она на самом деле не так уж больна, — предположил он, понимая, как неубедительно звучит это объяснение. Он не мог взглянуть Гидеону в глаза. Священник служил Илматеру, богу мучеников, покровителю всех страдальцев, который просто не мог отказаться облегчить боль Алиноры.

Когда Алинора тоже тихо умерла ночью, Гидеон был в отчаянии. На этот раз жители города приняли деньги за похороны: скопилось слишком много тел. Стройную, хорошенькую, похожую на мальчика Алинору похоронили в гробом, наскоро сделанном гробу, и Джандер, играя для нее погребальную песнь, видел, что глаза Гидеона полны слез.

Вернувшись в «Лебединую песнь», Джандер заметил, что многие посетители, раньше угощавшие их элем, теперь исподлобья кидают на них враждебные взгляды.

— Похоже, мы злоупотребили здешним гостеприимством, — тихо сказал он Лирии.

Волшебница отбросила с лица длинные светлые волосы.

— Я согласна с Джандером. Кто согласен, что завтра надо отсюда уезжать?

— Я, — сказал Трампер. — Я всегда готов трогаться, как только перестают подавать пиво на дармовщину.

Джандер повернулся к Гидеону. Священник мрачно смотрел в огонь, пряча в кустистой каштановой бороде невеселую гримасу.

— Гидеон? — позвал Джандер.

— Я слышал, — огрызнулся Гидеон, но грубый тон не мог скрыть его боли. — Да. Давайте уедем отсюда.

Джандер и Лирия посмотрели друг другу в глаза. Они знали, что для священника эта трагедия была куда тяжелее, чем для них с Трампером.

На следующее утро в городе был объявлен карантин, и друзьям пришлось задержаться в городе на целую неделю. Население стремительно вымирало, умерших не успевали хоронить. Поступило предложение сжигать трупы, чтобы остановить эпидемию. А самые суеверные горожане решили, что недавно похороненные трупы следует выкопать и тоже сжечь. Той же ночью на площади разожгли огромный костер и свалили туда

тела — свежие и умершие несколько дней назад. Пришли священники разных орденов и произнесли несколько зауспокойных молитв. Горожане смотрели на четырех чужаков с подозрением, и острые эльфийские уши Джандера улавливали враждебное бормотание.

И вдруг над площадью разнесся вой боли и гнева, подобного которому Джандер никогда не слышал и потом молился, чтобы никогда больше не услышать. Он ахнул от ужаса, вытаращив глаза.

Тела в погребальном костре двигались.

Они спешили вырваться из огня. Некоторые уже успели обгореть и выли от боли — жуткие гниющие и дымящие чудовища. Другие, невредимые, начали бросаться на оплакивающих. Бросившись к гостинице за своим мечом, Джандер успел заметить, что Лирия произносит заклинание. Вылетев обратно на улицу, он невольно замер.

Там его ждала Алинора. Ее невинность перезрела и сгнила, обернувшись похотью, но в ее подтянутой фигурке больше не было ничего привлекательного. Короткие темные волосы были в грязи и крови. Она бросилась на него, открыв алый ротик, и Джандер увидел длинные острые клыки.

Он взмахнул мечом и нанес удар. Алинора завизжала от боли, но, похоже, рана ее только разозлила. Она вытянула длинные сильные руки воительницы и схватила эльфа в мощные объятия. Красные глаза, полные ненависти, вспыхнули, но ее гипнотический взгляд не подействовал на эльфа. Джандер продолжал драться, думая, что по крайней мере умрет в бою.

Джандер понимал, что не сможет вырваться из вампирьей хватки. Алинора уже обнажила клыки, собираясь вцепиться ему в шею, но тут у него за спиной раздался крик:

— Изыди, демон!

Алинора завизжала и скорчилась, ее хватка ослабла, и Джандеру удалось освободиться. Он повалился на землю. Раздосадованная вампирка зашипела и расплылась туманом, отступая.

Эльф оглянулся на своего спасителя. Сквозь мерцающий свет факелов, усеявших улицу, он разглядел Гидеона, выставившего медальон с выгравированными скрещенными ладонями Илматера.

— Спасибо тебе, старый друг, — выдохнул эльф, позволив Гидеону помочь ему встать.

Гидеон, прищурившись, осмотрел его шею и запястья.

— Цапнула? — Эльф покачал головой. — Хорошо. Джандер, ты понимаешь, что тут происходит, и что надо делать?

Джандер кивнул с мрачным лицом.

— На Долину Радости напали вампиры. Надо отправить их души к праотцам. — Это звучало очень смело и благородно, но эльф понимал, что он совершенно не готов противостоять неупокоенной жути. Легко сражаться со злом, когда оно имеет уродливый нечеловеческий облик. И куда сложнее — когда оно принимает обличье твоего друга.

Эльфийский воин и священник Илматера, держась друг за друга, с трудом добрались до ближайшего храма. Они знали, что храм Тиморы — Госпожи Удачи — находится совсем рядом, за углом, но короткий путь показался им изнуряюще долгим. В ночном воздухе слышались жуткие звуки: визг, стоны и, самое страшное — зловещий, почти человеческий смех. Кое-кто из нежити пытался к ним подобраться, но они отступали, яростно и удивленно шипя, перед священным символом Гидеона.

В храме Тиморы уже успела спрятаться группа горожан, и дверь оказалась крепко запертой. Гидеон и Джандер с возрастающим отчаянием и страхом заколотили в тяжелые дубовую створки, но тут у них за спинами раздался знакомый голос.

— Отойдите в сторону и охраняйте мою спину! — приказала Лирия, прищурившись и жестко сложив губы. Она вдохнула, что-то пробормотала и трижды хлопнула руками. Дверь распахнулась, и они увидели десятки съезжившихся, перепуганных горожан.

— Заходите, чего ждете? — спросила Лирия у своих друзей, встряхивая светлыми локонами. — Это вампиры нуждаются в приглашениях! — Они торопливо вошли и захлопнули дверь. Лирия с еще одним волшебником начали накладывать на дверь запирающее заклинание, а Гидеон пошел разыскивать кокетливую жрицу Тиморы.

— Я боялся, что вы не сумеете сюда добраться, — приветствовал Джандера Трампер. Говорил он, как обычно, легко и весело, но руку эльфу пожал с чувством.

До восхода никто не сомкнул глаз. Как только солнце поднялось над горизонтом, Джандер и его товарищи начали охоту за вампирами. Жители города, почему-то вообразившие, что в обрушившемся несчастье виновата Серебряная Шестерка, скорее мешали, чем помогали, хотя местные священники и воины уничтожили множество нежити.

Трампер, ловкий и остроглазый, разыскивал гробы чудовищ. Некоторые убежища удавалось легко обнаружить; на кладбищах и в склепах нашлось несколько тел без признаков разложения и с окровавленными ртами. Но полурослик ухитрялся находить вампиров в самых неожиданных местах. Например, в винном погребе «Лебединой песни». «Подходя-

щее название,» — заметил Трампер, когда Джандер вонзил кол в сердце ребенка-вампира. Проглотив отвращение, Джандер приказал себе думать о том, какой покой опустился на мертвое личико маленькой девочки, когда он освободил ее душу.

Эльф со вздохом вытер мокрый лоб, присел на холодный камень и прислонился к винной бочке. Спину ломило. Сил у Джандера совершенно не осталось. Вчетвером они за день убили пятнадцать жутких тварей.

— Мне кажется, что я этим занимаюсь целый год, — простонал он. — Кстати, который час?

Вино цвета крови окатило Джандера, и бочка у него за спиной разлетелась на части. Мощные ледяные руки вампира сомкнулись у эльфа на горле. Джандер изо всех сил рванулся вперед, сбив тварь с ног и потянув ее на залитый вином пол. Острые куски дерева вонзились в живот чудовища, оно скорчилось и взвыло, на мгновение ослабив свирепую хватку.

Но Гидеону этого мгновения хватило. Жрец Илматера одной рукой оттащил друга в сторону, а другой схватил клепку от разломанной бочки и пронзил ею вампира. Кровь смешалась с вином. Тварь вскрикнула и замала руками, дернулась, сплюнула кровью и затихла.

Джандер, задыхаясь, крепко обнял Гидеона. Священник тоже попытался отдышаться.

— Господа... — раздался напряженный, звенящий голос Лирии.

— Что, Лирия? — спросил Гидеон. Красавица волшебница с бледным лицом указала на вампира, которого они только что уничтожили. Джандер устало закрыл глаза, узнав в заляпанном вином теле Келлиана.

Той ночью они не успели вернуться в храм. Гидеон провел на земле защитный круг, и они дремали в нем по очереди, сменяя друг друга. Следующий день отличался от предыдущего только тем, что они разделились. Лирия и Гидеон отправились в одну часть города, а Джандер с Трампером в другую. Эльфу эта идея не слишком понравилась.

— Чем нас больше, тем мы сильнее, Лирия, — возразил он, но остальные согласились с ее планом.

Той ночью Трампер и Джандер успели в храм Тиморы до заката. Незадолго до полуночи к ним присоединилась Лирия в окровавленной и разорванной мантии, с диким взглядом в глазах.

— На этот раз они до нас почти добрались, — выходнула она. Джандер усадил ее на тростниковую циновку, а Трампер принялся умело обрабатывать ее царапины. Эльф осмотрел ее горло и запястья — вроде бы ее не покусали. Лирия закрыла глаза и положила голову Джандеру на

колени. Она явно была почти без сознания.

— Где Гидеон? — спросил эльф. Лирия открыла глаза и с ужасом посмотрела на Джандера

— Разве он не с вами?

Трампер в кои-то веки промолчал, упорно глядя на царапины и ссадины Лирии. Джандер задрожал.

— Нет, его здесь нет...

— В городе есть и другие храмы, в которых можно найти убежище, — предположила Лирия, сжав руку эльфа. — Я уверена, что он...

— А что, если нет? — воскликнул Джандер. Множество лиц обернулось к нему, но он не обратил на это внимания. Они с Гидеоном дружили уже больше десяти лет. Джандер вспомнил, как они служили в полку Адских Всадников Элтуреля и сражались с самой Тиамат в ее логове. Тогда Гидеону и явился Илматер, и могучий воин с радостью отложил свой меч. С тех пор они не расставались и всегда сражались вместе.

Сам того не замечая, Джандер тихонько заплакал. Хрустальные слезы потекли по острому лицу. Он не заметил, как Лирия обняла его, положила его голову к себе на грудь и принялась его убаюкивать, и он уснул тревожным сном, полным кроваво-красных закатов и мертвецов, поднимающихся из могил.

Им не удалось выяснить, что случилось с Гидеоном: на следующее утро троих чужаков выставили из города. Всего неделю назад их принимали как героев в городе, название которого много веков было синонимом гостеприимства. На дверях не было замков, ни один незнакомец не уходил голодным. Теперь Долина Веселья безжалостно отправила всех пришельцев прочь. Остатки Серебряной Шестерки — жалкая троица — добрались до следующей деревни, и там их пути разошлись.

Долину Веселья опустошила стая злобных, умных вампиров, намеренно воспользовавшаяся репутацией города. И город после этого так и не оправился. Вокруг города построили огромную стену, и Джандер позже узнал, что все гостиницы в городе символически сожгли. Горожане стали постоянно носить кинжалы, и в других землях над этим привычно подшучивали. Так Долина Веселья, самый гостеприимный город в Фае-руне, стал самым замкнутым и враждебным; теперь он был известен как Долина Кинжалов.

Глава тринадцатая

Как ни боялся Коля, в конце концов он уснул и громко храпел. Шашины веки тоже отяжелели, но он твердо решил не спать всю ночь. Днем можно будет спать сколько угодно. А нынешней ночью он так и не увидел *ничего* интересного, и будь он проклят, если... — мальчик нахмурился. Каменный круг находился на вершине небольшого холма. Отсюда был виден поселок, и Саша заметил там какой-то свет. Откуда в поселке свет посреди ночи?

От любопытства сонливость моментально прошла, и Саша вскочил на ноги. Но его роста все равно не хватало, чтобы толком разглядеть непонятный свет, так что он забрался на ближайший крупный камень. Вытянув руки в стороны для балансировки, Саша выпрямился и посмотрел на поселок. Да, там определенно что-то горело, и по улицам бегало множество людей.

— Эй, Коля, просыпайся!

— А? — пробормотал Коля.

Саша не отводил глаз от суматохи в поселке.

— Там что-то происходит. Давай выясним.

— О, нет. — Проснувшись и вспомнив, где они находятся, Коля решил, что не сдвинется с места. — Я до утра никуда не пойду.

Его друг сердито обернулся.

— Ну и прекрасно. Я пошел. А ты оставайся тут один на всю ночь, Трусливый Коля. — Саша соскочил с камня и начал складывать вещи обратно в мешок. Ругаясь себе под нос, Коля встал, и мальчики побрели в поселок. Ночь почему-то показалась им менее враждебной, чем раньше — должно быть, потому, что Саша забыл о всех страхах, думая только о том, что происходит в поселке.

Когда мальчики добрались до Рыночной улицы, в домах горел свет, вокруг бегали люди в ночных одеяниях. Некоторые тащили ведра. Саша

увидел, как поселковая портниха Кристина распахнула ставни и закричала что-то кому-то через улицу. Каштановые волосы Кристины, обычно тщательно заколотые, в беспорядке падали ей на плечи, ее острое лицо было встревожено. Что-то определенно было не так, и мальчики поспешили вслед за бегущими людьми.

— Бургомистерский Проспект! — крикнул Саша и со всех ног помчался к улице, которая вела к его дому. Коля из последних сил побежал за ним.

Никогда еще мальчику-полуцыгану не приходилось проделывать такой длинный путь, как эти четыреста ярдов от площади до дома. Словно в дурном сне, смотрел он, как оранжево-красное пламя лижет стены двухэтажного особняка. Он мчался к дому, хоть и знал, что не успеет, ноги казались резиновыми, а горло першило от крика «Мама! Мама!»

Растольников схватил его за руку.

— Тише, парень, тише, — заорал он, видимо, искренне думая, что говорит ласково. Саша плакал от страха и едкого дыма, разъедавшего глаза и легкие. Он закашлялся так, что, казалось, вот-вот легкие выскочат из груди. Растольников закрыл Сашин рот тряпкой.

— Она задержит пепел, — сказал он мальчику.

Саша яросто потерял глаза, пытаясь разглядеть, что происходит. Пожар уже погасили, но изрядный кусок дома сгорел.

— Где моя семья? — спросил мальчик, пытаясь говорить уверенно и властно, но прозвучал голосок очень испуганного маленького ребенка. Растольников ответил не сразу.

— Мы... позаботимся о них утром, сынок. Тут задействована черная магия, слишком мощная, чтобы сражаться с ней ночью, — загадочно сказал пекарь.

— Это и есть тот мальчишка? — раздался хриплый сердитый голос. Грубые руки схватили Сашу и оттащили от пекаря. — Это он! — Саша обнаружил, что оказался в руках мясника Андрея, который уставился на него ненавидящим взглядом. — Это все твоя вина!

Ошеломленный мальчик даже не мог ответить.

— Мечь вистани! — раздался другой голос, женский, пронзительный. — Тот цыган, с которым была Анастасия. Картов его избил, и вот поглядите! Помните, цыган проклял Картова? Помните? И вы видели, что с ними произошло? О боги, их глотки... — Кричавшая женщина разрыдалась. Люди, собравшиеся вокруг Саши, отшатнулись, бормоча молитвы и делая знаки против дурного глаза.

Саша опять посмотрел на обгоревший особняк, встал на ноги и вы-

прямылся.

— Я иду в дом, — сказал он всем, кто его слышал. Потом обернулся к Коле, который его наконец догнал. — Ты со мной?

Коля посмотрел на Растольникова, который покачал головой. Мальчик обернулся к приятелю и отвел глаза.

— Нет, Саша. Наверно, я и правда трус.

Саша взглянул другу в глаза.

— Наверно, да, Коля, — медленно сказал он, не желая этому верить.

Обвязав лицо платком, чтобы немного защититься от дыма и освободить руки, Саша пошел к зданию, которое когда-то было его домом. Разозленная, перепуганная толпа расступилась перед ним, тихо бормоча ругательства. Мальчик вошел в открытые кованые железные ворота, пересек залитый водой мощный двор и подошел к дверям. Пожарная бригада выбила двери, а пламя опалило толстое дерево до черноты. Мальчик нерешительно шагнул сквозь неровную дыру в двери, уворачиваясь от острых краев. Мокрое дерево еще не остыло.

Войдя, Саша посмотрел на пол и заметил алые следы.

Они появлялись и исчезали в еще густом черном дыму, неторопливо клубившемся в комнате. Следы пары сапог поднимались по лестнице и продолжались за дверь. Ковер, который так ценила бабушка, был запачкан кровью. Сашино сердце неровно забилося, он начал задыхаться.

Здесь произошло что-то ужасное. Больше всего на свете в этот миг, глядя на кровавый след, мальчик хотел к матери. Он хотел прижаться к ней, почувствовать, как она гладит его по волосам. Саша глубоко вздохнул, выпрямился и огляделся.

Горло у него перехватило. Он увидел мать, и деда с бабушкой тоже. Мертвые, полуобгоревшие, они лежали на грудке обломков, дымились и издавали ужасные запах обгоревшего мяса. У Саши подкосились колени, и он еле успел сорвать платок с лица, прежде чем его вырвало. Задышавшись, мальчик вскрикнул, а потом немного овладел собой.

Воздух у пола оказался относительно прохладным. Саша несколько раз вздохнул, вытер рот рукавом и опять повязал лицо платком. Он вспомнил слова, которые ему однажды сказала мать: *Ты из гордого рода. С одной стороны, ты — внук главы своего поселка, а с другой — дитя сильного, свободного, волшебного народа. Когда дети будут дразнить тебя незаконнорожденным, улыбнись и вспомни мои слова.* Саша поднялся на ноги.

Он невольно шагнул к дымящимся телам. Его семью убили, это ясно, но как? И кто? Саша опознал только три тела — деда, бабушку и мать.

Увидев, что у них перерезаны глотки, он опять почувствовал, как к горлу поднимается тошнота, и резко сглотнул.

Это породило новые вопросы. Допустим, их убили волки — но кто пытался сжечь тела? Конечно же, не жители поселка. И где все остальные?

Шатаясь от тошноты и дыма, Саша открыл дверь в комнаты слуг, и у него опять подкосились ноги. Он застонал и оперся о дверь. В комнатах было достаточно светло от факелов на стенах. Иван, лакей бургомистра, лежал навзничь на каменном полу. Он как-то ухитрился по-прежнему выглядеть импозантно и с достоинством, несмотря на вырванную глотку. Крови почти не было.

Саша медленно поднял глаза от пола и сразу же заметил, что у служанок, повара и конюших тоже вырваны глотки. Часть Сашиного разума требовала кричать, плакать от ужаса и горя; в конце концов, он очень хорошо знал этих людей. Но другая часть, казалось, замерзла и действовала расчетливо и точно. За эту часть разума Саша и держался, заканчивая осмотр комнаты.

Потрясенный, но твердо намеренный продолжать осматривать дом, мальчик-полуцыган вышел в коридор. Он нашел уже всех жителей дома, кроме своей тети Людмилы. Отвернувшись, Саша прошел мимо сложенных в кучу тел и остановился перед широкой лестницей. На стене над ступенями ярко горел факел. Саша осторожно вытащил его из держателя, крепко стиснул в руке, на мгновение замер, ободряя себя, и начал подниматься.

Свет факела отбрасывал странные тени, то появлявшиеся, то исчезающие. Сердце Саши забило еще быстрее, ладони внезапно вспотели, и мальчику пришлось вытереть их о штаны. Замерзшая часть его разума начала оттаивать, и Саша почувствовал, как паника пригнулась, готовясь прыгнуть вперед и овладеть всей его раненой душой.

Он дошел до верха лестницы и остановился, глядя в темный коридор. Здесь, наверху, дым был гуще, чем на первом этаже, серые и черные клубы лениво плавали в воздухе, затемняя зрение и заставляя глаза слезиться. Саша представил себе чудовищ, прячущихся в этом дыму... Он сердито призвал к порядку свое воображение и почти смело вошел к себе комнату, держа перед собой факел.

В комнате все было на месте. Маленькая кровать по-прежнему была аккуратно застелена, игрушки и одежда лежали в сундуке. И все же за последние часы для мальчика, который жил в этой комнате, переменялось все. Саша закрыл дверь и вышел обратно в коридор.

Следующая комната служила спальней его матери и тете Людмиле. Саша знал, что случилось с Анастасией, и на мгновение запаниковал, но снова овладел собой. Несколько секунд он стоял перед дверью, дрожа и пытаясь понять, что же его ждет, затем взялся за дверную ручку, как можно тише повернул ее и осторожно распахнул дверь.

Луна светила в открытое окно, серебрила комнату. В кровати тети Людмилы кто-то лежал. Саша замер около двери и увидел, как этот кто-то слегка пошевелился.

Саша чуть не потерял самообладание. Что там в этой постели?

Чуть слышно хныкнув, он напрягся и изо всех сил прикусил губу. Фигура в постели больше не двигалась. Дрожа, Саша подошел к кровати и остановился, факел в его трясущихся руках плясал как безумный. Кровать была накрыта одеялом. Скорее, чтобы не передумать, мальчик прыгнул вперед, стянул одеяло и отпрыгнул.

Тетя Людмила спокойно спала. Саша видел, как ее грудь ритмично поднимается и опускается во сне. Мальчик понял, что сам забыл дышать, и перевел дух.

— Тетя Мила! — крикнул он и слегка встряхнул ее. И тут Саша заметил, как она бледна, чуть ли не белее простыни. Он затряс тетку еще сильнее, отчаянно пытаясь ее разбудить, и ее темные волосы упали назад, обнажая горло.

На шее у Людмилы были видны две крохотные аккуратные дырочки.

Он был высоким, бледным человеком, с острыми зубами и когтями. «Стойте! — сказал Носферату, ибо Павел знал, что это он. — Стойте, чтобы я мог выпить твою кровь и жить за счет твоей смерти.»

Носферату, с ужасом подумал Саша. Первый Страж Тьмы. *Вампир.*

Больше он не мог сопротивляться панике, но каким-то чудом сдержал крик и не выронил факел. Отступив спиной вперед к двери, мальчик закрыл ее за собой и навалился на дверь, но тут же вспомнил про ручку, повернул ее и бросился бежать к лестнице. Удивительно, как он не поскользнулся и не упал на залитых кровью ступенях.

Выскакивая через разбитую дверь на свежий воздух, он наконец справился с комом в горле и завизжал:

— Помогите!

Растольников его ждал и помог выбраться. Саша вцепился в пекарю, бормоча что-то неразборчивое.

— Успокойся, парень. Успокойся и говори яснее, — прогремел Растольников.

— Носферату! — выдохнул Саша. — Их всех убили носферату! Идем-

те, нам надо, надо... — Он не мог толком вспомнить легенды, там было что-то про колы в сердце и отрезание голов.

Колени у Саши подкосились, и пекарь с неожиданной для его сложения нежностью поднял его на ноги.

— Никакие это не носферату, — раздался враждебный голос из толпы. — Это месть вистани! Пусть мальчишка сполна изведает все ужасы, которые притащили сюда его сородичи!

— Владимир, — сказала жена пекаря, — ты не можешь взять мальчишка.

— У него нет семьи! — огрызнулся Растольников.

— Тогда пусть бродит, как Потерянные, или пусть вистани его забирают, — отрезала его жена, упервшись мясистыми руками в широкие бока. — Если ты приютишь у нас в доме этого мальчишку с его невезением, никто в поселке не купит у нас хлеб!

Здоровенный пекарь облизал губы. Жена права. Из полуцыганского ублюдка не выйдет ничего хорошего. Жена Растольникова всегда считала, что бургомистру Картову следовало выгнать Анастасию из дому или по крайней мере заставить ее отдать своего щенка вистани. Растольников отлично знал, что на Сашином счету больше проделок, чем на счету любых других трех мальчишек, вместе взятых. И все же в ребенке, лежавшем без сознания у него на руках, было что-то трогательное. Сейчас, когда его огненный характер не проявлялся ни в движениях, ни во взгляде, десятилетний мальчик выглядел слабым и нежным, как птичка, косточки под его темной кожей казались такими хрупкими, их так легко было сломать.

Растольников со вздохом опустил Сашу на землю. Веки мальчика задрожали, он открыл глаза и посмотрел пекаря в лицо.

— Вы мне не поможете, да?

Жена Растольникова кашлянула.

— Нет, парень, не могу, — сказал пекарь с искренним сожалением.

Нижняя губа мальчика задрожала, по лицу потекли слезы. Саша мог бы поклясться, что слез у него уже не осталось, но они почему-то все текли.

— П-пожалуйста, — взмолился он тихим дрожащим голосом, — если вы мне не поможете, они придут и за мной!

— Да, и пускай, цыганский ублюдок! — прозвучало из толпы. Кто-то плюнул Саше в лицо. С достоинством куда более взрослого человека мальчик вытер лицо и неуверенно встал. — Возвращайся к своим сородичам!

Послышались и другие ругательства, но Саша не обратил на них внимания. На негнушихся ногах он подошел к своему мешку и принялся не торопясь рыться в нем. Некоторые из собравшихся, презрительно наблюдавшие за ним, заскучили и от греха подальше направились в свои дома. Тут начался холодный, пронизывающий дождь, и толпа стала расходиться. В конце концов Саша остался один.

Через полчаса мальчик стоял перед разбитой дверью своего дома, словно карикатура на охотника за вампирами из детской книжки. Он промок до нитки, его шелковистые волосы прилипли к голове. Обе плетенки чеснока, его и Колина, висели у него на шее вместе со всеми деревянными кружками сразу. Бутылочки со святой водой он положил в карман, чтобы до них можно было легко дотянуться. В одной руке он сжимал неумело заостренный кол, а в другой с трудом удерживал молоток.

— Ты уверен, что знаешь, что надо делать?

Саша оглянулся и с изумлением обнаружил перед собой высокую тощую фигуру брата Мартина. Розовые с золотом одежды священника, как всегда, нелепо болтались, а глаза горели фанатичным огнем. Но он смотрел на мальчика с доброй улыбкой. У Мартина на шее тоже висело множество священных амулетов, а за спиной висел мешок, в котором при ходьбе постукивали какие-то деревяшки.

— Давай я понесу этот молоток, — предложил священник. Саша уставился на него, не веря своим ушам. Неужели в это кошмарное утро кто-то предлагает ему помощь?

Сашина семья не была особенно религиозна. Никто в Баровии не был религиозен; в населенной чудовищами стране было слишком много кошмаров, чтобы жители сохранили веру в старых богов. Когда брат Мартин несколько лет назад явился из Сваличских лесов, бормоча что-то про Повелителя Зари, ему не поверили, но позволили жить в заброшенной церкви, если он не будет нарушать местные законы. Саша всегда считал Мартина немного чокнутым, но сейчас это не имело значения. Охваченный надеждой на помощь, Саша расплакался и крепко обнял священника. Мартин несколько секунд поколебался, потом нерешительно погладил Сашу по темным волосам.

— Латандер с нами, — прошептал он мальчику. — Он поможет нам уничтожить наших врагов.

Перед тем, как снова войти в склеп, когда-то бывший его домом, Саша Петрович истово молился.

Они вошли внутрь. Ничто не изменилось. Жуткие алые следы по-

прежнему пятнали листницу, а в воздухе висела давящая, выжидающая тишина. Не обращая внимания на страшное зрелище, Мартин быстро осмотрел тела.

— Из них выпили всю кровь, — холодно сказал он. — Если их похоронить, они поднимутся как нежить. Дай мне кол и немного чеснока.

Священник стащил с груди почерневшего дерева одно из тел. Саша отвернулся, его замутило. То была Анастасия. Правая рука и правая сторона ее лица были обожжены, волосы опалены, почти вся одежда сгорела. Мартин быстро и уверенно уложил ее на ковер и посмотрел на Сашу, который сидел на полу, подтянув колени к груди.

— Ее обработаешь ты.

Мальчик с отвращением вытаращил глаза.

— Нет!

— Да, — настаивал Мартин, подходя к мальчику и опускаясь рядом с ним на колени. — Она твоя мать. Ее должны освободить руки того, кто больше всех любил ее.

— Но она... Нет, Мартин, нет. Я не могу!

— Но ты должен. Тогда ей легче будет упокоиться. Поверь мне, Саша. — Священник вложил кол в онемевшую руку Саши и сжал его маленькие смуглые пальцы. — Поверь мне.

Словно во сне, Саша поднялся и подошел к телу своей матери. Он попытался вспомнить, какой она была при жизни — смелая, ласковая, любящая, но всегда немного печальная. Смагивая слезы, мальчик опустился рядом с ней на колени, установил заостренный конец кола между грудей, прямо над сердцем, и поднял молоток. Потом опустил руку.

— Я не могу это сделать, Мартин.

— Значит, ты бросаешь свою мать в беде, — ответил священник с ничего не выражавшим лицом. Саша сердито посмотрел на него, но Мартин продолжал:

— Ты не даешь ей упокоиться в мире и обрекаешь ее на ужасное существование.

— Так упокой ее сам!

— Нет. — Мартин сел на пол и уставился на Сашу жутковатыми бледно-голубыми глазами. — Это твой долг.

Мальчик понял, что слегка чокнутый священник говорит серьезно. Если он не вонзит кол в сердце Анастасии, Мартин этого тоже не сделает. Саша рассердился, сжал зубы и ударил молотком по колу со всей силой десятилетнего ребенка.

Этого хватило; кол глубоко вошел в грудную клетку. Саша боялся,

что Мартин ошибся, и мертвое тело сейчас бросится на него, но оно только вздрогнуло от удара. Саша стукнул молотком еще раз. Из рта Анастасии потекли последние остатки крови. После третьего удара Саша почувствовал, что острие кола уперлось в каменный пол.

Его мать еще не была вампиром, но ее душа оставалась в ловушке. Взглянув Анастасии в лицо, Саша увидел, что выражение чуть-чуть изменилось, и почувствовал, что прикоснулся к чуду. Легенды не лгали. Душа Анастасии действительно обрела покой. Пускай ему было страшно пробивать колом мертвое тело — но зато он избавил мать от ужасной судьбы. Рука, которой Саша вытер пот с лица, дрожала, но детский рот был твердо сжат.

Он поднялся, оставив кол в сердце Анастасии.

— Молодец, дитя мое, — сказал Мартин, ласково опуская мягкие бледные руки на Сашины плечи. — Сегодня ты сотворил великое благо.

Мальчик пошатнулся и оперся о Мартина.

— Я понимаю, Мартин. Спасибо. Это и правда было нелегко, но... спасибо тебе.

— Давай я закончу, — предложил Мартин. Саша вздрогнул, зная, что должен будет сделать священник, чтобы завершить мрачный ритуал. Мартин отрубит Анастасии голову и набьет ей рот чесноком. Только тогда ее можно будет спокойно похоронить. — Ты можешь сделать то же самое и для этих бедных людей?

Саша посмотрел на тела деда и бабушки и медленно кивнул.

— Да, Мартин.

Они проработали весь день. Когда у Саши устали руки, Мартин велел ему набивать рты мертвецов чесноком, а сам довел кровавую работу до конца. Когда спустились сумерки, мальчик и священник обнаружили, что руки у них болят, одежда пропитана высыхающей кровью, а сами они дрожат от изнеможения.

Но Мартин был в восторге. Конечно, он был призван сюда, потому что здесь нужен священник Латандера Повелителя Зари. Только что завершенная жуткая работа его совсем не испугала. Но Саша был совершенно измучен, его нервы были натянуты до предела. Они присели на ступени лестницы, и Мартин ободряюще положил руку Саше на плечи.

— Давай я расскажу тебе одну историю, сын мой, чтобы тебе легче было понять все это, — Мартин указал на обезглавленные тела. — Жил-был маленький мальчик, примерно твой ровесник, и жил он очень счастливо вместе со своей семьей. Однажды, во время путешествия в другой город, их внезапно окружили туманы. Они остановились на ночь.

Когда туманы разошлись, семья мальчика оказалась в совершенно незнакомом лесу. Люди в ближайшем поселке, холодные и недружелюбные, не пустили их на ночлег. Идти было некуда, и они решили устроиться на ночь в лесу. — Мартин замолчал, глядя в никуда своими безумными глазами.

— Брат Мартин? — напомнил Саша.

Мартин вздрогнул и продолжал.

— Проснувшись, мальчик увидел страшное зрелище. Маленький лагерь окружили сто волков, каждый в два раза больше обычного волка. Прекрасные женщины целовали дядьев мальчика, но когда одна из них подняла голову, мальчик увидел, что на самом деле они просто пьют кровь своих жертв. Конечно, от такого зрелища мальчик закричал. Высокий человек, белый как смерть и черный как ночь, посмотрел на него пылающими красными глазами. Этот человек медленно подошел к мальчику, и мальчик понял, что он сейчас умрет.

Мать мальчика умоляла злого человека о милосердии, но он приказал своим волкам съесть ее. Он уже собирался убить мальчика, но внезапно явился Латандер Повелитель Зари. — В экстатическом трансе Мартин совсем забыл о Саше. Его лицо сияло внутренним светом. — Мальчику приходилось видеть изображения Латандера, так что он узнал бога по его прекрасному лицу, золотой коже и золотым волосам. У Латандера тоже была кровь на лице, но он не позволил черному человеку убить ребенка.

— Ты не возьмешь мальчика, — сказал Повелитель Зари, и его голос был как музыка. — И не отдашь его своим злым женщинам. Отпусти его, ибо он под Моей защитой и наставлением. — И злой черный человек склонился перед мощью Повелителя Зари, и мальчик дождался рассвета.

— Это произошло с тобой? — спросил Саша.

Мартин посмотрел на него и кивнул.

— Жизнь своей и дыханием своим клянусь, что это правда.

— Если Повелитель Зари такой хороший, почему у него было окровавленное лицо?

— Я часто спрашивал себя об этом. Я полагаю, что эта земля настолько осквернена, что ничего полностью хорошего и чистого здесь быть не может. Даже сам Латандер Повелитель Зари меняется, приходя в Баровию. Он становится немного злым, потому что эта земля зла, но главным образом он бог добра, надежды и обновления. Он спас меня. И вот что, Саша. — Мартин внимательно посмотрел на мальчика. — Я думаю, что это ужасное событие произошло не случайно. Я думаю, ты призван. Те-

перь у тебя нет семьи. Хочешь пойти жить в доме Повелителя Зари? Я выращу тебя и наставлю на истинный путь.

Саша изумленно уставился на Мартина. Неужели он не услышался? Неужели в этом враждебном поселке для него все-таки есть место? Он взгляделся в голубые глаза священника.

— Саша, — прозвучал позади них тонкий голосок. Мартин и Саша одновременно обернулись и вскочили.

На верхней площадке лестницы стояла Людмила. Она была бледна, как привидение, ночная рубашка окутывала ее, как саван. Только карие глаза казались живыми на белом лице.

Мартин был ошеломлен. Как вампир может ходить при дневном свете? Священник вытащил склянку со святой водой и с криком «Умри, демон!» бросился вверх по лестнице. Он схватил Людмилу за руку и вылил святую воду ей на грудь.

Людмила взглянула на свою намокшую рубашку и прикрылась.

— Брат Мартин, *что* вы делаете?

Саша засмеялся. Людмила не умерла! Он подбежал и обнял ее.

Глава четырнадцатая

Для Джандера в Замке Равенлофт годы шли, словно минуты, и желание мести приутихло. В конце концов, пятнадцать лет — почти ничто для существа, чей срок жизни измеряется веками, и тем более — для существа неупокоенного, которого в будущем не ожидает ничто, кроме вечности.

Но для людей в Баровии пятнадцать лет значили много.

Красные и ржавые оттенки осенней листвы красиво контрастировали с ярко-голубым, безоблачным осенним небом. Ночью прошел дождь, и утро было полно ароматов влажной земли. Лейль глубоко вдохнула свежий запах, отвела с лица выбившуюся русую прядь и откусила большой кусок яблока, которое она только что украла с повозки с фруктами.

Осенний базарный день был раем для воров. Кругом происходило столько всего одновременно, столько товаров можно было украсть, что карманница, известная как Лисенок, не могла решить, с чего начать. Она сочла, что яблоко — хорошее начало, и откусила еще кусок, оглядываясь вокруг быстрыми карими глазами.

Как всегда, Коля выставил на продажу кондитерские изделия, Андрей — свежую говядину, Кристина — ткани. Но осенью в поселок приходили торговать и окрестные фермеры. Куда ни глянь, везде блестели боками свежесобранные яблоки. Одни повозки были полны картошки, капусты и репы, другие — тыкв. Вот прибыл фургон рыбака, в котором с веревок свисала форель. Рот Лейль наполнился слюной. Она любила форель, жареную на сковороде с чесноком, луком и перцем...

Стук копыт за спиной заставил Лейль обернуться. На площадь въехал весело раскрашенный цыганский фургон, за которым изо всех сил бежали две дюжины блеющих привязанных овец. Вистани, управлявший фургоном, весело насвистывал, но его пассажир-пастух только сердито смотрел вокруг. Острое личико Лисенка смягчилось, и она улыбнулась сама себе. Скорее всего, пастух негодует на те десять золотых монет,

которые взял с него вистани за проезд через удушающий туман.

Доев яблоко, Лейль забросила огрызок в свиной загон, наскоро устроенный прямо на площади фермером-свиноторговцем. Большая свиноматка подошла к огрызку и понюхала его.

По грязной дороге со стороны ферм приближались еще несколько лошадей, и Лейль показалось, что у одного из жеребят темно-золотистая шкура и льняная грива. Неужели и правда гнедой? В Баровии почти не разводили гнедых лошадей. Лейль заметила, что возница-цыган выпрямился и одобрительным взглядом окинул приближающихся лошадей. Желая сама получше разглядеть трехмесячного жеребенка, Лейль забралась на стенку свиного загона.

— Эй! Мальчик! Слезай оттуда, пока не свалился! — Лейль знала, что это владелец свиней, и обернулась к нему с извиняющейся улыбкой.

— Извините, господин, я просто смотрел на... ох! — Лейль замахала руками, пытаясь удержать равновесие, и с ужасом посмотрела на грязный хлев. Тихонько ругаясь, фермер протянул толстую руку и помог ей спуститься.

— Большое спасибо, господин, — извинилась она. — Мне бы не хотелось туда свалиться.

— Ну что ж, не залезай, куда не просят, так и не свалишься, — огрызнулся фермер, сердито глядя на нее и трясая головой. Лейль вежливо прикоснулась к своей шапочке, шагнула прочь и исчезла в собравшейся на площади толпе.

Сунув руки в карманы, Лисенок ощупала монеты, только что вытасканные из кармана у свиноторговца. Судя по форме и размеру, там были два медяка и серебряная монета. Неплохо, но можно и лучше. К закату она добудет еще.

Стройную и мускулистую девятнадцатилетнюю Лейль часто принимали за мальчика. Ее это полностью устраивало, и она с удовольствием носила мужскую одежду. Из-за не по сезону теплой погоды она сегодня надела свободную хлопковую рубашу с засученными рукавами, коричневые штаны и коричневые кожаные сапоги до колена. Маленькая черная шапочка скрывала волосы, завязанные в короткий хвостик. Среднего роста, стройная, русые волосы, зеленовато-карие глаза — такова была Лейль. Воплощенная заурядность с совершенно незапоминающейся внешностью. Вместе с необыкновенной способностью оказываться в нужное время в нужном месте и легкой рукой это делало Лисенка отличной воровкой.

Она овладела своей «профессией», как это называл маленький кру-

жок ее коллег, потому что у нее не было выхода. После двенадцати лет практики Лейль стала мастером в воровском деле. Она научилась распознавать, кто легковверен, а кто слишком умен, чтобы к нему приближаться, у кого в карманах много денег, а у кого нет, и... Она прищурилась. Да, и кто в поселке чужой.

На площадь галопом влетел красивый молодой цыган на гладкой черной кобыле, с усмешкой на смуглом лице. К нему прижималась хорошенькая молодая женщина, испуганно оглядывавшаяся вокруг. Глаза у нее были карие, большие и мягкие, как у оленя. Как только горячая лошадь остановилась, вистани соскользнул с ее спины и протянул руки молодой женщине, помогая ей сойти. Лейль фыркнула, наблюдая, как цыган без нужды прижимает к себе зрелую фигурку девушки.

Глупая девушка казалась слишком невинной, чтобы это даже заметить. Лейль прислонилась к стене таверны «Волчье логово» и с интересом наблюдала. Это было даже любопытнее, чем представление на День Середины Лета. Девушка, должно быть, поблагодарила цыгана и полезла в карман за платой. Вистани принял оскорбленный вид и яростно жестикулировал, отказываясь от предложенных девушкой монет. Он необыкновенно долго склонялся над ее рукой, потом неохотно пошел прочь.

Когда цыган вскочил на лошадь, кто-то выкрикнул слова, которые Лейль не совсем поняла. Но цыган, очевидно, расслышал, крикнул что-то в ответ, сопроводив устное оскорбление жестом, неприличным в смешанном обществе, и галопом помчался по дороге, ведущей к табору.

Девушка беспомощно огляделась вокруг и направилась к «Волчьему логову», таща большой узел. Лейль ненавязчиво болталась в сторонке, делая вид, что ее очень интересует продукция капустной фермы. Девушка опустила узел на землю, поправила длинные темные кудрявые волосы и постучалась.

— Уходите, — ответил хозяин из-за двери. — Мы открываемся только в полдень.

— Пожалуйста, господин, — ответила девушка милым дрожащим голоском, — я надеюсь, что вам может понадобиться помощь. Я бы хотела стать официанткой.

Ответа не было, но Лейль услышала тяжелые шаги хозяина гостиницы. Дверь со скрипом отворилась, появилась настороженная физиономия трактирщика. Он критически осмотрел девушку с головы до ног.

— Ну что ж, ты достаточно привлекательна. Думаю, ты подойдешь. Кто твой отец?

Девушка нервно облизала губы.

— Пожалуйста, господин, я не из поселка, я из Валлаки. Мой отец был рыбаком, но этим летом он утонул. Мама не может прокормить нас всех шитьем, и...

Трактирщик захлопнул дверь перед носом девушки. Громкий хлопок заставил девушку испуганно отскочить. Со слезами на глазах она медленно наклонилась к своему узлу

— Позвольте, я вам помогу, — прозвучал ясный мужской голос у Лейль за спиной. Лисенок вздрогнула, моргнула и спряталась за фургоном с капустой. Она узнала голос. Это был молодой священник, брат Саша. Сердце Лейль болезненно забилося. В присутствии красивого священника она всегда нервничала.

— Спасибо, господин, — ответила девушка и улыбнулась ему. Саша улыбнулся в ответ и легко, несмотря на стройное сложение, вскинул узел на спину. Он был одет в ало-розовые одежды, отделанные золотом и подвязанные желтым поясом. Нежные пастельные цвета подчеркивали его смуглую кожу и темные волосы.

— Куда мне это отнести, моя госпожа?

— Называйте меня Катя, пожалуйста. Вообще-то мне некуда его нести. Может быть, вы скажете, кому может понадобиться моя помощь? — спросила Катя, умоляюще глядя на Сашу. — Я буду делать все... что... — Она покраснела и опустила глаза. — Все, что... ну, вы знаете... прилично. Я умею готовить, убираться и чинить одежду. Пожалуйста, господин, вы можете мне помочь?

Брат Саша улыбнулся.

— Мне жаль, что вы не смогли найти работу. В поселке к чужакам относятся с большим подозрением. Знаете что? Мы с братом Мартином совершенно не умеем ни убираться толком в церкви, ни готовить. Хотите работать у нас? Мы, конечно, найдем вам жилье, — добавил он. — Нужно соблюдать приличия. Красивой молодой даме не годится жить с двумя холостяками вроде нас, хоть мы и священники.

Саша усмехнулся, его карие глаза ясно и тепло сияли. Лейль, спрятавшаяся за фургоном, почувствовала, как по всему ее телу до самых кончиков пальцев ног растекается жар. Карие глаза Кати заблестели от слез, полные розовые губы задрожали, и она заплакала.

— О, господин, вы так добры. Я так боялась...

— Пожалуйста, не плачьте, моя дорогая, и уж конечно, не называйте меня господином. Меня зовут брат Саша. — Он сдвинул узел на плечо, свободной рукой приподнял ее подбородок и критически посмотрел ей в лицо. — Когда вы в последний раз ели?

Катя пожала плечами.

— Не знаю. Кажется, два дня тому назад.

— Два дня! Пойдемте. Сейчас я вас чем-нибудь накормлю, а потом мы пойдем знакомиться с отцом Мартином. Договорились? — Они направились к Колиному прилавку, и дальнейший разговор Лейль не услышала.

— Ты собираешься что-нибудь покупать, или просто будешь стоять тут и мешать другим покупателям? — раздраженно прорычал фермер, продававший капусту.

— Извините, — пробормотала Лейль, засовывая руки глубоко в карманы и направляясь прочь. Она сама не понимала, почему ей вдруг захотелось, чтобы небо затянули облака и снова пошел дождь.

* * * * *

Джандер открыл серебряные глаза. Опять он весь день проспал без снов. Это было облегчением и мучением одновременно. Он не видел Яну во сне уже несколько лет, с тех пор, как исчерпал все возможности для поисков.

Эльф с грустью пришел к выводу, что прекрасная измученная девушка была одной из тех, кого баровийцы называли «Потерянные» — те, кто пришел в отчаяние от увиденных ужасов. «Потерянные» одиноко бродили из поселения в поселение, ища милосердия, а его в Баровии было немного. Никто в Баровии никогда не слышал о девушке по имени Яна, соответствовавшей его описанию. И вообще, с подозрением спрашивали его жители поселка, зачем это эльфу знать о женщине, которая в любом случае должна была умереть больше ста лет назад?

Джандер не мог им ответить. Он только благодарил их и продолжал поиски.

Он поднялся, потянулся и оглядел спальню. По крайней мере, в этой комнате ему удалось кое-чего добиться: он восстановил в ней если не роскошь, то хотя бы комфорт. Чистая мебель, новый сине-голубой балдахин над кроватью, удобное кресло для чтения, изящные занавески. Джандер с тоской посмотрел на эти занавески и вспомнил, что сегодня ведь должно быть полнолуние. Самое время навестить сад.

Заросший умирающий садик, который Джандер разыскал почти четверть столетия назад, ушел в прошлое. Эльф старательно ухаживал за ним, обрезал, пересаживал, экспериментировал со множеством различных растений и в результате полностью восстановил его былую красоту, так что теперь это снова был роскошный зеленый оазис. Присев на стену и оглядев растения, Джандер немного успокоился.

Лето кончилось, пора было начинать осеннюю обрезку. Джандер опу-

стился на колени у куста белых роз, росшего у входа в часовню, и тщательно осмотрел его. Один последний цветок еще не отцвел и в лунном сиянии казался неземным. Эльф ласково наклонился вперед, чтобы вдохнуть чистый сладкий запах и прикоснуться лицом к лепесткам, мягким, как щеки Яны. Он закрыл глаза, печально улыбнулся и глубоко вдохнул.

Выпрямившись, Джандер открыл глаза, и его улыбка погасла. Цветок, который всего несколько секунд назад был в полном цвету, увял и умер. Лепестки с молчаливым жалобным упреком падали на землю.

Ошеломленный и перепуганный, Джандер отшатнулся от розового куста. У его ног цвел кустик ночных фиалок. Медленно, со страхом эльф прикоснулся пальцем к пурпурным цветкам. Они увяли у него на глазах, на зеленых листьях проступил бурый цвет смерти. И Джандер почувствовал смерть крохотного растения, словно удар ножа в живот.

Что же с ним произошло? Внезапно его заботливое прикосновение стало смертельным для цветов. Вампир сжал кулаки и прижал к груди, чтобы ни в чем не виноватые растения не оказались жертвой его зла. Прислонившись к каменной стене, Джандер с облегчением почувствовал прохладное прикосновение грубого камня, нечувствоительного к его смертоносным золотистым рукам.

Чуть не плача, он посмотрел за стену на выбеленный лунной туман, медленно двигавшийся вокруг утеса. Кое-где туман расходился, и можно было разглядеть неровные края камней на дне ущелья. Джандер подумал было, не прыгнуть ли в туманы, но сразу отказался от этой идеи. Таким поступком его боль не смягчить. Он не может умереть.

Эльф ощутил сильную тоску по цветам дня. Ночная палитра прекрасна, но ограничена. Индигово-синее небо, чернильно-черная земля, жемчужно-белый лунный цвет, темно-зеленые леса и поля — вот и все цвета, доступные его взгляду. А где же небесно-голубой? Где розовый, лавандовый и все остальные яркие и нежные цвета? За пределами его зрения.

Вампир крепко зажмурился, изо всех сил стараясь вспомнить краски дня. «Яна, — сказал он сам себе, — пожалуйста, вернись. Я так скучаю по тебе.»

Он не знал, на что надеется, не знал, может ли тоска вернуть те сны, болезненные и радостные, в которых он со своей возлюбленной наслаждался великолепными рассветами и полными солнца днями. Джандер сосредоточился и представил себе Яну. Высокая, красивая, вьющиеся рыже-каштановые глаза спадают по спине, карие глаза полны смеха... Яна. Джандер открыл глаза и ахнул.

Перед ним стояла именно такая женщина. Мгновение его разум кричал имя Яны, но он пригляделся к девушке и убедился, что ошибся. Да, у нее были карие глаза и рыже-каштановые волосы, но она была гораздо ниже Яны. И выражение лица совсем другое — она смотрела на него с сардонической усмешкой.

— Ах, Джандер, — замурлыкал Страд, подходя к эльфу, — позволь мне представить тебе моего нового друга — госпожу Катрину Яковлевну Пульченку. Трина, Это Джандер Солнечная Звезда, гость из далеких земель.

На мгновение Джандер подумал, что молодая женщина, которую Страд взял под руку, была просто новой вампиркой, но она испускала странный запах, определенно принадлежавший живому существу. Страд, собственническим жестом положивший руку на плечо Трины, буквально возвышался над ней. Трина была одета в обычную одежду жительниц поселка, но явно с чужого плеча — ее стройная маленькая фигурка совсем терялась в складках ткани.

Но ни в позе девушки, ни в ее выражении лица не было ничего уязвимого. Она смотрела вокруг ясными внимательными глазами. Похоже, она никого и ничего не боялась; а это было крайне необычно для Баровии.

— Я рада познакомиться с тобой, Джандер, — сказала она голосом хоть и приятным, но чересчур самодовольным. — Страд много рассказывал мне о тебе. — Она похлопала по руке Страда, лежавшей у нее на плече. — Можно, я...?

Страд кивнул. Трина с яростной улыбкой выгнулась, словно охваченная сильной болью, но ни разу не вскрикнула, и эльф с изумлением и ужасом увидел, как ее лицо вытянулось и обросло шерстью, а руки и ноги вытянулись и изогнулись, превращаясь в лапы. Пальцы укоротились, ногти заострились и стали когтями. Под одеждой обрисовались мощные мускулы. Не прошло и минуты, как на месте Трины появилась пестрая серо-коричневая волчица, одетая в ненужную теперь одежду. Она высунула язык, прищурилась и подняла уши.

— Трина живет в поселке, у нее там есть весьма горячий юный поклонник. Свободного времени у нее немного, так что в замке она предпочитает бывать в волчьем облике, — объяснил Страд. Волчица перевела взгляд с одного вампира на другого, выбралась из одежды, подошла к эльфу и с любопытством принялась к нему, раздувая черные ноздри.

— Она — первая смертная женщина, которая добровольно пришла в Замок Равенлофт за больше чем сто лет, — заметил Страд. — Я не могу взять ее кровь. Ее портит волчий привкус.

— Тогда зачем тебе с ней возиться?

Страд сделал предупреждающий жест.

— Осторожно, Джандер. Она понимает все, что ты говоришь! — В подтверждение Трина резко залаяла. — Мне куда больше нравится общаться с ней, чем с рабынями. Она почти так же беспощадна, как я. Нелегко достичь подобного всего за десять лет! — Граф мрачно рассмеялся. — Понятия добра и зла ей интересны, но она как волк в лесу — совершенно не обременена совестью. Она отличная шпионка и прекрасная подруга для мужчины. — Он повернулся к волчице. — Пойдем, дорогая. Я уже был твоим гостем. Теперь пора мне ответить тебе такой же любезностью.

Джандер посмотрел им вслед и покачал головой. Два силуэта в факельном свете — высокий элегантный вампир и расчетливая аморальная оборотница — шли к замку. Что подумают рабыни Страда о Трине, и что скажет о них оборотница?

Проснулся голод, но вампир не обратил внимания. Он так устал от здешних мест. Путешествия в Валлаки и визиты в поселок не приносили утешения, а проекты, над которыми он работал в последние несколько лет, казались ничтожными. Он сел на холодный камень у стены и откинул голову, упираясь затылком в стену.

— Ты забыл меня, — прозвучал милый ясный голос, который Джандер и мечтал, и боялся услышать.

Эльф страшился открыть глаза, страшился того, что, возможно он не спит, и что его разум с ним шутит.

— Милые боги, Яна, никогда. Ты же знаешь, — прошептал он. Она села рядом с ним, он услышал шорох платья и почувствовал приятный запах ее кожи, но по-прежнему не открывал глаз.

— Посмотри на меня, любимый. — Ее голос звучал мягко и нежно, как шелест ветра в деревьях теплым летним днем.

— Нет. Не могу.

— Ты боишься увидеть, что сделала со мной твоя забывчивость? — Эти слова так больно ударили Джандера, что он невольно вскрикнул. Повернувшись к Яне, он медленно и неохотно открыл глаза.

И снова вскрикнул, на этот раз от ужаса.

Яна выглядела хуже, чем в сумасшедшем доме. Ее спутанные волосы и лицо покрывала грязь, одежда пахла гнилью. Но самое страшное — выражение ясной, осознанной боли у нее в глазах.

— Яна, — прошептал он, охваченный чувством вины, — неужели это я с тобой такое сотворил?

— Я не могу упокоиться в мире, пока ты не отомстишь за меня, — мягко сказала она, и на глазах у нее выступили слезы. — Ты — моя единственная надежда. Почему ты за десять лет ни разу не хотел меня увидеть?

— Потому что, — прошептал он и попытался отвести глаза, но понял, что не может, — это слишком больно.

Яна погладила его по щеке.

— А ты думаешь, любовь моя, мне не было больно? Очень больно жить в безумии. Джандер, куда они делись? У меня был разум, мысли, мечты — куда они делись, когда я сошла с ума? Что с ними произошло?

Джандер отшатнулся.

— Я не знаю, как тебе помочь! — крикнул он, разозлившись и на нее, и на свою беспомощность. Он встал, прошелся туда-обратно и повернулся к ней спиной. — Похоже, о тебе никто ничего не знает. Мне не удалось найти никаких следов твоего пребывания здесь!

— Ты должен найти мои следы, а с ними и моего обидчика, — ласково сказала Яна. — Нужные тебе знания находятся ближе, чем ты думаешь. — Джандер обернулся с вопросом на устах и обнаружил, что Яна исчезла.

Эльф моргнул, сбитый с толку этим неожиданным видением. Небо серело — приближался рассвет. Джандеру захотелось никуда не ходить, остаться на месте и смотреть на восток, смотреть, как во всем своем великолепии, красоте и боли поднимается солнце. Тогда все закончится... но своего обещания он не выполнит.

Тяжесть решения навалилась на плечи. Джандер на мгновение прикрыл глаза и повернулся к замку.

Глава пятнадцатая

Трина скучала.

Джандер точно знал, что она скучает, потому что у него за спиной были отчетливо слышны частые вздохи и суетливое ерзанье, но он был слишком занят своей работой.

Стоя на стремянке, он заостренной стамеской счищал многолетнюю грязь, забившую вырезанные под фреской буквы. Раньше надпись была совершенно неразборчива, а теперь можно было прочесть: КОРОЛЬ ГОБЛИНОВ БЕЖИТ ПЕРЕД ИЛ И С Щ О С М О ОР Н В ОД . С терпением, каким обладают только мертвецы, эльф начал работать над буквой Е в слове «ПЕРЕД».

Сама фреска была в жалком состоянии, но Джандер еще мог разглядеть на ней мощную фигуру, стоявшую на холме с протянутыми руками перед ордой съежившихся существ. Он предполагал, что фреска изображает Страда, изгоняющего тварей, которые некогда угрожали Баровии.

— Боги, Джандер, как ты можешь это *выдержать*? — Трина, в человеческом облике, смотрела на него снизу вверх и морщила носик от отвращения.

— Знаешь, маленькая волчица, — ответил он с тенью улыбки в голосе, — мне больше нравится чистить фрески, чем охотиться на невинных ради развлечения.

Страд бы оскорбился. Трина просто заметила:

— А что же еще ты предлагаешь мне делать? Я же оборотень.

— Не все оборотни злые, — рассеянно заметил Джандер, прищуриваясь: под его осторожными прикосновениями буква Е начала обретать форму. — По крайней мере, там, откуда я родом.

Трина рассмеялась и захлопала в ладоши, решив, что Джандер очень удачно пошутил.

— Это смешно!

— Это правда.

— Нет! *Действительно?*

— На Ториле живут совы-оборотни, медведи-оборотни и даже дельфины-оборотни. И некоторые из них — добрые и дружелюбные существа, которые придерживаются закона и защищают его. Однажды со мной подружился дельфин-оборотень. Он спас мне жизнь.

— А что такое дельфин-оборотень?

Джандер удивленно замолчал, потом пожал плечами. Баровия, похоже, не имела выхода к морю, так что Трина, конечно, никогда не видела океана. Он пожалел ее за это, и к нему снова вернулась тоска по прекрасным берегам Эвермита.

— Дельфины — это животные, похожие на больших рыб. Но они теплокровные. Они рожают живых детенышей, а не мечут икру. Дельфины-оборотни превращаются из дельфинов в людей.

Трина была в восторге

— Какие странные животные. Этот дельфин-оборотень был у тебя в долгу?

— Нет. Он просто увидел, что я в беде, и пришел на помощь.

Трина нахмурилась.

— Как глупо, — задумчиво сказала она. — Ты мог притвориться беспомощным, чтобы подманить его, поймать и продать.

Джандер оторвался от надписи и сердито посмотрел на оборотницу.

— Не у всех мозги устроены так, как у тебя, — огрызнулся он.

— И хорошо, — промурлыкала Трина. Джандер, вернувшись к работе, приступил к следующей букве. — Расскажи мне, как ты сюда попал.

— Меня принесли туманы. Ничего необычного.

— Да, это бывает со всеми. Неужели никто никогда не прибывал сюда с помощью магии?

Джандеру иногда нравилось поболтать с оборотницей, но она затронула самую нелюбимую его тему, и терпение у него начало подходить к концу.

— Трина, я ничего не знаю про магию. Почему бы тебе не спросить Страда?

Она помолчала и мрачно сказала:

— Я с ним не разговариваю. Он прошлую ночь провел с Ириной. *Опять.* — Трина сердито пнула каменную ступеньку и разразилась ругательствами, которым позавидовал бы любой матрос.

Да, теперь Джандер вспомнил Ирину. Последнее «приобретение» Страда, пока еще человек, но ненадолго.

— Тогда почему ты здесь? — спросил он Трину.

Она пожала плечиками.

— Не знаю, — сказала она и добавила низким, хриплым голосом: — Может быть, я пришла повидать тебя.

Джандер обернулся. Трина поставила маленькую босую ножку на нижнюю ступеньку стремянки и улыбалась ему алым соблазнительным ртом, пристально глядя на него. Эльфу стало ее очень жаль, и он передвинулся так, чтобы лучше ее видеть.

— Трина, ты очень привлекательная девушка, но меня ты не интересуешь. Кроме того, если ты считаешь, что я когда-либо хотя бы *подумаю* о том, чтобы завязать роман с одной из дам Страда...

— С *одной* из них! — Трина злобно посмотрела на Джандера. — Я не просто одна из дам Страда!

Эльф не ответил. Обозленная Трина продолжала:

— Меня тошнит от этих слов. Неужели ему мало меня? Зачем ему эти глупые, безмозглые и безвольные рабыни? Он говорил, что ему нравится, что я — самостоятельное существо!

— Я думаю, так и есть, — ответил Джандер.

— Тогда почему...

— Трина, Страду нравится твоя независимость. Но управлять и властвовать ему тоже нравится. Оставь в покое его рабынь. Они для него всего лишь... развлечение. — Он не сказал, что и сама Трина вряд ли была для повелителя Баровии чем-то большим, чем просто развлечение.

— Мне это не нравится, — пробормотала она, садясь на каменную лестницу и опуская подбородок на руки. На хорошеньком личике отразилась душевная боль. При всей своей небрежной жестокости Трина иногда казалась одиноким ребенком. Джандер спустился со стремянки, осторожно уложил инструменты в изготовленный им защитный чехол и сел на ступеньку рядом с Триной. Оборотница на него не смотрела и не подняла глаз, когда эльф ласково повернул ее лицо к себе. У нее на ресницах блестели огромные слезы. Джандер ободряюще обнял ее за плечи.

— Я терплю его пренебрежение только из-за магии, — хрипло сказала оборотница. — Ты знаешь, он учит меня. Я уже много узнала. Я намерена как следует научиться магии, чтобы заставить его хотеть только меня.

— И это все, зачем нужна магия, да? — воскликнул Джандер, его жалость превратилась в гнев. — Магия! «Я могу быть богатым, я могу заставить кого-то влюбиться в меня, я могу править миром.» Боги!

— Ты ненавидишь магию? — Трина удивленно покачала головой. — Но

с помощью магии можно так много сделать. Например, вот эта фреска, над которой ты работаешь уже целую вечность. А ведь стоит всего лишь попросить Страда произнести одно маленькое заклинание, и за секунду фреска будет восстановлена.

— Мне нравится работать с фреской, нравится видеть, как у меня под руками возрождается ее красота. Магия отняла бы у меня это удовольствие. Кроме того, — жестко добавил он, — Страда интересует только то, из чего он получает пользу, причем сразу же.

— Это неправда!

— Правда, правда. Если ты хочешь быть любимой, то как насчет того молодого человека, с которым у тебя вроде бы роман в поселке?

— Он? Смешно! Я согласилась встречаться с ним только потому, что Страд счел хорошей идеей, если я заведу в поселке ухажера. Тогда жители поселка меньше будут меня в чем-нибудь подозревать.

— Значит, ты делаешь все, что тебе велит Страд. Ты ничем не лучше его рабынь. Вообще-то ты даже хуже, потому что слушаешься его по собственной воле.

Трина открыла было рот, чтобы отпарировать, но замерла, поняв, что Джандер прав.

— Нет, — прошептала она, — я для него не игрушка. Нет. Он меня любит.

Она выглядела такой юной и несчастной, так похожей на простую человеческую девушку в муках первого подросткового романа, что Джандер был тронут. Он ласково прижал Трину к себе и почувствовал напряжение ее маленького тела. Ее плечики затряслись, и она заплакала, вцепившись ручками в его синюю тунику. У нее не было никакой надежды на счастье с повелителем этой земли.

— Ой, ну надо же, какая у нас тут милая сцена, — прозвучал голос Страда. Джандер и Трина отшатнулись друг от друга, словно дети, которых застали за какой-то шалостью.

— Страд... — начал Джандер, но, посмотрев на графа, замолчал. Орлиное лицо Страда посерело от гнева, а глаза пылали алым. Он угрожающе поднял руки, изогнув губы в усмешке откровенной ненависти.

Эльф решил было, что перегнул палку, что Страд потерял терпение и сейчас уничтожит его. Но красное сияние в глазах графа померкло, его взгляд снова стал отстраненно-прохладным, он опустил руки. Джандер с облегчением закрыл глаза.

— Джандер Солнечная Звезда, мой старый друг, — сказал Страд мягко, но угрожающе, — ты можешь не одобрять магию, но ты должен

помнить, что ее следует уважать... как и тех, кто ее использует.

Граф обернулся к оборотнице. Трина в страхе начала трансформироваться, прижавшись к стене лестничного пролета и тихонько хныкая. С волчьей морды испуганно смотрели совершенно человеческие глаза, а когти на длинных пушистых лапах скребли по камню.

Страд обаятельно улыбнулся, ласково глядя на Трину, и протянул ей руку.

— Трина, моя дорогая! — ласково сказал он. — Не бойся. Все уже прощено и забыто. Вот так, вот так, моя Трина! — одобрительно сказал он, когда оборотница, закончив превращение, подбежала к нему и весело запрыгала у его ног. Вампир протянул руку и ласково погладил ее по шерсти. — Возможно, я и правда уделял тебе недостаточно внимания, моя дорогая.

Граф и оборотница отправились вверх по лестнице. На середине пролета Страд остановился, медленно обернулся и посмотрел на эльфа. Джандер спокойно встретил его взгляд.

— Мой старый друг, — сказал граф ледяным тоном, не соответствовавшим теплым словам, — мы так давно не беседовали. Я приду к тебе завтра после заката, и мы поедим и поговорим, как бывало раньше, хммм? — Он отвернулся, не дожидаясь ответа, и пошел дальше.

Джандер посмотрел ему вслед, и целая буря чувств нахлынула на него. Он попытался было вернуться к работе над фреской, но сразу же понял, что не в состоянии сосредоточиться. Он от всей души пожелал, чтобы Трина ничего не говорила про магию. Почти всю боль, какую Джандер испытывал за долгие годы своего существования, ему причинила магия. Даже на волшебном Ториле мастера магических искусств не смогли снять с него проклятие нежизни.

Он пытался не вспоминать, но воспоминания опять оказались сильнее.

* * * * *

Дрожа от изнеможения, эльф-вампир оперся на маленькую кованую калитку и посмотрел на обсаженную цветами тропинку, ведущую к домику. Теперь, добравшись наконец сюда, Джандер засомневался, а хватит ли у него мужества.

Ему потребовалось много недель, чтобы, идя ночью и отдыхая днем, добраться до Уотердипа. Уничтожив своего хозяина, Кассьяра, Джандер отказался пить человеческую кровь, хотя и нуждался в ней. Даже пить кровь лесных животных он не хотел, так что приказал себе питаться только в случае абсолютной необходимости. Неудивительно, что он

сильно ослаб.

Из упрямой гордости он даже облик не сменил. Волк или летучая мышь добрались бы до Уотердипа гораздо быстрее, но Джандер изо всех сил держался за свою эльфийскую сущность, так что прошел весь путь на двух ногах.

Он-то считал, что Лирия Прекрасная давно умерла, обратилась в прах больше ста лет тому назад. Узнав, что благодаря своему магическому искусству она по-прежнему жива, и живет не где-нибудь, а в Уотердипе, Джандер снова исполнился надежд. И вот он мысленно сделал глубокий вдох, открыл калитку и прошел это маленькое, и все же гигантское, расстояние до дверей ее домика, взял в руки дверной молоточек и постучал.

Никто не ответил. Джандер опять постучал. В одном из окон второго этажа замерцал свет, и великолепный слух эльфа-вампира уловил поскрипывание ступеней под ногами — кто-то спускался.

— Вы знаете, уже поздно. Ночью я беру двойную плату.

Джандер слегка улыбнулся.

— Открой, круглоухая, — ответил он, стараясь, чтобы его голос звучал так же весело, как сто лет назад.

Заскрипел засов, и дверь приотворилась.

— Никто и никогда не звал меня круглоухой, кроме тебя, Пальцы-Веточки, — весело сказала Лирия.

Она почти не изменилась. Какие бы зелья она ни пила, они определенно действовали. Золотые волосы стали кремово-белыми, что ей почему-то очень шло. Вокруг незабываемых зеленых глаз собрались морщинки, но тело, одетое в многоцветное одеяние, которое она называла «радужной мантией», не потеряло стройности и гибкости. С радостным воплем Лирия протянула руки к эльфу и энергично обняла его за шею.

Ошеломленный, он ответил не сразу. Они разжали объятия и оглядели друг друга.

— Лирия Прекрасная, — восхищенно и ласково сказал Джандер, — ты стала еще прекраснее, чем раньше.

— Нет на свете лучших льстецов, чем эльфы, — язвительно ответила Лирия. — И верно, добрая встреча, мой старый друг. Заходи, заходи! Руки у тебя просто ледяные!

Хлопоча, как курица-мать над единственным цыпленком, она впустила Джандера внутрь. Убранство гостиной соответствовало ее характеру — одновременно уютное и элегантное. Между двух высоких книжных шкафов в камине серого камня пылал огонь. Посередине комнаты стоял низкий деревянный стол, украшенный инкрустациями, а около него друг

напротив друга находились две низких тахты, покрытых роскошными бордовыми подушками.

На столе, на гравированном серебряном подносе, стоял графин темно-го вина и четыре изящных стеклянных бокала, переливавшихся, словно пузыри на гребне волны. Лирия жестом предложила Джандеру сесть на тахту, потом указала на графин.

— Может, бокал вина, чтобы прогнать холод?

— Нет, спасибо, — торопливо сказал Джандер. — Я больше не пью вино.

— *Что?* — Музыкальный смех Лирии наполнил комнату, и даже Джандер улыбнулся, вспомнив застольные состязания с Трампером Подхолмником. Обычно побеждал полурослик, но по крайней мере дважды Джандеру удалось его перепить. — Думаю, за сотню лет кто угодно может измениться. — Она улыбнулась, наливая себе немного рубиновой жидкости. — Может быть, принести тебе что-нибудь еще? Ты просто смертельно замерз, Джандер, и выглядишь не слишком хорошо. Тебя что-то беспокоит?

Джандер почувствовал, как ему на плечи снова опустилась вся тяжесть его проклятия.

— Лирия... как я выгляжу? — Он уже почти сто лет был вампиром и не отражался в зеркале.

Лирия нахмурилась.

— Станный вопрос. Вот тебе зеркало, посмотри сам...

— *Нем!* — Джандер невольно схватил волшебницу за руку, но приказал себе ее отпустить. — Нет, просто... просто скажи мне, что ты видишь.

Лирия критически оглядела эльфа своими изумрудными глазами.

— Давай посмотрю. Волосы у тебя все того же великолепного цвета, за который я тебе так завидовала, такие же пшенично-золотые. Глаза... не совсем серебряные. Я бы сказала, что они скорее серо-стальные. А вот цвет кожи у тебя действительно изменился. Какой-то коричневый вместо золотистого. Ты ужасно тощий, Джандер, и замерзший.

Эльф опустил глаза. Как ей объяснить? Он задумался над своей проблемой и не заметил, что Лирия встала и куда-то пошла.

— Старый друг, — начал он, отрывая взгляд от пола, — я...

Он завизжал от боли, замахал руками и свалился с тахты. Два бокала слетели на пол и разбились. Это Лирия нашла зеркало и направила на него. А теперь она в ужасе смотрела на на корчащегося эльфа.

— Но это же только... — Волшебница посмотрела в зеркало и все

поняла.

В зеркале отражались софа и бордовые подушки, разбитые бокалы, пол и стены дома. Джандер в зеркале не отражался.

— О, мой бедный друг, — с жалостью выдохнула Лирия. — Мой бедный, бедный друг. — Дрожа, Джандер посмотрел на нее взглядом, полным боли, и одна-единственная кровавая слеза сбежала по его щеке.

Лирия ласково помогла ему подняться, усадила на тахту и подтянула кресло поближе к эльфу.

— Как? — спросила она.

Джандер засмеялся — сухо, невесело.

— Я даже не работал. Я возвращался сюда, в Уотердип. Я решил, что хватит с меня хватило бродячей жизни, и собирался уплыть в Эвермит на первом же корабле. В двух днях от дома. Меня... — Он замолчал, размышляя, стоит ли рассказывать самую мрачную часть истории. Глядя в зеленые встревоженные глаза Лирии, он решил, что не стоит. Зачем ее мучить?

— Продолжай, — попросила она. Джандер облизал губы.

— На меня напал вампир, пока я спал. Его хозяин, Кассьяр, счел меня интересной игрушкой. Он еще никогда не слышал об эльфийских вампирах, так что он меня берег и старался мной не рисковать. Мне понадобилось почти сто лет, чтобы его убить.

Я решил найти тебя. Если кто-нибудь может снять с меня проклятье, то это ты. Я так долго этого ждал. — Он схватил волшебницу за руки. — На самом деле, Лирия, я остался самим собой. Я по-прежнему эльф. Я так бледен, потому что уже много месяцев не пил человеческой крови, и уже несколько дней воздерживаюсь даже от крови животных. Богам я безразличен; они меня не спасли. Но ты можешь меня спасти, ведь ты волшебница. Ты можешь меня вылечить, правда?

Теперь смущенно опустила глаза Лирия. Сжав ледяные руки Джандера, она встала и начала ходить туда-сюда. У эльфа болезненно сжалось сердце. Он достаточно хорошо знал волшебницу, чтобы это хождение ему очень не понравилось.

— Лирия...

Она нетерпеливо махнула рукой, веля ему замолчать.

— Джандер Солнечная Звезда, я помню, как мы встретились в первый раз, еще до того, как создали Серебряную Шестерку. Ты весь сиял, когда рассказывал мне о своей родине, Эвермите, и как ты рад приехать сюда, в Фаерун. Я помню, как пыталась вбить хоть немного магии в твою умную, решительную, но совершенно немагическую голову. Мы

через многое прошли вместе: дракон, Долина Кинжалов... — Горло у нее перехватило, и глаза заблестели от слез. — Так что ты понимаешь, что если бы существовал какой-нибудь способ тебе помочь, в этом ли мире или в другом — *в любом* другом, то я бы тебе помогла.

Боль в сердце Джандера усилилась.

— Это похоже на «нет».

Лирия смахнула с лица слезы, выкатившиеся из глаз.

— Потому что, старый друг, я ничего не могу сделать. От вампиризма нет исцеления, кроме смерти. Смерть исцеляет почти все.

Джандер судорожно размышлял.

— Ты можешь меня убить, а потом воскресить?

— Ну, конечно, могу. Но я воскрешу вампира, потому что сейчас ты вампир. Никакая магия не может тебе помочь.

Зрение Джандера начала заливать красная мгла.

— Нет... нет... Я эльф! *Я же эльф!* — Он нервно начал собирать куски стекла. — Я не могу быть одним из... Я был в Долине Кинжалов. Я знаю, что творят вампиры. Я знаю, что они такое. Я помню. Лирия, пожалуйста, умоляю тебя, скажи мне, что я не...

Он понял, что сжал в кулаке острый кусок стекла, но не почувствовал боли. Не задумываясь, он вытащил стекло из раны. Кровь не потекла.

— Не знаю, как тебе удалось, но ты действительно остался тем, кем был. Этим можно гордиться, из этого можно черпать силы. Тебя нельзя исцелить волшебством, но это не значит, что ты обречен стать одной из кошмарных тварей Долины Кинжалов. Может быть, ты сможешь... — Голос Лирии дрогнул и замолк — такой потрясенный взгляд бросил на нее Джандер.

— Надежды нет, — прошептал он, пряча лицо в ладонях. Лирия ласково положила руку эльфу на плечо.

— Никакая магия не может тебя спасти. Есть только один способ снять с тебя проклятие. Если ты захочешь истинной смерти, мой милый, ласковый Джандер, приходи ко мне, и я убью тебя милосердно. Лучше умереть от руки друга.

С ревом Джандер вскочил с дивана и бросился на Лирию. Но волшебница была начеку и успела отскочить в сторону. Сунув руку в сундучок с разными вещицами, она схватила первый попавшийся предмет и ткнула им Джандера в лицо.

Вампир отшатнулся, вскинув руки и закрывая ими лицо.

— Лирия, — отчаянно крикнул он, — ты смеешься над моей болью!

Потом он исчез, и Лирия осталась одна.

Переведя дыхание, волшебница посмотрела на предмет, остановивший эльфа-нежить. Это был маленький деревянный кружок, окрашенный в розовый цвет — символ Латандера Повелителя Зари. Лирия закрыла глаза от сочувственной боли. Когда-то Джандер поклонялся прекрасному златокожему богу утра.

Глава шестнадцатая

Саша проснулся от нежного звона дождевых капель по стеклу. Несколько секунд он сонно нежился в постели, мысленно благодаря погоду. Дождь за окном означал, что им с Мартином сегодня не придется проводить на Рыночной площади ежедневный ритуал приветствия утра.

Не то чтобы Саша был нерелигиозным человеком. Пятнадцать лет тому назад, после той ужасной ночи, Латандер Повелитель Зари стал центром его мира. И сегодня они с братом Мартином проведут рассветную церемонию — прямо в церкви, распахнув двери для всех, кто захочет зайти. Саше просто не нравилось, что им до сих пор так и не удалось убедить почти никого из баровийцев уверовать в Латандера. Целый час торчать посреди Рыночной площади на виду у всех, когда никто тебя не слушает и слушать не хочет — это обезоруживало.

Раздался далекий удар грома, и Саша открыл глаза. Зевая, он неохотно потянулся, спустил ноги на пол и поскорее накинул мантию, чтобы не дрожать от холода. В крохотной келье было еще совсем темно. Молодой человек зажег свечу, раскатал молитвенный коврик, сел на него и сосредоточился, готовясь к собственной личной молитве Повелителю Утра.

Внизу брат Мартин уже готовил алтарь. Напевая, он накрывал алтарь чистой белой тканью и почтительно расставлял на нем подсвечники. Ему уже исполнилось тридцать пять, но внешне он изменился мало. Но внутри Мартина выедала тяжелая болезнь. Он уже давно знал о ней и счел ее волей Повелителя Утра, поэтому ничего не сказал о ней Саше.

— Простите, брат Мартин, я опоздала, но меня немного задержал дождь, — прозвучал милый голос Кати, эхом отдававшийся в пустом нефе. Она остановилась у двери и встряхнула влажными волосами. Капли воды полетели во все стороны. Немного дрожа, Катя быстро сняла темно-зеленый шерстяной плащ и расстелила его на одной из скамей —

сушиться.

— Не волнуйтесь, дорогая моя. Саша еще не выходил — должно быть, нежится в постели.

Катя засмеялась, весело глядя на Мартина.

— Я нашла еду, которая соблазнит даже вас, брат, — поддразнила она, подходя к алтарю с мокрой от дождя корзинкой, накрытой тканью. — Ваш любимый сливовый пирог. А еще хлеб, сыр и немного засахаренных сушеных яблок.

Священник был тронут.

— Катя, что бы мы с Сашей без вас делали? Но я боюсь, что я еще не проголодался. Так что пирог скушайте вы с Сашей. А я, — добавил он, — съем немного засахаренных яблок.

Катя уперла руки в боки и сердито посмотрела на него.

— И? — настаивала она.

— И немного сыра.

— И?

Мартин рассмеялся.

— Сжальтесь, умоляю вас! — с улыбкой запротестовал он. У дверей раздались торопливые шаги. В церковь вбежала портниха Кристина, плотно закутанная в черный плащ — и от дождя, и чтобы ее не узнали. Ее острое лицо раскраснелось, а темные глаза настороженно смотрели вокруг.

— Не знаю, смогу ли я еще приходить сюда, брат Мартин, — сказала она тихим дрожащим голосом. — Если мой муж узнает...

— Сестра, — ласково сказал Мартин и взял ее руки в свои, — Ландер позаботится о вас. Я только хотел бы, чтобы Повелитель Зари коснулся Ивара так же, как он коснулся вас.

— Приветствую, сестра Кристина, сестра Катя, — сказал, входя, Саша, одетый в церемониальную мантию из розового атласа с вышивкой. Эту мантию ему в прошлом году сшила Кристина, и Саша носил ее с удовольствием и гордостью. Увидев молодого священника в этом одеянии, встревоженная портниха слегка улыбнулась.

— Приветствую, брат Саша, — прошептала Катя, торопливо начиная зажигать свечи в нефе.

Саше гораздо больше хотелось смотреть на нее, чем есть принесенные ею яства. Шесть месяцев, как девушка появилась в деревне, и эти шесть месяцев Саша видел ее каждый день. И с каждым днем ему все сложнее становилось скрывать свои чувства.

Сначала он влюбился в ее облик. А кто бы не влюбился? Катя была

прелестна — темные волосы, изящная фигурка и большие выразительные глаза. К тому же Саша был наполовину вистани, а вистанийские мужчины, если верить баровийской поговорке, знают толк в женской красоте.

Но Катя была красива не только внешне. В конце концов сердце Саши окончательно покорила ее ласковая, доверчивая натура. И теперь он смотрел, как она ходит по нефу с горящей восковой свечкой и тянется вверх, чтобы зажечь высокие, толстые сальные свечи, и как загорающиеся фитили мягким теплым светом освещают ее черты. Саша принял решение. Он постучал Мартина по плечу.

— Брат, можно вас кое о чем спросить?

— Конечно, Саша. В чем дело?

Молодой человек отвел Мартина в угол и прошептал:

— Я много думал в последние месяцы. Я думал — мы никогда не говорили об этом, но... можно ли священнику Латандера жениться?

Ну вот, слово сказано. Саше сразу стало легче, и пусть Мартин говорит что хочет. Священник улыбнулся, переводя взгляд с Саши на Катю.

— Это она, да? — Молодой человек кивнул и робко улыбнулся. — Если твоя невеста верует, нет никаких причин запрещать ваш брак. Но сейчас, мой мальчик, — серьезно добавил Мартин, — перед тобой стоит одно препятствие.

Саша встревоженно посмотрел на него.

— Какое?

— Она должна сказать «да», — по прежнему серьезно сказал Мартин, но в его бледно-голубых глазах замерцала искорка смеха.

Молодой священник опять посмотрел на Катю. Она зажгла все свечи и теперь сидела с Кристиной на первой скамье. Две женщины — одна немолодая и усталая, другая юная и полная жизни — склонились головами друг к другу. Саша увидел, как Катя порывисто сжала руки Кристины. Почувствовав взгляд Саши, девушка обернулась и застенчиво улыбнулась ему. Саша весело и легко улыбнулся в ответ. Сегодня же, сразу после рассветного обряда, он сделает ей предложение.

— Почти пора, а мы еще не готовы, — упрекнул его Мартин. Саша смущенно посмотрел на старшего священника и принялся помогать Мартину украшать алтарь.

Через несколько секунд за сплошной пеленой облаков взошло солнце. В поселке почти никто не обратил внимание, что серое небо немного посветлело, но четверо собравшихся в церкви склонили головы, вознося благодарность за рассвет. Повелитель Зари изгнал длинную баровийскую ночь, прогнал все ужасы, таившиеся в темноте. Это значило немало. Чет-

веро обошли вокруг Солнечной Чаши — позолоченного кубка, наполненного белым вином — и каждый отпил глоток. Саша прочел Утреннюю Молитву, и четверо запели хвалебный гимн еще одной пережитой ночи.

Чистый тенор Саши далеко разносился вокруг. Дождь все лил и лил, и маленькая мальчишеская фигурка, съезжившаяся у церковных дверей, совсем промокла. Через открытую дверь Лисенок слышала слова гимна и беззвучно повторяла их замерзшими губами. Лейль вытерла с лица каплю, не зная, дождь это или слеза.

* * * * *

Джандеру уже приходилось видеть Страда в гневе, но в таком — никогда.

Гневный рев черноволосого вампира раздался еще у входа в замок под аккомпанемент жуткого громового раската. Граф гордился своей выдержкой, но Джандер прекрасно знал, какой бешеный нрав прячется под его лощеной холодностью. Теперь, насквозь промокший от дождя и перемазанный кровью, держа на руках труп, с которого стекали кровь и вода, Страд просто посинел от гнева.

— Кто смеет! — вопил граф в пространство. — Кто смеет!

— Что случилось? — спросил Джандер. Трина, со всех ног примчавшаяся на шум, слегка улыбнулась.

Страд сердито швырнул тело на пол. Оно упало с глухим чмокающим звуком, и Джандер увидел, что у тела нет головы, а в груди вырезана большая дыра. Страд дрожал от бешенства.

— Кто-то убил одну из моих рабынь!

Джандеру было что ответить, но он прикусил губу. Он мог это предвидеть. Вообще-то Джандер пытался предупредить графа, что не стоит заводить столько рабынь, но сейчас он предпочел об этом не напоминать.

— Будь он проклят, я с ней еще не закончил! — Страд посмотрел на ошеломленного эльфа. — Ты можешь предположить, у кого из этих жалких тварей в поселке может хватить мужества на такое?

Джандер покачал головой.

— Они все боятся тебя, Твое Превосходительство. Матери пугают детей «дьяволом Страдом». Может, кто-то из новоприбывших?

Граф принялся ходить туда-сюда, сжимая и разжимая кулаки.

— Нет, вистани мне уже давно ничего не сообщали о бродягах.

— Кто-то мог пройти сквозь туман и избежать встречи с цыганами, — заметила Трина, спускаясь по ступеням и подходя к Страду. Граф замер на полушаге и уставился на Трину, обдумывая ее слова.

— Верно, — признал он. — Я выясню.

— Как насчет священников? — предположил Джандер.

На это Трина громко рассмеялась.

— Как, Безумный Мартин и его тощий ученичок? Нет, Джандер, эта парочка совершенно безобидна.

— Кто-то еще, кто-то в поселке, осмелился бросить мне вызов. — Страд жестко улыбнулся, блеснув клыками в свете факелов. — Он об этом горько пожалеет. Джандер, как бы ты поступил с таким типом?

— Ты можешь сделать так, чтобы он тебя больше не побеспокоил, — ответил эльф. — Но я не уверен, что тебе это понравится. Просто пережди его.

— Это путь труса! — презрительно воскликнул Страд. — Ты предлагаешь мне, повелителю Баровии, позволить какому-то наглому смертному убивать моих созданий?

— Да, именно это я и предлагаю. Сейчас тебя с вампирками ничто не связывает. Если ты начнешь наказывать баровийцев за нападения на вампиров, ты сыграешь прямо на руку охотнику за нежитью. Оставь его в покое, Страд. Пусть он уничтожает твоих рабынь, если хочет. До тебя он не доберется, а через несколько лет он будет мертв, и ты ничего не потеряешь.

Страд недовольно сощурился, раздувая ноздри.

— Ты прав, Джандер. Мне не нравится этот план. Но я признаю, что у него есть достоинства, и я его рассмотрю. — Он посмотрел на труп и покачал головой. — Бедная милая Ирина. Джандер, вели зомби избавиться от тела. А ты, моя любимица, — сказал он, протягивая Катрине могильно-бледную руку, — пойдем со мной. — Они с оборотницей легко избежали вверх по лестнице, причем слышались только шаги Катрины.

Джандер осмотрел безголовое тело, которое некогда было красивой женщиной, легко поднял его и вынес в сад у часовни. Там, при лунном свете, под проливным дождем, он сам похоронил Ирину.

На следующий вечер эльф поднялся рано и отправился в часовню. Он стоял у разбитого окна и смотрел на сумеречный сад. Днем дождь перешел в снег. На далеком горизонте только что поблекли цвета заката, и могилы Наташи и Ирины укрывал толстый слой свежевывапавшего снега.

Страд появился внезапно и без предупреждения, но Джандер спокойно обернулся к младшему вампиру и аккуратно подхватил серый плащ, который швырнул ему Страд. Граф растянул губы в улыбке — похоже, он был в отличном настроении. Джандер насторожился, стараясь не выдать своей тревоги. Представления Страда о веселье сильно отличались от представлений эльфа.

— Пойдем, друг мой, — сказал Страд, увидев, что Джандер не торопится надевать плащ, — у нас сегодня вечером есть дело!

— Разве мы не идем охотиться в волчьем облике? — осторожно спросил Джандер. Обычно они с хозяином Замка Равенлофт охотились вместе именно в волчьем облике, хотя в последние годы это случалось все реже и реже. Мех был гораздо лучшей маскировкой, чем плащи.

— Это сюрприз. Нам надо побывать кое у кого в поселке, — заявил Страд. Развернувшись, граф прошел через замок и вышел в замковый двор, где их ждала пара черных коней, запряженных в великолепный экипаж Страда. При виде повозки Джандер немного расслабился. Если бы граф собирался устроить еще одну «дисциплинарную» резню вроде той, что он устроил в доме бургомистра пятнадцать лет назад, он, конечно, не стал бы брать карету и лошадей.

Кони цвета полуночи начали долгий путь по крутой дороге к поселку. В воздухе уже чувствовалась весна, но на земле еще лежал снег. Почти полная луна отлично освещала все вокруг.

Два вампира какое-то время молча сидели рядом. Джандер гадал, что же сегодня у графа на уме. Должно быть, Страд изобрел для него очередное небольшое «испытание». Ирония судьбы, подумал эльф. Вот они, два могущественнейших представителя нежити, запертые в этой мрачной земле, казалось, подпитывавшей их и хранившей. Вместе они могли бы быть непобедимы, но оказались слишком разными, чтобы стать хотя бы надежными союзниками.

Многими чертами Страда эльф восхищался. Граф, с его непринужденной манерой разговора и огромным кругозором, несомненно, был отличным собеседником. Но в Страде чувствовался какой-то неутолимый голод, который настораживал Джандера. Они не были друзьями, несмотря на то, что граф постоянно употреблял это слово. Возможно, товарищи по оружию, объединенные своей неестественной сутью и силой личности, но не друзья.

Джандер заметил, что Страд наблюдает за ним, и слегка улыбнулся.

— Я бы хотел, чтобы ты мне сказал, что ты задумал.

— И испортил весь сюрприз? Ни за что! Когда впереди ожидают столетия, сюрпризы помогают поддерживать остроту чувств. Только избегая равновесия, можно сохранить живость ума, верно?

Вот экипаж пересек кольцо тумана, вот колеса простучали по мосту, и они продолжали путь. Скоро карета въехала в поселок. Джандер увидел, как в окна испуганно выглядывают бледные лица. Кони рысью бежали дальше, резко свернули направо, пересекли центральную площадь и

свернули налево в первый же переулок.

Наконец они остановились перед маленькой лавочкой. На ветру скрипела вывеска, изношенная до неразборчивости. Все остальные лавки были пусты — или закрыты, или заброшены. Но в окне этой лавки горел свет.

Страд эффектным движением выпрыгнул из экипажа. Как всегда, он намерен был произвести впечатление. Изящно и в то же время властно он подошел к двери и громко постучал.

Секунду стояла тишина.

Наконец тонкий голос спросил:

— Кто там?

— Твой сеньор, — гроыхнул Страд. — Тебе было велено меня ожидать.

Снова настало молчание. Джандер почувствовал запах страха, доносившийся из-за деревянной двери, и услышал, как отодвигается задвижка. Дверь со скрипом приоткрылась, из нее выглянуло женское лицо с острыми чертами, и дверь распахнулась полностью.

Женщина опустила в реверансе, возможно, чтобы спрятать страх.

— Добрый вечер, граф, — сказала она дрожащим голосом. — Меня зовут Кристина. Все готово к вашему визиту.

— Отлично, моя дорогая! — любезно сказал граф, протягивая руку, чтобы помочь ей встать. Кристина поднялась и отступила, пропуская Страда и Джандера в крохотную, довольно бедно убранную гостиную. Быстро оглядев комнату, эльф заметил жесткие потертые кресла и старые, но тщательно отполированные столы между ними. На стенах висело множество изображений мужчин и женщин в вечерних одеяниях — только они в этой маленькой комнатке и казались принадлежащими хозяйке.

Страд взял Джандера за руку и провел его в центр комнаты. Кристина последовала за ними.

— Это мой компаньон, Джандер Солнечная Звезда, — сказал ей граф. — Он нуждается в твоих услугах.

Женщина перевела испуганные карие глаза на Джандера, послушно подошла поближе и потянулась к эльфу, словно желая его коснуться. Джандер вздрогнул, торопливо отступил от нее и озадаченно посмотрел на улыбающегося Страда. Кристина опять подошла к Джандеру и медленно, но уверенно провела ладонями по его плечам и рукам, осматривая его тунику.

— Не должно быть никаких сложностей, Ваше Превосходительство, — сказала она. Окончательно сбитый с толку эльф растерянно смотрел на

женщину и Страда.

Граф разразился смехом.

— Кристина, мы совсем смутили нашего друга! Джандер, Кристина — портниха. Я попросил бургомистра сообщить лучшему портному в поселке, что нам нужны его услуги. Твоя одежда не слишком подходит для праздника весны.

— Для чего? — переспросил Джандер, все еще озадаченный.

Страд не ответил и снова обернулся к Кристине, которая, похоже, слегка расслабилась.

— Дорогая моя, вы приготовили ткани и цвета на выбор, как я просил?

— Конечно, да, господин, — ответила портниха и провела их в соседнюю комнату, гораздо больше предыдущей. Здесь находились портновские инструменты: ножницы, манекены, толстые подушечки с иглками и булавками, стеллажи с разноцветными нитками для шитья и вышивания. На столе были разложены отрезы тканей.

— Я от души надеюсь, что вам понравится что-нибудь из того, что я могу предложить.

Сосредоточившись на деле, Кристина начала забывать о своих страхах. Ей было уже почти сорок, ее лицо поблекло от забот и тревог, но когда она говорила о своей работе, ее глаза сверкали. Она сумела подобрать отличный ассортимент тканей. Джандеру, предпочитавшему яркие простые цвета, вроде синего и красного, понравились золотистый шелк и темно-синий бархат. Он также выбрал отрез красного сукна и золотую и серебряную тесьму.

— А мой стиль тебе не нравится, Джандер? По-моему, он тебе отлично пойдет, — предложил Страд, указывая на свой отлично сшитый официальный костюм.

— Нет, Ваше Превосходительство, для меня там слишком много пуговиц. Меня вполне устроит новая одежда привычного фасона. И перчатки, — торопливо добавил погрузневший эльф. — Несколько пар перчаток. — Возможно, скрыв свою смертоносную плоть под слоем ткани, он снова сможет работать в саду.

— Я очень хочу, чтобы вам все подошло, — сказала Кристина. — Как бы я хотела, чтобы все люди были красиво одеты! Подождите секунду. Я принесу зеркало, и вы увидите, как эти цвета сочетаются с вашей кожей.

— Ах, нет, спасибо, — сказал Страд. — Мы и так уже опаздываем на следующую встречу. Когда одежда будет готова?

Кристина секунду подумала.

— Я могу прислать ее через неделю.

Страд нахмурился.

— Через три дня.

Портниха побледнела, но кивнула.

— Как пожелает Ваше Превосходительство.

— Вот тебе за труды, — и граф небрежно швырнул на стол несколько золотых монет. Когда потрясенная Кристина закончила их собирать, она обнаружила, что заказчики исчезли.

Дрожа, она присела на табуретку. О Страде фон Заровиче шепотом говорили многое, все фантастическое и в большинстве своем жестокое. А это странное золотокожее создание, которое приезжало с графом, хоть и казалось добрым, тоже было таинственным. Кристина прижала монеты к груди. Она никогда в жизни не видела столько денег сразу. Граф Страд любезно обошелся с ней, и она никогда не скажет ничего плохого ни о нем, ни о его друге.

Никогда в жизни.

— Ты собираешься кого-то искать на этом весеннем празднике, не так ли? — спросил Джандер, когда три ночи спустя Страд принес эльфу новую одежду.

Страд резко обернулся и посмотрел на Джандера острым, как игла, взглядом.

— Почему ты так думаешь? — спросил он мягким голосом, в котором звучала угроза.

Эльф не понял, в какую из ловушек, таившихся в темном разуме Страда, он попал, но решил осторожно двигаться дальше.

— Ты намерен попытаться узнать что-то об охотнике на вампиров.

Граф расслабился, его взгляд немного смягчился.

— Ах, да. В самом деле. Твой совет хорош, но мне нужно продолжать расследование. Кроме того, я слишком долго не появлялся на публике. Не хочу, чтобы в Баровии про меня забыли.

— Вряд ли это возможно, — сказал Джандер. — Но почему я иду с тобой? Я бы предпочел не ходить.

Граф поднял черную бровь.

— Ах, Джандер, ты столько лет провел в замке Равенлофт, и пора людям узнать, что ты мой гость, чтобы они тебя соответствующим образом принимали. Разве я за все эти годы так часто тебя о чем-то просил, что ты отказываешь мне в своем обществе?

— Нет, но...

— Может быть, тебе не нравится новая одежда, которую я для тебя заказал? Тебя это огорчает? Вернуть вещи Кристине и потребовать деньги

назад?

Джандер мысленно выругался. Страд ведь и правда так и делает. При мысли о том, что у бедной Кристины отберут деньги, заработанные тяжким трудом, у эльфа в душе вспыхнул гнев.

— Одежда прекрасна, Страд, — устало сказал он, — и я надену ее на праздник.

— Я еще сделаю из тебя дворянина, — одобрил граф, решив не замечать недовольство Джандера.

Через полчаса, наслаждаясь прикосновением тонкой ткани к коже, Джандер вынужден был признать правоту графа. Он не мог увидеть себя в зеркале, но и так знал, что одежда хорошо сшита и прекрасно выглядит. Хлопковая рубашка, надетая под темно-синюю тунику с короткими рукавами, сидела на нем безупречно. Сама туника была расшита золотой нитью. Золотые шелковые брюки, зауженные книзу и заправленные в пару мягких сапог из молочно-белой кожи, также отлично сидели. В соответствии с заказом Джандера, к костюму прилагались несколько пар кожаных перчаток в цвет сапог.

Войдя, Страд остановился и оглядел эльфа с головы до ног.

— Повернись, — рассеянно приказал граф. Джандер неохотно подчинился. После осмотра эльф увидел в темных глазах графа одобрение, смешанное с самодовольством.

— Теперь ты до самых кончиков ногтей — достойный компаньон повелителя Баровии, — с легким поклоном объявил Страд.

После заката они снова сели в экипаж и поехали вниз по дороге, ведущей в поселок, словно ястреб, пикирующий на свою жертву.

Глава семнадцатая

Празднование проводилось в особняке бургомистра, в котором Джандеру было очень не по себе. Но за прошедшие годы поврежденное здание было полностью отремонтировано, и новый бургомистр, похоже, изо всех сил старался, чтобы жители поселка позабыли о трагедии, которая произошла здесь пятнадцать лет назад.

Вокруг особняка кружили кареты — бедные по сравнению с роскошным экипажем Страда, но лучшего не слишком-то богатые баровийцы позволить себе не могли. Одеты они тоже были куда скромнее, чем Джандер и Страд, и эльф вдруг почувствовал, что стесняется своего роскошного костюма. Он грустно улыбнулся. Все равно в толпе ему не затеряться. Баровийцы с равным недоверием относились к любым чужакам, роскошно одетым или нет, а внешность Джандера сама по себе выдавала в нем пришельца, так что скромная одежда по местной моде в любом случае бы не помогла. И в любом случае он прибыл сюда как гость и компаньон «дьявола Страда».

Стуча колесами по брусчатке, экипаж въехал в распахнутые железные ворота. У главного входа черные кони остановились. К экипажу подошел лакей с подчеркнуто спокойным, но явно бледным лицом и почтительно открыл дверцу. Страд вышел из экипажа, эффектно взмахнув плащом.

Его встретила тишина. И только через несколько мгновений самые смелые из только что прибывших гостей прошептали:

— Добрый вечер, граф.

— И вправду, мой добрый народ, сегодня прекрасный вечер, — ласково ответил граф, обернулся и сделал знак Джандеру выходить из экипажа. Джандер обошелся без взмахов плаща и прочих внешних эффектов, на которые был так падок повелитель Баровии. Несколько человек перевели взгляд со своего сеньора на его спутника.

— Идем, — негромко сказал Страд, хватая Джандера за локоть и таща его через толпу. Эльф чувствовал, как взгляды присутствующих сверлят ему спину, и ему стало очень неудобно. Они поднялись по ступеням к дверям дома, где высокопоставленного гостя ждали бургомистр и его жена.

Бургомистр был высоким, стройным мужчиной лет сорока с лишним, темноволосый, с аккуратно подстриженной бородкой. Если он и был встревожен неожиданным появлением графа Страда фон Заровича и его таинственного гостя, он этого никак не показал.

— Ваше Превосходительство, своим визитом вы оказываете моему дому огромную честь, — сказал он глубоким голосом и низко поклонился. — Позвольте вам представить мою жену Людмилу.

Людмила — красивая полная женщина лет тридцати пяти — присела в глубоком реверансе, опустив глаза. Джандеру показалось, что он ее уже где-то видел.

— Я присоединяюсь к словам моего супруга, Ваше Превосходительство, — сказала она.

— Людмила Картова, не так ли? — спросил Страд, прижимаясь холодными губами к ее руке.

— Ну да, Ваше Превосходительство. В девичестве.

— Мои соболезнования по поводу гибели вашей семьи, мадам. Я восхищен тем, как восстановлен ваш дом.

— С-спасибо, Ваше Превосходительство.

Джандер внутренне съежился. Так вот почему Людмила показалась ему знакомой. Наглость Страда его ошеломила.

— Бургомистр Радавич, — продолжал граф, — позвольте мне представить моего друга, Джандера Солнечную Звезду. Он прибыл из дальних стран, что, несомненно, очевидно.

— Мой господин, моя госпожа, — сказал Джандер, — я польщен вашим приемом. Я также приношу соболезнования по поводу вашей потери.

— Да, — быстро перебил Радавич, тихонько сжимая руку жены. — Пожалуйста, проходите и будьте как дома.

Джандер и Страд позволили себе не спеша обогнуть бургомистра и его супругу. Граф, собирая по пути поклоны подданных, медленно перешел из маленького элегантного вестибюля в знакомый Джандеру большой зал.

Но эта элегантная, отлично обставленная комната мало чем напоминала тот горящий склеп, из которого когда-то бежал Джандер. Несколько обгорелых стен просто убрали, так что зал увеличился за счет трех или

четырёх комнат и был теперь просторным помещением, полным света и воздуха. Резные деревянные колонны поддерживали потолок, отделанный алебастровыми литыми панелями, на которых были изображены цветущие ветви яблонь.

В четырёх огромных люстрах горели свечи, стоившие целое состояние. Железные люстры были покрашены в белый, под цвет потолка, так что пламя свечей, казалось, свободно парило в воздухе. Дополнительное освещение давали свечи в канделябрах и изящные масляные лампы, сиявшие среди гирлянд из яблоневых ветвей и весенних диких цветов на крышке большого камина. В полном цветочных ароматов воздухе мягко звучала флейта, собравшиеся гости негромко беседовали. На случай ночного холода в камине лежали дрова, но ночь была теплой, и хозяева приказали распахнуть широкие двустворчатые двери, ведущие в сад. Фонари, развешанные на деревьях, мягким желтым светом освещали цветущие ветви. Остались ли еще в Баровии влюбленные, которым хватит смелости искать уединения под ночным небом? — подумал Джандер.

— Повелитель Зари!

Сквозь толпу пробивался высокий тощий человек. Ему было, вероятно, лет тридцать пять, в бледно-голубых глазах горело пламя фанатизма, розовая с золотом мантия официального покроя говорила о сане священника. Упав на колени перед Джандером, священник склонил голову в знак служения.

— Повелитель Зари, ты явился к нам наконец!

Эльфу стало нехорошо.

Уже далеко не в первый раз кто-то замечал его сходство с богом рассвета, Латандером «Повелителем Зари». Но откуда здешнему священнику знать о боге, которому поклоняются в Фаеруне? Должно быть, он тоже оказался жертвой коварных туманов этой земли.

— Добрый господин, — твердо сказал Джандер, — пожалуйста, встаньте. Я не Латандер Повелитель Зари. Посмотрите на мое лицо.

— Нет, нет. Ты Повелитель Зари, который пришел, дабы положить конец ночным ужасам в этой проклятой земле! — пролепетал священник.

— Оставь эльфа в покое, дурак! — бросил Страд. Священник только продолжал бормотать, цепляясь за ногу Джандера и прижимаясь лицом к его белым кожаным сапогам. Джандер не знал, что делать, и чувствовал, что терпение Страда испаряется, как туман под горячим солнцем.

— Пойдемте, добрый брат, — прозвучал ясный голос. Молодой человек, тоже одетый в мантию жреца Повелителя Зари, но гораздо более скромную, осторожно поднял священника и сочувственно обнял его за

плечи. — Повелитель Зари не пришел. Пока еще не пришел.

Молодой священник, юноша лет двадцати с небольшим, вежливо поклонился Страду и Джандеру.

— Я прошу прощения за поведение брата Мартина. Он несколько не в себе. Однако, благородный господин эльф действительно напоминает изображение бога. Ваше Превосходительство, простите ли вы нас за эту выходку?

Юноша говорил звучным и сильным голосом, вежливо опустив взгляд. Страд, удовлетворенный, изящно махнул рукой.

— Сегодня мы празднуем приход весны, а не зимние холода. Я великодушен к смиренным. Уведите его.

— Мой благородный сеньор очень добр. — Молодой человек увел священника. Вокруг снова начались разговоры, и Джандер с облегчением убедился, что перестал быть центром внимания.

Страд смотрел на эльфа с веселой усмешкой в глубине темных глаз.

— Ты меня превзошел!

Джандер пожал плечами.

— Культы приходят и уходят. Латандер умрет вместе со своим жрецом. Ты, граф Страд, безусловно, переживешь любое божество дня. — Страд громко рассмеялся.

Праздник продолжался. Джандер старался держаться у стены, наблюдая за всем и ни в чем не участвуя. Но Страд был в самом центре событий. Он приглашал танцевать самых красивых девушек и с кошачьей грацией исполнял па сложных баровийских танцев. Опершись о стену около двери, ведущей в сад, Джандер замечал, что во время танцев с графом страх у девушек на лицах сменялся влюбленностью.

Эльфийский вампир печально покачал головой. Несомненно, Страд пользовался магическим внушением. В течение следующей недели-двух эти девушки одна за одной придут в Замок Равенлофт. И родственники их больше никогда не увидят.

По крайней мере, они будут об этом молиться.

— У меня в руке медальон, который причинит тебе невыносимую боль, если я его тебе покажу. Кроме того, он продемонстрирует всем присутствующим твою истинную суть. Не думаю, что ты этого хочешь.

На мгновение Джандер замер. Потом медленно обернулся к человеку, который посмел обратиться к нему подобным образом.

Это оказался молодой человек, который увел чокнутого священника. Юноша наблюдал за Джандером, но избегал прямого взгляда в глаза.

— Что вы подразумеваете под моей «истинной сутью»? — мягко спро-

сил вампир. — Вы угрожаете гостю бургомистра и самого графа Страда фон Заровича.

Молодой священник, по-прежнему не глядя вампиру в глаза, слегка улыбнулся.

— Не думаю, что ты захочешь рисковать, носферату. Медленно повернись и выйди в сад.

Так, подумал Джандер, парень знает, что делает. Он прав — стоит Джандеру поступить ему наперекор, и весь поселок узнает, что эльф — вампир. Джандер очень хорошо представлял себе реакцию баровийцев, и эта перспектива ему не понравилась. Он вышел в сад, как велел священник, рассчитывая заманить юношу в темный угол.

— Оставайся на свету.

— Как скажешь. — В молодом человеке было что-то странно знакомое. Вроде бы хрупкого сложения, он явно обладал недюжинной волей, упрямством и внутренней силой — не всякий осмелится так говорить с вампиром! Красивое лицо с тонкими чертами могло бы показаться женственным, если бы не тяжелая челюсть и внимательные черные глаза. Он излучал чувство горя и потери, и вместе с тем огромную решимость.

— Очень хорошо. Вот он я, — негромко сказал Джандер. — Ты не так глуп, как хочешь казаться, верно? Что ты собираешься сделать?

Черные глаза оглядели эльфа почти голодным взглядом.

— Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, носферату. Ты Джандер Солнечная Звезда. Ты эльф. Почти двадцать пять лет назад ты прибыл сюда из другого мира. Ты спас от кровожадной толпы молодого цыгана. Девушка, возлюбленная цыгана, клятвенно пообещала тебе свою дружбу и дружбу своей семьи.

Джандер молча ждал продолжения.

— Я долго искал тебя. Меня зовут Алексей Петрович. В поселке меня называют Сашей. Я сын Анастасии. Ты спас жизнь моему отцу.

Саша говорил уверенно и твердо, гнев и боль в его голосе почти не были слышны. Его самообладание восхитило Джандера.

— Тебе сильно повезло в жизни, Саша Петрович, как ни кинь. Как тебе удалось не погибнуть со своей семьей?

— Тем вечером меня не было дома. Мы с другом провели ночь под открытым небом. Я пришел домой на следующее утро и нашел... — голос юноши оборвался.

— Ты читал книгу, — вслух вспомнил Джандер, — в круге камней. Хорошо, что у вас хватило ума заночевать именно там. Это действительно священное место, и нежити обычно не хватает сил туда прорваться.

Саша напрягся, и Джандер понял, что допустил ошибку.

— Откуда ты знаешь?

Джандер не ответил. Саша твердо сжал рот и поднял зажатый в кулаке священный символ к носу Джандера. Эльф отвернулся.

— *Откуда ты знаешь?* — с жаром переспросил Саша.

— Мы там были, — признал Джандер. — Вы с другом были на волосок от смерти. Если бы... голод сильнее терзал моих спутников, мы бы, возможно, ворвались в круг ради вашей крови.

На лице Саши отразилась острая боль.

— Ты...?

Джандер знал, о чем думает юноша.

— Нет. Я не убивал твою семью. Ты очень похож на Петю, Саша. Я не слишком хорошо знал твоих родителей, но думаю, что они были хорошими людьми. — Он заставил себя спокойно продолжать: — Я оплакивал смерть твоей матери, и она умерла не от моей руки. В этом я тебе клянусь.

Юноша наконец встретился взглядом с Джандером и немного расслабился.

— Ты мог спасти моего отца и все-таки сделать... это... с моей матерью. Я хотел бы тебе поверить, но ты...

— Вампир? Да, уже несколько столетий. Это не значит, что убийства меня не печалят. Саша, ты же только что мне доверился, посмотрев мне в глаза. Ты знаешь, что это опасно. Я не хочу причинять тебе зло, так же как и ты не хочешь меня выдавать.

Саша сглотнул.

— Мать рассказала мне о тебе. Я поклялся никогда не причинять тебе зла, если когда-нибудь тебя встречу тебя. Желания тут не при чем, вампир. Я бы выдал тебя толпе, если бы мог, но я связан собственной честью.

— Прошло много лет с моего последнего вдоха. Я забыл больше, чем когда-либо знали большинство смертных, но я не забыл, что такое честь, — медленно сказал Джандер. — Я не причиню зла ни тебе, ни твоим близким, сын Пети. Большого я не могу сделать.

Подул ночной ветерок, и Саша вздрогнул. Он молчал, и Джандер не перебивал его молчание. Шли секунды. Наконец Саша тихо сказал:

— Я родился в этом особняке. Этот поселок — мой дом. Его жители — мои сородичи, и неважно, признают они меня или нет. Смерть — не самое страшное на свете, Джандер Солнечная Звезда, и то, что творишь ты и тебе подобные, хуже смерти. Как же так получилось, что ты, злейший

враг Повелителя Зари, так похож на него?

Темные брови Саши сошлись над озадаченными, полными боли глазами.

— Как же ты спас жизнь незнакомого парнишки, и при этом живешь, питаешься человеческой кровью? Я не могу понять. Может быть, людям это и не дано. Я выполняю условия договора, навязанного мне родителями. Большого я не могу сделать.

Он исчез так же беззвучно, как появился, слился с ночными тенями почти так же легко, как вампир. Должно быть, восхищенно подумал Джандер, юноша унаследовал этот талант от своих предков-цыган. Вздохнув, эльф вернулся в дом и снова принялся наблюдать за толпой.

Через некоторое время он заметил, что одна из молодых женщин украдкой бросает на него кокетливые взгляды из-под веера. Она была весьма привлекательна: светловолосая, с теплыми карими глазами. Поймав его взгляд, девушка лукаво улыбнулась.

Не отводя взгляда, Джандер поманил ее к себе. Хихикая в веер, девушка переглянулась с подругами, которые с жеманными улыбками подтолкнули ее к эльфу. Рот у Джандера заболел, и он почувствовал, что проголодался. Настало время поесть.

* * * * *

Саша пытался успокоиться, прогуливаясь по двору особняка. Глубоко вдыхая прохладный ночной воздух, полный цветочных запахов, он изо всех сил старался овладеть собой. Саша никак не мог поверить тому, что он только что сделал. Он говорил с вампиром.

Услышав стук копыт, священник поднял голову. Во двор галопом влетела Катя, плащ развевался у нее за плечами.

— Саша, — встревоженно сказала она, — Мартину плохо. Я думаю, тебе следует поторопиться.

Сердце у Саши упало. Он попросил Катю увести Мартина в церковь, но, очевидно, что-то пошло не так. Даже не вспомнив о собственной лошади, Саша забрался в седло перед девушкой, схватил поводья и помчался к церкви.

От особняка бургомистра до церкви было недалеко, но взволнованному Саше этот путь показался бесконечным.

— Что с ним? — спросил он Катю по дороге.

— Он, похоже, совсем потерял рассудок, и ему очень больно. Я не знаю, что с ним.

Подъехав к церкви, Саша соскочил с лошади и помог Кате слезть. Они распахнули церковные двери, но внутри было совершенно темно.

— Мартин? — позвал Саша, моргая.

На алтаре горела одинокая свеча. Саша разглядел у алтаря скорчившуюся фигуру.

— *Мартин!*

Он помчался к священнику. Катя поспешила следом, зажигая церковные свечи, чтобы в церкви стало хоть немного светлее.

Мартин негромко стонал, держась за бок, с белым лицом, искаженным ужасной болью. Но, когда Саша до него дотронулся, он открыл глаза и улыбнулся.

— Саша, ты был мне как сын, — выдохнул он. — Я буду скучать по тебе, когда я тебя покину, но я видел Повелителя Зари, и Он призвал меня!

— Мартин, — ласково сказал Саша, — это был не Повелитель Зари. Это был эльф. Он — не божество. Позволь мне исцелить тебя, пожалуйста!

Мартин покачал головой, изогнувшись от боли и сильнее хватаясь за бок.

— Нет, мой мальчик. Не трать на меня своих молитв. Он призвал меня, и я должен идти к нему. Говорю тебе, это был Повелитель Зари. Я его помню. Я помню это доброе лицо, покрытое кровью...

Саша похолодел. Семейю Мартина, как и семью Саши, уничтожили вампиры. И все же Мартина спасло существо, которое он считал Повелителем Зари. Это мог быть только Джандер. Молодой священник задрожал. Значит... все это ложь? Никакого Повелителя Зари, кроме Джандера, не существует? Этого не может быть, просто не может быть.

— Мартин, пожалуйста, не умирай, я могу исцелить...

— Нет! — возразил Мартин неожиданно сильным голосом. Его бледно-голубые глаза смотрели куда-то вдаль. — Да, Повелитель Зари, я слышу... я иду... ах! — он вздохнул с болью и наслаждением и протянул дрожащую худую руку к чему-то, чего Саша видеть не мог. Священник вздрогнул и вздохнул в последний раз, рука упала, и больше Мартин не двигался.

Ошеломленный Саша несколько секунд только молча смотрел на умершего. Наконец он сложил холодные руки Мартина на его впалой груди, закрыл ему глаза и заплакал. Почти пятнадцать лет Мартин был ему вместо отца. Людмила и ее муж Николай хорошо относились и к Саше, и к Мартину, но юноша-полуцыган отдал свое сердце Мартину и Повелителю Зари. А теперь Саша начал сомневаться.

Рядом с ним на колени опустилась Катя и ласково обняла его. Саша

так же ласково освободился.

— Со мной все будет в порядке, — сказал он девушке, с любовью касаясь ее нежного лица. — Я позабочусь о Мартине. Ты не могла бы оставить меня ненадолго? Сейчас мне надо побыть наедине с моим богом. У меня к нему есть множество вопросов.

* * * * *

Джандер вернулся в темницу, потому что не мог доверять ни безмозглым скелетам и зомби, ни злым вампиркам принести хорошую еду для самой новой пленницы. Он открыл дверь железным ключом, висевшим снаружи, и она со скрипом отворилась.

Маленькая девочка уставилась на него огромными глазами.

— Вот, — сказал Джандер, ставя на пол тарелку с едой. — Ешь.

Девочка посмотрела на еду, сморщила носик и посмотрела на Джандера. Он повернулся к двери. Девочка нерешительно потянулась к нему и потянула его за штаны, серьезно глядя на него. Джандер присел на корточки рядом с ней. На шее у девочки виднелись ярко-красные отверстия. Джандер, если хотел, умел питаться аккуратно, почти не оставляя следов, и научил Страда этой технике. Но рабыни Страда были кровожадны и жестоки. Страд их совершенно не ценил, и даже Джандер понял, что больше не переживает из-за гибели очередной надоевшей Страду вампирки. Рабыни были беспощадны; второй трапезы эта девочка не переживет.

Сам не зная, почему, и злясь на себя за собственную слабость, Джандер спросил:

— Хочешь домой, маленькая госпожа?

— Да, пожалуйста, господин, — сказала она дрожащим голосом. То, что Джандер собрался сделать, граничило с безрассудством, но он уже слишком давно сидит сложа руки. Что такой одно маленькое дитя для Страда? Не сказав больше ни слова, Джандер поднял девочку на руки. Она обняла его за шею, непринужденно опустила головку ему на плечо и через несколько минут уже спала.

Джандер настороженно поднялся в вестибюль, опасаясь столкнуться с хозяином дома или его рабынями, но встретил только несколько скелетов — видимо, все рабыни ушли на охоту. Страда тоже не было дома. В последнее время граф принялся исчезать почти каждую ночь, не приглашая с собой ни Джандера, ни Трину, и ни слова не говорил о том, куда он ходит и что задумал.

Ладно, подумал Джандер, даже если кто-то из рабынь увидит меня с девочкой, я всегда могу сказать, что мне взбрела в голову прихоть выпить из нее кровь на открытом воздухе. Наконец он вышел в замковый двор,

в ночную прохладу, и с облегчением закрыл глаза.

Раздался резкий лай. Джандер вздрогнул и огляделся. У его ног сидела волчица из тех, что жили в Замке Равенлофт, и стучала хвостом по брусчатке. Джандер насторожился, потому что Страд в последнее время научился полностью контролировать волков. Но, заглянув в разум волчицы, она поняла, что она просто просится с ним на прогулку. *Хорошо, моя девочка,* — сказал Джандер волчице, — *давай пробежимся.*

Несмотря на вес спящей девочки, Джандер бежал быстро. Сопровождавшая его волчица тяжело дышала. И все же, когда они подбежали к окраинам поселка, до рассвета оставался всего час. Джандер остановился у моста. Быстрая Ивлис вздулась от недавних гроз и с ревом несла свои бурые воды. Падать в нее не годилось. Джандер посмотрел на мост. Двадцать пять лет назад он не мог пройти по мосту, и Пете пришлось его переносить. С тех пор они со Страдом или добирались до поселка в обликах волков или летучих мышей, или переезжали реку в карете.

Но с тех пор, как Джандер попал в Баровию, его способности изменились. Эта жестокая земля отобрала у него возможность общаться с природой, дав ему прикосновение, смертельное для растений. Но зато Джандер заметил, что здесь он быстрее высыпается, чем в Фаеруне, и чувства у него обострились. А что будет, подумал он, если попытаться пройти по мосту?

Не успел Джандер додумать эту мысль, как он был уже на середине моста, а девочка по-прежнему мирно спала у него в объятиях. Он в восторге добежал до другого берега, а когда его ноги снова коснулись земли, с трудом удержался, чтобы не подпрыгнуть от радости. Что еще он теперь может делать из того, что раньше было ему недоступно? Носить священные символы? Смотреть в зеркало?

Видеть солнце?

Его раздумья прервал низкий рык его спутницы-волчицы. Животное напряглось, насторожив уши и раздувая черные ноздри, с пыхтением метнулось прочь и помчалось обратно в замок. Джандер посмотрел в ту сторону, где волчица почувствовала угрозу. Инфразрением он увидел там большую красную фигуру, слегка передвинул спящую девочку и беззвучно пошел вперед.

Фигура оказалась молодым священником Сашей, и Джандер подумал, что знает, чем занят юноша. Молодой человек, с бледным и напряженным лицом, полностью одетый в черное, с подвязанным вокруг шеи капюшонам, тащил на плече мешок, вымазанный кровью.

— Добрая встреча, Саша Петрович, — по-фаерунски поздоровался

Джандер, скрывая усмешку. — Значит, это ты у нас охотишься за нежитью. Я так и думал.

Саша, вздрогнув всем телом, развернулся и схватился за священный символ. Увидев, кто его окликнул, он слегка расслабился, но разглядев, кого несет вампир, пришел в ужас.

— Брось ее немедленно! — приказал он.

Джандер невесело улыбнулся.

— Если я так сделаю, она получит огромный синяк. Это не то, что ты думаешь. Я несу ее обратно из... оттуда, где я ее нашел. — У Саши на лице отразилось подозрение. — Во имя локонов Сьюн, парень, неужели ты думаешь, что я бы тебя вот так окликнул, если бы пил кровь этой девочки?

Саша, не обратив внимания на это замечание, бросил свой мешок и подошел к эльфю с протянутыми руками.

— Отдай ее мне.

Джандер не пошевелился.

— Ты мне все еще не доверяешь.

— Ты *вампир*! Как я могу тебе доверять?

— А если я предложу тебе ее выменять, ты мне будешь доверять?

Сашино лицо потемнело от гнева.

— Чего ты хочешь, носферату?

— Ты живешь в церкви, а это единственное место в поселке, где имеются книги и записи. Я ищу женщину по имени Яна, которая родилась примерно в 333 году по баровийскому календарю. Дай мне знать, если найдешь что-нибудь о ней в церковных записях.

— Зачем тебе это нужно?

Джандер почувствовал раздражение.

— Не для дурного дела, заверяю тебя. В тебе, Саша, так мало осталось доверчивости, смеха и радости. Я скучаю по мальчику, который рассказывал страшные истории.

Саша нетерпеливо поджал губы.

— Этот мальчик умер той ночью, вместе со своей семьей. Мне больше нечему радоваться.

Неожиданно в Джандере что-то сломалось. Его светлые брови грозно сошлись на переносице.

— Да ну? Ты жив. Ты молод. Тебе не нужно пить кровь невинных! — Он так резко протянул Саше маленькую девочку, что она проснулась. — Ты можешь чувствовать солнечное тепло, знать любовь женщин, любовь своих сородичей-людей... Боги! Да на твоём месте, сын Пети, я бы

каждый день на коленях возносил благодарственные молитвы и смеялся каждую минуту!

Девочка заплакала. Саша схватил ее и прижал к себе. В ту же секунду Джандер обернулся волком и бросился прочь, прижав уши и подняв хвост.

Саша был ошеломлен отповедью эльфа. Джандер был прав. Саша слишком многое в жизни считал само собой разумеющимся, и он устыдился того, что понадобился вампир, чтобы ему на это указать.

— Куда ушел золотой человек? — спросила девочка.

— Ты теперь в безопасности, малышка. Мы идем домой.

— Хочу золотого человека! И хочу на ножки.

— Мы поставим тебя на ножки, как только войдем в поселок, договорились?

Саша не прислушивался к болтовне девочки, задумавшись о необычном эльфийском вампире. Пройдя примерно половину расстояния от того места, где он встретился с Джандером, до поселка, он услышал тихий стон и глубокий гортанный смех. Саша покраснел было от смущения, подумав, что наткнулся на пару любовников, но сразу же понял, что от удовольствия так не стонут, а смех полон жестокости.

Он быстро опустил девочку на землю.

— Что ты делаешь? — спросила она, когда Саша надел ей на шею свой собственный священный символ Латандера и вытащил моток веревки.

— Я скоро вернусь, малышка. Я тебя тут привяжу, чтобы ты никуда не ушла и не заблудилась в тумане, договорились?

— Нет! — запротестовала она, недовольно сморщив розовые губки.

Саша поморщился — в лесной тишине голос девочки был отлично слышен.

— Давай мы с тобой поиграем? — прошептал он. — Поиграем в игру, которая называется «Тихая Игра». И самая тихая маленькая девочка получит немного засахаренных сушеных яблок, — добавил Саша, проверяя, надежно ли завязал узлы на веревке.

Девочка просияла и прижала пальчик к губам. Саша сделал то же самое и, прищурившись, отправился в ту сторону, откуда слышались звуки.

Красивая женщина склонилась над телом молодой девушки, прижавшись губами к шее жертвы, и сосала кровь. Тонкая алая струйка вытекала изо рта голодной вампирки и исчезала под воротником жертвы. Рядом с вампиркой лежал серо-бурый волк, полузакрыв глаза и высунув язык. К счастью, Саша подошел с подветренной стороны, и обе ночных твари

не заметили его приближения.

В душе у Саши вспыхнул знакомый гнев. Боги, как он ненавидел этих чудовищ. Как всегда, он почувствовал и страх, вечный страх перед вампиром, но, как всегда, подавил его. Уверенно прицелившись, он запустил сосудом со святой водой в голову вампирки. Сосуд разбился, святая вода вылилась на кожу вампирки, обожгла и ослепила ее. Вампирка жутко завывала.

Ощетинившийся волк вскочил на ноги и угрожающе зарычал.

— Демон тьмы! — загремел Сашин голос, раскалывая на куски ночную темноту. — Во имя Латандера Повелителя Зари я приказываю тебе убираться отсюда! — Саша показал вампирке розовый деревянный кружок. Он так решительно смотрел на чудовищную тварь, что казался гораздо старше своих двадцати четырех лет.

Вампирка зашипела. Последние следы ее красоты исчезли, лицо превратилось в искаженную, окровавленную и обгорелую маску. Завывая, она скорчилась и исчезла. Волк щелкнул зубами и бросился в темноту. Саша беззвучно произнес благодарственную молитву Латандеру, подбегая к раненой девушке.

Молодая женщина еле дышала, но была жива. Быстро и уверенно Саша промыл рану святой водой, слегка надавил, чтобы остановить кровотечение, и наложил повязку. Доставив девушку в безопасное место, он помолится Латандеру об ее исцелении, но сейчас он боялся тратить время. Укрыв несчастную женщину плащом, Саша вернулся за девочкой.

— Я вела себя очень тихо, — громко прошептала она, когда он отвязывал ее от дерева.

— Я знаю, малышка, — прошептал в ответ Саша, — и я очень горжусь тобой.

Когда они вернулись к молодой женщине, она пыталась сесть. Увидев Сашу, она попыталась вытащить кинжал из сапога, но ей это не удалось.

— Тише, тише, — прошептал Саша. — Какое-то время вы будете слабы.

Девушка посмотрела на Сашу, и тут священник вздрогнул от ужаса, поняв, что забыл надеть капюшон. Знает ли она, что Саша охотится на вампиров? Видела ли она, как он прогнал нежить? Если он не убедит девушку хранить его тайну, то образ застенчивого безобидного священника, так тщательно созданный им, будет разрушен.

— Ч-что случилось? — прошептала молодая женщина.

— На вас напал вампир.

— Вы священник.

— Да, это правда.

— Значит, вы его прогнали?

Саша заколебался.

— Ну...

— Я могу вам помочь. — Молодая женщина была слаба, но, должно быть, говорила совершенно серьезно. Она ошеломленно моргала, видимо, еще не опомнившись от шока. — Меня зовут Лейль, — сказала она слабеющим голосом, — и я могу вам помочь. Я не боюсь этих... тварей, и меня злит, что ночи опасны для честных воров. — Ее взгляд помутнел. — Вы знаете, вам нельзя делать это все одному. Что, если вас... ранят...?

От усилий и потери крови Лейль потеряла сознание. Саша еле успел ее подхватить.

Глава восемнадцатая

По лицу Лейль текло солнечное тепло. Она сонно моргнула, прищурилась от света и огляделась.

Через небольшое раскрытое окно лился золотой солнечный свет — должно быть, полдень уже миновал, подумала Лейль. Она лежала в маленькой, но удобной кровати под шерстяным одеялом. Стены комнатухи сходились под неправильными углами — должно быть, какой-то чердак. Кроме кровати, стола, на котором стояли тазик и подсвечник, и табурета, в комнате ничего не было.

Лейль попыталась приподнять голову и вздрогнула от боли. Подняв руку, она обнаружила, что у нее перевязана шея. Память вернулась, и Лейль мысленно поинтересовалась, где же она находится.

Вдруг открылась дверь, и вошла молодая красивая женщина. Увидев, что Лейль пришла в себя, она улыбнулась сияющей улыбкой.

— Где Саша? — спросила Лейль.

Должно быть, девушку вопрос Лейль застал врасплох, но она продолжала улыбаться.

— Вы проснулись. Это хорошо. Меня зовут...

— Катя, я знаю. Где Саша?

Катя удивленно подняла брови.

— Сейчас его здесь нет. Он просил меня позаботиться о вас. Вы в церкви, в его комнате. Хотите поесть?

При мысли о еде Лейль затошнило, но, чтобы избавиться от Кати хоть на пару минут, она ответила:

— Да, я бы съела что-нибудь.

— Хорошо. Я сейчас вернусь. Лежите, отдохайте. — Катя по-сестрински похлопала по руке Лейль и вышла, закрыв за собой дверь.

Просто замечательно, саркастически подумала Лейль. Лежу в постели человека, которого люблю, и обо мне заботится его невеста. Просто

замечательно. Лейль осторожно села и заметила, что ее кто-то переодел. На ней была мужская хлопковая рубашка, большая для нее, и больше ничего. Лейль жарко покраснела.

Раздался стук в дверь. Лисенок поскорее натянула на грудь одеяло.

— Входите. Быстро вы управились, Кат... Ой.

Это был Саша, с тонкой морщинкой тревоги между глаз, снова в священническом одеянии.

— Доброе утро. Лейль, не так ли? Вам лучше?

Она кивнула.

— Да, спасибо.

— Послушайте, — начал он, подтягивая табуретку к кровати и садясь, — нам надо поговорить.

Лейль откинулась на подушку и сложила руки на груди.

— Валяйте.

— Ночью вы сказали, что вы воровка.

Лисенок похолодела. Неужели она действительно это сказала?

— Вы меня оскорбляете. Называете меня воровкой, даже не зная...

— Вы это сказали, Лейль, — устало повторил Саша. — Вы ослабли от потери крови и плохо соображали, но я знаю, что это правда.

Лейль отвернулась.

— Вы собираетесь меня сдать? — В лучшем случае ее выпорют кнутом на центральной площади. А если бургомистр будет в плохом настроении, он даже может приказать отрубить ей кисти рук.

Саша покачал головой.

— Я готов заключить с вами договор. Никто не знает, что я... делаю то, что я делаю по ночам. Мне нужно держать это в тайне.

— Понятное дело. Мы будем держать языки за зубами.

— Вам нельзя ходить со мной.

— Почему это нельзя?

— Слишком опасно.

Лейль фыркнула.

— Саша, послушайте, да вы вообще толком не знаете, что такое опасность, в ваших...

— Ну, я вижу, у вас тут милая беседа, — сказала Катя, входя с подносом в руках. Хоть Лейль и тошнило при мысли о пище три минуты назад, теперь она одобрительно принялась. Катя принесла ей горячей каши, хлеба с маслом, яичницу и большой кувшин свежего молока.

— Думаю, — сказала Лейль, когда Катя поставила поднос ей на колени, — что съем все это очень быстро.

— Хорошо, — одобрила Катя. — У вас на костях нарастет хоть немного мяса. — Лейль сердито посмотрела на нее, но Катя не обратила внимания. — Оставить вас вдвоем поговорить?

— Да, пожалуйста, — ответил священник. Катя наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Позовите меня, если вам что-нибудь будет нужно, — сказала она Лисенку, выходя.

Настала неуютная тишина. Лейль жадно накинулась на яичницу.

— И правда вкусно. Хотите немного? — предложила она с полным ртом.

Саша поморщился.

— Нет, спасибо.

Лейль указала вилкой на дверь.

— Она знает о вашем, ну, хобби?

— Нет, и я хотел бы, чтобы она и дальше ничего не знала. Я сказал ей, что нашел вас на пороге рано утром. — Он помолчал. — Я ценю ваше предложение о помощи, но это дело очень опасно и для одного человека. А двое, особенно девушка...

Лейль посмотрела на него убийственным взглядом.

— Я добывала себе пропитание воровством с семи лет, Саша Петрович, — отрезала она, — и мне случалось выбираться из таких переделок, от которых поседели бы ваши черные волосы. Может быть, вашей прелестной юной подружке ночная работа и не под силу, но это не значит, что она не под силу мне. Поэтому давайте вы просто заткнетесь насчет того, что я девушка?

— Хорошо же вы благодарите того, кто только что спас вам жизнь, — еле слышно сказал Саша.

Лейль опустила взгляд на тарелку.

— Простите. Вы правы. Просто это у меня больное место. — Она вернулась к еде. — Катя очень хорошо готовит, — признала она.

— Так вы обещаете не выдавать мою тайну?

Лейль начала мазать масло на хлеб.

— Да. Я буду держать рот на замке, если вы будете делать то же самое.

— Спасибо, Лейль. Вы можете остаться здесь, пока не поправитесь. — Саша встал и вышел, не сказав больше ни слова. Лейль посмотрела ему вслед с нежностью, которая изумила бы Сашу, если бы он ее видел, и снова вернулась к отличной Катиной стряпне. Лисенок не собиралась уходить из уютной кельи, пока не доест все до крошки.

* * * * *

Вампирка приняхалась и медленно улыбнулась.

Человеческая кровь.

Волк у ее ног тоже почувствовал запах и тихонько зарычал в предвкушении трапезы. Два хищника вместе направились к жертве.

Человек в черном должен был стать легкой добычей. Невысокий и стройный, он стоял на берегу Ивлис и задумчиво бросал камешки в черную воду.

Вампирка беззвучно накинулась на него, но то, что произошло дальше, застало ее врасплох. Как только ее руки сомкнулись у человека на плечах, он тоже обнял ее — и бросился в воду.

Вампирка завывала, но чернильная речная вода немедленно заполнила ей глотку и ноздри. Нежить совершенно не могла плавать и пошла ко дну, как камень. Она почувствовала, что молодой человек пытается освободиться от ее хватки, и еще крепче стиснула его. Будь он проклят, она умрет, но и его возьмет с собой...

Спрятавшись в ветвях высокого корявого дерева, Лисенок взволнованно наблюдала за происходящим. Саша, несомненно, был самым глупым из всех виденных ею молодых людей — а ей приходилось видеть множество глупых молодых людей. Но все-таки, должно быть, он знал, что делает. В конце концов, он спас ее от вампирки.

На поверхности воды появились пузыри и начали лопаться. Лейль встревожилась. Еще больше она встревожилась, когда пузыри перестали появляться. Через несколько секунд она от души выругалась и бросилась в реку.

О боги, вода в реке Ивлис даже летом ледяная. От холода Лейль чуть не выдохнула, но вовремя закусил губу и нырнула глубже. Ее руки коснулись упругой плоти.

Вампирка была мертва, но ее вес и смертельная хватка не давали Саше освободиться и всплыть на поверхность. В абсолютной темноте Лисенок ничего не видела, но она решила, что тот, кто дергается — это Саша, и оторвала мертвые руки от его шеи. Рядом с Лейль проплыли куски плоти, сорванные с костей нежити беспощадным течением. Несколько драгоценных секунд Саша боролся с Лейль, но все-таки он всплыл на поверхность, и она за ним.

Они оба закашлялись как чахоточные, хрипя и задыхаясь, затем Саша быстро поплыл к берегу. Отчаянно дрожа, они выбрались из воды. Саша нашел на берегу свой плащ и набросил на Лейль. Она с благодарностью приняла теплое шерстяное одеяние и попыталась перестать

стучать зубами.

— Тебе не следовало ходить за мной, — сказал Саша. — Тебя могли ранить, даже убить. Я делаю опасное дело.

Лисенок фыркнула.

— Ну конечно. Ты бы ут-тонул без меня. — Она распахнула плащ. — Иди сюда. Ты замерзнешь насмерть, если не согреешься.

Саша заколебался, вспомнив Катю, но мысленно махнул рукой. Лейль и на женщину-то походила мало, и, конечно, месту Кати в его сердце она не угрожала. Они прижались друг к другу, и Саша поплотнее стянул полы плаща, чтобы не терять ни крупички драгоценного тепла.

Потом они молча направились к поселку. Лейль была ненамного ниже Саши и легко попевала за ним.

— Так, — спросила она, — когда мы выходим в следующий раз?

Саша остановился в четырех дюймах от Лисенка и сердито посмотрел на нее.

— Почему ты думаешь, что я возьму тебя с собой?

— О, возьмешь. — Лейль лукаво улыбнулась. — Или я расскажу твоей драгоценной Кате, чем ты занимаешься по ночам.

Сашино лицо вспыхнуло от гнева. Он совершенно не стыдился охоты за вампирами, но страшился за свою невинную будущую невесту. Если о его ночной деятельности узнают, она окажется в смертельной опасности. И вообще, Кате за ее короткую жизнь уже довелось изведать достаточно страданий, так что пусть спокойно спит по ночам и не беспокоится за него.

Лисенок изогнула бровь.

— Ну так как? Что выбираешь? Партнера или невесту в истерике?

Лейль понимала, что выбора у Саши на самом деле нет. Он даже не ответил ей, только стащил с нее свой плащ и пошел дальше.

— Эй! — крикнула Лисенок и помчалась вслед за ним.

— Ты поклянешься в служении Латандеру Повелителю Утра, — объявил Саша, не глядя на нее. — Только в этом случае мы сможем появляться на людях вместе.

— Согласна. В любом случае, он симпатичный бог.

— Ты будешь выполнять мои приказы, не обсуждая их.

— Тоже согласна.

— И больше не воровать. Я не стану работать с человеком, который зарабатывает на жизнь воровством.

Лейль открыла было рот, чтобы возразить, но передумала.

— Договорились. Так я в деле?

Саша наконец посмотрел на нее, сначала сердито, но понял, что сердиться на нее он не может.

— Ты настоящая зараза. И ты ведь это знаешь, да?

Лисенок только усмехнулась.

* * * * *

— Твой ход, — сказал Страд шелковым голосом.

Нахмурившись, Джандер оглядел доску. Они играли в игру, придуманную самим Страдом, под названием «Ястребы и Зайцы». Разумеется, повелитель Баровии всегда играл за Ястреба. Но по мере изучения тонкостей игры эльф понемногу стал достойным соперником Страда. Настала долгая тишина, только хворост потрескивал в камине. Наконец Джандер передвинул своего зайца на две клетки вправо.

— Я могу достичь логова в пять ходов, — объявил он.

Страд нахмурился, глядя на доску и полностью сосредоточившись на игре.

— Не сможешь, если я введу в игру тетеревятника, — промурлыкал он, и его фишка «спикировала» на зайца. Страд снял серый камешек с доски и швырнул его в кучу других фишек, выигранных им у эльфа. — Джандер, ты всегда забываешь охранять свой тыл.

— А ты, — сказал Джандер, довольный собой, — всегда забываешь о мелких деталях. — Он передвинул фишку, изображавшую зайчиху, на два прыжка вперед. — Зайчиха добралась до логова. В соответствии с правилами это дает мне, — он посчитал оставшиеся на доске фишки, — право ввести в игру еще пять зайчат. — Весело глядя на графа, он потянулся к кучке серых камней и отобрал пять штук.

— Ты всегда выбираешь оборонительную тактику, — заметил Страд.

— Я же Заяц. Как же мне еще играть?

— Мне скучно, — простонала Трина, весь вечер уныло шатавшаяся вокруг. Страд в последнее время редко бывал дома по ночам, и Трине определенно не нравилось, что граф предпочел играть с Джандером, а не заниматься с ней. Теперь она растянулась у камина рядом с дремлющим волком, обняв его одной рукой.

— Молчи, — прорычал граф. В дверь кабинета постучали. — Войдите. Вошла одна из рабынь Страда.

— Ваше Превосходительство, вас желает видеть вистани. Он говорит, что принес важные сведения.

Страд внимательно слушал рабыню, забыв об игре.

— Я спущусь вниз. Джандер, Трина — я ненадолго. — Он поднялся, постоял над доской, сделал ход и одарил Джандера ледяной улыбкой. —

Твоя зайчиха мертва. — И он вышел, взмахнув плащом и шелестя красным и черным шелком.

Трина скользнула в кресло, из которого он встал.

— Научи меня играть в эту игру, Джандер. — Она посмотрела на круглые полированные камни.

— Не сегодня. — Помолчав, Джандер спросил: — Ты знаешь, куда ходит Страд все последние месяцы?

Трина нахмурилась.

— Нет. Раньше он часто брал меня с собой. А теперь больше не берет. Он говорит, что кого-то ищет. Почему эти камни серые, а те разноцветные?

Джандер не обращал внимания на оборотницу. Он думал о графе и о том, заметил ли сам Страд, как он изменился. Стало быть, он «кого-то ищет». Этому эльф не удивлялся. Удивлялся он тому, что Страд в поисках неизвестного врага не устроил очередную образцово-показательную резню. Вместо этого граф неделями где-то пропадал, что-то потихоньку расследовал и развивал шпионскую сеть.

Но то, что Страд ведет себя спокойно, не значило, что он смирился. Джандер знал, что в конце концов сеть сожмется вокруг Саши, и мысленно пожелал молодому человеку удачи.

— Вистани нашли еще одну из моих, — вырвал Джандера из раздумий голос Страда. Граф стоял в дверях кабинета, дрожа от сдержанной ярости.

— Что случилось на этот раз? — спросил Джандер.

— Он ее утопил. Марью. Будь он проклят, будь он проклят! — Джандер вспомнил Марью, последнее добавление к Страдовой коллекции красавиц. Граф был совершенно очарован пышнотелой девушкой с большими завораживающими глазами. Неудивительно, что он выглядел особенно огорченным.

— Я не могу понять, кто это такой! Я снова и снова твержу рабыням не ходить поодиночке. Я их предупредил. И все же он по-прежнему захватывает их врасплох и убивает. Он ослепил Шуру, чтобы она не могла мне его описать. Мне кажется, что этот таинственный враг — нечто большее, чем простой смертный. — Страд хитро улыбнулся. — Хорошо, что я изобрел новые заклинания, чтобы сражаться с ним.

Рассеянно играя с фишками на доске, Трина что-то пробормотала себе под нос. Страд нахмурился.

— Что ты сказала, моя красавица?

Трина надула губки.

— Ничего, — мрачно сказала она.

Терпение у графа лопнуло. Он подошел к девушке и запрокинул ей голову.

— Не забывай, кто твой хозяин, маленькая волчица, — прорычал он, склонившись к ее горлу. — Я не могу выпить твою кровь, но я могу взять твою жизнь. *Что ты сказала?*

— Страд, — начал Джандер.

— Молчать! — завизжал правитель Баровии. За приказом последовал поток неразборчивых слов. Джандер снова попытался заговорить и обнаружил, что онемел. Он невольно поднес руки к горлу, словно пытаясь вытащить слова наружу.

— Говори! — приказал Страд оборотнице.

Теперь Трина плакала — от гнева и боли одновременно.

— Я сказала: «Если бы ты не создавал столько глупых рабынь, ты бы их не терял!»

С презрительной усмешкой Страд выпустил ее. Трина повалилась на пол, в корчах превращаясь в волка. Страд посмотрел на доску и помрачнел еще больше.

— Трина, ты играла с моими фишками. Я велел тебе никогда не трогать мою игру! — Но еще что-то сделать с Триной Страд не успел: оборотница завершила превращение и бросилась прочь из кабинета, поджав хвост.

— Ревнивая маленькая сучка, — сказал Страд, гнев которого перешел в самодовольную усмешку. — Она ненавидит, когда я уделяю внимание кому-то другому. Ничего, она скоро приползет обратно ко мне. Она будет со мной до тех пор, пока я этого хочу. Она страстно хочет моих магических знаний — и меня. — Он взглянул на Джандера и снял с него заклинание молчания.

— Страд, я тебе говорил, что не переносу магию! — сердито крикнул Джандер. — Почему ты не обращаешь внимания на мои слова? Гибнут люди, совершаются зверства — и ради чего? Нарушение законов природы! Магия все равно не может принести тебе душевного покоя, не так ли?

Глаза Страда вспыхнули алым.

— Думай, что говоришь, друг Джандер, — сказал он мягким и грозным голосом. — Не забывай, чей ты гость. И не забывай, что и ты — тоже нарушение законов природы.

Эльф замер, как будто его ударили. Страд, не обращая на него внимания, снова расставил фишки на доске. — Сыграем еще?

Джандер бросился прочь из кабинета — в прохладный лесной покой.

Пока он мчался, в спину ему дул ветерок, полный летних запахов. Оказавшись в глубине леса, эльф вытащил флейту и заиграл исступленную мелодию, в которой звучали его гнев и отчаяние.

Нарушение законов природы. Да, горько подумал Джандер, именно это я собой и представляю. Но я также представляю собой многое другое, чего Страд никогда не поймет. Джандер подумал, не объявить ли во всеуслышанье о преступлениях Страда в поселке, но мысль о предательстве эльфу не понравилась. Там, в Ториле, предательство отняло у него все — жизнь, счастье, возможно, даже его бессмертную душу. Джандер вспомнил о коварном поступке предателя, и гнев уступил место глубокой печали.

* * * * *

Джандер бросил свежую охапку сухих веток в красно-оранжевое сердце огня, и над затрещавшим костром в небо взлетела спираль из крохотных искр. Джандер отступил на шаг. Скоро веселое пламя успокоилось.

А эльфу было невесело. Он очень устал, а оставалось еще несколько дней пути. В нескольких ярдах паслась его довольная лошадь, иногда прислушиваясь к хозяину. Джандер вытащил из дорожного мешка одеяло и остатки съестных припасов — есть хотелось адски. Взглянув на еду, он поморщился. У него остался только ломоть соленой, практически несъедобной свинины и немного черствого дорожного хлеба. Он неохотно откусил кусочек хлеба. Придется встряхнуться и поставить силки на кролика.

Джандер подумал о доме, и сердце у него забилося чуть быстрее. Двести лет он бродил по Фаеруну, сражался со злом, заводил и терял друзей, спал на холодной, твердой земле — от такой жизни кто угодно устанет. Он достойно поддержал репутацию семьи Солнечных Звезд. Теперь в его душе пел Эвермит и звал его вернуться домой. *Эвермит, дом Народа...*

Оставшись наедине с ночью, Джандер потянулся к своей флейте. Он сам вырезал ее еще в Эвермите, и все двести лет она неизменно путешествовала вместе с ним. Эльф осторожно вытащил инструмент из чехла и поднес к губам.

Воздух наполнила сладкая, как птичья песня, и тревожная, как вечное дыхание волн, неземная, почти волшебная музыка. Кобыла Джандера подняла голову и прислушалась. В свое время Гидеон утверждал, что даже лесные звери забывают о своих проказах, чтобы послушать, как играет Джандер. Эльф не знал, правда это или нет, но когда он сам

бывал встревожен, музыка его всегда успокаивала.

Чистый звук остался в его сердце даже после того, как он опустил флейту.

— Никто на всем Ториле не играет так, как ты, старый друг, — раздался голос.

Джандер моментально вскочил и выхватил меч.

— Кто там? — спросил он, встревоженный тем, что не услышал шагов.

Неизвестный подошел к огню. Мощным сложением высокий бородач скорее походил на воина, чем на священника, но носил одеяние жреца. У Джандера перехватило дыхание, и на миг он потерял дар речи от изумления.

— Гидеон, — тихо выдохнул он. — Я думал, что ты погиб в Долине Кинжалов!

— Так и случилось бы, если бы не Чудо Илматера. Я благословлен. Он пришел и забрал себе мою боль.

Джандер слышал о Чуде Илматера. Иногда, если благочестивый священник испытывал страшную боль, являлся бог мучеников и занимал место жреца. Это бывало далеко не часто, но эльф не знал никого более достойного такого дара, чем Гидеон.

Вложив меч в ножны и швырнув его на одеяло, Джандер шагнул к другу с расprostертыми объятиями. Гидеон с широкой улыбкой на лице шагнул ему навстречу и чуть не раздавил в своей медвежьей хватке.

— О, слава богам, слава...

Благодарственная молитва превратилась в придушенный крик, когда две крохотных жарких иглы вонзились Джандеру в шею, протыкая и плоть, и душу. Внутренности разорвала жгучая боль, и эльфу казалось, что через две дырочки в яремной вене из него вырывают душу. Словно в тумане, эльф чувствовал, как капли его крови стекают по горлу и впитываются в голубую тунику.

Эльф попытался оттолкнуть Гидеона, но сил не хватало, и он мог только слегка толкнуть могучего священника. А тот все пил и пил, и Джандер чувствовал, как его сознание сжимается в крохотную точку света и полностью гаснет.

Через некоторое время сознание вернулось. Что-то холодное, влажное и пахнущее глиной влажно давило эльфу на лицо. Он пошевелился и попытался смахнуть грязь с лица, но обнаружил, что засыпан полностью. Его охватила паника, и он отчаянно замахал руками, счищая грязь с лица и выбираясь из ямы, которая, как он теперь понял, была неглубокой могилой.

С энергией, порожденной страхом, Джандер отполз несколько футов от небрежно засыпанной ямы. Он был так слаб, что не мог даже встать, чтобы забрать свои вещи. Он мог только лежать на земле и смотреть на яму, мерзкую дыру в плодородной лесной почве, и вознести благодарственную молитву за то, что ему удалось спастись.

— Добрый вечер, Джандер, — прозвучал резкий голос. — Я надеюсь, ты хорошо спал, — неизвестный нервно расхохотался.

Джандер сел и обернулся к говорившему. Из-за стоявшего рядом дерева появился молодой человек — стройный, бледный, с густыми медно-рыжими кудрями. Одна рыжая прядь выбилась и упала на молочно-белый лоб, большие глаза чем-то напоминали олени. Нервно покусывая губу, молодой человек крутил в ухоженных белых руках пару перчаток телячьей кожи. Вся его одежда, от кожаных сапог до льняной рубашки, была отлично сшита.

— Кто... — начал Джандер, но из горла вырвался только хрип. Он облизал сухие губы и начал снова. — Кто вы? Где Гидеон?

Юноша снова коротко, резко рассмеялся.

— Эй, жрец, твой друг хочет тебя видеть.

В поле зрения Джандера появился бывший священник. Его глаза светились странным алым светом, а борода была в крови. Он улыбался, показывая острые белые зубы. Джандер с ужасом и отвращением понял, что борода у Гидеона выпачкана его собственной кровью.

— Ты теперь один из нас, Джандер, — сказал Гидеон голосом, совершенно не похожим на тот глубокий, печальный тон, который так хорошо помнил эльф. Голос священника, превратившегося в вампира, звучал насмешливо и жестко.

Ты теперь один из нас. Джандер схватился рукой за горло. Оно было гладким, без отметин. Эльф облегченно закрыл глаза. Они еще не заполучили его, так что если он...

— Нет, Джандер Солнечная Звезда, — вмешался рыжеволосый молодой человек. — Ты действительно вампир. Пощупай пульс у себя на руке. Ты уже целый день как мертв.

Медленно, не отводя взгляда от Гидеона и незнакомца, Джандер прижал пальцы одной руки к запястью другой. Нахмурившись, он передвинул руку.

Пульса не было.

Все еще лежа на земле, эльф вытянул шею, чтобы посмотреть на странного молодого человека, который разглядывал его с одобрением.

— Мне он и правда нравится, Гидеон, очень нравится. Ты молодец.

Принеси ему что-нибудь поесть. Джандер, меня зовут Кассьяр, и теперь я твой хозяин.

— Нет, — прошептал Джандер. — Гидеон... мы были друзьями!

— Твоим другом был Гидеон-смертный, — прорычало злое создание, подходя к Джандеру. Эльф увидел, что Гидеон несет в руках светловолосого ребенка. — А я Гидеон-вампир, и прошлое для меня мало что значит. Теперь Кассьяр — мой хозяин, и я его слушаюсь.

— Ты очень голоден, Джандер, не так ли? — промурлыкал Кассьяр. Внезапно эльф-вампир почувствовал сильный голод и понял, что его только что умершее тело жаждет свежей крови из глотки маленького мальчика. Он чувствовал запах крови и какое-то странное ощущение во рту. Это росли клыки, и новый ужас ошеломил Джандера.

— Нет! — крикнул он, закрывая лицо руками. — Вы не можете заставить меня так поступить с ребенком!

Кассьяр нахмурился, раздраженно сморщив полудетский рот.

— Тебя никто не спрашивает. Ты *будешь* меня слушаться, а я говорю пей!

Джандер был слишком молодым и слабым вампиром, чтобы сопротивляться приказу хозяина. С отвращением, неуклюже он впился в белое горло мальчика. Кровь мягко брызнула на золотистое лицо. Душа Джандера была полна отвращения к происходящему, но тело жадно, неаккуратно пило.

Потом Джандер с ненавистью посмотрел на Кассьяра. Ему понадобилось почти сто лет, но в конце концов он убил своего хозяина. Этот бунтарский поступок даровал ему свободную волю, но не мог освободить его душу от проклятья, наложенного другом-предателем.

Глава девятнадцатая

Саша с ужасом понял, что дрожит, стоя над трупом своей последней жертвы. Он опустился на колени в лесную траву и позволил себе несколько секунд отдохнуть, чтобы взять себя в руки. Но даже после этого он не сразу сумел проткнуть тяжелым деревянным копьём грудь вампирки, и, пока он набивал чесноком ее красивый рот, по его лицу стекал пот. Саша упрямо не обращал внимания на Лисенка, тихо стоявшую рядом.

Подняв маленький топорик, он приготовился отсечь вампирке голову. Но у него так тряслись руки, что он не мог с этим справиться.

— Дай-ка я, — сказала Лейль так непринужденно, как будто они картошку взвешивали. Саша с облегчением вручил ей топорик и восхищенно смотрел, как она спокойно обезглавливает труп. Лисенок держалась как заправский профессионал — ни дрожи, ни слез. Не в первый раз Саша подумал, а есть ли у нее вообще сердце.

Вампирку обратили всего несколько недель назад. Саше в нос ударил запах крови и разложения, и его лицо позеленело. Поднявшись на ноги, он подошел к ближайшему дереву, и его вырвало. Лейль вежливо сделала вид, что ничего не заметила, сосредоточившись на своей работе.

Священник изо всех сил старался справиться с дрожью, прислонившись к дереву и вытирая рот обратной стороной ладони. Конечно, он боялся. Он всегда боялся. Только дурак не испытывал бы здорового страха перед этими могущественными, умными тварями. Дурак — или тот импульсивный, невинный ребенок, который так опрометчиво бросил вызов ночной темноте только для того, чтобы пережить гибель семьи, уничтоженной в собственном доме.

Страх его не беспокоил. А эта внезапная слабость беспокоила.

Боковым зрением он заметил, как в темноте затрепетало что-то белое. Саша насторожился, снова готовый сражаться. Еще один вампир? Он опять увидел белую тень и узнал ее. — *Катя!* — крикнул он, разрывая

тишину летней ночи, и, позабыв обо всем, бросился вслед за ней.

— Саша, подожди! — крикнула Лейль. Выругавшись, она окровавленными руками собрала инструменты и помчалась за ним следом.

Догнала она его быстро, потому что Катя, или что бы это ни было, исчезла. Священник стоял, тяжело дыша, с полным ужаса лицом. Он с отчаянием посмотрел на Лейль.

- *Катя!* — сказал он, словно одно это слово все объясняло.

Сердце Лейль упало. Она знала, куда они идут.

Встревоженный Саша почти бежал, так что, дойдя до поселка, они оба запыхались. Дойдя до крохотного домика Кати, Саша отчаянно ударил в дверь.

— Катя? Дорогая, это я. Пожалуйста, открой дверь!

Настало долгое молчание. Встревоженный Саша нервно водил ногтем большого пальца в щели дверного косяка. Наконец дверь приоткрылась, и из нее испуганно выглянула Катя, сжимая в руке священный амулет, висевший у нее на шее.

— Саша? О, Саша!

Катя с рыданием бросилась Саше на шею. Он крепко прижал ее к себе.

— Дорогая, что не так? Что случилось? Я думал, я тебя видел... — Он остановился как раз вовремя. — На улице.

— Ох, Саша, возможно. Это-то и ужасно! — Катя уставилась на него огромными, полными слез глазами. — Я... лунатик, — шепотом призналась она.

Саша похолодел. В Баровии лунатизм вел к беде. Священник лучше всех знал, как это опасно. Внезапно испугавшись, он отвел ее густые каштановые волосы с шеи, боясь обнаружить там крохотные отверстия, и с огромным облегчением вздохнул, увидев, что ее горло не повреждено.

— Я вижу такие ужасные сны, — продолжала Катя. — Про кровь и про то, как кто-то преследует меня в темноте. А потом я просыпаюсь и не знаю, где я! — Она опять зарыдала и спрятала лицо на груди у Саши. — И я хочу... я знаю, это неправильно, но... я хочу, чтобы ты был здесь, со мной, когда я сплю, просто чтобы знать, что я не одна.

— Эй, ребята, тут холодает, а я бы тоже хотела немного поспать, — раздался резкий голос Лейль.

Саша вздрогнул. Он был так огорчен страданиями Кати, что забыл о Лисенке.

— Конечно, — шмыгнула носом Катя, со стыдом отодвигаясь от священника. — Прошу прощения, Лейль. Со мной уже все в порядке. —

Но и Саша, и Лейль видели перепуганный Катин взгляд и ее дрожащую нижнюю губу.

— Вот, — сказал Саша, снимая с шеи медальон Латандера и надевая его на шею Лейль. — Иди обратно в церковь. Увидимся там утром. Мне как-то не по себе будет, если я сейчас оставлю Катю одну.

Катя тихонько вскрикнула и с благодарностью сжала Сашину руку.

— Отлично, — бросила Лейль. — Увидимся там. — Она посмотрела на Катю, хотела было что-то сказать, но передумала. Лучше было быстро уйти, чем наговорить грубостей; а если бы она задержалась еще ненадолго, они могли бы увидеть слезы в ее глазах. Лисенок не могла ненавидеть Катю — девушка была слишком мила — но отчаянно ревновала к ней Сашу. Уходя, Лейль тяжело сглатывала, а по щекам у нее текли слезы.

Саша с тревогой смотрел ей вслед. Лисенок его постоянно озадачивала. Что ее беспокоит теперь?

Он обернулся к Кате.

— Сегодня ночью больше не будет плохих снов, любимая. Я обещаю, — лукаво сказал он, целуя ее в щеку. Ее домик был одноэтажным, в две комнаты, с простой мебелью. Саша осторожно осмотрел замки на двери и на обоих окнах.

— Завтра на рассвете, во время наибольшей силы Латандера, я помещу на двери кое-какие охранные заклинания. А сейчас давай уложим тебя в кровать. — Катя послушно забралась обратно в постель и натянула одеяла до подбородка. Саша подтянул стул к кровати и сел рядом с Катей, смотревшей на него большими сонными глазами.

— Спасибо, что остался со мной, — прошептала она, зевая.

— Не за что. А теперь спи.

Саша намерен был охранять Катин сон до рассвета. Но, должно быть, он недооценил свою усталость, потому что через некоторое время резко проснулся. Катя извивалась на кровати и царапала себе горло. «Нет, нет», — кричала она, не открывая глаз.

Саша сразу же вскочил и прижал ее руки к кровати, отчаянно пытаясь не дать ей повредить себе. Она открыла глаза и испуганно посмотрела на него.

— Саша!

— Тебе приснился дурной сон. Вот и все. — Он ласково взял ее на руки и прижал к себе, ожидая, когда пройдет дрожь.

— Саша, — повторила Катя, но в ее голосе звучала новая нотка. Священник посмотрел ей в лицо. Ее глаза потемнели, а губы казались

очень красными. — Саша.

И вдруг он принялся ее целовать, и все его добрые намерения полностью вылетели у него из головы, когда ее красота и неожиданная страсть заставили его забыть о тьме.

* * * * *

Довольный своей работой, Джандер выпрямился, потянулся и перечитал надпись под фреской. КОРОЛЬ ГОБЛИНОВ БЕЖИТ ПЕРЕД СИЛОЙ ИЛ Й С Щ О С М О ОР Н В ОД . Он почти закончил. Невольно он признал, что ему интересно, что гласит оставшаяся часть надписи.

Он услышал, как хлопнула дверь, и по полу зашлепали нетерпеливые шаги.

— Джандер? Джандер, где ты?

— Около фрески, Трина, — ответил он. Оборотница подбежала к нему. Ее лицо по-детски светилось от радости, а в руках она сжимала огромную книгу.

— Посмотри, что мне Страд разрешил почитать, пока он будет в отлучке! — Она помахала книгой в воздухе. Это была какая-то книга заклинаний. Эльф попытался скрыть отвращение.

— Чудесно, Трина.

— Тут есть все-все заклинания. Послушай: Заклинание для Исцеления Серьезных Ран. Заклинание, чтобы Видеть Вещи, Магически Сделанные Невидимыми. Заклинание для Открывания Магически Запертых Дверей...

Джандер не слушал. Заклинание, чтобы Не Слышать Болтливых Оборотней, подумал он про себя с легкой улыбкой. Заклинание для...

— Какое там было последнее заклинание? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Хм... вот оно. Заклинание для Открывания Магически Запертых Дверей.

— Я слышал, что это очень сложное заклинание. Ты бы его лучше пока не пробовала.

Как он и рассчитывал, Трина, сидевшая на лестнице с раскрытой книгой на коленях, нахмурилась.

— Раз оно есть в этой книге, значит, я могу с ним справиться. Ты недооцениваешь магию. Ты просто вообще не понимаешь, сколько я узнала у Страда за последние несколько месяцев.

— Но я не уверен, что ты справишься с этим заклинанием, — отпарировал Джандер.

— Покажи мне магически запертую дверь, и я ее тебе открою, — похвасталась она.

Джандер притворился, что думает.

— Что-то ни одной не помню... Подожди минутку. Да, есть тут одна магически запертая дверь.

Они с Триной поспешили в кабинет. Джандер был полон нервного предвкушения. Он уже давно хотел попасть в таинственную комнату Страда. Больше нигде ему не удалось найти никаких сведений про Яну. А он точно знал, что в этой комнате есть книги. Возможно, они расскажут ему что-нибудь о женщине, которую он любит.

Они поднялись в кабинет, и Джандер указал на дверь в дальней стене.

— Кажется, вот эта дверь заперта магией. Попробуй.

Положив книгу на вощеный стол в центре кабинета, Трина несколько минут читала заклинание. Джандер с безразличным видом разглядывал корешки книг, притворяясь, что Трина с ее магией его совсем не интересует.

— Джандер, смотри, — гордо сказала Трина. Встав перед дверью, она закрыла глаза, подняла руки и растопырила пальцы, а затем негромко пробормотала много-много неразборчивых слов. Контур двери засиял слабым голубым светом, потом вдруг погас. Раздался отчетливый щелчок, и дверь приоткрылась примерно на дюйм.

— Ой, Трина, ты умница, — одобрил Джандер. Трина широко улыбнулась, должно быть, очень довольная собой. — А что ты еще умеешь?

Больше всего на свете ему хотелось наконец войти в эту комнату, в эту дразнящую открытую дверь. Но он знал, что прежде всего нужно позаботиться, чтобы у оборотницы не появилось никаких подозрений насчет его интереса к этой комнате. Притворившись, что ему очень интересны ее магические способности, Джандер битый час ходил за ней и смотрел, как она двигает предметы на расстоянии, заставляет огонь в камине ярко вспыхнуть, а потом угаснуть до углей, и демонстрирует прочие заклинания для начинающих магов.

— Заклинание, Чтобы Падать, Как Перо, — прочитала Трина и вытаращила глаза. — Это что, как будто летать?

— Не знаю, но ты лучше как следует выучи его, прежде чем прыгать со стены.

Трина рассмеялась.

— Обязательно.

— Ну как, ты можешь мне еще что-нибудь показать? — спросил эльф,

отчаянно надеясь, что Трина исчерпала все свои трюки. Обратница быстро пролистала магическую книгу и покачала головой.

— Нет, больше я пока заклинаний не знаю. Надо учить.

— Хорошо, в таком случае, ты не могла бы их учить где-нибудь в другом месте? Мне еще надо кое-что сделать.

Трина настороженно уставилась на Джандера.

— Что?

Один ужасный миг он не знал, что сказать, потом сообразил:

— Я собираюсь натереть маслом эти книжные шкафы. Они такие красивые, но Страд не тратил время, чтобы выявить блеск дерева...

— Конечно, Джандер. Не буду тебе мешать, — торопливо сказала обратница, отступая перед лицом скуки. — Я пойду поучу это Заклинание, чтобы Падать, Как Перо. Увидимся. — Она закрыла книгу, просунув палец между страницами, как закладку, и ушла.

Наконец эльф остался один. Закрыв дверь кабинета за Триной, он осмотрел ее и на всякий случай запер. С пересохшим от волнения ртом Джандер обернулся к двери, ведущей в тайную комнату. Он уже много лет не совершал таких безрассудных поступков, но Страд ушел совсем недавно и не вернется по меньшей мере несколько дней. Что же такое Страд так старательно прячет от Джандера? Эльф даже представить себе не мог, что это могло быть.

Джандер почувствовал угрызения совести. Он дал графу слово, что не будет входить в эту комнату. Несколько секунд честь сражалась с любопытством и яростной надеждой найти наконец какие-то следы Яны. Джандер подошел к двери.

С некоторым страхом вампир протянул руку и, колеблясь, толкнул деревянную дверь. Она со скрипом открылась внутрь, в большую темную комнату, из которой донесся запах разложения. Джандер поморщился. Его глаза быстро приспособились к темноте, но он снял факел со стены, зажег его от огня в камине и вошел в тайную комнату.

Перед ним протянулся длинный стол. Должно быть, как и многие предметы в Замке Равенлофт, он когда-то был очень красив. Теперь стол покрывал толстый слой пыли. Это Джандера не удивило; удивило его то, что стояло на столе под слоем пыли.

Стол был накрыт в ожидании пира, которого никогда не было. Увидев в центре стола омерзительную кучу гнили, Джандер шагнул вперед и поднял факел, чтобы понять, что это такое. Оказалось, что когда-то это был пирог — и, судя по множеству ярусов и по крохотной фигурке женщины в белом на верхушке, свадебный пирог.

Джандер почувствовал слабый привкус страха. Что-то здесь было очень, очень сильно не так. Вампир отошел от стола на шаг и наступил на какой-то предмет, хрустнувший у него под ногой. Он наклонился посмотреть, что там, и его страх усилился. Он нашел вторую половинку украшения пирога — крохотную фигурку жениха — с оторванной головой.

Джандер принялся осматривать комнату дальше. Стол и остатки пирога указывали, что когда-то это был пиршественный зал. Кроме того, это была и семейная картинная галерея. Джандера окружали лица фон Заровичей. Некоторые имена казались знакомыми, другие были совершенно новыми. Он задержался у портрета красивой молодой пары.

Табличка под портретом сообщала, что это Баров и Равеновия фон Зарович. Портрет был написан вскоре после их свадьбы, и они были удивительно красивой парой. Судя по дате на портрете и по сильному сходству со Страдом, Джандер предположил, что это родители графа. Черты Барова отчетливо отражались в лице его сына: темные глаза, тонко вырезанный нос и скулы почти точно такие же, как у Страда. Равеновия была красавицей, и умелому художнику удалось запечатлеть огонь души и незаурядный ум, читавшийся в ее больших темных глазах.

На следующей картине были изображены трое мужчин. Одним из них был Страд. Он сидел в роскошном красном бархатном кресле. С тех пор граф мало изменился, и Джандер понял, что портрет был завершен незадолго до трансформации Страда. По левую руку графа, на шаг позади кресла, стоял человек лет сорока, довольно коренастый, но с добрым, великодушным выражением лица. Он явно был близким родственником Страда. А справа, положив руку на подлокотник кресла, у ног графа сидел один из самых красивых молодых людей, каких Джандер когда-либо видел. Его черты тоже были чертами Страда, но на лице читались душевная чистота, энергия юности и удивительное сочетание силы, самоуважения и невинности. Этому человеку было только двадцать с небольшим лет, и почему-то он показался Джандеру странно знакомым. Юноша и Страд были в военной форме, хотя разных рангов и родов войск. На шее у юноши был красивый медальон в форме солнца. Грудь Страда была увешана медалями.

Джандер прочел имена: Страд, Стурм и Сергей фон Заровичи. Это был бы чудесный портрет трех братьев, если бы художник оказался чуть менее проницательным и не передал в совершенстве тревожное выражение лица Страда. Его темные глаза мрачно смотрели с картины — глаза человека, который никогда не знал счастья — а рот был невесело сжат.

Даже при жизни, связанный кровью и дыханием с солнечным миром живых, Страд, должно быть, был несчастным человеком, несмотря на все награды, украшавшие его грудь.

На стенах висело еще множество портретов. Костюмы менялись с годами, хотя некоторые доспехи и украшения повторялись — должно быть, фамильное наследие или формальные регалии. Джандер бесцельно бродил по комнате, присматриваясь к некоторым из портретов.

У дальней стены стоял небольшой столик. В отличие от прочей мебели Замка Равенлофт, на этом столике не было видно ни пыли, ни следов запустения. На чистой белой скатерти были аккуратно разложены украшения: ожерелье, серьги, браслет. Рядом с украшениями стояли две свечи в отполированных подсвечниках и лежали две книги в кожаных переплетах. Одна из книг явно была очень старой и зачитанной, вторая — гораздо новее.

Джандер взял новую книгу и бесцельно просмотрел ее. Книга была написана хитрым шифром Страда, но за последние несколько десятилетий у Джандера было достаточно времени, чтобы научиться его читать. Он положил книгу на стол, не глядя на второй том.

На стене над столом висел еще один портрет, завешенный белой тканью, похожей на скатерть на столе. Джандер нахмурился. Зачем прятать эту картину? Быстрым движением он откинул занавесь в сторону.

Джандер в ужасе уставился на две изображенные там фигуры. Счастливые мужчина и женщина позировали в свадебных нарядах. Кто-то изрезал ножом лицо мужчины. Но не это поразило Джандера в самое сердце, а лицо женщины, которую мужчина держал под руку.

Это было лицо Яны. И никого другого.

Ее лицо сияло чистой радостью, глаза смотрели с любовью. Одетая в красивое белое платье, с букетом цветов в руках, с фатой на роскошных волосах, она лучезарно улыбалась молодому человеку без лица. Это ее свадьбу готовились праздновать в этом зале.

Джандер несколько минут смотрел на портрет, пытаясь понять смысл бессмысленного. Наконец он посмотрел вниз и прочитал табличку: «Сергей фон Зарович и Татьяна Федоровна, по случаю их свадьбы, 351.»

Дрожа, эльф отшатнулся, голова у него кружилась в попытках понять, что произошло. Значит, это не Яна, а какая-то Татьяна. Сестра? Близнец, возможно?

Он взглянул на книги. Возможно, они объяснят ему, что это за Татьяна. Он взял книгу поновее и раскрыл ее. Она называлась «Книга Страда». Несмотря на нервное напряжение, Джандер насмешливо фыркнул.

Со Страда станется написать что-то настолько демонстративное. Он сел рядом с мемориалом Татьяне, с нетерпением и страхом положил «Книгу Страда» на колени и принялся читать.

Я — Древний, я — Земля. Мои истоки затеряны во тьме прошлого. Я был воином, я был добр и справедлив. Я гремел в этой стране, словно гнев справедливого бога, но годы войны и годы убийств источили мою душу, как ветер истачивает камень и превращает его в песок...

Джандер нахмурился. Это не исторические хроники. Это пропаганда Страда, его попытка описать историю так, как он сам хотел бы ее видеть — совсем как тот давний, насквозь пронизанный ложью рассказ о том, как Баровия попала в туманы. Какая-то дикая, извращенная история о сопернике, о женщине и...

Джандер изумленно уставился на картину. Вот этот счастливый молодой человек — соперник Страда, «очаровавший» Татьяну и «укравший» ее у графа? Ложь, все ложь, и Джандер это знал с самого начала, хоть и не знал, почему. Невозможно было представить себе влюбленную пару счастливее Сергея и Татьяны, невозможно было даже подумать о них как об интригане и жертве.

Эльф с отвращением положил «Книгу Страда» на стол, потянулся ко второй книге и осторожно, понимая, какая она хрупкая, открыл ее. Желтые страницы грозили рассыпаться прахом от одного прикосновения. Текст еле-еле можно было прочесть, к тому же по ходу чтения приходилось расшифровывать тайнопись Страда. Но Джандер быстро понял, что держит в руках дневник, начатый в 349 году по Баровийскому календарю — почти двести пятьдесят лет назад.

До того, как Страд стал вампиром.

Дрожа, Джандер прижал книгу к груди и вернулся в кабинет. Он знал, что до рассвета его никто не побеспокоит. Установив факел в держателе на стене, он устроился в одном из мягких кресел и начал читать.

Глава двадцатая

Двенадцатая Луна, 347. Наконец-то война закончена. Враг разбит, уничтожен или изгнан. Я нашел долину, в которой расположен разрушенный замок полководца. Я забрал и то и другое...

Шестая Луна, 348. Мир грызет мою душу. Мне это не нравится. Жителям Баровии я тоже не нравлюсь. Мне все равно...

Третья Луна, 349. В замке продолжают работы. В честь моей матери я назову его Равенлофт. Он становится достойным домом для семьи фон Зарович...

Одиннадцатая Луна, 349. Все готово. Я призову мою семью, чтобы это холодное здание стало домом...

Четвертая Луна, 350. Они прибыли, и с ними Сергей, мой младший брат, которого я никогда не видел. Как он молод, и телом и душой! Я бы назвал его новобранцем, но надо быть честным: его способности и навыки изумляют меня. Сегодня в тренировочном поединке он чуть не победил меня.

Мы быстро подружались, словно повязанные кровью воины. Он так воспринимает новые времена, как никогда не смогу воспринимать их я, у которого в костях затаился холод смерти, а на языке все еще живет вкус войны. Что бы я ни отдал, чтобы стать им — молодым, беззаботным красавцем, любимцем женщин! Какая ирония в том, что, как младший сын в семье, он должен стать священником!

Я, должно быть, старею — холодная ночь в напрасном пути к рассвету. Я никогда не хотел иметь семью. Теперь, когда прибыл Сергей, я обнаружил, что мысленно вижу женщину рядом с собой и ребенка у себя на коленях...

Шестая Луна, 350: Высочайший Жрец Кир внезапно умер, и Сергей настоял, чтобы я объявил день его смерти днем национального траура. Теперь Сергей должен занять должность Высочайшего Жреца, и

эта честь изрядно смущает парня. Ему еще не позволено носить формальное одеяние священника, потому что его еще не рукоположили, но клирики позволили ему носить жреческий медальон, довольно симпатичную безделушку, которая приводит его в восторг — возможно, в чересчур большой восторг.

* * * * *

По баровийскому календарю шел 350-ый год, и граф Страд фон Зарович, глядя на реку Ивлис, извивавшуюся среди гор и лесов, знал, что является абсолютным и неоспоримым хозяином всего, что он видит.

Эта мысль не принесла ему удовлетворения. В те дни мало что приносило ему удовлетворение.

Несколько лет тому назад какой-то перепуганный бургомистр в одном из поселков устроил политическое движение с целью превратить день рождения графа в национальный праздник. Бургомистр хотел отвратить от себя недовольство Страда, вызванное тем, что из его поселка поступало слишком мало налогов. Он выбрал неправильную тактику. Страд никогда не отмечал свой день рождения. Когда-то он в шутку назвал его «день смерти». Больше подобные вопросы не обсуждались. Юность Страда ушла, растраченная в сражениях и убийствах.

Несчастливого бургомистра нашли мертвым, аккуратно обезглавленным одним уверенным ударом меча. С тех пор никто не решался поднимать тему дня рождения графа.

В тот день Страд вернулся к себе в кабинет и взялся за дневник, который он начал вести после того, как завоевал эту землю.

Я ненавижу баровийцев! Они просто не понимают, как это — оставить меня в покое. Страд подумал и записал: А Сергей тоже подцепил эту черту?

Он развил нехорошую привычку ходить в поселок, пытаясь, как он говорит, «сделать что-нибудь хорошее для этих людей». Там на него смотрят как на какого-то юного бога. Люди бросают цветы под ноги его коня и буквально оглушают мальчишку приветствиями. Из этого не может выйти ничего хорошего. Нечего Сергею якишаться с народом, его место здесь, в Замке Равенлофт, как и подобает фон Заровичу. Он не должен кататься в крестьянской пыли.

Раздался стук в дверь кабинета.

— Войдите, — равнодушно отозвался Страд.

Вошел Сергей, с сияющим лицом и растрепанными темными кудрями.

— О, Страд, я должен тебе рассказать, что сегодня произошло!

— Да ну? — ответил его брат, неохотно откладывая книгу. — Как

же ты ухитрился найти в этой унылой деревеньке что-то, что может заинтересовать фон Заровича?

Страд нахмурился, а Сергей подтянул поближе кресло. Граф всегда считал, что горячность и прямолинейность младшего брата не пристали представителю правящей семьи, а сегодня Сергей вел себя просто как разыгравшийся щенок. Должно быть, и правда произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Я встретил девушку.

Страд ждал, но, видимо, в этом и заключалось все сногшибательное сообщение Сергея. Старший брат с раздражением взял в руки дневник.

— Добрые небеса, Сергей, если ты будешь приходить сюда, подпрыгивая от восторга, каждый раз, когда захочешь «спасти» одну из местных шлюх...

— Если бы ты не был моим братом, я бы тебя за это убил! — Сергей вскочил на ноги, гневно глядя на брата. — Я встретил ее, когда занимался своими делами в поселке. Она помогает людям, она... Ты ее никогда не видел. Я ее скоро приведу сюда, и ты сам сможешь ее увидеть.

— Не смей таскать в этот дом шлюх!

— *Не смей* так говорить о Татьяне!

— Ого, у этой потаскушки есть имя!

С видимым усилием Сергей сдержал гнев и заставил себя сесть в кресло. Когда он заговорил, голос его звучал мягко.

— Брат, ты знаешь, как я тебя люблю. Я прошу тебя не говорить о Татьяне как о шлюхе, потаскушке или как-нибудь еще и оказывать ей должное уважение. Да, она низкого происхождения, но она само совершенство. Я еще никогда не встречал такой светлой души. И, Страд, она будет моей. Я собираюсь на ней жениться.

— Исключено. Во-первых, она не подходит тебе по социальному положению. А во-вторых, — он протянул руку и прикоснулся к жреческому амулету на груди Сергея, — ты связан иным обязательством. Помнишь?

— Ты знаешь, что мать и отец не слишком хотели, чтобы я шел в священники. Младший сын становится жрецом по обычаю, и не более того. Не по закону!

— Мне казалось, что твои склонности соответствовали этой стезе.

Сергей был вынужден кивнуть.

— Соответствовали. И сейчас соответствуют. Но если бы мне было предназначено идти путем священника, то боги, конечно же, не ниспослали бы мне такой любви к Татьяне. Когда ты с ней познакомишься, ты ее тоже полюбишь. Кроме того, какое имеет значение, женюсь я или

нет? Наследник — ты, а после тебя идет Стурм. Как видишь, — Сергей ухмыльнулся знакомой ухмылкой «все на свете отлично» — в том, чтобы быть младшим сыном, есть свои преимущества.

— Сергей, — сказал Страд, у которого заканчивалось терпение, — женись на ком хочешь. Мне все равно. Если ты нашел в поселке какую-то уродливую оборванку и сумеешь отмыть ее так, чтобы она не вызывала возмущения у слуг, то женись на ней хоть завтра, мне это безразлично. А теперь оставь меня. Я очень занят.

Сергей нахмурился. Его ясные голубые глаза оглядели лицо Страда.

— Я знаю, что нас разделяют много лет, и знаю, что ты считаешь меня ужасно молодым и незрелым. Я всегда восхищался тобой, брат, но я никогда не понимал, почему после стольких почестей и побед ты стал таким озлобленным.

— Сергей...

— Черт возьми, Страд, никто лучше меня не знает, что ты сделал для нас всех. Ты положил конец войне, которая длилась десятилетиями! Ты купил нам этот мир. Твоя работа выполнена, и ты выполнил ее великолепно. Я и надеяться не могу обрести возможность так гордиться своими деяниями. Я не могу победить в войне, потому что войны больше нет. Я могу только жить и делать то, что считаю правильным. — Молодой человек встал. — Мне жаль, что тебе пришлось провести юность на поле боя, но это не моя вина.

Страд смотрел ему вслед, качая головой. Иногда Сергей доводил его до полного отчаяния — а иногда Страд восхищался младшим братом, как никем другим на свете.

Сергей был последним и самым прекрасным цветком на родовой ветви фон Заровичей. Он дарил любовь и утешение родителям, когда Страд вдали от них вел битву за битвой, а интересы Стурма увели его прочь из дома. Сергей вырос и повзрослел, не зная старшего брата, и когда Страд поселился в Баровии и послал за своей семьей, братья встретились в первый раз.

Это была братская любовь с первого взгляда. Сергей откровенно боготворил Страда, блестящего военного героя, и Страд невольно отвечал ему тем же. Почему бы и нет? У Сергея было много прекрасных черт: он был умен, жизнерадостен, и из него вышел отличный партнер для боевых тренировок.

Насколько может любить стареющий воин, Страд любил Сергея.

Замок Равенлофт не был раем. Страд хотел вернуть свою юность. Он не только любил Сергея, он хотел *быть* Сергеем — хотел, чтобы ему было

двадцать семь лет, чтобы вся его жизнь расстиралась перед ним, словно накрытый стол, полный роскошных яств. Страд пролил свою юность на землю, дабы задобрить богов войны, и теперь, сорокапятилетний, он осознал, что ничего не приобрел взамен. У него не было ни семьи, ни близких друзей. Он пытался делать добрые поступки, но почему-то они оказались всего лишь целесообразными: он не создал закона, который изменил бы мир к лучшему, и не завоевал земель, которые дали бы ему новую жизнь. Пусть Сергей взвалит на себя какую-нибудь дочку огородника, ему полезно, — горько подумал Страд.

Он взял перо и написал жирными, твердыми буквами: *Несмотря на всю мою любовь, время от времени Сергей вызывает мой гнев.*

Через пять дней, когда невеста Сергея вышла из экипажа и застенчиво огляделась вокруг, Страд испытал беспредельное отчаяние.

Да, девушка действительно была прекрасна — само совершенство, как и утверждал Сергей: высокая, смуглая от солнца, с длинными, роскошными рыжевато-каштановыми волосами, волнами спадавшими по спине. Простая одежда подчеркивала ее полную грудь и узкую талию. Сергей крепко держал ее за руку, сияя от гордости и любви, а Татьяна смотрела на будущего мужа с нежностью и преданностью. Страду как-то удалось пережить формальное знакомство и даже длинный официальный ужин по случаю помолвки. Он без оглядки отдал сердце этому прекрасному самоцвету из долины.

Ее милая искренность делала его страдания еще тяжелее. Во время прогулок она часто брала Страда под руку, относилась к нему с огромным уважением, называла его «братом» и «старшим». Откуда ей было знать, что Страд всем сердцем завидует брату?

Иногда графу казалось, что Татьяна его тоже любит; но этот хрупкий обман всегда рассеивался, стоило ей только взглянуть на Сергея. Его присутствие наполняло ее чудесной, полной жизнью. Все, кто видел молодую пару, радовались их радости — такой искренней и очевидной была их взаимная преданность.

Все, кроме графа Страда фон Заровича.

Он по-прежнему безнадежно мечтал, что она его полюбит, и становился все мрачнее по мере того, как приближалась свадьба. Он принялся просматривать разные книги заклинаний, но не находил там ничего подходящего. Граф стал еще раздражительнее и порой проводил всю ночь без сна, ища хоть что-нибудь, что могло бы ему помочь.

Однажды после обеда он пытался развлечься, играя на органе. Это ненадолго помогло — мощные раскатистые аккорды обволакивали его

душу, пальцы летали по клавишам, в мелодии звучала его мука, но все вместе приносило облегчение.

Но в это время из вестибюля донеслись какие-то звуки, и хрупкий покой разлетелся вдребезги. Граф прекратил играть и, недовольно нахмурившись, пошел посмотреть, в чем дело. Да, на спокойный вечер надежды не было: в столовую с радостным гомоном входили все участники охоты, включая собак. Животные весело семенили рядом с хозяевами, размахивая хвостами и негромко постукивая когтями по каменному полу.

— Страд! — замахал ему Сергей. — Ты пропустил отличную охоту!

— И в самом деле, Старший, даже вы смеялись бы от радости, если бы только нам удалось оттащить вас от ваших книг, — добавила Татьяна, тепло улыбаясь графу.

Страд ответил на улыбку вымученной гримасой.

— Книги — хорошая компания. Охота на лис — напрасная трата времени.

— Ах, тебе бы понравилась эта охота. И ты никогда не догадаешься, что случилось потом в «Волчьем Логове»! — Сергей схватил брата за руку и потащил к столу, где вышколенные слуги открывали пыльные бутылки и наполняли хрустальные бокалы. Сергей ловко вставил в руку Страда бокал с рубиновой жидкостью.

— Сергей! — Татьяна покраснела как маков цвет, тихонько засмеялась и склонила голову на грудь Страду, совершенно не осознавая, что с ним при этом происходило. — Пожалуйста, Старший, велите ему прекратить, я не хочу, чтобы эта история стала известна всем!

Страд закрыл глаза, чтобы не выдать своей муки. Татьяна склонила голову к нему на грудь, но не отдала ему свою любовь! Не в состоянии сдержаться, он поднял руку, чтобы прижать ее к себе.

Но блаженное прикосновение закончилось. Сергей лукаво подтянул к себе свою невесту и принялся ее целовать, несмотря на ее смущенные возражения.

— Она преподавала мне отличный урок, Страд.

— Видят боги, тебе многому нужно научиться, — прорычал граф, которого захлестывал отравленный прилив ревности.

— Мы зашли распить пинту эля с поселянами в трактире. И вдруг этот огромный волосатый скот схватил бедную Татьяну. Просто схватил. И прежде, чем мы успели что-то сделать, он попытался...

— *Что?*

Слово взорвалось в глотке Страда. Ярость помчалась по его жилам. Присутствующие отошли на шаг. Граф отнюдь не славился мягкостью

характера, но такого бешеного гнева на искаженном лице Страда еще никому не приходилось видеть. Даже Татьяна испугалась и крепче прижалась к будущему мужу. Только Сергей, который так любил брата, что совершенно не боялся его, спокойно продолжал рассказывать

— Попытался ударить ее головой об пол, — продолжил Сергей. — Ну, естественно, я и еще несколько добрых парней оттащили его от нее, как только опомнились. Мы хотели вытащить его на улицу и устроить ему такую выволочку, которую он бы надолго запомнил, но Татьяна нам не позволила.

Страд изумленно посмотрел на девушку. Ее щеки пылали, но она спокойно встретила его взгляд. О боги, эти глаза.

— Она сказала нам, что знает этого человека, что они выросли вместе. Она сказала, что он сердится, потому что ей удалось стать невестой одного из фон Заровичей, а его семья голодает. И знаешь, что сделала моя голубка? — Сергей гордо улыбнулся Татьяне, крепче прижимая ее к себе за плечи. — Она сняла с себя все украшения, какие на ней были, и отдала этому человеку. «Купи своим детям еды, — сказала она ему, — и пока я жива, твоя семья никогда не будет голодать.» И это чудовище, этот огромный, нескладный медведь — ох, Страд, он расплакался, словно младенец, и поцеловал Татьяне руки. Ну разве она не чудо?

Охотники разразились приветственными криками и подняли тост за будущую жену Сергея. Она смотрела на всех счастливыми глазами.

— Татьяна, ты дура, — резко сказал Страд. Радость в ее глазах сменилась болью. Не обратив на это внимания, Страд обернулся к Сергею.

— А ты, брат, еще глупее. Ты только что вывалял наше семейное имя в здешней деревенской грязи. Тебе следовало убить этого пса за его дерзость. Если бы кто-то из моих слуг поступил так, как ты, я бы приказал избить его плетью так, чтоб чуть жив остался. К сожалению, ты мой кровный родич, поэтому у меня такой возможности нет. Верь мне, я об этом сожалею. Я должен идти.

Он вышел из столовой, швырнув бокал на пол. Его проводили ошеломленным молчанием. Все смущенно переглядывались, но никто не знал, что сказать. Татьяна заговорила первой:

— Бедный Страд. Я думаю, должно быть, он даже больше нуждается в нашей жалости и заботе, чем Яков из поселка.

— Моя дорогая, — мягко сказал Сергей, целуя ее в затылок, — я думаю, что ты права.

Яростно царапая пером, Страд излил свой гнев в дневнике: *Я должен найти что-то, какое-то заклинание, какое-то зелье, которое сделает*

этого ангела моим. Я все отдал бы, чтобы заполучить эту женщину!

Страд проснулся, когда уже давно рассвело. Глубоко вздохнув, он потерял глаза. Под веки словно песок насыпали. Его усталое тело буквально визжало, требуя хотя бы на один вечер прервать поиски и отдохнуть.

Огромным усилием воли граф стряхнул с себя летаргию, сурово напомнив себе, что, если он не найдет магический способ сделать Татьяну своей, то впереди его ожидает длинная череда одиноких ночей в пустой постели, и можно будет спать сколько угодно — только это ему и останется. Дрожащими от изнеможения руками Страд мрачно снял с полки еще одну книгу заклинаний, тяжело сел в кресло и начал ее просматривать.

Переворачивая страницу, он заметил, что два листа склеились вместе. Он нахмурился. Почему он никогда раньше этого не замечал? Какие непознанные тайны скрыты на этих двух страницах? От внезапного прилива энергии Страд полностью проснулся. Осторожно, чтобы не повредить старый пергамент, он разделил склеившиеся листы — и улыбнулся, не сразу решившись поверить собственным глазам. На пожелтевших страницах какой-то давно забытый маг летящим почерком написал следующее:

Заклинание, чтобы Достичь Заветного Желания.

Страд быстро просмотрел заклинание. Обычная магия, даже не требующая никаких редких ингредиентов. *Шерсть летучей мыши...* Боги, вот уж что несложно достать в этой дыре. *Толченый рог единорога...* Насколько он помнил, у него где-то еще осталось немного драгоценного порошка. Потом произошло что-то странное. Зрение Страда на мгновение затуманилось. Он нетерпеливо протер усталые глаза.

Посмотрев на страницу с заклинанием, Страд обнаружил, что список ингредиентов изменился.

— Что? — пробормотал он себе под нос. Буквы на странице изгибались и вращались, текст менялся прямо у него на глазах. Испугавшись, Страд уронил книгу на стол. Она упала с громким хлопком.

— *Это очень старая книга. Тебе следовало бы осторожнее с ней обращаться,* — раздался голос, от которого волосы на шее Страда встали дыбом.

Резко вскинув голову, он быстро оглядел комнату. Кроме него, в кабинете никого не было.

— Кто здесь? — спросил он.

— *Тебе следовало бы знать,* — опять прозвучал голос, полный сдержанного шелковистого веселья. Казалось, голос звучал из всех углов, он резал уши Страда, словно осенние листья, падающие на могилу. — *Ты*

меня призвал. Я услышал твою ненависть. Я здесь, чтобы даровать тебе твое Заветное Желание.

— Покажись, — потребовал Страд.

Голос засмеялся, негромко и сухо.

— *Ты не сможешь выдержать моего вида.*

Неожиданно Страд поверил этому холодному, шепчущему голосу, и что-то в его душе закричало, чтобы он бежал из кабинета, бежал от мертвого голоса, который расплзался по его душе, как яд расплзается по телу, и оставил Татьяну Сергею.

— Нет, — прошептал Страд. — Она будет моей.

— *Начнем?*

— Я... я даже не выполнил ритуала, — пробормотал граф, пытаюсь собрать рассеянные мысли.

— *И не нужно. Заклинание записано только для того, чтобы... привлечь твой интерес. Как ты, несомненно, заметил, оно постоянно меняется. Совсем как разум смертного.*

— Что ты такое?

Голос загремел, словно ветер в штормовую ночь, и со смехом начал расти, пока граф не почувствовал, что голос давит на него, словно реальное существо.

— *Я — все кошмары всех живущих на свете существ. Я — темные мысли об убийстве и предательстве, о страхе и похоти, о грубости и насилии. Я — острое слово, убивающее душу, и окровавленный нож, убивающий тело. Я — яд на дне чаши, петля на шее вора, крик несправедливо обиженного и визг пытаемого. Я — ложь. Я — черная яма безумия. Я — Смерть и все, что хуже нее. Ты меня знаешь, граф Страд фон Зарович. Мы с тобой очень, очень старые друзья.*

Страд затрепетал, но голос его не дрогнул.

— Ты пришел... за мной?

— *Я пришел к тебе, — вздохнул замогильный голос, снова слабый, как последнее дыхание умирающего. — Ты хорошо меня кормил. Ты заслужил награду. Ты желаешь заполучить невесту своего брата и вернуть потерянную юность. Я уберу соперника у тебя с дороги, и ты больше не состаришься ни на день... если ты сделаешь так, как я тебе скажу.*

На мгновение граф заколебался. Это существо предлагало ему невозможную награду, от которой было так же невозможно отказаться. Татьяна. Страд кивнул.

— Что я должен делать?

Глава двадцать первая

Боги! Боги! Какие ужасы и какие чудеса творились здесь сегодня! Моя рука, держащая перо, дрожит, но я не знаю, от горя или от радости. Я попытаюсь описать события так четко, как только смогу, чтобы я мог перечитать эти записи позже, когда мой разум немного успокоится, и попытаться понять...

* * * * *

За час до церемонии, вскоре после наступления сумерек, Страд негромко постучался в дверь Сергея.

— Войдите, — отозвался молодой человек.

Страд с улыбкой вошел. Сергей выглядел великолепно. Его ярко-голубую форму, украшенную эполетами и медалями, по случаю свадьбы выстирали и и выгладили. Его черные сапоги блестели, а платиновый жреческий медальон на шее сверкал при каждом движении. Сергей только что пристегнул меч и теперь нервно одергивал форму, стоя перед зеркалом. Он поднял взгляд, не оборачиваясь, чтобы увидеть вошедшего в зеркале. Встретившись глазами с отражением Страда, он широко улыбнулся.

— Я не знал, придешь ли ты! — воскликнул Сергей, протягивая руки Страду. Граф неуверенно обнял брата. — Я думал, вдруг ты еще сердишься из-за той истории с Татьяной и парнем из поселка.

— Нет, братишка, я был тогда слишком горяч и жесток. Я пришел просить у тебя прощения.

Глаза Сергея, такие же ярко-голубые, как его форма, наполнились слезами.

— В этой стране некоторые говорят, что в тебе не осталось ничего хорошего, — хрипло сказал он, — но я всегда знал, что у «дьявола Страда» ангельская душа.

— Отойди на шаг и дай мне посмотреть на тебя, — энергично сказал

граф, смущенный подобной темой разговора. Сергей послушался, застенчиво улыбаясь. Страд насмешливо присвистнул. Его брат добродушно толкнул его в бок.

— Ты сегодня разобьешь немало сердец, — сказал граф. — Бьюсь об заклад, в поселке будет множество самоубийств. Все матери семейств будут оплакивать смерть первого жениха в Баровии.

— Ах, но я надеюсь, что вскоре после этого они поднимут бокалы за самого счастливого женатого человека!

Холодный, медленный гнев пополз по венам Страда. Видя, как Сергей к нему привязан, в какой восторг пришел младший брат от его присутствия, он уже почти раздумал подписывать договор, заключенный с таинственной темной сущностью. Но теперь, когда Сергей сиял от радости по поводу предстоящей женитьбы, в груди у графа заворчалось темное чудовище ревности.

Он коснулся изящным пальцем медальона, висевшего на шее у Сергея. Украшение мерцало, мягко покачиваясь, кристалл в его центре ярко блестел.

— Знаешь, тебе придется от него отказаться.

Сергей сжал медальон в руке.

— Да, я знаю. Нельзя быть одновременно женатым человеком и священником, верно? Хотя я никогда не считал, что это справедливо. Можно выполнять свой долг и перед богами, и перед семьей. Одна любовь не исключает другой.

— Святотатство! — воскликнул Страд в насмешливом ужасе. — Тебе придется основать свою собственную религию, Сергей.

В ответ молодой человек засмеялся, выпуская платиновый медальон из руки.

— Может, я так и сделаю, если мне не придется отдавать этот амулет. Ты знаешь, длинными темными ночами он был для меня источником утешения.

В палитре души старшего брата зелень ревности смешалась с алым оттенком гнева. Что может этот ребенок знать о длинных темных ночах? Через какой пришлось *пробираться* избалованному мальчишке? Да Сергей за свою короткую жизнь даже ни разу не участвовал в настоящем сражении! Выросший в роскоши, он сражался только на тренировках и для собственного удовольствия — не за жизнь, не за землю. Вокруг Сергея все время толпились женщины, а он, идиот, только и знал, что отправлять их прочь с вежливыми извинениями. Да, он прекрасный, мужественный молодой воин, но будь он проклят, ему следовало стать свя-

щенником. Что сделал Сергей, чтобы заслужить Татьяну? И что сделал он, Страд, чтобы лишиться ее?

— Ты мог бы выбрать любую женщину в мире, — сказал вдруг Страд. — Почему она?

Сергей изумленно посмотрел на брата, потом его взгляд смягчился от жалости.

— О, Страд, — прошептал он дрожащим голосом, — разве ты не знаешь?

В глубине сердца Страд действительно прекрасно знал ответ и понял, что имеет в виду Сергей. Это был просто риторический вопрос влюбленного человека, уверенного, что весь мир должен видеть его возлюбленную такой, какой ее видит он.

Ревность и боль графа исказили милые слова Сергея. *Разве ты не знаешь?* Этот простой вопрос отравленный разум Страда воспринял как издевательство. Будь он проклят! Сергей знает, что Страд любит Татьяну, и женится на ней назло старшему брату!

С трудом овладев собой, Страд сумел расслышать, что говорит Сергей.

— Для полного счастья мне не хватает только одного. Я бы хотел, чтобы и у тебя была жена, похожая на Татьяну.

— У меня есть подарок для жениха, — сказал Страд, не отвечая на последнюю фразу и вручая Сергею какой-то предмет, тщательно завернутый в вышитую ткань. — Он магический и очень древний. Хорошо подходит к этому дню.

Улыбаясь, Сергей развернул подарок. Это был маленький кинжал с рукоятью, украшенной красным, черным и золотом. Ножны были сделаны из какой-то странной кожи необычного цвета. Сергей озадаченно взглянул на Страда.

— Я вижу, ты узнаешь этот клинок, — сказал Страд, — проверенное временем оружие убийцы из клана Ба'ал Верзи. Ножны сделаны из человеческой кожи, должно быть, из кожи первого человека, убитого этим кинжалом. На рукояти вырезаны руны власти.

Сергей потрясенно смотрел на кинжал. Граф спокойно взял оружие в руки и сделал вид, что рассматривает его. Он осторожно вытащил кинжал из ножен. В ясном клинке отразился свет свечей.

— Легенда говорит, что обнажить такой клинок и не напоить его кровью — плохая примета. Вообще-то я не суеверен, но думаю, что на этот раз лучше судьбу не дразнить. Ты со мной не согласен?

И, не давая Сергею времени что-то сказать или сделать, Страд вонзил клинок в сердце брата. Алая кровь фонтаном брызнула на руку убийцы.

Он встретил последний озадаченный взгляд Сергея с дикой радостью. До последнего ничего не понимая, молодой человек молча умер. Он обвис на руках у Страда.

Граф быстро опустил тело на пол и, как и требовало то существо, вытащил нож. Взглянув на блестящую алую жидкость, покрывавшую длинный клинок, он глубоко вздохнул, поднес окровавленный нож ко рту и вылизал его начисто, сражаясь с поднимавшейся в груди тошнотой. Поморщившись, он разорвал на груди у брата форменный мундир и белую хлопковую рубашку. Открылась маленькая рана, из которой еще текла алая кровь.

Выпей кровь, сперва с орудия, потом из чаши, сказала ему существо. Страд опустился на колени рядом с еще теплым телом своего любимого брата, прижался губами к ране и начал пить.

Он поперхнулся, закашлялся и потерял немного драгоценной жидкости. Его охватил гнев из-за собственной слабости. Призвав всю выдержку воина-ветерана, Страд приказал своему телу пить, и продолжал сосать кровь из раны, снова и снова заставляя себя глотать жидкость с медным привкусом. Через несколько минут пить стало легче, а еще через несколько секунд Страд начал наслаждаться вкусом крови.

Энергия наполнила его тело. Неожиданно все его чувства обострились. Он отчетливо почувствовал под пальцами текстуру роскошной одежды Сергея, почувствовал запах крови и пота на теле брата, услышал голоса гостей, находившихся в дальних комнатах. В порыве восторга Страд поднял тело Сергея одной рукой — просто потому, что мог. Это было великолепно! Он рассмеялся и небрежно бросил тело на пол. Оно упало навзничь, и вдруг Страд осознал, что произошло.

Граф задрожал и упал на колени рядом с телом брата, ласково глядя его бледное неподвижное лицо. Он поднял тело на руки и зарыдал в неподдельном горе.

— Будь ты проклят, Сергей, будь ты проклят. Это все твоя вина! Ты не должен был жениться! Ты был младшим братом, ты должен был стать священником... Почему ты не сделал то, для чего родился?

Страд прижался раскрасневшей щекой к бледной щеке Сергея, его мощные руки запутались в густых кудрявых волосах брата. В коридоре прозвучали быстрые шаги, и на пороге появился Антон, камердинер Сергея. Он в ужасе уставился на кровавую сцену, испуганно переводя взгляд с Сергея на Страда.

Страд протянул Антону кинжал Ба'ал Верзи. Камердинер узнал клинок и еще больше раскрыл и без того вытаращенные глаза.

— Сергей мертв, — горестно сказал граф. — Это, должно быть, случилось всего несколько мгновений назад. Вели страже немедленно закрыть все ворота замка. Мы должны найти убийцу моего брата!

Потрясенный слуга кивнул, глядя полными слез глазами на неподвижное окровавленное тело Сергея, и ушел. Как и все в Замке Равенлофт, он любил молодого хозяина.

Страд был изумлен тем, как легко ему удалось солгать. Раньше он никогда не лгал; как бесспорному властелину сначала своих войск, а потом своей земли, ему просто не нужно было лгать. Он сомневался, что сможет нагло отвертеться от убийства собственного брата, но с помощью такой маленькой лжи ему это удалось без труда. Он подумал, не является ли умение лгать еще одной частью его темного дара.

Внезапно Страд похолодел. Он выпил кровь Сергея. Видел ли Антон кровь у него на губах? Страд быстро вскочил на ноги и подошел к зеркалу, чтобы проверить, не запачкал ли он лицо кровью. Но его ожидало глубокое потрясение.

Его отражение на глазах становилось прозрачным.

Страд схватился за грудь и с облегчением убедился, что она по-прежнему твердая на ощупь. Ему понадобилось усилие воли, чтобы справиться с внезапным приступом страха, но слабовольным Страд никогда не был. Он упрямо прогнал страх прочь и вымыл руки и лицо. Вода в тазу стала красной.

Из часовни донесся пронзительный вопль, за которым последовали крики, плач и рыдания. Дверь в комнату Сергея опять распахнулась, и вошли четверо замковых стражников с обнаженными мечами.

— Ваше Превосходительство, — сказал капитан стражи, — мы заперли все выходы из замка, как вы приказали. Мы понятия не имеем, кто мог это сделать, но пока вы не узнаете, кто убийца, из замка никто не выйдет.

Страд, снова успокоившись, кивнул.

— Отлично. Соберите всех в часовне или в столовой, к чему там они окажутся ближе.

— Да, Ваше Превосходительство. — Стражники развернулись к двери.

— Подождите. — Страд заплатил кровавую цену. Настало время получить обещанную награду. — Где Татьяна?

— За часовней, в саду. Она никому не позволяет к себе подходить.

— Мне позволит, — сказал Страд, тонко улыбувшись. — Ей придется.

Он прошел в часовню, не обращая внимания на слезы и вопросы безутешных гостей. В часовне горели десятки свечей, и витражные окна бросали цветные отблески на неподвижную, как статуя, фигурку девушки, в отчаянии съежившейся в саду на росистой траве.

На белом от потрясения лице невесты застыли огромные темные глаза. Татьяна, казалось, не осознавала, что ее чудесное, тщательно сшитое платье запачкано грязью и травой. Когда Страд подошел к ней, она не подняла взгляда. Он сел рядом с ней.

— Идем, моя дорогая, — нежно сказал он, обнимая ее. Мгновение Татьяна не двигалась, а потом Страд почувствовал, как она расслабилась у него в руках и зарыдала, вцепившись в него, словно утопающая, и отчаянно дрожа. Страд крепче обнял ее, его обострившиеся чувства наслаждались прикосновением гладкого белого шелка, запахом кожи и волос Татьяны, теплом ее молодого тела. Он шептал ей ласковые слова, успокаивал, утешал.

Наконец она перестала рыдать и, запинаясь, заговорила:

— П-почему? Я не п-понимаю. Кто... кто *мог бы* сделать такое? О, Страд! — Она снова зарыдала, отчаянно вцепившись в него.

— Шшш. Я знаю, моя дорогая, тебе сейчас нелегко, но скоро все будет хорошо. Из великой боли рождается великая радость, и со временем ты сочтешь себя счастливейшей из женщин.

Татьяна замерла, потом вдруг вырвалась из рук Страда и ударила его по лицу, глядя на него дикими, полными боли глазами.

— Старший, — прошептала она, — он *мертв!* Как ты можешь говорить мне такое?

— Теперь ты свободна. Свободна выйти за меня замуж. Раньше он мешал нашему счастью, но больше не мешает, моя дорогая, больше не мешает! Татьяна, любимая, я могу дать тебе...

— Нет! — На лице Татьяны отразилось отвращение, и она попыталась вырваться из рук убийцы. Но у Страда была железная хватка.

Ее неблагодарность возмутила его. Почему бы ей не перестать вырываться, почему бы ей не позволить ему объяснить, какие свершились чудеса, и все ради нее, *все ради нее!* Он взял ее лицо в ладони и поцеловал, ощутив наконец сладость ее губ, но в нем рос новый голод, и поцелуя уже было недостаточно.

Страд взвыл от боли и выпустил Татьяну. Дотронувшись до собственного рта, он почувствовал резкую боль, а пальцы окрасились кровью. Она прокусила его губу.

Татьяна отшатнулась и мгновение смотрела на Страда. В ее глазах

вспыхнул новый ужас, она вскочила, подобрала юбку до колен и бросилась прочь, словно спасая собственную душу.

И, возможно, она была не так уж неправа.

Страд закричал от гнева, и этот крик разнесся по всему замку. Вскокив, он помчался вслед за перепуганной девушкой неестественно быстрыми, беззвучными шагами.

Татьяна со всех ног бежала через сад, ее сердце колотилось, пот заливал лицо, жег глаза и затуманивал зрение. Платье цеплялось за колючие ветви розовых кустов, и она в панике подумала, что, может быть, даже растения подчиняются Страду.

На самом деле бежать ей было некуда. В своем безумном порыве она этого не поняла, и ей было все равно. Она помнила только одно — прочь от Страда, прочь от одинокого старого воина, который почему-то превратился в чудовище и убил Сергея.

Татьяна слышала, как Страд у нее за спиной зовет ее и требует, чтобы она остановилась. Она видела, каким омерзительным клыкастым чудовищем он стал, и не собиралась позволить ему еще раз прикоснуться к ней. Когда перед ней появилась низкая каменная стена, Татьяна даже не замедлила бега. Страд схватил ее за подол, но с непонятно откуда взявшейся силой девушка вырвала платье из его хватки.

Туман клубился в ущелье, когда Татьяна прыгнула со стены сада, протянув руки к небу, словно к Сергею. И когда она летела вниз, на острые камни, оскалившиеся в глубине, из ущелья донесся не вопль отчаяния, а крик чистого, неодолимого восторга, потому что ей удалось вырваться из хватки Страда.

Граф протянул к ней руки, но схватил только пустой воздух и чуть сам не свалился вслед за ней. Он видел, как ее белая фигурка падает в тумане, словно умирающий лебедь, и далеко внизу погружается во тьму. Тьма милосердно скрыла от него, как ее тело разбилось о камни на дне ущелья.

Бессильно колотясь о стену, вампир в отчаянии выгнул спину и завизжал. Его крик насмешливым эхом вернулся к нему из туманных глубин, зиявших в нескольких футах.

Рядом с правым ухом Страда просвистела стрела. Страд развернулся и в бешенстве уставился на замок. Теперь все поняли, кто убил Сергея, и стражники выполняли свой долг. Лучники заняли свои посты и выстрелили через бойницы.

Воздух наполнился злыми поющими звуками, и в хозяина замка вонзились десятки стрел.

Но Страд не умер.

Он посмотрел на стрелы, торчащие из его груди и живота, улыбнулся и демонстративно, не торопясь, одно за другим выдернул оперенные древки из своего тела, наслаждаясь ужасом тех, кто на это смотрел. Взяв огромную связку стрел в одну руку, другой он ее без труда переломил. А затем направился в замок, преследуя ужасную цель.

Страд фон Зарович лишился единственного, чего он по-настоящему хотел в жизни, и собирался потребовать плату за эту потерю у каждого человека в замке Равенлофт, а может быть, и во всей Баровии.

Глава двадцать вторая

Джандер обнаружил, что дрожит. Невыразимая жалость смешалась в нем с таким же невыразимым ужасом. Какое страшное падение с высот добродетели. Какое жуткое убийство невинных людей. Он заставил себя читать дальше.

Десятая Луна, 400: Она вернулась, вернулась ко мне! Мне дарован новый шанс! Моя возлюбленная Татьяна получила новую жизнь в теле девушки из поселка по имени Марина. Эта Марина выглядит точно так же, как моя дорогая Татьяна, но между ними есть некая тонкая разница. Я не могу сказать, в чем именно. На самом деле, какое это имеет значение? Я начал за ней ухаживать. Конечно, на этот раз она будет моей...

Двенадцатая Луна, 400: Я самый несчастный из проклятых. Татьяна, моя любовь, снова умерла, на этот раз от руки собственного отца. Этот идиот сказал, что предпочитает видеть ее мертвой, чем моей невестой. Я сразу же убил его, конечно. Я убил всю семью и вернулся в эти тюремные стены, наедине со своей печалью. Дорогая Татьяна, неужели я никогда не приму тебя в свои объятия и не увижу, как ты смотришь на меня с любовью?

Четвертая Луна, 475: Татьяна снова вернулась. Я думаю, что эта ужасная земля испытывает меня, пытается заставить меня доказать свою любовь. На этот раз она живет под именем Оля, но я знаю правду. У нее лицо моей любимой, но она ведет себя совсем не так, как Татьяна. Как будто какой-то части Татьяны не хватает в этом почти совершенном подобии, как будто Оля — не совсем законченное произведение искусства. Как и раньше, для меня это не имеет значения, и я заставляю ее любить меня...

*Четвертая Луна, 475: Я не могу вынести этой муки! Почти обла-
дать ею и снова увидеть, как она ускользает от меня! Мне сказали,*

что Оля умерла от лихорадки. Мне сказали, что ничего нельзя было сделать. Но никто не пришел ко мне, никому и в голову не пришло, что я мог бы помочь!

Потрясенному Джандеру дата показалась знакомой. Четвертая луна 475 года. Примерно в это время он прибыл в Баровию! Имя Оля ему что-то напоминало. Эльф сосредоточился и вспомнил: так звали девушку, умершую от лихорадки в ту самую ночь, когда он появился в Баровии. В ту самую ночь, когда Яна, тоже пылая в лихорадке, умерла на руках у Джандера.

Может быть, они были связаны друг с другом? Может быть, они были одним человеком? Яна была не в себе, могла произносить только фрагменты слов. Яна: *Татьяна*. Джандера она называла «Сер»: *Сергей*. Татьяна так отчаянно хотела вырваться из-под зловещей власти Страда, что той ночью, когда она прыгнула в туман, часть ее души бежала в Уотердип. Яна была всего лишь осколком души с обрывками воспоминаний — неудивительно, что ее считали сумасшедшей.

В поисках дополнительных сведений Джандер вернулся к чтению и резко остановился, увидев собственное имя.

В моем темном царстве бед появился чужак. Нежить, как и я; жаждущий жизни, как и я; но в отличие от меня, он не стремится вслед за своими мечтами и не преследует свои цели. Он мягок, как новорожденный, его чувства настолько ранимы, что совесть даже не позволяет ему сухо осушать свои жертвы. Как он сумел так долго просуществовать как нежить? И больше того, почему он кажется мне таким мудрым? Ибо этот Джандер Солнечная Звезда, эльф из другой страны, обладает множеством полезных знаний.

Я желаю получить его знания. Почему я не могу извлечь из него его секреты?

Он считает, что он здесь гость. Он считает, что я его друг. Его так легко одурачить, и все же в его тайны нелегко проникнуть. Он самый мудрый дурак из всех, кого я когда-либо знал. Я оставлю его у себя и вызнаю все, что смогу...

Третья Луна, 500: Народилось новое поколение, и дети выросли. Настало время еще раз начать поиски Татьяны. Может быть, я не найду ее ни в этом году, ни в следующем, но я не могу рисковать ее потерей. Я должен искать.

Так вот где Страд пропадает целыми неделями. Джандер ошибся, граф вовсе не ищет убийцу своих рабынь. Хозяин Баровии ищет свою любовь, Татьяну, Яну, чтобы продолжить вечный танец взаимных муче-

ний.

Его нужно остановить. Джандер перенесли в Баровию именно для того, чтобы он отомстил мучителю Яны, и он это сделает. Более того, сделает с наслаждением. Эльф вздрогнул, и мгла берсеркерского гнева алой занавесью упала на его сознание.

* * * * *

Саше снова было десять лет, и он снова входил в мертвый полусгоревший дом.

Красная жидкость стекала по лестнице и впитывалась в ковер на полу. Ребенок поднимался по лестнице, уходившей в темноту, как будто его туда что-то тянуло. Под легкими шагами мальчика скрипели ступени.

На верхней площадке лестницы стояла его мать и ждала его. Ее распущенные волосы спадали на спину, а глаза были полны тревоги.

— Где ты был? — громыхнул ее голос и отразился от стен безумным эхом. — Я так *беспокоилась*. Длинные руки протянулись к нему, мать прижала его к груди, потом сверкнули белые зубы, и желтые глаза закатились. *Мама! Мама!*

Саша резко сел, чуть не свалившись с тюфяка. Весь в поту, он с трудом перевел дух, приходя в себя после кошмара. В окно лился холодный лунный свет.

Когда сердце немного уgomонилось, Саша упал на постель. Уже много ночей подряд он просыпался вот так, измученный бесконечными кошмарами. Но от того, что кошмары приходили каждую ночь, ужас, порожденный ими, меньше не становился. Милостивый Латандер, сколько же еще вампиров ему надо убить, прежде чем кошмарные сны прекратятся и он опять познает покой?

Он глубоко вздохнул и поднялся с кровати. Мягко ступая босыми ногами, священник подошел к столику, налил воду в таз и умылся, остужая пылающее лицо холодной водой и приказывая себе успокоиться.

Раздался негромкий стук в окно. Саша немедленно насторожился и прислушался. Стук повторился — негромкий, осторожный, но определенно принадлежащий яви, а не кошмарам. За окном кто-то двигался. Саша посмотрел на пол, освещенный лунным светом. Пришелец не отбрасывал тени. Саша знал, что это означает. Снаружи притаился вампир и, должно быть, ожидал его.

Священник мрачно улыбнулся сам себе. Эта незадачливая нежить выбрала себе жертву не по зубам. Когда Саша отправит душу этого вампира на покой, на его счету будет двадцать вампиров. Священник тихо и быстро собрал все необходимое: надел на шею чесночный венок, взял сосуд

со святой водой, на этот раз честно позаимствованный с алтаря, и священный символ Латандера. Прошептав быструю молитву, Саша глубоко вздохнул и приготовился к сражению.

Опять раздался стук в окно, на этот раз громче, словно ужасная тварь за окном начала терять терпение. Но нежить оказалась упорной и не улетала прочь. Саша медленно подобрался к окну, держась в стороне от лужицы лунного света на полу, и, прыгнув вперед с криком «Латандер!», одним движением откинул занавеску и открыл запертое окно.

Свободной рукой Саша поднял перед собой розовый деревянный священный символ, но, узнав вампира, опустил руку. Джандер заслонился одной рукой, но по-прежнему крепко держался за церковную стену — он умудрялся уцепиться руками и опереться ногами на крохотные неровности на отвесной стене, чего не мог бы сделать ни один смертный.

— Джандер! — яростно прошипел Саша. — Что ты здесь делаешь?

Джандер бросил на юношу пронзительный взгляд, и Саша вдруг понял, что эльф весь вымазан в крови. Закусив губу, чтобы не закричать, молодой человек с отращиванием отступил на шаг.

— Мне нужно поговорить с тобой, Саша. Мне... нужна твоя помощь. Священник покачал головой.

— С чего ты решил, что я стану тебе помогать? — он не мог оторвать глаз от жутко выглядевшего вампира. Кровь на одежде Джандера в лунном свете казалась черной, его красивое лицо было покрыто липкой кровавой маской.

Поняв, какое он, должно быть, производит впечатление на Сашу, Джандер быстро сказал:

— Это не человеческая кровь. Я буду ждать тебя на кладбище через десять минут. Там нас вряд ли могут увидеть. Возьми с собой таз с водой. — Тело Джандера замерцало, расплылось туманом и обернулось маленькой бурой летучей мышью. Крылатый грызун улетел во тьму.

Дрожащему Саше очень хотелось вернуться в постель и накрыться одеялом с головой. Чем он обязан этому чудовищу, чтобы тащиться на кладбище посреди ночи?

Жизнью своего отца.

Саша вздохнул и потянулся к кувшину с водой. Тихо, чтобы не разбудить Лейль, спавшую в соседней комнате, он спустился по лестнице. Одна из ступенек громко скрипнула, и Саша замер, прислушиваясь. Из комнаты маленькой воровки не донеслось ни звука, так что Саша пошел дальше.

Через несколько минут Саша подошел к кладбищу и увидел Джанде-

ра у фамильного склепа Картовых. Осенние листья кружились на ветру у ног вампира. Луна, выглянувшая из-за облака, освещала его стройную фигурку, и ужас в Сашиной душе опять смешался с восхищением. Какое же красивое создание этот вампир, высокий, стройный, с мерцающей в лунном свете кожей. Какой стыд, что он поглощен злом.

Саша вручил Джандеру таз и кувшин с водой. Вампир молча поставил их на землю и опустился на колени. Сняв белые кожаные перчатки, он налил в таз немного воды и смыл кровь с лица. Саша протянул Джандеру полотенце, и эльф дрожащими руками прижал ткань к лицу.

Саша стоял со сложенными на груди руками.

— Говори, зачем пришел, — прямо заявил он. — Я поклялся, что не убью тебя, но больше я тебе ничего не обещал. Мне не следовало сюда приходить. — Он чуть не пожалел о своих словах, когда Джандер поднял голову и с отчаянием посмотрел на него. — Что случилось?

— Пожалуйста, сними этот веночек, Саша. Меня тошнит от чесночного запаха. Я обещал, что не трону тебя.

Саша не пошевелился. Джандер молниеносно выпрямился, сорвал веночек с шеи священника и отшвырнул в сторону. Саша тут же прикрыл незащищенное горло руками, но Джандер больше не пытался к нему прикоснуться.

— Считается, что вампир не может коснуться чеснока! — сказал Саша дрожащим голосом.

Джандер невесело улыбнулся.

— Здесь я много чего могу такого, что «считается» невозможным для вампира. Возьми это на заметку, Саша. Эта земля меняет правила. — Его улыбка поблекла и сменилась печальным выражением, памятным Саше по их прошлой встрече. Вампир сел на траву, на мгновение закрыл лицо руками и заговорил с болью в голосе:

— Я просил тебя поискать записи о женщине по имени Яна. Помнишь?

— Да. Извини, Джандер, но там...

— Их и не могло быть. Я любил эту Яну, верь этому или нет. Она была безумна, но я ее любил. Она заболела, и я понял, что она умирает. Потерять ее было невыносимо, и я попытался сделать ее таким же вампиром, как и я сам. — Он смотрел на Сашу мерцающими серебряными глазами и ждал ответа.

Как Джандер и ожидал, священник пришел в ужас.

— Это не любовь, это предел эгоизма... Клянусь славой Повелителя Зари, ты действительно чудовище!

Эльф, не отвечая на Сашины слова, продолжал:

— У нее не было родственников, о ней некому было позаботиться. Я был ей нужен. Знаешь, какое прекрасное ощущение — чувствовать себя нужным? Я любил ее. Я бы заботился о ней до конца времен. Поэтому я хотел дать ей шанс на своего рода бессмертие. Я надеялся, что со временем, в любви и заботе, она, возможно, поправится.

Вздыхнув, Джандер печально покачал головой.

— Она отказалась взять мою кровь и из-за этого умерла. — Он спокойно посмотрел на Сашу и продолжал холодным тоном: — Когда я появился в Баровии, когда меня принесли туманы, я думал только о мести. Я хотел найти человека, который уничтожил разум Яны. Сегодня ночью я узнал, кто это был. — Он помолчал. — Иногда меня охватывает неудержимый гнев, и сегодня я был в бешенстве. Кровь, которую ты видишь — овечья. Я перерезал целое стадо. Хорошо, что баровийцы по ночам сидят дома, потому что я наверняка убил бы любого, кто имел бы несчастье попасться мне на пути.

Джандер вытащил из кошелька горсть каких-то мерцавших в лунном свете предметов и протянул Саше.

— Передай их хозяину стада. Скажи ему, что его боги вознаградили или еще что-нибудь такое. Ему легче будет поверить подобной ерунде, чем правде. — Он печально улыбнулся.

Саша не знал, что сказать. Вдруг Джандер переменял тему.

— Ты когда-нибудь слышал о так называемой Алой Смерти? — Саша покачал головой. — Возможно, здесь она называется по-другому. Это тварь в облике человека, состоящая из газа. Питается она кровью, как и вампиры. На нее невозможно смотреть без ужаса. Насытившись, она из мертвенно-белой становится красной и обретает плотность. Только тогда ее можно убить, и только магическим оружием.

На Шашином лице отразилось отвращение. Джандер продолжал:

— Ходят слухи, что Алая Смерть — это дух вампира, что если одного из нас уничтожить, возникает Алая Смерть. — Он внимательно посмотрел на Сашу. — Ты убил немало вампиров. Тебе приходилось видеть подобных тварей?

— Никогда.

— Точно?

— Абсолютно. Джандер, я, наверно, знаю о злых тварях Баровии больше, чем они сами о себе знают.

— Не хвались так, молодой человек, — тонко улыбнулся Джандер. — Хотя мы можем проверить твои знания. Я уже сказал, что пришел сюда,

потому что мне нужна твоя помощь.

Саша скептически посмотрел на него.

— Что-то не верится.

Джандер ответил не сразу.

— Мне нужно кое за что посчитаться со Страдом.

Саша напрягся.

— Я не испытываю любви к повелителю этой земли, но я не подниму на него руку только потому, что тебе этого захотелось.

— Саша, подумай! Когда ты меня в первый раз увидел? На весеннем празднике, в качестве почетного гостя графа. Ты знаешь, что я такое. Как ты думаешь, что *он* такое? *Он вампир!*

Саша побледнел.

— Нет, — прошептал он.

Джандер кивнул.

— Все вампиры в этой земле, кроме меня — его рабы. Я — единственный в Баровии вампир со свободной волей, единственный, кто может победить Страда.

— Так сделай это. Зачем тебе я?

— Он владеет магией. А я в ней ничего не понимаю, у меня есть только обычные вампирские способности. Кроме того, — его музыкальный голос стал резким, — я нежить. Смертный, особенно священник, может сделать то, чего не могу я.

Саша облизал губы, нервно оглядываясь, словно зверь, попавший в западню. Он вспомнил, как его тошнило, когда он в последний раз отправил вампира на покой.

— Джандер, у меня есть обязанности в поселке. После смерти Мартина я остался единственным священником в Баровии. Следующим летом мы с Катей должны пожениться. Я не могу просто...

Серебряные глаза Джандера вспыхнули гневом.

— Знать не хочу о твоих обязанностях. И твоя невеста меня не интересует. Ты не думаешь, что когда-нибудь Страд напьется ее кровью? А потом кровью твоих детей и внуков? Что у тебя за обязанности перед подобным чудовищем? Боги, да как ты думаешь, кто убил твоих родных четырнадцать лет назад?

Саша открыл рот в беззвучном крике и закрыл лицо руками. Джандер встал и принялся ходить туда-обратно, пытаясь сдержать свой гнев, но никак не мог успокоиться.

— Ты должен понять, — продолжал вампир. — Страд стал тем, что он есть, благодаря договору с какой-то темной сущностью, и этот договор

был скреплен кровью его собственного брата. Своей безрассудной похотью он довел невинную прекрасную девушку до самоубийства. Он так считает, но я думаю, что она не умерла. Не совсем. — Не в состоянии справиться со своим гневом, он схватил Сашу за рубашку и приподнял над землей, яростно глядя ему в лицо.

— Я думаю, что часть ее души бежала из Баровии и провалилась через какой-то портал в мой мир. А я нашел и полюбил эту часть души. Страд разрушил ее разум. Мы оба потеряли ее, бедную девочку, которая никогда никому не сделала ничего плохого.

Джандер швырнул Сашу на землю и крепко сжал кулаки. Он чувствовал, что в нем снова поднимается гнев, растет желание опуститься на четыре лапы и убивать без разбору. Но Джандер сумел справиться с собой и опять заговорил, уже спокойнее.

— Вот что сделал властелин Баровии. Но это еще не конец. Похоже, что эта девушка, Яна, Татьяна, как бы ее ни звали на самом деле, каждые несколько поколений возрождается заново. А он продолжает мучить ее и твоих соотечественников, создавая вампира за вампиром. — Эльф опять замолчал и вздохнул. — Я принесу тебе клятву, Саша Петрович. Я не создал ни одного вампира и клянусь, что никогда не создам. Уничтожить Страда — значит уничтожить всех вампиров в Баровии. И я хочу это сделать. Неужели ты откажешь мне в помощи?

— Скажи мне только одно. — Саша поколебался, серьезно вглядываясь в глаза Джандера. — Каково... это?

Джандер несколько мгновений смотрел на Сашу испытующими серебряными глазами.

— Зачем, — устало спросил он наконец, — тебе это знать? Ты — создание света. Будь благодарен, что так мало знаешь о тайнах тьмы!

— Мне нужно узнать. Каково это — умереть и при этом не умереть? Каково...

— Жить за счет чужих жизней? — Прекрасное лицо и такой же прекрасный голос Джандера стали жесткими. Множество чувств сражалось в его душе, а горло наполнило такое множество слов — слов страха, гнева, тоски, предостережения — что он подавился ими и долго молчал. Наконец Джандер заговорил.

— Никакой голод, никакая жажда не сравнятся с жаждой крови. Жажда человека, заблудившегося в пустыне, с пересохшим ртом и распухшим языком мечтающего о крошечной капле влаги, чтобы смягчить жжение в глотке — ничто по сравнению с моей жаждой. Голод пленника, которому много дней не приносили пищу, глядящего на живущих в

его камере крыс, на служащую ему постелью грязную солому, даже на собственную плоть как на пищу — ничто по сравнению с моим голодом. И каждую ночь мы, просыпаясь, испытываем эту жажду.

Он указал на могильные камни вокруг.

— Мы выбираемся из наших гробов, склепов, пещер, укромных мест среди мертвецов, ибо мы мертвы, и все же живы. Мы нападаем из теней или заманиваем в них неосторожную путницу, а потом крадем у нее то, что куда ценнее любых драгоценностей. Мы держим в объятиях незнакомку и оказываемся ближе любовников. Мы берем ее кровь и живем за ее счет, Саша. Ты можешь хотя бы немного понять, какой это ужас? И, да простят меня боги, какое это наслаждение!

Саша замер от жалости и ужаса, слушая, как Джандер в первый раз рассказывает о своих душевных терзаниях. Вампир больше не смотрел на Сашу — он смотрел вдаль, смотрел внутрь, смотрел на что-то, чего не мог увидеть священник.

— Жених, в первый раз входящий к возлюбленной невесте, испытывает лишь тень нашего восторга. Художник, завершающий работу над шедевром, испытывает лишь тень нашей радости. Кровь — это *сама жизнь*, и нет ничего прекраснее, чем взять ее и почувствовать, как она вливается в тебя, словно в пустую вазу, истомившуюся от пустоты. Да, это ложный восторг, мы знаем это — мы *знаем* это — и все же испытываем его снова и снова.

А затем миг наслаждения кончается, и, глядя на бессильно обвисшее тело, я проклиная себя. О, нет, она не умерла. Я успокаиваю свою совесть тем, что отнимаю жизнь, если только у меня нет другого выхода, или я совершенно выведен из себя. Но я совершил насилие над женщиной, и мне стыдно.

А для нее клыки — жар и холод, пронзающий и властвующий, и она чувствует, как у нее отнимают кровь, словно вырывают самое сердце. Она беспомощна, совершенно, полностью беспомощна, беспомощнее новорожденного младенца. Но все находится в адском равновесии. Мы тоже беспомощны. Нам нужны смертные. Мы чувствуем их запах — запах крови — как новорожденный чувствует запах материнского молока. Нас тянет к нему, как волны к берегу, и, как волны, мы не в силах сопротивляться. И нет на свете проклятия страшнее.

Эльф замолчал, и Саша подумал, что он закончил рассказ, но Джандер снова заговорил. Теперь его голос звучал мягко, ласково и печально.

— При жизни я не служил злу. Я был воином и сражался за добро и справедливость. Лесные звери не пугались, чуя мой запах. Всех мужчин

я считал либо братьями, либо достойными врагами, а женщин почитал и уважал. Там, где я прикасался к миру, он становился лучше — и это не пустая похвальба.

А теперь я страдаю так, как ты даже представить себе не можешь. Лошади отказываются меня везти без магического приказания. Лесные звери в ужасе бегут от меня. Я одинок, вокруг меня только жалкие типы вроде Страда, которым я безразличен и которые безразличны мне еще больше. Солнце, в честь которого зовется моя семья, смертельно для меня. В моем мире не осталось ничего красивого. Я живу во тьме и разрушении и распространяю их, как чуму. Сама земля меня отвергает. Смотри, что делает мое прикосновение!

Снова в ярости, эльф прижал открытые ладони к траве у могилы. Саша услышал слабый потрескивающий звук. Через несколько секунд Джандер поднял руки, и священник увидел, что трава под ладонями вампира пожелтела и умерла.

— И Яна... О, Яна! — Джандер заплакал. — Страд уничтожил Татьяну и будет делать это и впредь. Но жизнь Яны взял я. Я не расплачусь за этот грех, даже если буду платить страданиями до скончания веков. На мне много грехов, Саша. Я никогда этого не отрицал. Но так же много и ран на моей душе. Сын цыгана, ты мне поможешь? Ты поможешь мне отомстить за нее и спасти жизни и души всех, кого ты любишь?

Мольба Джандера смягчила бы самое суровое сердце, а Саша отнюдь не был суровым человеком. Большую часть своей жизни он сражался со злом, таился в ночных тенях, где повелители нежити чувствовали себя полновластными хозяевами, отрезал им головы, чтобы они не могли подняться снова. Лейль взяла на себя часть этой ноши, но все равно было слишком тяжело.

А теперь Джандер предлагает ему сразиться с самым могущественным вампиром в стране. Саша устал. Неужели того, что он сделал, недостаточно? Будет ли у него когда-нибудь передышка? Сможет ли он когда-нибудь спокойно обнимать свою любимую Катю с вечера до утра, оставят ли его когда-нибудь в покое воспоминания и кошмары?

Саша знал, что ночами по Равенлофту бродят твари похуже воспоминаний и кошмаров, и не мог позволить себе опустить руки. Он закрыл глаза.

— Хорошо, — сказал он. — С чего мы начнем?

Глава двадцать третья

Вернувшись к себе в комнату, Саша обнаружил, что его поджидает Лейль, забравшись к нему на кровать и поджав под себя ноги. Она молча протянула ему кружку горячего вина, чтобы прогнать холод кладбища. Он так же молча взял ее и отпил глоток.

— Я так понимаю, что ты видела, ну, эльфа, — наконец устало заметил Саша, откидываясь на подушки и свободной рукой протирая глаза.

— Так вот как они выглядят. Да, видела. А еще я видела, что он не отбрасывает тени, и что у него все лицо в крови. — Лейль пыталась говорить спокойно, но у нее не получалось. — Во что ты вляпался, Саша Петрович? Вроде бы мы с тобой обычно убиваем этих тварей, а не ходим болтать с ними на кладбища!

Может быть, не стоит ей ничего говорить, подумал Саша, но Лисенок уже слишком много знала. Если она решит самовольно «помочь» ему, не договорившись с ним, может быть хуже.

Он глубоко вздохнул.

— Вампира зовут Джандер Солнечная Звезда. Много лет тому назад он спас жизнь моему отцу. Он своего рода друг семьи. — Саша печально улыбнулся. — Он живет в замке у графа Страда.

— О, просто чудесно. — Лейль сморщила нос. — Вампир и чокнутый маг-тиран. У тебя прелестные друзья, Саша.

— Лейль! — Священник возмутился было, но, как всегда ее искренняя доброжелательность его развеселила, и он немного расслабился. Вино — это именно то, что мне сейчас нужно, подумал он, отпивая еще глоток. Лейль была необыкновенной девушкой: похоже, она всегда знала, что ему нужно, раньше него самого.

— Да не в этом дело, — продолжал он. — Джандер строит планы против Страда. Похоже, что повелитель Баровии тоже вампир. — Саша посмотрел на Лейль, с нетерпением ожидая ее ответа.

Она подняла бровь.

— Если они оба вампиры, то почему Джандер его ненавидит?

— А тебя это не пугает?

— С чего бы? Мы с тобой почти каждую ночь ходим охотиться на этих богами проклятых тварей. С вампирами я могу справиться. Люди, — ее голос стал жестким, — куда опаснее. На самом деле это они чудовища, я считаю.

— Лейль, — медленно начал Саша. Она напряглась и настороженно поглядела на него. — Почему ты стала воровкой?

— Я не хочу об этом говорить, — отрезала Лейль, скрестила руки на груди и жестко сжала губы. Саша не стал бы настаивать, но ему нужно было знать, можно ли ей доверять в этом опаснейшем деле.

— Послушай, я уважаю твою личную жизнь, но я не возьму тебя с собой в Замок Равенлофт, если не буду знать, что творится у тебя в голове! — рявкнул он.

Лисенок посмотрела Саше в глаза.

— Ну ладно, — сердито сказала она, — я тебе расскажу. Я родилась в семье фермеров. Мы жили на краю поселка. Когда мне было семь, стая волков решила пообедать моей семьей. Я была младшей из четырех детей, и у меня была своя собственная комнатка на чердаке. Волки до меня не добрались. Я целых четыре дня просидела там, насмерть перепуганная, пока голод не заставил меня спуститься.

Никто в поселке не захотел взять меня к себе. Я добывала еду на свалках. Потом появился этот старик и сказал, что примет меня в семью. Семья, тоже мне. Его звали Лис, и его «семья» состояла из сирот вроде меня, которых он учил воровать. Я оказалась хорошей ученицей, — мягко сказала Лейль, и в ее голосе прозвучали нотки сразу и ненависти, и гордости. — Такой хорошей, что Лис начал звать меня Лисенком, такой хорошей, что он вышвырнул меня вон. Он сказал, что я готова к самостоятельной жизни

Мне было тринадцать, Саша. Всего тринадцать, и я была напугана до смерти. Я выжила, потому что всегда следила за тем, что происходит у меня за спиной, и никогда никому не доверяла. И по-прежнему никому не доверяю. — Ее взгляд смягчился. — Кроме тебя. Так что теперь ты знаешь, что тоже можешь мне доверять.

Саша забыл, как эта тощая девчонка его иногда раздражает, забыл, сколько от нее может быть хлопот. Он протянул к ней руки и ласково прижал к себе. Лейль напряглась было, но почти сразу расслабилась и обвила руками его шею. Так они долго сидели, не выпуская друг друга

из объятий.

Саша и Лейль решили попытаться узнать, как можно справиться с властелином Баровии. Джандер обещал прийти еще раз через неделю, когда, возможно, они уже успеют что-нибудь найти. Саша, как и полагалось священнику, проводил службы, выполнял ритуалы и читал молитвы, но думал совершенно о другом. Несколько часов он провел в молитве, сидя у себя в комнате на молитвенном коврике: «Латандер, нам нужна твоя помощь. Наставь нас, прошу тебя...»

Повелитель Зари не явился и не даровал Саше никаких божественных озарений. Пришлось священнику и его подручной обратиться к небольшой церковной библиотеке. Это была маленькая, тесная комнатка, душная и без окон. Там пахло пылью и плесенью, а книг долгое время не касалась человеческая рука. А теперь все имевшиеся книги — два с половиной десятка — достали с полок, где они тихо превращались в прах, положили на грубый деревянный стол и стали просматривать.

Лейль чихнула, проглотила очередной кусок приготовленного Катей бутерброда и запила его глотком вина. Подперев рукой щеку, Саша перевернул страницу. Кроме шороха страниц, в комнате не слышалось ни звука. Ерзая на стуле, Лейль в первый раз в жизни захотела научиться читать. По крайней мере, тогда она смогла бы помочь священнику.

— Что-нибудь нашел? — с надеждой спросила она.

Саша вздохнул, торопливо пролистал остаток книги и осторожно закрыл ее.

— Нет. Ничего. Здесь в основном записи о текущих делах — урожае, рождениях, смертях, браках и так далее. Ничего, что имело бы для нас значение.

Саша потянулся и откинулся на спинку стула, приподняв с полу его передние ножки. Закинув руки за голову и закрыв глаза, он позволил разуму свободно бродить по цепочкам ассоциаций. Вампиры — злые твари, но мало кто из людей в них верит. Они считаются легендарными созданиями. Как сражаться с легендой?

Лейль мрачно уставилась на гору книг на столе. Внезапно Саша выпрямился, и ножки стула ударились об пол. Лейль вздрогнула. Глаза у Саши блестели.

— Павел Иванович, — взволнованно сказал он.

— Кто?

— Старая сказка. Знаешь, Павел Иванович из Валлаки, наследник Солнца. Разве ты не помнишь эту сказку?

— Некому было рассказывать мне сказки на ночь. Помнишь?

— О, Лейль, я не хотел... — Он выглядел настолько пришибленным, что Лейль взмахом руки избавила его от извинений.

— Расскажи мне об этом Павле.

— Ну, он был наследником Солнца, рожденным, чтобы прогнать Тьму с помощью кусочка солнца, который дал ему отец, — объяснил Саша. — А Тьма украдала кусочек солнца и спрятала в самом темном месте страны. Как ты думаешь, где в Баровии самое темное место?

Лейль ухмыльнулась.

— Я не думаю, что ты хочешь услышать ответ.

Саша нахмурился.

— Не время для шуток, Лейль. Самое темное место в Баровии — замок Равенлофт, верно?

— Думаю, да.

— На своем пути Павел встречает множество стражей Тьмы. Самым первым и самым злым был Носферату — вампир. — Саша все сильнее и сильнее волновался.

— Понимаешь? Это действительно имеет смысл. Легенда говорит, что, когда Павел нашел кусочек солнца, со страны было снято проклятие. А Страд, безусловно — проклятие Баровии.

— Саша, это всего лишь какая-то глупая народная сказка, — фыркнула Лейль, на которую Сашины слова совершенно не произвели впечатления.

— Конечно. Но в народных сказках часто содержится зерно истины. Может быть, в замке Равенлофт действительно что-то есть.

— Ага. Парочка вампиров.

Саша почувствовал, что у него заканчивается терпение, и сердито посмотрел на Лейль, не пытаясь скрыть своего гнева.

— Никто не просил тебя вмешиваться в это дело. Никто не просил тебя убивать вампиров. И вообще никто тебя ни о чем не просил. Если ты так уверена, что это дурацкая затея, почему бы тебе не пойти отсюда и не оставить меня в покое?

Лейль по-прежнему спокойно смотрела на Сашу, но священник почувствовал, что она смутилась.

— Я с тобой. Ты знаешь, что можешь на меня рассчитывать.

И Саша знал, что это совершенная правда.

— Извини, — пробормотал он.

— Ничего. — Лейль отодвинула несколько книг в сторонку и села на стол. — Предположим, что легенда не лжет, и в замке Равенлофт

имеется кусочек солнца, который поможет нам уничтожить Страда. Что *представляет собой* кусочек солнца?

Саша опустил взгляд.

— Не знаю.

— Удобный ответ.

— Лейль, я делаю все, что могу.

— Я тоже.

Саша молча склонился над толстым томом, который лежал у него на коленях.

Он тихонько вздохнул. Оставалось надеяться, что Джандеру повезло больше, а иначе им придется сражаться с повелителем вампиров без помощи магии. Пугающая мысль, горько подумал Саша.

И в поселке ему не к кому было обратиться за помощью. После смерти Мартина Саша стал самым ученым человеком в Баровии. Он подумал, не послать ли Лейль в Валлаки, может, там им кто-нибудь что-нибудь сможет сказать. Вероятно, лучшей идеи было не придумать, хотя Саша крайне не хотел терять время и рисковать привлечь внимание к их поискам.

Если бы только в поселке кто-нибудь знал магию или или...

Саша улыбнулся. Или, может быть, кто-нибудь *не* в поселке...

— Цыгане, — сказал он.

На следующий день в поселке была ярмарка, на которую время от времени приезжали торговать вистани. Пришлось пустить в ход уговоры, но за пятнадцать золотых и обещание «помочь, если когда-нибудь понадобится», быстроглазый человек по имени Джакомо продал Саше и Лейль флаконы с магическим зельем, позволявшим без труда пройти через ядовитый туман, окружающий поселок, и позволил проехать через это туманное кольцо в своем фургоне.

За окраиной поселка осень была в полном разгаре, и голые ветви деревьев отчетливо чернели на фоне серых снеговых туч. Лейль с Сашей крепче прижались друг к другу, чтобы согреться. Скоро впереди появилась жуткая стена клубящегося тумана.

— Пейте, — велел Джакомо, поднося к губам флакон с зельем и выпивая его. Двое пассажиров осушили свои флаконы, немного закашлявшись от горечи.

Через несколько секунд они оказались в густом сердце тумана. Там пахло спертым воздухом, но благодаря зелью яд не действовал на Сашу и Лейль. Густой почти до твердости, туман выглядел по меньшей мере гнетущим. Саша и Лейль с трудом могли разглядеть лица друг друга,

а возницу-вистани они вообще не видели. Фургон ехал дальше, и через некоторое время туман быстро истончился и исчез. Молодые путешественники облегченно вздохнули.

Они выехали на дорогу, ведущую к табору вистани. Лейль заметила на голых деревьях множество маленьких серо-белых птиц и показала их Саше.

— *Виста чири*, — объяснил он. — Они следуют за цыганами. Моя мать говорила, что эти птицы — души умерших вистани.

Несмотря на свое происхождение, Саша никогда не бывал в цыганском таборе и не пытался найти отца. Вероятно, сегодня ему придется встретиться с Петей — неизбежный риск, с которым Саша смирился, но с каждым ударом копыт его сердце болезненно билось в груди.

Пронизывающий ветер переменялся и принес запах костра. Они почти прибыли.

* * * * *

Марушка, беззвучно шевеля губами, смотрела в хрустальный шар и видела то, что больше никому не дано было видеть. Наконец она испустила дрожащий вздох, укрыла сияющий шар пурпурным бархатом и моргнула, пытаясь справиться со слезами, затуманившими последнюю сцену видения. Поднявшись, она вышла в осеннее утро.

Двадцать пять лет не прошли для вистанийской Провидицы бесследно. Она обрела полное Зрение в свой двадцать второй день рождения, через два года после того, как золотоволосый эльф-вампир спас ее брата. Она подошла к костру и жадно протянула к огню ледяные руки, и тут в нее врезался ее племянник Михаил и повалил на коричневую траву, усыпанную опавшими листьями.

— Прости, тетя 'Рушка, — извинился он, помогая ей подняться на руки. Марушка сердито посмотрела на мальчика, младшего сына Пети, и вспомнила все прошедшие годы. Михаил прожил на свете всего семь лет, но уже было очевидно, что отцовскую способность нарываться на неприятности он унаследовал в полной мере.

Сам Петя и его жена Илиана не вышли из своего *вардо*. Марушка вряд ли могла их осуждать. Кому же захочется холодным утром вылезать из супружеской постели? Провидица так и не вышла замуж. Как и было предназначено ей при рождении, сестра Пети стала главой табора.

Ева умерла четыре года назад, и к этому времени Марушка уже была полностью готова занять место бабушки.

Она потеряла руки, начавшие согреваться. Услышав скрип колес и стук копыт, Провидица подняла глаза и невольно вздрогнула, но внешне

ничем не выдала своей дрожи. В фургоне сидел молодой человек, как две капли воды похожий на ее брата. Она уже видела его этим утром в хрустальном шаре.

Там, в видении, юноша был одет в розовое с золотом одеяние священника. А в реальности он явно постарался одеться как можно незаметнее и выбрал обычную баровийскую одежду, состоявшую из хлопковой рубашки, овчинного жилета и темных шерстяных штанов. Он выбрался из фургона Джакомо, и его спутник, тощий мальчишка, последовал за ним. Провидица уже знала, зачем они приехали, и, когда Джакомо указал на нее пришельцам, одарила сына Пети таинственной улыбкой.

— В тебе наша кровь, — сказала она вместо приветствия, когда Саша подошел поближе. Сбитый с толку, он моргнул.

— Это правда. Я скиталец из далекой земли...

— Ты Саша Петрович, сын вистани Пети и дочери бургомистра. Сейчас ты жрец бога, которому нет дела до нашего народа. Почему ты ищешь моей помощи?

Саша растерялся. Говорил он Лейль, что этот маскарад не сработает. Хорошо ей, она привыкла притворяться и переодеваться...

— И, вероятно, молодая дама не откажется от чашечки чая? — предложила Марушка, секунду помолчала и сказала: — Тогда пойдите ко мне в *вардо*. — Она пошла впереди, указывая путь. — Я полагаю, вы можете уплатить? — спросила Марушка по пути, но это было скорее утверждение, чем вопрос.

В ответ Саша вытащил из кошелька горсть золотых монет, засиявших в морозном свете. Лейль вздрогнула, зная, что на них смотрят.

— Убери это, — прошипела она, — или нам тут глотки перережут! — Она поняла, что обидела цыганскую Провидицу, и подняла помертвевшие глаза.

Марушка только слегка улыбнулась.

— Малышка, ты знаешь о жизни больше, чем твой друг. Священник, тебе стоит к ней прислушиваться. Идите сюда.

За годы, по мере того, как росло влияние Марушки внутри и вне племени, убранство ее *вардо* становилось все роскошнее. Теперь наружную резьбу, покрытую свежей краской, украшала обильная позолота, а на упряжке Марушкиного пони болталось множество колокольчиков и кистей, так что каждое кочевье табора казалось праздничным шествием.

Внутри тень и тайна соседствовали с ослепительно яркими цветами, а обыденная обстановка — резные сундуки с яркой одеждой, цветная ткань постели и бесчисленные подушки, мерцавшие золотой вышивкой —

с магическими предметами, питавшими и поддерживавшими ее Зрение. Повсюду на столах и в самых неожиданных углах лежали книги. Тщательно связанные пучки трав свисали с потолка, распространяя вокруг свои таинственные запахи. Карты, завернутые в кусок белого шелка, почти прозрачный от старости, хранились в особом ларце рядом с латунной кадилъницей для ладана, черным глиняным сосудом для гадания и большим куском горного хрусталя, от мерцающих граней которого трудно было отвести взгляд. Надо всем царила толстая белая свеча на широкой подставке, ее пламя сверкало, словно бледный глаз. В большой клетке дремала, ни на что не обращая внимания, черная птица.

Пока Марушка зажигала лампы, свисавшие с центрального потолочного бруса *вардо*, Саша осматривался и думал, что здесь присутствуют все традиционные атрибуты гадалок-шарлатанок. Но здесь присутствовала и сила, а отцовская кровь подсказала священнику, что эта сила никак не зависит от запаха трав или отсветов огня, танцующего на ритуальных предметах. Он надеялся, что поступает правильно.

Марушка принялась рыться в вещах, в беспорядке сваленных в углу, ее юбки тихо шелестели, а браслеты на смуглых руках музыкально позванивали. Она рассеянно махнула рукой, униженной множеством колеи, и Лейль с Сашей уселись на подушки. Стук в дверь заставил их вскочить, но это всего лишь Михаил принес им чай. Марушка затаила дыхание. Она ясно видела сходство сводных братьев, но, похоже, ни тот, ни другой его не заметили. Марушка перевела дух.

— Теперь, — сказала она, вручив каждому чашку с горячим душистым чаем, — расскажите мне, что вы хотите знать.

Саша посмотрел на нее серьезными темными глазами. Пар из чашки мягко обволакивал его лицо, окружал его туманным ореолом.

— Я хочу знать свое будущее. Разве не все этого хотят?

Марушка похолодела и закрыла глаза. *Итак, видение уже воплощается в реальность. Так быстро, так быстро...*

— Выпейте чай, — коротко сказала она, — а потом отдайте мне чашки.

Они послушались. Марушка поставила чашки на пол перед собой, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Потом она медленно подняла чашку Лейль и посмотрела в нее.

— В тебе живет страх, — прошептала она. Лейль фыркнула, но Марушка не обратила на это внимания. — Ты не боишься почти ничего. Для тебя есть только два страха: Серые Певцы Ночи и потеря того, кто тебе небезразличен. Твой путь ведет во Тьму, и вскоре тебе придется встретиться с обоими страхами.

Лейль сохранила безразличное выражение лица, хоть ее сердце и упало. Ночных Серых Певцов — волков — она действительно ненавидела и боялась. А безразличен ей был только один человек — Саша. А теперь эта цыганка говорит ей, что она его потеряет. Воровка моргнула изо всех сил, надеясь, что молодой священник этого не заметит. Но волноваться ей было незачем, потому что Саша не отводил взгляда от Марушки.

— А ты, цыганская кровь, — продолжала Провидица мягким голосом, — ты взял на себя непосильную задачу. Тебе предстоит великая потеря. Непонятно, что ты потеряешь — любовь, веру или же какой-то предмет или существо. Ты ищешь свет во тьме. Камни... — ее голос стал еще тише. — У того, кто крепче всех любил, каменное сердце. Камни расскажут вам то, что вы хотите знать.

— Мы... — Лейль сглотнула и начала снова. — Мы умрем?

Цыганка подняла взгляд, и на ее лице медленно появилась широкая улыбка.

— Ну конечно, малышка. Все живущие умирают. То есть, — улыбка начала блекнуть, — *почти* все живущие умирают.

Настало неловкое молчание. Двое молодых людей сидели, погружившись в свои мысли. Наконец Саша зашевелился.

— Сколько мы вам должны?

Марушка собралась назвать обычную цену, но неожиданно передумала.

— Нисколько. Я хорошо знаю твоего отца, и ради его крови на этот раз я ничего с тебя не возьму.

Саша собирался возразить, но понял, что не стоит.

— Благодарим вас, Мадам Марушка.

Провидица поднялась, открыла дверь, выглянула наружу и пробормотала что-то на вистанийском языке.

— Вам пора уходить, дети. Никто вас не побеспокоит. Безопасный путь через туман — тоже мой дар.

Саша и Лейль поднялись.

— До свидания, Мадам, — сказал Саша цыганской Провидице, низко поклонился и вышел. Лейль быстро кивнула и последовала за священником. Марушка посмотрела им вслед, закрыла дверь и тяжело села на подушки. Пика пронзительно каркнул, и Марушка устало улыбнулась черной птице.

Она гордилась тем, что, по крайней мере, смогла им по-настоящему погадать, даже если... На мгновение Марушка всем сердцем пожелала,

чтобы ей не было даровано Зрение. Тогда бы ей не пришлось делать выбор, который стоял перед ней теперь.

У Марушки были обязательства перед своим табором, выходявшие за пределы семейного долга. Она была связана со всеми вистани и со всем, чем они были. Защита сородичей всегда важнее счастья и даже безопасности чужаков. Она не может рисковать благополучием табора. Связавшись со Страдом и его махинациями, Ева оставила внучке нелегкое наследство, но Марушка знала, что бросать вызов властелину Баровии было бы глупостью. Она не может так поступить и не поступит, даже ради жизни своего брата или его сына... ее племянника, и даже ради единственного существа, заставившего ее мечтать о любви, пусть и мимолетно — ради прекрасного золотоволосого чужака. Он принадлежал к иной расе, и хуже того, вел совершенно иное существование. Марушка сердито вспомнила, что она ему нагадала. Она обещала победу, победу с помощью солнца и детей.

Надо же, подумала Провидица с желчной иронией. Как вампир может победить с помощью солнца? Как нежить может породить ребенка?

Марушка печально покачала седеющей головой.

— Ах, Джандер, — тихо сказала она, — если ты меня еще помнишь, то, когда случится беда, прости меня за нее.

Глава двадцать четвертая

Джандер понятия не имел, когда вернется Страд. Может, через пять месяцев, а может, через пять минут. Он не мог позволить себе потерять ни мгновения, потому что знал, что не сможет сдержать свой гнев при виде Страда.

Но ему нужно было делать вид, что ничего не происходит, и делать его хорошо. Злобных рабынь Страда по уму и сравнить нельзя было ни с Джандером, ни с их жутким создателем, но они были не слепые. Так что, находясь в обществе вампиров, эльф следил за тем, чтобы не выдать свое душевное смятение ни словом, ни взглядом, ни действием. Перед скелетами или зомби притворяться не приходилось — они вообще ничего не соображали.

А вот умная маленькая Трина соображала прекрасно. И Джандер был совершенно уверен, что она что-то почувствовала, когда она пришла к нему через две ночи после его разговора с Сашей. Чтобы ее прогнать, он притворился, что по уши занят фресками.

— Я надеюсь восстановить блеск этого красивого медальона в форме солнца, — сказал Джандер. — Да, вот этого. Он прекрасен, правда? Я думаю, что серебряная краска и небольшой намек на белое...

Это сработало. Трина испустила вздох предельного раздражения и бросилась вниз по лестнице. Джандер слышал, как на полпути вниз звук ее шагов сменился постукиванием когтей. Подбежав к окну, он увидел, как она галопом мчится по мощеному замковому двору.

Джандер тут же оставил кисти и наброски и вернулся в кабинет. Он даже не знал, что ищет — намек, заклинание, что угодно, что могло бы помочь уничтожить чуму Баровии, графа Страда фон Заровича.

За все время поисков эльф обратил внимание только на два текста. Один из них был главой из истории древней баровийской армии. Джандер нашел отрывок и перечитал: *Превысший Жрец Баровии, молодой чело-*

век по имени Кир, направлял людей в молитвах. Ровно в полночь он ушел в замковую часовню, дабы медитировать и молиться о наставлении. Ему была дарована сила обратить таинственный Священный Символ Воронова Рода против короля гоблинов. Пока граф сражался и вел своих людей к победе, была тайно призвана сила Священно-го Символа. После этого Превысший Жрец Кир тщательно спрятал Священный Символ в тайном месте.

Никто не знает, как выглядит Священный Символ, или где он спрятан. До этого дня ни один священник не мог ни найти его, ни призвать его силу. Но бесспорно, что его могучая магия помогла нашему благородному Графу Страду достичь заслуженной победы.

— Священный Символ Воронова Рода, — вслух повторил Джандер. — Нечто, в чем заключена огромная светлая сила, и никто не знает, что эта чертова штука собой представляет. — Он мрачно рассмеялся.

Вторым запомнившимся ему текстом была старая народная сказка про дерзкого молодого героя по имени Павел Иванович и его поиски кусочка солнца. Джандер помнил, как Саша читал отрывки из этой истории той ночью, когда Страд уничтожил его семью. Эльф подавил раскаяние, до сих пор преследовавшее его, и сосредоточился на тексте. Этот Павел смог победить Носферату. Может быть, в легенде есть какая-то доля правды.

Всю неделю Джандер копался в книгах из коллекции Страда, но больше ничего подходящего не нашел. Тем вечером, когда они договорились встретиться с Сашей, он ходил по замку, с нетерпением дожидаясь заката. Вскоре после наступления сумерек он обернулся волком и убежал из замка. Днем выпал первый снег, и лес мерцал, укрытый легким белым покрывалом. Стояла ясная ночь, приближалось полнолуние.

Джандер легко и быстро мчался к поселку. По пути он учуял горячий запах только что убитого зверя и вспомнил, что ему тоже нужно позаботиться о своем желудке, пока не настало утро. С мускусным запахом волка и медным запахом оленьей крови смешивался знакомый запах Трины, и Джандер побежал к ней.

Трина нашлась на полянке в глубине леса, подальше от поселка, чтобы не попасться ненароком на глаза никому из тамошних жителей. Джандер счел это мудрым, потому что она, наполовину превратившись в волка, когтистыми лапами отрывала куски мяса от оленьей туши, разбрызгивая кровь по свежевывающему снегу. В холодном воздухе от туши поднимался пар. Рядом шумно кормились несколько волков.

Джандер принял эльфийский облик, чтобы задать Трине пару вопро-

сов.

— Ты не знаешь, когда вернется Страд? — спросил он, скрывая отвращение при виде оборотницы, пожирающей оленя, которого она загнала с волчьей стаей.

Трина посмотрела на него человеческими глазами на волчьем лице, покачала головой и облизала челюсти длинным розовым языком.

— Думаю, что не скоро. Когда он уезжает ненадолго, он берет меня с собой. — Ее слова можно было разобрать, но голос звучал на несколько октав ниже обычного и напоминал гортанное рычание. Трина жадно вцепилась в окровавленное оленье бедро и принялась откусывать огромные куски мяса. Джандер отвернулся и услышал хруст костей.

Снова обернувшись волком, Джандер направился к поселку. Выбежав из леса, он стал передвигаться осторожно и бесшумно, словно тень на снегу. Добравшись до церковного двора, Джандер пробрался в крохотную рощицу на краю кладбища, убедился, что надежно укрыт от посторонних глаз, принял эльфийский облик и пошел через кладбище к церкви.

Саша его ждал. Со священником был еще кто-то. На грубой деревянной скамье, пристроенной к стене здания, прижались друг к другу две фигурки. При приближении эльфа они встали.

— Я думал, нас будет только двое, — настороженно заметил Джандер.

— Да, но ей можно доверять. Джандер Солнечная Звезда, это Лейль, мой... партнер по ночным прогулкам. — Саша помолчал и добавил: — Она знает о тебе.

Лейль откровенно разглядывала Джандера.

— Я не знала, что эльфы могут становиться вампирами. Конечно, я не то чтобы знакома со множеством эльфов. Или вампиров.

— Теперь вы знакомы и с тем, и с другим, — сказал Джандер немного саркастическим тоном, насмешливо кланяясь. — Скажите мне, Лейль, почему вы пришли сюда? Я знаю, что движет Сашей. А вами?

— Ну я же не могу позволить Саше одному драться со Страдом?

Джандер улыбнулся, похоже, удовлетворенный ответом Лисенка, и повернулся к священнику.

— Я не смог найти в Замке Равенлофт ничего полезного, хотя я чувствую, что где-то в библиотеке графа есть ответы, которые мы ищем. Но все же я нашел кое-какие сведения, которые, я думаю, нам следует рассмотреть. Прежде всего, ты знаешь что-нибудь о Священном Символе Воронова Рода?

Саша беспомощно покачал головой.

— Я не нашел почти никаких записей о древних религиях Баровии.

В церкви о них ничего нет.

— Очень странно.

— Мне тоже так кажется. Я подумал, не были ли такие документы намеренно уничтожены.

— Или увезены куда-то в другое место. Ну, нет так нет.

— А что такое этот Священный Символ Воронова Рода? — спросила Лейль, чувствуя себя немного не при деле. Эльф перевел свой серебряный взгляд на Лисенка.

— Должно быть, очень могущественный священный предмет. Его при-
менили против гоблинов в то время, когда армия Страда сражалась за
освобождение Баровии. К сожалению, — печально сказал Джандер, —
его держали в тайне, и никто, кроме посвященных, не знал, что именно
он из себя представляет. Наверно, сведения передавались от священника
к священнику, и в какой-то момент цепь оборвалась. Я надеялся, что
Саша может сказать мне больше, но... — его мелодичный голос печально
умолк.

— А еще какие сведения ты нашел? — напомнил Саша.

— Ты подумаешь, что я хватаюсь за соломинку, но существует старая
легенда, какая-то ерунда про кусочек солнца и молодого героя. Но, —
улыбнулся Джандер, — иногда в легендах скрывается правда. Вопрос в
том, как ее там найти.

К его удивлению, Саша и Лейль обменялись ухмылками.

— Мы с Лейль пришли к тому же выводу. Эта легенда — един-
ственная зацепка, которую мы сумели найти. Кстати — может, ты это
поймешь, — у нас есть еще несколько таинственных фраз, которые могут
куда-то привести. Тебе что-нибудь говорит фраза «У того, кто крепче
всех любил, каменное сердце»?

Джандер нахмурился.

— Нет, ничего не говорит. Обычно те, у кого каменное сердце, вообще
не в состоянии любить. Еще загадки есть? Когда-то я хорошо умел их
отгадывать.

— Хорошо, тогда как насчет: «Камни скажут вам то, что вы хотите
знать»?

— Я говорила Саше, что это, наверно, относится к изделиям из кам-
ня, — предложила Лейль. — Статуя, или, может быть, какая-то надпись
где-то на стене. Что-то в этом роде. Я хочу сказать, как еще камни могут
говорить?

Джандер медленно кивнул, но нахмурился и начал ходить туда-сюда.
Лейль рассуждала логично, но эльф чувствовал, что она пришла к непра-

вильному выводу. Ответы, по крайней мере некоторые, были рядом, *совсем рядом*, на краю его сознания. Надо просто сосредоточиться... И вдруг он понял.

— Есть заклинание, которое позволяет камням говорить, — сказал он Саше. — Ты его знаешь?

Саша покачал головой.

— Ты действительно думаешь, что это так важно?

— Ну, давай посмотрим. Есть ли в Баровии какие-нибудь камни — или стены, или здания — которые могли быть свидетелями событий, связанных с нашей задачей?

— Замок Равенлофт, — предложила Лейль.

— Безусловно, — ответил Саша, — но слишком опасно. — Он посмотрел вокруг на припорошенные снегом холодные серые камни, отмечавшие места захоронения усопших. — Могильные камни?

Джандер покачал головой.

— Нет. Не думаю, что на кладбище когда-либо происходило что-то, связанное с нашей целью. Мы знаем, где вампир.

— Рыночная площадь? — предложила Лейль. — Бьюсь об заклад, по камням, которыми она вымощена, ходило множество людей.

— Слишкомлюдно, даже ночью, — прошептал Саша. — Там нас обязательно увидят, а нам нельзя рисковать. Церковь, к сожалению, деревянная.

Джандер, который ходил туда-сюда и слушал вполуха, обернулся к ним.

— Круг камней! — воскликнул он. — Это, безусловно, священное место. Сколько этому кругу лет, Саша?

— Не знаю. Думаю, много столетий. — Священник улыбнулся. — Джандер, это то, что надо. Наверняка то, что надо!

— Встретимся здесь завтра, когда ты подготовишься? — спросил эльф.

— А мы можем позволить себе терять время?

Джандер пожал плечами.

— Не имею ни малейшего понятия. Страд может отсутствовать еще месяц, а может, он уже вернулся в замок.

— Тогда не можем. — Саша твердо сжал губы. — У нас праведная цель. Я уверен, что Латандер благословит ее и даст мне нужное заклинание. Я пойду к алтарю молиться. Вы можете зайти в церковь и... Ой. — Джандер грустно посмотрел на Сашу, и тот молча выругал себя за нечувствительность. Конечно, вампир не может войти в освященное место.

— Лейль, почему бы тебе не пойти погреться? — мягко спросил Джандер. — Мы, нежить, в отличие от смертных не чувствуем холода.

Лейль прищурилась и задумчиво посмотрела на вампира.

— Нет, ничего. С нами все будет в порядке, Саша. Я зайду внутрь, если замерзну.

— Хорошо. Я не знаю, сколько мне понадобится времени. — Саша перевел взгляд с эльфа-вампира на воровку и невольно улыбнулся, несмотря на серьезность положения. — Странная компания, — пробормотал он себе под нос и направился в церковь.

Какое-то время ни эльф, ни человек ничего не говорили. Поднявшийся ветер растрепал каштановые волосы Лейль. Морщась от холода, она плотнее закуталась в плащ.

— Должно быть, это удобно — не чувствовать холода, — заметила Лейль, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Думаю, да, — ответил Джандер. — Хотя если бы я смог снова стать смертным, я был бы счастлив голышом выйти в пургу.

Лейль обернулась к нему, ее лицо в лунном свете казалось совсем белым.

— Тебе не нравится быть вампиром?

Джандер посмотрел на Лейль с ужасом и изумлением.

— Нет! — отрезал он с болью. — Почему ты так решила?

— Я не знаю, я просто... Извини. — Снова наступило неловкое молчание. — Почему ты хочешь уничтожить Страда?

Джандер помолчал и медленно сказал:

— Он причинил страдания той, кого я любил.

— Он ее убил?

— Нет. Страд разбил ее сердце и разум. Он убил ее жениха и свел ее с ума.

— О, Джандер, соболезную, — искренне сказала Лейль. — Неудивительно, что ты хочешь отомстить.

— Отомстить и прекратить страдания моей любимой. — Джандер в упор посмотрел на Лейль. — Понимаешь, она возрождается каждые несколько поколений. И каждый раз, когда она возрождается, граф разыскивает ее и пытается добиться ее любви. — Серебристые глаза Джандера стали жесткими от ненависти. — Я намерен это прекратить.

— Я понимаю. Ты делаешь то, что тебе велит делать любовь.

Вампир улыбнулся, блеснув зубами в лунном свете. Странно, но Лейль это зрелище не испугало.

— Думаю, что ты меня действительно понимаешь. А Саша знает о твоих чувствах? — Лисенок начала было отнекиваться, но Джандер перебил ее взмахом руки. — Они у тебя на лице написаны каждый раз, когда ты на него смотришь.

Лейль покраснела и отвернулась.

— Думаю, что не знает. Он слишком увлечен Катей, чтобы замечать меня. Не говори ему, ладно?

— Хорошо, обещаю не говорить.

И снова они замолчали, но на этот раз по-товарищески.

— Вот идет Саша, — через секунду сказал Джандер, поднимаясь со скамьи. Воровка тоже вскочила.

Священник быстрым уверенным шагом вышел из церкви. Когда он подошел поближе, Джандер и Лейль увидели, что он мягко улыбается, глядя на них сияющими глазами.

— По воле того, кому благоволит Латандер, — сказал он дрожащим голосом, — заговорят даже камни. Идем?

Камни по-прежнему несли безмолвную стражу на вершине холма. И Джандер, и Саша в последний раз были здесь пятнадцать лет назад, но с тех пор в каменном круге ничто не изменилось, и спокойная твердость камней вселяла уверенность, что и не изменится никогда. Камни были увенчаны маленькими белыми шапками после недавнего снегопада, и на свежем снегу внутри круга не появилось еще никаких следов. Саша и Лейль вошли в круг и расстелили одеяло в его центре. Джандер за ними не последовал. Чтобы войти в это священное место, вампиру пришлось бы приложить немало усилий. Чтобы не тратить силы понапрасну, он предпочел ждать снаружи.

Саша несколько секунд постоял, ощущая, как его наполняет сила этого места, затем посмотрел на небо, чтобы определить стороны света, и принялся устраивать маленький алтарь перед самым большим камнем. Джандер с интересом наблюдал за ним снаружи, а Лейль ерзала, переступая с ноги на ногу.

Усевшись, Саша жестом велел Лейль сделать то же самое. Вместе с разными священными талисманами жрец Латандера вытащил из мешка бутылку серебристой жидкости и маленький комок глины. Осторожно размяв глину, Саша вылепил из нее подобие громадного камня и тихонько начал что-то напевать себе под нос, ласково и успокаивающе, а потом медленно запел в полный голос.

Когда заклинание начало действовать, волосы на шее у Джандера поднялись дыбом. Он узнал несколько слов из Шашиного гимна. «Сколько

же лет прошло, — печально подумал он, — с тех пор, как я в последний раз слышал, как жрецы поют священные заклинания?»

Саша вылил на снег перед глиняным подобием камня серебристую жидкость, в которой Джандер по ее необычному характеру течения узнал ртуть. Голос молодого человека стал громче, затем резко оборвался. Священник, воровка и вампир в напряженном молчании ждали, что произойдет. Ждать пришлось недолго.

Огромный камень перед Сашей внезапно засиял. Острые уши Джандера уловили тихий гул. Он становился все громче и громче и превратился в пенопение, в которое вплелись другие голоса, много нечеловеческих голосов. Джандер увидел благоговение на лицах своих товарищей, тоже услышавших эту песнь:

Слушайте песню камней, которые слишком долго молчали.

В Ранние Века мы были просто камнями. Глубоко в недрах земли мы хранили ее сокровища. Потом пришли люди и стали растить хлеб, они брали себе дары земли для добрых дел. Они освободили камень и металл, кости земли, и превратили их в предметы прекрасные и священные.

В Средние Века люди забыли, что мы — стражи сокровищ. Они сдвинули и освятили нас, и мы стали стражами человеческих душ. Мы благословляли воссоединения, начинания и завершения.

В Новые Века люди забыли, что мы священны. В Темные Времена мало кто приходит сюда молиться. Этой землей правит страх. Но то, что некогда было священным, не может быть полностью осквернено. В Новые Века мы стали убежищем для тех, кто сбился с пути и потерял дом или любовь. Мы укрываем и защищаем их. И мы будем делать так до тех пор, пока Время не сотрет нас в пыль, и ветер не рассеет эту пыль.

Спрашивайте у нас, что хотите, и мы ответим.

Саша облизал сухие губы и заговорил дрожащим голосом:

— Великие камни, мы ищем два предмета: Священный Символ Воронова Рода и нечто, известное в легендах как «кусочек солнца». Вы можете рассказать нам о них?

То, что вы ищете, мы видели.

Перед рассветом Новых Веков, во тьме Девяти Ночей Страх, здесь было благословлено Великое Оружие, созданное святым человеком, и все же созданное не им. Со своим последним дыханием он привез Оружие сюда, и мы благословили его.

Потерян, потерян сейчас кусочек солнца, который также звался

великим Священным Символом Воронова Рода. Он находится рядом с теми, кого он предназначен охранять. Большого мы не можем вам сказать.

Такова песнь камней, которые слишком долго молчали.

Наша песнь кончена.

Пение стало неразборчивым и спокойно стихло в ясном неподвижном воздухе. Сияние камня тоже погасло. Джандер ощутил какой-то странный покой, и даже тишина ночи после волшебной песни показалась ему грубой. Саша сиял от восторга.

— Благодарю тебя, благословенный Латандер, — прошептал он. Даже Лейль забыла про свой скептицизм и смотрела на камни с недоверчивым изумлением.

Секунду они почтительно молчали.

— Значит, эти два предмета — на самом деле один и тот же предмет! — сказала наконец Лейль и мрачно добавила: — Но мы по-прежнему не знаем, где спрятан этот артефакт.

— Нет, знаем, — возразил Джандер. — Священный Символ был создан для Воронова Рода — для семьи Страда. У них на гербе изображен ворон, а их замок называется Равенлофт, Вороновы Высоты. А это значит, что Священный Символ спрятан именно там, рядом с теми, кого он предназначен охранять. — Джандер обернулся к Саше. — Может быть, — сказал он, посмеиваясь, — нам следует переименовать тебя в Павла. Ты готов войти в царство Тьмы?

Саша улыбнулся в ответ, его лицо еще светилось волшебством этого места.

— Я готов, если готов и ты, Носферату.

Глава двадцать пятая

Саша выглянул из окна Катиного домика. Стояло обманчиво ясное утро. Улицы укрыл свежий слой белого снега, засыпавший грязь и выбоины на мостовых. Только две-три цепочки следов, лошадиных и человеческих, указывали, что кто-то уже проснулся и встал. Священник тихонько вздохнул и закрыл ставни.

Обвнувшись, он увидел, что Катя, моргая, просыпается. Потягиваясь и зевая, с сонным румянцем на щеках, она улыбнулась Саше. От нежности у Саши заболело сердце, он подошел к Кате и поцеловал ее в лоб.

— Почему ты не ушел выполнять рассветный ритуал? — пробормотала она. — И твоя одежда... Где твоя мантия?

Саша взволнованно посмотрел ей в лицо. Какая она красивая, какая хрупкая и нежная, подумал он.

— Сегодня я должен сделать кое-что очень важное. Возможно, какое-то время меня не будет. Если... если через пару дней я не вернусь, тогда, пожалуйста, прочитай вот это. — Он положил на столик у кровати запечатанный конверт. — Я люблю тебя, Катя. Я сделаю все возможное, чтобы вернуться к тебе. Обещаю.

Увидев, как он нервничает, Катя окончательно проснулась.

— Саша...

Пока его воля не сломалась, он повернулся и вышел, захлопнув за собой дверь.

— *Саша!*

Он не ответил на умоляющий крик. Он не должен был отвечать — ради них всех.

Лейль с нетерпением ждала его у церкви. Как обычно, она была одета в функциональную мужскую одежду. Ее волосы были туго заплетены, чтобы не мешались. Рядом стояли две оседланные лошади. Лейль собра-

ла все необходимые предметы и тщательно привязала их к седлам.

— Давно пора, — пробормотала она, нахмурившись. — Солнце уже час как взошло. Мы теряем время.

— Если будем ссориться, тоже потеряем время, — огрызнулся Саша, легко вскакивая на свою серую кобылу. — Поехали. — Он сжал коленями спину лошади, и она помчалась галопом. Выругавшись, Лейль вскочила на свою лошадь и помчалась следом.

Они выехали по Церковной улице на Рыночную площадь, где потихоньку начинали появляться люди. Саша, погруженный в неприятные размышления, не сразу заметил, что Лейль отстала. Только подъезжая к окраине поселка, он понял, что не слышит стука копыт ее лошади за спиной, и остановился. Через десять минут из-за поворота выехала Лейль.

— Где ты была? — сердито спросил Саша. — Тебе же не терпелось выехать.

Лейль ухмыльнулась ему.

— Я просто раздобыла немного еды на тот случай, если мы проголодаемся.

— Надеюсь, что мы там столько не пробудем.

— Если пробудем, ты меня поблагодаришь.

— Ты думаешь о еде больше всех, кого я знаю!

Зеленовато-карие глаза Лейль сузились.

— Мне приходилось так голодать, что теперь я всегда думаю о еде, — отрезала она. Саша признал ее правоту, опустил глаза, и направил лошадь к дороге, ведущей к замку. Они молча поехали дальше спокойным аллюром.

Саша мысленно повторял заклинания. Великодушный Латандер в награду за несколько часов, проведенных в молитвах, ниспослал священнику множество полезных заклинаний. Кроме того, Саша и Лейль взяли с собой целый набор полезных инструментов — освященные амулеты, колы, молотки, святую воду и чеснок, а также несколько неосвященных предметов из чистого серебра, потому что Джандер их предупредил, что в замке Равенлофт очень даже возможно встретить оборотня.

Они проехали мост через Ивлис, и впереди появилась стена клубящегося тумана. Саша остановил свою лошадь и вытащил магическое зелье, Лейль тоже, они выпили зелье и невольно вздрогнули от горечи. Скрежетнув зубами при мысли о предстоящем пути через туман, они пустили лошадей медленной рысью.

Их охватила холодная влажность, совершенно затуманившая зрение

и слух. Саша думал, что Лисенок следует за ним, но увериться в этом у него возможности не было. Через несколько сот футов туман истончился и рассеялся. Оказалось, что Лейль уже поджидает его, усмехаясь.

— Копуша, — поддразнила она, но в ее голосе звучала настоящая доброта. Саша ответил ей слабой улыбкой.

До замка Равенлофт они добирались дольше, чем рассчитывали, потому что дорога вилась среди гор. Они подумали, что, возможно, стоит сойти с проторенной дороги и поехать по тропке, ответлявшейся справа, но решили не рисковать. Лучше потратить немного лишнего времени на верном пути, чем заблудиться в лесу.

В горах лошади слегка замедлили шаг. Саша похлопал свою серую кобылу по шее, она в ответ заржала, прядая ушами.

— Что это? — спросила Лейль, показывая налево. Там, вдали, дорогу перегораживали огромные ворота, такие грозные на вид, что даже поздним утром девушке страшновато было на них смотреть. К тому же по сторонам ворот стояли две огромные статуи, лишённые голов.

— Врата Баровии, — мрачно ответил Саша. — Говорят, что Страд может открывать и закрывать их одной силой мысли.

Лейль еще раз посмотрела на ворота и невольно вздрогнула. Саша, тоже начавший немного волноваться из-за близости к цели, прищипил кобылу, и она помчалась галопом.

Прошло еще несколько напряженных минут, и перед ними возник Замок Равенлофт — высокий черный силуэт на фоне холодного неба. Саша знал, что в замке сосредоточено все зло Баровии. Здесь находится источник всех баровийских ужасов. Здесь обитает чудовище, уничтожившее семью священника. Отсюда правит Баровией ее кошмарный властелин. И он, Саша Петрович, пришел сюда по собственной воле. Это казалось безрассудством, но священник знал, что поступает правильно.

Когда они подъехали поближе, Саша увидел впереди две сторожевые башни, а затем заметил шаткий подъемный мост через глубокое ущелье. Вряд ли лошади могли по нему пройти.

— Ого, — пробормотал Саша, остановил лошадь и задумался. Брусья моста прогнили, а железо выглядело очень старым и ржавым.

— Что же нам делать? — спросила Лейль, останавливая свою лошадь, и посмотрела на сторожевые башни. Там никого не было, кроме злобно ухмылявшихся каменных горгулий.

Саша вздохнул, соскочил с лошади и начал ее разгружать.

— Переводить лошадей через мост слишком опасно, — объяснил он. — Нам придется их отпустить.

— Отпустить?

Саша обернулся и посмотрел на Лейль.

— Если их привязать, они окажутся легкой добычей для любой пробегающей мимо твари, а если отпустить, то они, возможно, смогут благополучно вернуться в поселок. И кроме того, — мрачно добавил он, стаскивая с лошади еще один узел, — если мы сумеем добиться того, ради чего сюда пришли, то сможем спокойно пойти назад пешком. А если нет, то, ну, нам лошади не понадобятся.

Лейль молча принялась разгружать свою лошадь. Саша неохотно принял решение не тащить с собой в замок все привезенные с собой предметы и стал отбирать самое необходимое и складывать в свой мешок. Со всей этой поклажи будет мало толку, если под ее тяжестью он упадет и разобьется насмерть. Саша выпрямился, посмотрел на мост и убедился, что он за эти несколько минут крепче не стал. Саша покачал головой и перекинул мешок через плечо.

— Идем, — сказал он с уверенностью, которой не чувствовал.

— Давай я пойду впереди, — предложила Лейль. — Я легче, и к тому же очень ловкая. Может быть, мне удастся помочь тебе перейти.

Саша заколебался. Ему не понравилась эта мысль, но Лейль была права.

— Хорошо. Иди вперед.

Лисенок осторожно шагнула вперед и наступила на первую доску моста. Доска застонала, но выдержала. Лейль крепко вцепилась в железную цепь и переступила на следующую доску, а потом на следующую, ногами ощупывая опору и при необходимости перенося центр тяжести. Она старалась держаться у краев моста, поскольку там имелась дополнительная опора. Прежде чем ступить на каждую следующую доску, Лейль внимательно осматривала ее.

— Иди за мной след в след, — позвала она.

Во имя славы Повелителя Зари, куда же я лезу, подумал Саша, одной рукой крепко сжимая свой мешок, а второй хватаясь за ржавую железную цепь, и нерешительно ступил на мост. Благополучно сделав первый шаг, он произнес короткую благодарственную молитву, которую повторял с каждым удачным шагом.

Подняв взгляд, священник убедился, что Лейль уже прошла три четверти моста, но этот взгляд стоил Саше потери внимания. Он нахмурился, глядя на следующую доску. Куда наступала Лейль, сюда или на противоположную сторону доски?

Саша шагнул вперед очень осторожно, но доска все равно переломи-

лась под его весом. Правая нога провалилась по самое бедро. Отчаянно размахивая руками, Саша схватился за раскачивающиеся цепи. Его мешок полетел вниз на острые камни. Он не осознал, что вскрикнул, но у него внезапно заболело горло, а Лейль оказалась рядом и поддержала его. Саша уставился на Лейль испуганными глазами и вцепился в ее веснушчатые руки.

— С тобой все будет в порядке. Просто расслабься, — прошептала воровка спокойным ободряющим голосом. — Возьмись вон за тот брус. Он крепкий, — резко сказала она. Священник выпустил руки Лейль и вцепился в указанный брус. Спокойные советы воровки помогли ему подняться на ноги. И тогда он понял, что потерял свой мешок.

— Лучше потерять мешок, чем священника, — сказала Лейль. — Твое могущество важнее любого священного амулета. Идем.

Дальше Саша шел неуверенно, но мост перейти сумел.

— Лейль, спасибо...

— Забудь, — сказала она, но ей было приятно видеть благодарность в его глазах.

По крытому туннелю они вышли в мощный замковый дворик. Впереди виднелись главные ворота Замка Равенлофт, покрытые чудесной резьбой.

— Посмотри на эти ворота, — прошептала Лейль. — Я никогда в жизни не видела ничего красивее.

— Да, они прекрасны, — признал Саша, оглядывая резные створки, — но вспомни, что это за место и кто тут обитает. — Он шагнул вперед и потянулся к ручке ворот.

Джандер ему сказал, что из-за солнечного света не сможет встретить их у входа, но оставит ворота открытыми. Как и было обещано, ворота легко распахнулись, и священник с воровкой поспешили войти. Саша закрыл за собой створки ворот, и после ясного солнечного утра вестибюль замка показался ему очень темным.

— Я рад, что вы благополучно добрались, — прозвучал музыкальный голос Джандера. Эльф вышел в вестибюль. Привыкнув к полумраку, Саша разглядел, что они находятся в маленькой комнате, тускло освещенной мерцающими факелами.

— Были трудности? Вы запоздали, — продолжал Джандер.

Саша посмотрел на него мрачным несчастным взглядом.

— Ты думал, что мы не придем? — Эльф ничего не сказал, только поднял золотистую бровь. Плечи у Саши поникли. — Я должен был попрощаться с Катей.

— Я просто беспокоился, — объяснил Джандер. — У Страда повсюду шпионы.

Лейль, которая молча оглядывалась вокруг, внезапно ахнула. Ее любопытный взгляд упал на четыре драконьих статуи над входом, зловеще уставившиеся на нее мерцающими глазами.

— Они всего лишь каменные, — успокоил ее Джандер, хотя ему тоже всегда не по себе становилось от мерцания драгоценных камней в драконьих глазах. — Что у вас с собой? — спросил он.

— Мы принесли много священных предметов, — ответил Саша, — но я потерял свой мешок на мосту, так что нам придется обойтись тем, что есть у Лейль.

Джандер улыбнулся.

— Я все утро колы вырезал, — сообщил он, довольный. — Как насчет оружия?

Саша покачал головой.

— Только молоток или топор, если мне придется сражаться. Надеюсь, что не придется. Лейль?

Усмехаясь, воровка похлопала по своему сапогу. Джандер увидел, что за голенище аккуратно заткнут небольшой кинжал.

— Тут все, что мне нужно для драки.

— Тогда у меня есть для тебя подарок, — сказал Джандер и вручил ей маленький, зловещего вида кинжал. Его клинок сверкал даже в свете факелов, а ножны показались Лейль очень странными. Она с любопытством взяла кинжал.

— Джандер, это же кинжал Ба'ал Верзи! — воскликнул Саша с отращением. — Зачем ты даешь ей эту ужасную вещь?

— Потому что, — холодно ответил Джандер, глядя на священника в упор, — лезвие сделано из чистого серебра. Я тоже вооружен... просто на всякий случай, — добавил он, указывая на короткий меч, висевший у него на бедре.

— Это магический меч? — спросила Лейль.

— Нет, — коротко ответил эльф, — просто хорошо наточенный. Магию я оставляю тебе, Саша. У меня к тебе есть одна просьба. Как ты думаешь, ты сможешь найти Страда, если он в замке?

Лейль вытаращила глаза и открыла рот. Джандер остановил поток вопросов, добавив:

— Я сказал если. Я не думаю, что он здесь, но проверить было бы неплохо.

Саша покачал головой.

— Я не уверен, — медленно сказал он, — но можно попробовать. — Священник сел на пол, поерзал, устраиваясь поудобнее, закрыл глаза и начал негромко, шепотом напевать, потом замолчал. Его глаза быстро двигались под закрытыми веками. Наконец он открыл глаза и встретил вопросительный взгляд Джандера.

— Я ничего не нашел. Но я могу ошибаться.

— Спасибо, что попробовал. Все равно ничего лучшего у нас нет.

Джандер подошел к стене и вытащил из держателей два факела, а Саша зажег потрескавшуюся масляную лампу, которую принесла Лейль.

— Сначала мы пойдем в катакомбы, — сказал вампир, вручая Лейль факел. — Пока солнце не зашло, нужно убить рабынь. Идемте. — Он пошел вперед, Лейль и Саша последовали за ним.

Джандер шел быстрым шагом, и двум смертным пришлось поторопиться, чтобы не отстать. Лейль была только рада, что у нее нет времени разглядывать окружающую обстановку. Ей и так стало не по себе от того немногого, что ей удалось разглядеть, пока они мчались по тихим каменным коридорам. Она молча твердила себе, что горгульи под потолком — всего лишь каменные статуи, что красивые, но холодные скульптуры, мимо которых они прошли, *на самом деле* не могут провожать ее взглядами.

Лисенка никак нельзя было назвать трусихой, но ей еще не приходилось бывать в подобных местах. Красть еду, сражаться в уличных драках, даже убивать вампиров под открытым небом — одно дело. А находиться в этом мрачном темном здании среди камня, теней и неверного света факелов — совершенно другое, и воровка никак не могла стряхнуть с себя странное, покалывающее ощущение, что впереди ждет беда. Лейль не сводила глаз с Саши и эльфийского вампира, но внимательно прислушивалась ко всем звукам, даже еле слышным.

Саша тоже был сбит с толку давящей темнотой, царившей в Замке Равенлофт. Он привык к улицам и переулкам поселка. В церкви, хоть и ветхой, у Саши никогда не бывало такого удушающего ощущения, что среди дня наступила ночь, которое пронизывало обиталище Страда. А дом бургомистра казался уютным домиком по сравнению с огромным и роскошным, хоть и полуразрушенным замком.

Но больше всего поразило священника, когда они втроем торопливо шли по темным коридорам, насколько не на своем месте казался Джандер. Яркие цвета его облика и одежды — золотистая кожа, синяя туника, красные брюки — совершенно не подходили к мрачному серому камню. Гораздо более подходящим местом для эльфа казался лес, где они встре-

чались с Сашей, или даже скамья у церкви. Священник неожиданно вспомнил страстные слова Джандера о страданиях, которые доставляет вампирам их неестественное существование, и понял наконец, как же горько это существование для эльфа. Джандер был создан для зеленых лесов и золотого солнечного света, а не для того, чтобы нежитью таиться во тьме.

Они остановились перед двустворчатыми дверями с такой же красивой резьбой, как на воротах замка.

— Это часовня, — объяснил Джандер. — Я должен вас предупредить, что у Страда здесь множество слуг. Большинство из них ничего не соображают, им просто было приказано не причинять вреда ни мне, ни любому, кто меня сопровождает. Я сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то опаснее скелета или зомби. По крайней мере днем, — поправился он и распахнул двери часовни.

Коснувшись дверей, Джандер услышал за спиной знакомый мягкий стук. Уже, наверно, в тысячный раз на его памяти скелет, охранявший часовню, пытался выполнить свои обязанности. Он зашаркал к вампиру и его спутникам, путаясь в поношенных кожаных сапогах. Джандер уже считал этого стража почти другом и совершенно не беспокоился при его появлении. Этот скелет ничем не мог им помешать.

Словно для того, чтобы подтвердить правоту Джандера, скелет-страж отступил в сторону, и яркий медальон, висевший у него на шее, мягко закачался. Джандер прошел мимо скелета, не оглядываясь, и Лейль с Сашей последовали за ним, но пару раз все-таки оглянулись на стража. Саша с горечью увидел, в каком состоянии находится часовня, и, глядя на остатки скамей, мысленно оплакал разрушенный храм.

— Вот мы и пришли, — сказал Джандер, когда они прошли через альков и вышли к винтовой лестнице. Оттуда дул холодный ветерок. Он нес с собой затхлый запах, как будто внизу веками не проветривали.

— Мы идем в катакомбы. Лейль, погаси свой факел. Нам нужно их побережь, если получится. Я не знаю, сколько времени нам потребуется.

Трое спутников молча начали спускаться в затянутое паутиной сердце замка. Чем дальше они шли, тем холоднее становилось, и Сашу с Лисенком начала бить дрожь. Лейль прислушалась к эху их шагов.

— Эй, — прошептала она вдруг. Ее голос показался очень громким.

— Что? — прошипел в ответ Саша, спустившийся на несколько ступенек ниже нее.

— Джандер, ты когда-нибудь раньше ходил по этой лестнице?

Эльф оглянулся. Неверный оранжевый свет факела искажал его чер-

ты.

— Нет, но я знаю, куда она ведет.

— Ты уверен, что тут нет какой-нибудь ловушки?

Настала тишина. Джандер понятия не имел, не установил ли Страд на этой удобной лестнице какой-нибудь опасный сюрприз. Это было бы вполне в духе графа. Джандер иронически ухмыльнулся самому себе.

— Не знаю, Лейль. Но вопрос отличный. Хочешь пойти вперед и разрядить все ловушки, которые тебе попадутся?

— Ты думаешь, что я... Эй! — Поняв мрачную шутку Джандера, Лейль нахмурилась. Неожиданно Саша фыркнул от смеха, и даже Лисенок захихикала, в притворном возмущении качая головой. Эльф улыбнулся ей, на его золотой коже мерцали факельные отблески, а серебряные глаза смотрели с непритворной теплотой. Лейль вдруг поняла, что, как ни странно, ей начинает нравиться этот вампир.

— Нет, правда, — сказала она, — если ты хочешь, чтобы я проверила...

— Нет, — сказал Джандер. — Я пойду первым. Какие бы ловушки тут ни были установлены, для тебя они будут куда опаснее, чем для меня. — Он повернулся и пошел дальше, мрачно добавив: — Это одно из многих преимуществ мертвеца.

Никто не знал, сколько времени они спускались, но факел Джандера почти догорел. У входа в катакомбы эльф взял факел у Лейль и зажег его от своего гаснущего факела.

— Узрите зал мертвых, — мрачно сказал Джандер и положил руку Саше на плечо. — Это место не для слабых сердцем.

Саша уверенно посмотрел на вампира в свете масляной лампы. Во время спуска он успел успокоиться и полностью овладеть собой. В чертах его лица сиял огонь, горевший у него в душе. Джандер узнал это выражение: когда-то он тоже так горел, очень, очень давно.

— Я не боюсь, — спокойно ответил священник. — Где спят вампиры? Джандер чуть не рассмеялся.

— Везде, — прямо ответил он. — В любом гробу может оказаться одна из рабынь Страда.

Саша невольно вздрогнул и закрыл глаза.

— Сейчас день, и нас трое, — напомнил ему Джандер. Они подошли к первому склепу.

— Посмотрите на них, — сказала Лейль с легким отвращением, подняв глаза к потолку. Саша тоже посмотрел вверх и невольно сглотнул. С потолка этого сырого подземелья свисали сотни, возможно даже тысячи, летучих мышей. Хотя священник и знал, что они не представляют

никакой опасности, ему все равно стало жутко при виде шевелящейся, трепещущей живой массы.

— Пора начинать, — сказал Джандер.

Саша и Лейль взяли в руки инструменты, и вампир вошел в первый склеп. Почти без усилий он поднял огромную каменную крышку гроба и посмотрел внутрь. Там мирно спал вечным сном скелет, завернутый в гнилые обрывки дорогих тканей. С растущим напряжением в мускулах Джандер направился в следующий склеп.

* * * * *

Несколько столетий назад невинный молодой эльф Джандер Солнечная Звезда и представить себе не мог, что можно привыкнуть к такой мрачной сущности, как смерть. Все меняется, мрачно подумал он, крепко держа извивающееся тело вампирки, чтобы Саша мог вонзить кол в ее сердце. Они уже «убили» двадцать вампиров, двадцать хищных зловещих красавиц с губами цвета крови, брызгавшей из их сердец. Пока они работали, Джандер вспомнил Долину Кинжалов. На мгновение ему показалось, что он вернулся в прошлое и со вкусом желчи в глотке разыскивает и уничтожает нечистых тварей на пару с Гидеоном, а не с Сашей.

К смерти не должно привыкать, даже если это смерть вампиров.

Эльф-вампир, жилистая маленькая воровка и священник-полуцыган распределили между собой задачи. Джандер со своей огромной силой сдвигал каменные крышки и держал вампиров, пока Саша втыкал им в сердца деревянные колы. Лейль досталось неприятное, но безопасное дело — отрезать вампиркам головы и набивать им рты чесноком, пока Джандер и Саша шли в следующий склеп.

— Я не отмоюсь от этой вони и за десять лет, — пробормотала Лейль себе под нос, запихивая еще одну головку чеснока в разинутый рот вампирки, которой она только что отрезала голову. Сосредоточившись на деле, пусть и жутком, она почти забыла о своей тревоге, но не совсем. Ей по-прежнему казалось, что за ними кто-то наблюдает, и она часто скидывала голову и оглядывалась вокруг.

— Ты становишься нервной, девочка, — сказала она себе, — а это плохо для твоей профессии. Так что успокойся.

Закончив свое дело, Лисенок пошла к своим спутникам. Они уже добрались до последнего гроба, и когда Лейль подошла, адская тварь вздрогнула и умерла. Ее душа отлетела с миром, а лицо стало бледным и спокойным. Саша с Джандером отошли в сторону, а Лейль несколькими быстрыми ударами отделила голову от тела и закончила страшный

ритуал.

Джандер посмотрел на Сашу. Рубашка священника промокла от пота, он тяжело дышал. Красная капля катилась по его щеке, как кровавая слеза. Не думая, Джандер протянул руку и смахнул каплю.

Саша отскочил и напряженно посмотрел на Джандера.

— Извини. Это я от неожиданности.

Эльф кивнул, словно поверив Сашиним словам. На самом деле он с усталым смирением понял, что Саша ему еще не до конца доверяет. Призрачные очертания каменных гробов были похожи на спящих чудовищ. В неверном свете факелов казалось, что они шевелятся. Кто-нибудь потрусливее Саши и Лейль в этом жутком месте уже давно сошел бы с ума.

— Мы сделали важное дело, — сказал Джандер. — Мы уничтожили почти всех наших врагов. Теперь нам надо найти гроб Страда и освятить его, чтобы ему некуда было бежать.

Саша, усталый до изнеможения, медленно кивнул и пошевелил сведенными судорогой пальцами. Будь у них немного времени, Джандер предложил бы священнику отдохнуть. Но время было их врагом, и куда более страшным, чем сам хозяин Равенлофта.

Джандер не знал, где находится гроб Страда, но догадывался. Они с Сашей и Лейль осмотрели дюжину склепов в главном зале подземелий. В стенах зала находились альковы, несомненно, предназначенные для ближайших родственников графа.

В первом алькове покоились родители Страда, красавец Баров и Равеновия, в честь которой был назван Замок Равенлофт. Спустившись по ступеням, Джандер и его спутники попали в маленькое тихое помещение. Там стояли два саркофага, запечатанные и на вид непо потревоженные. Джандер решил не беспокоить вечный сон благородных предков Страда. Они умерли до того, как их сын заключил зловещий договор с темной сущностью, и наверняка наслаждались истинной смертью.

На следующем алькове значились имена Стурма и Гизеллы фон Зарович. Джандер вспомнил, что Стурм был вторым братом Страда. Но помещение оказалось совершенно пустым, в нем даже гробов не было. Похоже, счастливцев Стурм провел свою неромантичную жизнь вдали от замка Равенлофт и его зловещего хозяина.

Третий альков тоже был пуст, хотя там стояли два открытых саркофага. На одном из них было выбито имя «Сергей фон Зарович». Джандер печально покачал головой. Жестоко умертвив младшего брата, Страд даже не побеспокоился захоронить тело. Несомненно, несчастный молодой

человек остался гнить на месте своей гибели, пока Страд предавался своим зловещим страстям. Взглянув на второй саркофаг, эльф закрыл глаза от боли. Если бы события шли своим чередом, на этом саркофаге были бы выбиты слова «Татьяна Федоровна фон Зарович».

Яна никогда не будет покоиться в подобном саркофаге. Ее тело стогрело в сумасшедшем доме, превратилось в пепел и развеялось по ветру. А Татьяна обречена снова и снова возвращаться в Баровию... Мягкое прикосновение к руке вернуло эльфа к действительности. Он встретился с тревожным взглядом Саши.

— Здесь для нас ничего нет, — хрипло сказал Джандер.

В последнем алькове, несомненно, находился гроб Страда. Короткая лестница привела их в помещение пятидесяти футов длиной, такое же, как гробница Барова и Равеновии. В помещении находился единственный саркофаг. Казалось, что на пути к нему нет никаких препятствий.

— Берегитесь, — негромко сказал эльф Саше. — Это выглядит слишком просто.

Медленно, осторожно, Джандер начал спускаться в гробницу Страда фон Заровича.

Глава двадцать шестая

Воздух наполнился резкими свистящими звуками, из спрятанных в стене луков вылетели стрелы и вонзились в тело Джандера. Лейль с кинжалами в руках тут же прижалась к стене, а Саша схватился за священный символ.

— Джандер! — крикнул Саша.

Из тела эльфа, как булавки из подушечки, торчал десяток стрел. Джандер совершенно спокойно выдернул их одну за другой. Кровь не потекла, даже ран не было видно.

— Со мной все в порядке, — заверил он священника. — Как я уже говорил, у мертвецов есть свои преимущества.

Лейль слабо улыбнулась и покачала головой. Выдернув стрелы, Джандер пошел дальше. Больше ничего не произошло. Спустившись, он огляделся. Его инфразрение показало ему в углах помещения несколько теплых красных пятен. Не успел он сказать Саше и Лейль, чтобы они остались на месте, как волки поднялись и вышли навстречу незваным посетителям.

Двенадцать огромных зверей приближались с пугающей медлительностью, вздыбив шерсть на загривках и прижав уши. Изо всех углов донеслось низкое рычание, и Саша с Лейль увидели, как блестят острые белые зубы и красные, полные ненависти глаза. Помещение наполнил противный запах мускуса и шерсти.

О, боги, прошептала Лейль, холодея. Серые Певцы Ночи. Она невольно сделала шаг к Саше.

Джандер тихонько выругался. Звери теперь подчинялись только Страду, но эльф должен был попытаться их остановить, прежде чем рубить их мечом на куски. Он послал волкам мысленный приказ. *Тише, мои старые друзья. Мы не желаем вам зла. Вы не хотите нам вреда...*

Волки на напряженных лапах шли вперед, чтобы убивать. Джандер

опустил руку на рукоятку меча. *Нет. Оставьте нас в покое. Приказы вашего хозяина не относятся к нам!*

Одна волчица остановилась, дернула ушами и опустила голову. Эльф отчаянно надеялся, что его воля окажется сильнее власти Страда над волками. Еще один волк растерялся, захныкал и сел. *Уходите. Вы хорошо сторожили. Теперь вам пора уйти...*

Остановился третий волк, за ним четвертый. Один за другим огромные звери отказывались от нападения. Неожиданно первая волчица помчалась по лестнице вверх, и все остальные последовали за ней.

Вампир с облегчением закрыл глаза. Саша и Лейль ошеломленно уставились на него.

— Вот так я когда-то спас жизнь твоему отцу, — сказал эльф Саше, и молодой человек улыбнулся, вспоминая, как ему эту историю рассказывала мать.

— Это радует, — продолжал Джандер. Я думал, что волки подчиняются только Страду. Если я сумел их прогнать, значит, граф не настолько всемогущ, как хочет казаться. — Лейль сделала глубокий дрожащий вдох и заставила себя расслабиться.

Подходя к закрытому гробу, Джандер ожидал новых неприятностей, но больше ничего не произошло. Саша начал раскладывать необходимые предметы: свой священный символ, сосуд со святой водой, несколько специальных благословленных трав.

— Ты думаешь, он здесь? — прошептала Лейль. Джандер покачал головой.

— Нет. — Он осторожно открыл гроб и посмотрел внутрь. Оказалось, что он ошибался.

Страд мирно лежал на атласной обивке, темные глаза закрыты, худое лицо покрыто восковой бледностью, руки сложены на груди. Хозяин Равенлофта казался, как и был, совершенно мертвым.

— Благодарение Повелителю Зари, что еще день, — прошептал священник. Джандер кивнул, раздвигая руки Страда в стороны, чтобы Саша мог поместить заостренный кол над сердцем графа. Священник установил оружие, произнес краткую молитву и поднял молоток.

Теперь ты в наших руках, негодяй, подумал Джандер с внезапной вспышкой самодовольной ненависти.

Белые руки взлетели вверх и схватили Сашу за шею, и граф со звериным ревом сел. Священник уронил кол и молоток и принялся отдиирать судорожно сжатые пальцы Страда от своего горла. Он рванулся назад, но добился только того, что они с графом повалились на пол. Джан-

дер с воплем прыгнул на графа и нанес Страду мощный удар. Хватка графа ослабла, и священник сумел вырваться. Кашляя и задыхаясь, он откатился в сторону.

Джандер изо всех сил прижал графа к полу. Глаза Страда сверкали красным, его острые зубы шелкнули в дюйме от лица Джандера. Лисенка не понадобилось ни о чем просить, она моментально подскочила к ним и изо всех сил вонзила кол в черное сердце Страда. Кол глубоко вошел в плоть, и Страд завизжал от боли. Лейль еще раз ударила молотком, и кол вонзился глубже. На тонкую белую рубашку Страда брызнула кровь. Граф сильно вздрогнул и замер.

Джандер позволил себе без сил упасть на тело врага. Все так быстро закончилось так быстро. Он-то ожидал большего от хитрого хозяина Равенлофта. Странно, подумал Джандер, почему-то я не чувствую себя удовлетворенным.

Кто-то ласково прикоснулся к его плечу.

— Джандер, — прозвучал мягкий голос Лейль, — я думаю, тебе следует на это взглянуть.

Эльф устало поднял голову. Лейль, дрожа от изнеможения, указала на тело графа. Джандер встал и осмотрел тело. На полу лежала фигуристая вампирка с колом в сердце.

— Будь ты проклят, Страд, — прошептал вампир, закрывая глаза и откатывая тело в сторону. — Я должен был понять.

— Иллюзия? — кашлянул Саша, потирая горло, покрытое синяками. Джандер жалобно кивнул.

Саша, уважая молчание товарища, ничего не сказал и занялся освящением гроба. Лейль принялась отрезать голову вампирки от тела.

Умастив атласную подкладку гроба священным маслом, священник прошептал молитву и щедро увлажнил гроб святой водой. Вздохнув, Саша посмотрел на Джандера.

— Я закончил, — сказал он. — Что теперь?

Эльфийский вампир заставил себя встряхнуться.

— Пойдемте искать кусочек солнца.

* * * * *

Следующие несколько часов были одними из самых досадных, напряженных и отчаянных часов в жизни каждого из них. Джандер надеялся, что Саша сможет найти Священный Символ с помощью магии, но эта попытка оказалась бесплодной.

Джандер неохотно сообщил своим товарищам, что остается только обыскивать весь замок.

— Всю эту треклятую громадину? — с недоверием простонала Лейль. Джандер кивнул, и, почти ошеломленные свалившейся на них задачей, они начали поиски.

Из зловещих катакомб они вышли через еще более зловещие подземелья.

— Некоторые из пленников оставили в камерах сокровища, — сказал Джандер. — Мы можем поискать и там.

Эльф вспомнил, как пришел сюда впервые, как услышал жалобный вой и крики. Теперь тут было более-менее тихо. Голодные рабыни Страда были беспощадны к своим жертвам, и в кладовой почти никого не осталось. Эльф открыл камеры ключом, висевшим на колышке у дверей центральной камеры, и они с Лейль быстро, но тщательно осмотрели все казематы. Саша смотрел на них с ужасом.

— Тебя тут ничто не волнует, да? — с отвращением спросил священник.

— Меня тут все волнует, — ответил Джандер, которому было не до обид — он рылся в гнилом сундуке с золотыми монетами. — Особенно в самой дальней камере.

Заинтересовавшись, Саша отпер дальнюю камеру. На куче гниющей соломы свернулся и крепко спал маленький мальчик.

— Не тревожь его, — прошептал Джандер Саше на ухо. — Видят боги, ему нужен отдых от здешних кошмаров.

— Почему ты его не выпустил? — сердито прошептал Саша в ответ.

— Потому что тут хозяин не я, а Страд. Я делаю что могу, когда могу. Конечно, этого недостаточно. Иногда я выпускал пленников, но он просто брал себе новых. — Вампир зарычал. — Мы сможем освободить пленников не раньше, чем убьем хозяина. И все тут. Идем.

— Но...

— Саша, — резко сказала Лейль, — оставь его в покое. Давай сделаем то, для чего сюда пришли, а потом будем спасать мир, ладно?

Саша обернулся к воровке с горячей отповедью на устах, но посмотрел на нее, потом на Джандера, и смолчал. Лисенок была права. Эльфу тоже было больно смотреть на пленников, но он действовал по плану, который давал им возможность одним ударом уничтожить все зло в Баровии. И не было смысла рисковать такой возможностью.

С огорчением взглянув на спящего ребенка, Саша последовал за вампиром. Лейль шла позади, по-прежнему в тревоге. Когда они вошли в камеру пыток, Сашу чуть не вырвало от гнилостной вони, но его проводник-нежить уверенно шел к балкону. Саша уставился на жуткое представ-

ление. Он не мог оторвать глаз от медленно двигающихся зомби, снова и снова разыгрывающих собственную смерть, и усмехающихся скелетов, поглаживающих орудия пыток.

Священник почувствовал мягкий толчок в спину, обернулся и увидел спокойные глаза Лейль.

— Не смотри, — ласково сказала она. — Просто иди дальше. — Ошеломленный и потрясенный Саша последовал ее совету.

Джандер остановился и посмотрел на балкон, выходящий в камеру пыток на высоте десяти футов.

— Обнимите меня за шею, оба. — Озадаченные, они крепко обняли Джандера. — Держитесь, — приказал эльф, нашел равновесие, низко присел и прыгнул вверх на балкон.

В конце концов три товарища пришли в часовню. По пути они осмотрели множество комнат и альковов, но так ничего и не нашли. Дойдя до часовни и мягко отодвинув в сторону стража-скелет, они оглядели помещение с обновленной энергией. Дневной свет за витражными окнами начинал блекнуть, приближались сумерки.

— Конечно, — сказал Саша с надеждой, — священный предмет должен быть в священном месте.

Но и здесь их поиски ничего не дали. К этому времени Саша и Лейль очень устали, и даже у вампира ноги начали подкашиваться. Молодой священник снова заправил и зажег свою лампу, потом, протирая глаза кулаками, прилег на одной из скамей. Лейль залезла в свой мешок, вытащила кусок хлеба и принялась жевать, все время осматриваясь вокруг, как будто ее что-то тревожило.

— Так что нам делать теперь? — спросила она с полным ртом.

Джандер ничего не ответил, огорченный и раздосадованный неудачей. Он еще раз обдумал сложившееся положение. В казематах по-прежнему находятся беспомощные пленники, большинство из них — дети. Яна не отомщена. Страд в конце концов вернется. Дерзкое нападение Джандера на логово вампира-аристократа не принесло ничего, кроме уничтожения нескольких рабынь и саркофагов.

Джандер негромко выругался. Вопрос Лейль все еще звучал у него в ушах: так что нам делать теперь?

Ответа у него не было.

Эльф услышал знакомое мягкое постукивание, говорившее о приближении костистого стража часовни. Пора закрывать церковь? — шутки ради подумал он и, усталый, обескураженный, обернулся к стражу.

И увидел такое, что, мгновенно сосредоточившись, вскочил на ноги.

Вампир смотрел на этот меланхоличный скелет тысячу раз. Он мог, наверно, подробнейшим образом описать эту ходячую грудку костей. Но на самом деле Джандер только сейчас УВИДЕЛ то, что десятилетиями находилось рядом с ним. На плечах стража болтались обрывки официального одеяния, пояс давно уже потерялся. Но рваные кожаные сапоги, замедлявшие движения скелета, еще не упали с его ног. На шейной кости уже сотни лет висел медальон.

Он был сделан из платины, в форме солнца, с кристаллом кварца в середине. Медальон покачивался при движениях скелета, глухо постукивая о ребра и поблескивая в свете факелов. Джандер вдруг вспомнил обложку книги из библиотеки графа с тиснением такой же формы. Его мысли метнулись к расшифрованной надписи под фреской: КОРОЛЬ ГОБЛИНОВ БЕЖИТ ПЕРЕД СИЛОЙ СВЯЩЕННОГО СИМВОЛА ВОРОНОВА РОДА. Все вставало на свои места — ядовитое замечание Страда в дневнике насчет того, что Сергей собирается стать священником: *...клирики позволили ему носить жреческий медальон, довольно симпатичную безделушку, которая приводит его в восторг — возможно, в чересчур большой восторг*; обезглавленную статую в Зале Героев с этим же медальоном, вырезанном на каменной груди; портрет трех братьев, младший из которых носил этот медальон; крик Страда, склонившегося над убитым братом: *Ты должен был стать священником*.

— У того, кто крепче всех любил, каменное сердце, — тихо сказал Джандер. Истина засияла перед ним, словно солнечный свет: кварц в медальоне — кусочек солнца, а стоящий перед ним скелет — все, что осталось от благородного, любящего Сергея.

— Джандер? — неуверенно окликнул Саша.

Эльф очнулся от летаргии. С воплем он кинулся на скелет, голыми руками разорвал его на куски и принялся расшвыривать кости по полу, как сумасшедший. Ребра застучали по камням. Кости рук улетели в угол. Череп подпрыгнул и раскололся.

Яростным нападением на скелет Джандер освободил пленную душу. У них с Сергеем было нечто общее: вампир не мог не любить того, кто так глубоко любил Татьяну, Яну. Ярость схлынула, и эльф уставился на разбросанные по полу кости. Он знал, что теперь статуя младшего фон Заровича в Зале Героев стала просто камнем, и больше ничем.

Сергей наконец обрел покой, и в наследство он оставил Джандеру то, что тот искал — возможность отомстить Страду, твари, уничтожившей женщину, которую они с Сергеем любили.

— Вот, — отрывисто сказал Джандер, указывая дрожащим пальцем

на мерцающий медальон на полу. — Это он. Это кусочек солнца.

Саша изумленно протянул дрожащую руку и взял медальон. Украшение удобно лежало в руке священника, холодный металл нагревался от прикосновения. Лейль заглянула священнику через плечо и увидела, как он проводит пальцами по вырезанным в платине рунам. Саша узнал некоторые из них: Правда. Сочувствие. Прощение. Справедливость. Свет... Казалось, что Священный Символ Воронова Рода действительно содержит кусочек солнца. Саше еще не приходилось видеть такой прекрасной вещи.

— Парень, за него можно выручить хорошие денюжки, — заметила Лейль, но и в ее голосе звучало благоговение. Саша слегка улыбнулся и посмотрел на вампира сияющими от слез глазами. Он знал, как эльф любит красоту, и ему вдруг захотелось разделить великолепие Священного Символа с измученной душой вампира.

— О, Джандер, потрогай его. Тебе обязательно надо его потрогать.

Джандер тоже был очарован чудесной вещью. Не в силах отказать, он вытянул свою изящную, затянутую в перчатку руку, чтобы прикоснуться к артефакту, но тотчас же отдернул ее, почерневшую и дымящуюся, и прижал к груди. С его губ сорвался стон.

— О, Джандер, прости меня, прости! Я только хотел, чтобы ты тоже наслаждался его красотой, — покаянно сказал Саша.

— Все в порядке, — сумел выдать из себя Джандер. — Должно быть, таким, как я, его трогать и не положено. — Он попытался улыбнуться, но из-за боли вместо улыбки получилась гримаса. — Теперь, Саша, ты понимаешь, почему я хотел, чтобы ты пошел со мной. Если от одного прикосновения к нему мне мало не показалось, то подумай, что будет, когда ты призовешь его силу и отправишь ее на Страда.

— Каменное сердце, — выдохнул Саша, не отводя глаз от медальона. — Совсем как Марушка сказала.

Джандер поднял голову.

— Марушка?

Саша кивнул, слишком завороченный медальоном, чтобы заметить, какое напряжение прозвучало в мелодичном голосе Джандера. Но Лейль уставилась на вампира прищуренными глазами.

— Когда мы с Лейль ездили к вистани, чтобы погадать, — объяснил Саша. — Это она дала нам все ключи.

— Когда вы к ним ездили?

Саша посмотрел на Джандера и встревожился, увидев страх в его серебряных глазах.

— Через несколько дней после того, как ты попросил меня тебе помочь. А что не так? Я знаю, что цыгане часто обманывают, но она...

Джандер вскочил на ноги, оглядывая часовню.

— Идемте, — велел он. — Нам надо выбираться отсюда. — Лейль не понадобилось дальнейших уговоров, она сразу вскочила на ноги и собралась уходить. Значит, она не напрасно беспокоилась. Что-то тут не так.

— В чем дело?

— Саша, ты дурак! — крикнул Джандер. — Цыгане — шпионы Страда! Если ты ездил к Марушке, и она дала тебе все ключи, то она знает, что мы здесь. А это значит...

— Страд знает, что мы здесь, — закончила Лейль, и на ее остром лице проступил ужас.

Даже в мерцающем оранжевом свете факела Джандер увидел, как от лица Саши отлила кровь.

Факел и масляная лампа внезапно погасли. Из ниоткуда пришел порыв холодного воздуха и пронесся по часовне, чуть не сбив трех товарищей с ног. Инфразвение не показывало Джандеру ничего, чего не видели бы Саша или Лейль, но эльф почувствовал, что в этом некогда святом месте есть кто-то еще. Низкий, довольный смех перешел в визг, полный зловещего веселья, а к нему вторым голосом подстроился глубокий вой ветра. В качестве аккомпанемента зазвучал зов волчьей стаи, от которого волосы вставали дыбом.

— Слишком поздно, — прозвучал бархатный голос Страда.

Глава двадцать седьмая

Волки пришли так же, как двадцать пять лет назад в поселке, целенаправленно и смертоносно. Они впрыгнули в часовню Замка Равенлофт из коридора, из альковов и из двери, ведущей в сад. Некоторые даже пролетели сквозь витражные окна, не обращая внимания на разбитую радугу. Джандер попытался отправить зверей прочь мысленным приказом.

Но его приказ не подействовал. Эльф даже не мог дотронуться до волчьих разумов.

— Ты уже унижал меня этим трюком, — прозвучал голос Страда с оттенком удовлетворения. — Тебе это больше не удастся.

Саша опомнился первым. Он обвел себя и Лейль кругом святой воды и запел заклинание ясным и четким голосом, хотя и звенящим от страха. Волки подошли ближе, но перед освященным кругом встали, как вкопанные, и зарычали от досады.

Джандер понял, где находится Страд. Властелин Баровии сидел на одном из тронов, стоявших на балконе в пятидесяти футов над ними — темная фигура с бледным неясным пятном вместо лица. Джандер увидел, как граф встает и подходит к краю балкона.

Больше всего на свете в этот момент эльфу хотелось вскочить и кинуться на своего врага. Но Джандер знал, что если он хотя бы пошевелится, то граф его моментально уничтожит. Вот что бывает с учителями, которых превосходят ученики. Но за пятьсот лет нежизни Джандер научился терпению. Он приказал себе не двигаться и ждать, пока Страд обратит на него внимание. Поймав взгляд графа, эльф медленно улыбнулся и расплылся туманом, немедленно истончившимся до невидимости.

В туманном облике у Джандера не было физических органов, но он мог «слышать» и «видеть» происходящее. Озадаченный и разгневанный граф кинулся к краю балкона.

— Джандер! Ты от меня так просто не уйдешь! — взревел Страд,

оглядываясь вокруг пылающими от бешенства глазами. Неожиданно он замолчал и успокоился, обернувшись к Саше и Лейль, которые стояли под защитой освященного круга. У самого круга переступали, порывкая, растерянные и расстроенные волки.

— Саша Петрович, жрец Латандера, — сказал граф ровным, почти дружелюбным тоном. — Ты действительно храбрый священник, раз пришел в логово вампира. Ты даже еще храбрее, раз подружился с вампиром. Но все твои усилия бесполезны! Ты со своей подружкой-воровкой умрешь напрасной смертью. Джандер вас бросил. Вы видите, как он ведет себя при первых признаках тревоги.

Саша не хотел верить словам графа, но происходящее их подтверждало. Священник сжал в одной руке Священный Символ Воронова Рода, а второй прижал к себе Лейль, дрожащую при виде Серых Певцов.

— Правда это или нет, — сказал он голосом юным, ясным и отчетливым, — ты по-прежнему мой враг, граф Страд. Я мщу за убийство моей семьи! — Он собрался обратить силу медальона против Страда, но вампир исчез.

Сбитый с толку, Саша заколебался. Через мгновение Страд внезапно материализовался прямо у защитного круга. Он победно улыбался, крепко держа в холодных руках перепуганную молодую женщину.

Саша издал ужасный захлебывающийся звук. Оленьи глаза женщины были полны страха.

— Катя! — в ужасе прошептал священник.

Туман, висевший в нескольких ярдах, испытал такой же ужас. *Катя?* Сашиной невестой оказалась Трина, оборотница, шпионка Страда! Джандер чуть не материализовался, чтобы предупредить Сашу, но вовремя остановился. В этой игре может победить только терпение, и ничего, кроме терпения. Но, милые боги, как же тяжело просто висеть в воздухе и смотреть, как Страд играет с друзьями Джандера, словно с фишками на доске «Ястребов и Зайцев»...

Саша замер, как вкопанный, с невыразимой болью на лице. Раньше он стоял прямо, уверенный в своей правоте и во всемогуществе своего бога. Теперь он ссутулился, побежденный без сражения.

— Не причиняй ей зла, — прошептал он. — Пожалуйста, делай со мной что угодно, только не причиняй ей зла.

— Все в твоих руках, Саша Петрович. Брось амулет на пол, — промурлыкал Страд, — и она будет жить. Попытайся прибегнуть к силе амулета, и она немедленно умрет. — Повелитель вампиров чувственным движением отвел темные волосы Катрины с ее шеи, обнажил клыки и

склонился к бьющейся жилке... ближе... ближе...

— Саша, не надо, он убьет нас всех, — начала Лейль. Страд замер, глядя ей в глаза своими пылающими глазами.

— Молчи, воровка, — приказал вампир. Лейль придержала язык, почувствовав вдруг, что доверяет графу. Она не могла отвести глаз от лица вампира и чувствовала, как под этим алым взглядом исчезает ее собственная воля.

— Хорошо, — сказал Саша прерывистым голосом. — Во имя милосердия, оставь ее в покое. Она никогда никому не сделала ничего плохого.

Горькая зловещая ирония этих слов ударила Джандера. Терпение, напомнил он себе.

Священный Символ Воронова Рода выпал из онемевших пальцев Саши на каменный пол.

— Очень хорошо, Саша. Я действительно рад, что ты ведешь себя разумно. Теперь, пожалуйста, выбрось его из круга, — приказал Страд. Священник, оцепеневший от горя, не шевелился. Вампир резко дернул Катрину за руку. Играя свою роль до конца, Катрина вскрикнула — впрочем, возможно, Страд действительно причинил ей боль. Очнувшись, Саша торопливо выбросил прекрасный амулет ногой из круга. Священный Символ со скрипом скользнул по каменному полу.

— Большое спасибо. За все, правда. Видишь ли, я позволил тебе найти эту безделушку, потому что сам хотел узнать, где она. Если амулет у меня, мне не следует его бояться, верно?

«Зрение» Джандера начало меркнуть. Он еще никогда так долго не был так долго в газовой форме. Обычно он пользовался ею на краткий миг — чтобы ускользнуть от преследователей или пробраться под дверь. Эльф не знал, сколько еще он может ждать. Он позволил себе подобраться поближе к месту действия.

— Я знал о знаменитом Священном Символе Воронова Рода, — продолжал Страд, — но я не знал, что именно *представляет собой* эта треклятая штука. Высочайший Жрец Кир не успел передать ее тайну Сергею. Должен признаться, я и представить себе не мог, что медальон моего дорогого брата и есть великий Священный Символ. Я переоценил жрецов. Я считал, что они будут его охранять гораздо тщательнее. Но благодаря вам, мои дорогие друзья, — Страд насмешливо поклонился Лейль и Саше, — теперь эта безделушка у меня. Подними ее, моя дорогая, — велел он Катрине.

Катрина немедленно сбросила маску, и от ее испуга и беспомощности и следа не осталось. Она весело рассмеялась, обняла Страда и поцеловала

в щеку.

— О, ты такой *умный!*

Словно ребенок, собирающий цветы, она подбежала к брошенному на пол Священному Символу и жадно схватила его. Саша уставился на нее. Его разум только-только немного оттаял, и вот на него обрушился новый ужас.

— Катя, нет!

Она улыбнулась ему с жестокой насмешкой.

— Наконец-то ты что-то понял, мой милый. О, как легко, *легко* было тебя одурачить!

Саша опомнился от потрясения, и его вистанийская кровь закипела от гнева. Его черные брови сошлись на переносице, и в глазах начала собираться буря, которая сделала бы честь и чистокровному цыгану. С рычанием он схватился за розовый деревянный кружок — священный символ Латандера.

— Глупый священник! — прорычал граф. — Ты осмеливаешься угрожать мне в моем собственном доме! Просто так, ради собственной прихоти, ты хочешь уничтожить эту землю?

Внезапно у ног Саши и Лейль раздался шипящий звук. Святая вода испарялась с пола, поднимаясь в воздух маленькими клубами пара. Кружок в руке у Саши вспыхнул, и священник вскрикнул от боли. Шестеро волков взволнованно запрыгали.

— Нет, сидите и сторожите, — вслух приказал им Страд. — Позаботьтесь, чтобы священник видел, что произойдет с его подругой. По крайней мере, какое-то время.

Вампир повернулся к Катрине.

— Возьми его, когда будешь готова, — велел он ей. Катрина посмотрела на Сашу, и на ее хорошеньком жестком лице медленно появилась усмешка.

— Иди сюда, Саша, любовь моя. Поцелуй меня. Разве ты не хочешь меня поцеловать? — Катрина запрокинула голову, и из ее глотки вырвался нечеловеческий вой. Кожа пошла рябью и начала покрываться густой шерстью.

— Катя! — Саша не верил своим глазам. Рот и нос Катрины вытянулись в гротескной пародии на волчью морду, на лице пробилась серая шерсть.

Лейль ничего не делала. Она стояла неподвижно и смотрела на вампира.

— Иди сюда, моя дорогая, — пригласил Страд своим бархатным голосом. — Иди ко мне.

Лисенок медленно пошла к Страду.

— Поскольку ты виновата в смерти моих рабынь, будет только справедливо, если ты станешь моей первой новой рабыней, верно?

— Нет! — крикнул Саша, на мгновение забыв о Катрине, облизовавшейся в нескольких футах от него. — Отпусти ее! — Катрина перестала облизываться и обернулась к Страду.

— Что? — спросила она с низким рычанием. — Ты сделаешь *ее* вампиром?

— Думаю, да, — рассеянно ответил Страд, проводя тонким пальцем по подбородку Лейль. — Я не думаю, что Джандер Солнечная Звезда действительно ушел. Этот дурак слишком благороден, чтобы бежать отсюда. Ему будет больно знать, что я сделал с этим ребенком. И священнику тоже будет больно на это смотреть. Кроме того, я думаю, что мне с ней будет интересно.

— *Ты этого не сделаешь!* — зарычала оборотница, разворачиваясь к Страду. Руки у нее оставались человеческими и не выпускали Священный Символ Воронова Рода.

Страд удивленно посмотрел на нее, но не пошевелился. Пока не пошевелился.

Катрина крепко держала Священный Символ.

— Это все ты виноват, знаешь ли, — прорычала она. — Ты находил себе все новых и новых женщин, а мной пренебрегал. Ты еще удивлялся, как это они гибнут в таких количествах. Я заставляла их поодиночке, я в волчьем облике приводила их к Саше, а он убивал их для меня. И теперь ты ему говоришь, что собираешься сделать *ее* вампиром и все начать заново? Нет! И слышать не желаю!

— Катрина, моя дорогая, — воскликнул Страд, отворачиваясь от Лейль, — ты же не думаешь, что это жалкое создание может сравниться с тобой в моих глазах! Она — мимолетное развлечение и способ отомстить, только и всего. Если тебя это так беспокоит, я ее просто убью.

— Давай, — потребовала оборотница, из ее человеческих глаз по пушистым щекам текли слезы горькой ревности. Она чуть-чуть опустила руку со Священным Символом и слегка расслабилась.

— Нет! — крикнул Саша.

Пора, подумал Джандер.

Из волчьей стаи неожиданно выпрыгнул гладкий золотисто-коричневый волк и схватил медальон зубами. Быстрее, чем когда-либо раньше, вам-

пир принял эльфийский облик, крепко сжимая в руке Священный Символ Воронова Рода. Амулет обжигал его, как и раньше, зловещей насмешливой болью. Запахло обожженной плотью. Джандер не обратил на это внимания.

Произошло сразу множество событий.

Разгневанная Катрина поддалась превращению и окончательно приняла волчий облик. Крупная серо-бурая волчица прыгнула прямо на Лейль и сбила ее с ног, но Лисенок ухитрилась дотянуться до кинжала, который ей дал Джандер. Защищая горло левой рукой, она ударила волчицу серебряным кинжалом Ба'ал Верзи. Клинок глубоко вошел в плечо Катрины.

Оборотница взвыла и забилась от боли, щелкая зубами, и вцепилась в руку Лейль. Воровка вскрикнула и выронила кинжал. Лисенку еще никогда не было так больно. Женщина-волчица, с которой она сражалась, казалось, была со всех сторон сразу. Когти расцарапали ей лицо. Мех не давал дышать. Острые зубы кусали и рвали чувствительную плоть.

Лисенок знала, что вот-вот умрет.

Но она не сдавалась и, словно зверь, принялась из последних сил сражаться с ужасной тварью зубами и ногтями. Она дралась не за собственную жизнь, а за Сашину.

Задние лапы разорвали Лейль живот, хлынула кровь, и Лисенок закричала от невыносимой боли. Вонючее волчье дыхание обожгло ей лицо. Ее зрение затуманилось.

Саша быстро и умело разобрался с остальными волками. Он схватил масляную лампу и с молитвой бросил ее в животных, тлеющий фитиль вспыхнул, и масло с громким хлопком взорвалось. Пламя осветило сцену, разогнав тьму по углам, как крыс. Двое волков попали прямо в огонь и с воем убежали, еще двое обожглись и тоже бросились прочь. Двое оставшихся прыгнули на Сашу. Священник схватил молоток, которым он вгонял колья в сердца вампиров, и удачным ударом разбил череп одному из зверей. Последний волк решил, что с него хватит, и тоже бежал с поля боя.

Словно карающий ангел, молодой священник бросился на выручку к Лейль. Его красивое тонкое лицо искажил праведный гнев. Зрение Лейль почти угасло, но она услышала, как Саша что-то крикнул, и увидела, как он ударил Катю сзади каким-то блестящим предметом.

Оборотница взвыла и бросилась прочь, ее левая задняя нога дымила, обожженная чистым серебром одного из Сашиных священных талисманов. Пронзительный вой, казалось, не затихал целую вечность.

Лейль успела увидеть любимое лицо священника, полное тревоги и заботы, и потеряла сознание.

Тем временем Джандер наконец оказался лицом к лицу со своим врагом. Несмотря на боль, он был полон жаркого, жестокого наслаждения. Эльф поднял Священный Символ Воронова Рода, готовый ткнуть им Страда в лицо.

— Дурак! Ты не можешь обратить его силу против меня!

— Да ну? Я поклонялся Латандеру, Страд! *Латандеру Повелителю Зари!* А это — Джандер качнул медальон, — кусочек солнца.

Что-то вроде страха мелькнуло на остром лице Страда. Гримаса ярости смягчилась и превратилась в ласковую улыбку.

— Что ты собираешься сделать, друг мой? — спросил вампир медово-сладким голосом. — Ты ведь и сам погибнешь. Посмотри на свою руку!

Волшебный голос действовал усыпляюще, но Джандер не поддавался. Добела раскаленная ненависть пылала у него в груди.

— Ты не знаешь всей истории, — прошипел он. — Прежде чем мы умрем, давай я тебе расскажу про Яну.

— Да, да, я помню — та бедная безумная девушка, чьего мучителя ты пришел сюда... Страд замолчал. — Ты думаешь, что это я причинил ей зло?

— Я знаю, что это был ты. Ее звали не Яна. Ты уничтожил ее разум, и она больше ничего не могла выговорить. Это был лишь осколок ее настоящего имени, как и сама она была лишь осколком настоящей себя — *Татьяны*.

Бледное лицо графа исказилось.

— Нет, — с болью прошептал он. — Ты лжешь, эльф. Она упала в туман...

— О да, она упала в туман, — продолжал Джандер, медленно приближаясь к Страду. Боль в руке становилась все сильнее, все труднее было ее терпеть. — По крайней мере, частично. Но не полностью. Часть ее души так хотела освободиться, что ей это удалось, и она оказалась в моем мире, но сошла с ума от ужаса. От ужаса, который на нее обрушил ты!

— Нет! Я любил ее! Я только хотел...

— Ты ее уничтожил, негодяй. Когда я ее нашел, от нее оставалась только оболочка. И все же ее разрушенная душа так сияла сквозь эту оболочку, что я полюбил ее. — Предательские слезы навернулись на глаза, затуманивая зрение. Джандер сердито сморгнул их. — Я ничего не имею против ее любви к Сергею. С ним она была счастлива, с ним она

была *одним целым*. А ты ее уничтожил. Так будь ты проклят за это! — загремел во всей часовне его полный ненависти голос.

— Джандер... ты *умрешь* ради этого? — спросил потрясенный Страд.

Эльф ответил действиями. Он мысленно прочел молитву Латандеру, богу утра, врагу вампиров. Мне больше ничего не надо, подумал он. Отправь меня в какую угодно преисподнюю, но позволь мне совершить этот последний добрый поступок.

К этому времени от руки Джандера остались только обгорелые кости, но Священный Символ Воронова Рода он удержал и, подняв его, обратил к Страду.

Эльф-вампир почувствовал, как внутри него растет сила, словно в сосуде. Она сотрясла его тело, чуть не разорвав сердце, и через руку прошла в платиновый медальон. Кристалл внезапно засиял, и боль заставила Джандера вскрикнуть. Луч сверкающего золотого света ударил Страда прямо в грудь.

Вампир завизжал от невыносимой боли. Он выгнулся, его лицо исказилось, тело напряглось. Джандер смотрел на него, полный злой, обжигающей радости. Еще никогда он не наслаждался чужими страданиями, но сейчас от жестокого удовлетворения даже забыл о боли в руке.

Под священным солнечным светом элегантная одежда Страда начала дымиться и вспыхнула. Сияние продолжало обжигать вампира, его белая плоть покрылась волдырями и почернела. Граф пошатнулся, застонал от боли, потерял равновесие и рухнул на пол между скамьями.

На мгновение свет из Священного Символа перестал падать на Страда. Джандер быстро передвинулся, изменив направление луча. Но повелителю Баровии этого мгновения хватило. Прежде чем свет снова настиг его, граф выпалил заклинание и, к ужасу Джандера, посмотрел на эльфа-вампира со злобной триумфальной усмешкой, к которой примешивалась боль.

Страд исчез.

— *Нем!* — завопил Джандер. Почти у цели. Он был почти у цели. Ноги у него подкосились, и он рухнул на землю.

Глава двадцать восьмая

Джандер открыл глаза. Он по-прежнему лежал в часовне, совершенно обессиленный. Вампир попытался встать, но ему удалось только чуть-чуть пошевелить рукой. Он тихонько закричал от усилия.

И к нему сразу же кто-то подошел.

— Добро пожаловать обратно, — тихо сказал Саша. — А я уже начал думать, что мы тебя потеряли.

Эльф не ответил. Он предложил Латандеру свое существование в обмен на право призвать силу Священного Символа, и Латандер принял его предложение. Джандер знал, что умирает.

Это была горькая, неудовлетворенная смерть. Джандер чувствовал себя обманутым. *Если тебе суждено добиться справедливости, то поможут тебе солнце и дети.* Лже-Провидица! — выругался он. Он поставил на кон все, а Страд по-прежнему существовал, раненый, но не уничтоженный.

Он лежал лицом вниз на каменном полу. В часовне стоял полумрак. Где-то там, за горизонтом, приближался рассвет. Джандер чувствовал, как его силы по каплям уходят в темное сердце камней Равенлофта.

— Что... — у него не было сил договорить, но Саша по глазам понял, что хочет узнать эльфа.

— Страд исчез. По-моему, он в последний момент сумел произнести заклинание. Лейль, ну, ее сильно ранили, но я уже ее почти исцелил. Ты пролежал без сознания почти всю ночь. Я провел вокруг нас защитный круг и остался на страже. — Саша слегка улыбнулся. — Благодарение богам за еду, которую принесла с собой Лейль. Я всю ночь жевал и теперь чувствую себя намного лучше.

— Ты просидел здесь всю ночь?

— Да. Я не знаю, что там снаружи, и я не хотел оставлять Лейль, пока она не встанет на ноги. Мы бы были слишком беззащитны.

Джандер попытался собрать рассеянные мысли. Силы начали возвращаться к нему, и он уже мог говорить.

— Думаю, что днем вам ничто не угрожает. Страд ранен, хоть и не уничтожен. — В голосе эльфа невольно прозвучала горечь. — Лейль... Ее покусали. Прежде чем уйти из замка, зайдите в кабинет Страда. Возьмите с собой все, что хотите, но обязательно найдите книгу, в которой написано, как вылечить Лейль.

— Вылечить? Джандер, с ней все в порядке.

— Нет. Ее покусал оборотень, и в следующее полнолуние она обернется.

Саша похолодел. Он вспомнил, что чудовищная болезнь крайне заразна, и теперь ей заразилась Лисенок. Неожиданно Саша почувствовал, что ему трудно дышать. Что он будет делать, если Лейль, милая, храбрая, упрямая Лейль умрет? Неравнодушие к девушке удивило его — и согрело.

— Я пошел за книгой, — сказал он, вскакивая на ноги.

Джандер тихо вздохнул и здоровой рукой схватил священника за рукав.

— Саша, не уходи. Подожди. Я могу не дожждаться.

Священник опустил на колени рядом с павшим товарищем и сказал:

— Нет, Джандер, с тобой тоже все будет в порядке. Раз ты не умер ночью, я думаю, это хороший знак. Мы... ну... найдем тебе что-нибудь поесть. — Он смущенно замолчал, отчаянно желая чем-то помочь. Оглянувшись, Саша увидел, что Джандер лежит прямо под окном, в котором один из волков ночью выбил стекло. Небо уже серело, день приближался.

Священник подвел руки под плечи Джандера и попытался оттащить эльфа от окна. Вампир резко вскрикнул.

— Джандер, извини, я не хотел причинить тебе боль, я просто пытался оттащить тебя подальше от солнечного света.

Джандер покачал головой. Голова у него шла кругом, но смятенные мысли почему-то порождали какой-то неясный покой.

— Подожди.

Действительно ли ему не удалось выполнить обещание, данное Яне? Слабый, избавленный от пылающего желания мести, эльф тщательно обдумал свои «сны». Они приносили с собой и боль, и радость, но неожиданно он почувствовал в них ложь.

Джандер вспомнил все, что знал о характере Татьяны. Она отдала свои украшения бедняку. Она полюбила не блестящего героя-военного, а доброго священника. Даже в Уотердипе, будучи лишь осколком лич-

ности, она отказывала себе в пище, отдавая еду другим пациенткам. Неужели такая ясная душа стала бы побуждать Джандера к мести? Наказывать его кошмарами за колебания?

Нет. Эльф вдруг отчетливо понял, что если бы душа Яны действительно приходила к нему во сне, она убеждала бы его простить Страда. В конце концов, она уже простила Джандера за то, что он забрал ее жизнь. Яна на жестокость отвечала нежностью. Это было основой ее душевной красоты.

Тогда откуда же приходили сны? Они были слишком реальными, чтобы возникнуть из его собственного воображения. Эльф почувствовал, что теряет сознание, и усилием воли вернул его назад. Он улыбнулся сам себе.

Наконец-то он разглядел ужасную, зловещую, тщательно выстроенную красоту всех этих событий — красоту паутины. Сама эта земля, или темные силы, создавшие ее, пытались поймать его в ловушку. Они заманивали его в ловушку с той ужасной резни в Уотердипе, о которой он часто жалел. Баровия давала ему силы, разжигала в его душе мстительное пламя каждый раз, когда оно собиралось потухнуть. Она обновляла в его душе боль и тоску по свету. Она кормила его дурной пищей, и его ненависть процветала.

Эта земля никогда не позволит Джандеру уничтожить Страда. Она перенесла его сюда в качестве товарища по играм для своего любимого темного дитяти, и ни для чего больше. За эти годы Страд очень многому научился у Джандера, а земля весело пировала на отчаянии эльфа-вампира. Идеальное решение. Им все время управляли, предоставляя то крохотную победу, то ложное удовлетворение.

Темные силы не хотели уничтожить Джандера. Они предпочитали, чтобы он по-прежнему существовал, мечтал о мести, вечно тонул в боли своих потерь. Сашу они бы с удовольствием уничтожили или развратили слишком большой любовью к охоте на нежить. Что до бедной, измученной Татьяны, то Джандер в любом случае не в силах был бы даровать покой ее душе. Она будет возвращаться, столетие за столетием, ради развлечения этой земли.

Нет, темные силы хотели сохранить могущественных вампиров. Эльф уже чувствовал, как его тело наполняет новая сила, и как его тянет укрыться от беспощадных лучей солнца. Сашина забота играла прямо на руки демонической сущности этого места. Но Джандер все понял и знал, как превратить ожидавшее его опустошение в некое подобие победы. *Помогут тебе солнце и дети*, предсказала Марушка. Нет, она

все-таки была истинной Провидицей.

— Нет, — с твердой лаской сказал Джандер ребенку, зачтому в ту ночь, когда он появился в Баровии. — Дай мне увидеть солнце.

— Тебе нельзя! Ты умрешь...

— Саша, ну что ты говоришь! — тихо засмеялся Джандер, глядя взволнованному Саше в лицо. — Я уже мертв. Я никогда не смогу уничтожить Страда. Мы были бы обречены враждовать столетиями, и эта вражда развратила бы меня и ожесточила, заставляя вечно стремиться к недостижимой победе.

— Ты просто решил сдаться?

Джандер покачал головой.

— Нет. Я выбираю эту смерть по собственной воле. — Он посмотрел на сереющее небо. — Быстро. Слушай меня. Когда меня не станет, не оставляй нашего дела. Но ради собственной души и ради тех, кого ты любишь, не гонись за удовлетворением личных амбиций. Уничтожь Страда, если сможешь, чтобы даровать ему покой и спасти бесчисленное множество людей от его ужасной судьбы. Не уничтожай его ради мести.

— Но...

— Берегись самой земли. Она будет стремиться развратить тебя с помощью твоих же добродетелей. Будь уверен в себе, друг мой. А сейчас, — продолжал Джандер, — когда со мной будет покончено и настанет день, спустись в подземелье и освободи тех несчастных, что заперты там. Затем вам с Лейль надо будет скрыться.

Саша покачал головой.

— В поселке есть люди, верующие в Повелителя Зари.

— Он по-прежнему будет там, как и был всегда. Верующие найдут свой собственный путь к его свету. Вы с Лейль представляете собой угрозу для Страда. Он постарается уничтожить вас обоих, как только поправится. Я не знаю, сколько времени ему понадобится, но в конце концов он выздоровеет и придет за вами. Обязательно. — Джандер закрыл глаза.

Несколько секунд они молча сидели вместе, голова Джандера покоилась на коленях у Саши. Священник обнаружил, что, сам того не замечая, гладит золотые волосы. Это несправедливо, подумал он. Джандер этого не просил. В сердце своем эльф остался созданием света, может быть даже больше, чем Саша или Лейль. Он не заслужил такой смерти — сгореть дотла под лучами солнца.

— Нет! — выпалил Саша с горячностью, неожиданной для него самого. — Ты *не* умрешь! Джандер, не надо. — Он с удивлением понял,

что перед глазами у него почему-то все расплывается, а по лицу течет что-то теплое и влажное. Джандер с изумлением поднял руку, коснулся слезинки и растер ее между большим и указательным пальцами.

— Знаешь, сколько лет прошло с тех пор, как кто-то плакал из-за меня? — тихо сказал он, тоже взволнованный. Как ни жестока и коварна была Баровия, она много дала Джандеру. Ему будет хорошо умирать. Не с колом в сердце, не захлебнувшись в воде и не сгорев в огне, который насмешливо отражает предстоящий ад. Еще раз увидеть солнце, почувствовать его лучи, теплые и любящие, прежде чем начнется боль — хорошая смерть. Джандер вспомнил слова Лирии: «Лучше умереть от руки друга». Теперь он их понял до конца. На свете не было друзей лучше, чем этот храбрый, порывистый юноша-полуцыган и само великолепное солнце.

— Не оплакивай мою смерть. Я мечтал о ней столетиями. Но побудь здесь, со мной, пока я... Ты побудешь со мной, Саша?

Священник хрипло ответил:

— Я тебя не оставлю.

Джандер улыбнулся и расслабился.

— Помоги мне сесть, — попросил он. Саша приподнял его и подержал. Эльф слабыми пальцами потянулся к поясу, вытащил флейту, с огромным усилием поднес ее к губам, вдохнул и заиграл приветственную утреннюю песнь.

Его больше не волновало, что сделает с ним солнечный свет. Он только знал, что наконец избавится от того жалкого существования, которое вел более пятисот лет. Наконец настанет конец тьме и нежизни, питавшейся жизнью. Чем бы он ни стал — пеплом, обожженной плотью или чем-то совершенно неожиданным и, возможно, даже чудесным — он больше не будет созданием тьмы.

Его музыка лилась, как вода. Небо светлело. Эльф сумел разглядеть мрачную ложь баровийской земли. Он, считавшийся темной тварью, обратил силу Священного Символа против другого вампира. Может быть, в эту кошмарную страну пришла сила Повелителя Зари. Может быть, рассвет не просто окончит неестественное существование Джандера, а даст ему новую, настоящую жизнь.

С мелодией, ясной, как само утро, Джандер нетерпеливо смотрел на светлеющий горизонт и ждал чуда. Солнце поднялось над горизонтом, и его свет упал на Джандера, как благословение. Эльф закрыл глаза и с наслаждением подставил лицо солнечным лучам.

Эпилог

Вдали от замка Равенлофт, высоко в горах, гладкая серо-бурая волчица вошла в потайную пещеру. Хромая, зверь шел через подземный лабиринт, пока не добрался до гроба, заранее спрятанного там хитрым вампиром на всякий случай. Плечо волчицы онемело от кинжальной раны, а на задней ноге у нее навсегда осталось клеймо, выжженное серебром.

Она принялась к гробу, слегка помахала хвостом, но хвост тотчас разочарованно повис. Сегодня хозяин не проснется. Она вскочила на крышку ящика из красного дерева, зевнула, обернулась вокруг себя дважды, свернулась и уснула. Конечно, проснувшись, он ее простит. А когда он проснется, и голод будет разрывать ему внутренности, Катрина будет ждать его с жертвой наготове, чтобы он мог утолить свою жажду. Через несколько минут волчица уже спала, ровно дыша.

Раненый вампир покоился в гробу.

Страд был ранен — опасно ранен. Солнечный свет его почти убил. Он испытывал мучительную, жгучую боль, и ему нужно было отдыхать много недель, возможно месяцев, возможно даже лет. Но что такое время для вампира?

Джандер его почти уничтожил, но он сумел у Джандера многому научиться. У него были новые знания и новые навыки, и теперь он знал, кто его самый опасный враг.

Он снова встретится с Сашей Петровичем, и на этот раз мальчишке не удастся одержать победу.

А его Татьяна? Ее душа получила передышку, но девушка по-своему так же привязана к Равенлофту, как и Страд. Как он обречен любить ее всю вечность, так и она обречена возвращаться к нему, под разными именами, но с тем же прекрасным лицом и разбитой душой.

Он увидит ее снова. И однажды она его полюбит. Страд фон Зарович твердо решил этого добиться, а он обладал достаточным терпением и

могуществом, чтобы в Баровии по его воле сбылось почти все, что угодно. В конце концов, он был властелином этой земли.

Вампир отдыхал и видел сны, а над Равенлофтом занимался день.